РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5

Орёл
2017

РУССКОЕ ПОЛЕ

РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2017
№5

выходит два раза в год

ГОД ЮБИЛЕЯ ОРЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Главный редактор **Леонард Золотарёв,**
Владимир Коротеев,
Валерий Анишкин,
Игорь Золотарёв,
Зоя Тарабрина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
Гусев Владимир Иванович –
доктор филологических наук, профессор (Москва),
Криволапов Владимир Николаевич –
доктор филологических наук, профессор (Курск),
Коротеев Владимир Ильич –
специалист сельского хозяйства
Орловской области,
Грачёв Иван Александрович –
Глава Мценского района,
Логвинов Владимир Николаевич –
председатель Орловского районного
Совета народных депутатов,
Трунов Александр Сергеевич –
мэр г. Малоархангельска,
Гладкова Ирина Анатольевна –
директор Центральной городской библиотеки
имени Пушкина,
Травинская Жанна Анатольевна –
художник,
Котюков Лев Константинович –
поэт (Переделкино, Подмосковье),
Шендаков Андрей Игоревич –
писатель,
Ходулин Валерий Георгиевич –
поэт (Тула),
Лютый Вячеслав Дмитриевич –
литературный критик (Воронеж).

РЕДАКЦИЯ
Золотарёв Леонард Михайлович –
ответственный за литературно-художественный блок
Анишкин Валерий Георгиевич –
ответственный секретарь
Золотарёв Игорь Леонардович –
заместитель главного редактора,
ответственный за науку, литературную критику
Катанов Василий Михайлович –
отдел очерка и прозы
Васичкин Валентин Митрофанович –
отдел поэзии и краеведения
Тарабрина Зоя Федотовна –
заведующая редакцией

ISBN 978-5-91468-173-6

E-mail: val_anishkin@mail.ru
igozolo@yandex.ru

ББК 92
УДК 3 (2)
З-80

Русское поле. Российский публицистический и литературно-художественный журнал. – №5: – Орёл: писатели из Союза писателей России и Союза российских писателей. 2017. – 296 с., илл.

Журнал «Русское поле» создан по инициативе писателя Леонарда Михайловича Золотарёва и писателей области. Выход намечен по два номера в год. В публицистическом блоке выступают видные работники культуры, историки, краеведы.

В публицистическом и литературно-художественном блоках свои лучшие произведении представляют орловские писатели и журналисты, а также авторы из других областей. Это очерки, проза, поэзия, литература для детей. Сюда же включается поэзия и проза уже ушедших писателей, память о которых жива в их произведениях, публикуемых в этом журнале.

ISBN 978-5-91468-173-6

12+

© Коллектив авторов, 2017

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Орёл – третья литературная столица

Навстречу 200-летию И.С. Тургенева

Рыжий орёл летел над моей головой. Кажется, летел он века, ведь орлы живут долго. А может, это был внук того орла, который, по легенде, слетел когда-то с того самого дуба у слияния Оки и Орлика, указав место, где царь Иван Грозный основал город-крепость Орёл, стоящий до сих пор на защите с юга Москвы, Российского государства.

Волею судеб, помню, ещё в школе попал я во Львов у западных границ Большого Союза. И ребята спросили меня:

– Откуда ты, из каких мест?

– Из Орла, – ответил я гордо.

– Ого! – сказали они. – Мы из Львова, а лев – царь зверей, а ты из Орла – царя птиц.

– Да вот, царь птиц! – ответил я не менее гордо. – А царь людей – первый царь Руси Иван Грозный основал наш город!

А после, уже через годы, возьму я и напишу про Орёл такие стихи.

МОЯ ОРЛЕЯ

Опять Орёл мой – город приграничный.
Вновь до границы, как рукой подать.
Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на крому направил рать.

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, её венцы
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрельцы.

Гнездо Орла на «Стрелке», на дубище…
С тех самых пор легенда и живёт,
Как где-то тут гнездилась и гнездится
С Орлом Орлея, на слияньи вод.

Истоки, что века в Оку впадали,
Окрестностям из городов и сёл
«Орлеи» летописцы имя дали,
И только крепость (царь сказал): – «Орёл!»

Летит рыжий орёл над моей головой. Летал он тут, на Орловско-Курской дуге, от поныровской Ольховатки и до глазуновской Панской, тогда ещё в 1943 году,

защищая мою малую родину Малоархангельск. И сейчас я иду по дороге на Красную Слободку с фотоаппаратом, чтобы рассказать, показать наглядно подвиг наших солдат. А орёл летит надо мной и крыльями кажет места, где лежат с той поры наши герои.

Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
Встаём стеною насмерть за неё.
Трубят веками наш Орёл с Орлеей
Российское, орловское, моё!

В первопрестольной – в облике державы
Опять мой город сам себя обрёл.
Российский герб – он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках, – и наш родной Орёл!

Гляжу, как солнце виснет чечевично
И где-то западает за крому.
Опять Орёл мой – город приграничный,
Проходит грань по сердцу моему.

Гнездо на «Стрелке». Вечер пламенится.
И клёкот орлий где-то за рекой.
А тут – Орёл, а там у нас – столица.
И много-много неба над Окой.

И вот у самого берега Оки, у первого в истории города Богоявленского храма, в честь 450-летия Орла, основанного когда-то Иваном Грозным – первым русским царём, решено поставить памятник самодержцу. И что тут началось! Одни – категорически против, мол, самодур это, извёл столько русских людей новыми дворянами – опричниками Малюты Скуратова. У каждого к седлу приторочены были собачья голова и метла, дескать, будем вынюхивать крамолу и решительно выметать. Другие – категорически за, мол, прирастил царь значительно Русь, сделал её Великой, сильным, даже могущественным государством. Одни, выступающие за права человека – правозащитники, как, например, Юрий Малютин, даже в районный суд подали, чтобы отменили решение властей. А власти – за своё, дескать, памятник поставлен, царь уже на коне, на Покров будем снимать с него белое покрывало.

Закипел город. Потёк народ к Красному мосту через Оку, возле которой прохладный приокский ветер уже гонит крутую волну, готов сорвать с царя Ивана это белое покрывало.

Вся Россия на дыбы встала. Сколько прессы тут, телеканалов, сколько видных людей: Александр Проханов – главный редактор газеты «Завтра», телеведущая Ольга Скобеева из федерального канала «60 минут», орловские журналисты…Звучит музыка, гремят в микрофоны речи всевозможных чиновников. Тучи людей собрались на Красном мосту, на его металлических перилах, поблизости самого Ивана IV(Грозного), сидящего на коне. Стоит народ, как в «Борисе Годунове» у Пушкина и безмолвствует. Века прошли, а всё так же на Руси, как и было когда-то. Тоже народ стоит и безмолвствует.

«Ну, а ты-то, как думаешь? – обращаюсь я к самому себе. – За кого ты-то? За царей или за правозащитников? Государственник ты, за крепкое государство, ко-

торое может себя защищать, или же за тех, из-за которых может поехать всё вкривь и вкось?» Трудно сразу, в полном объёме представить всё и вообразить. Хоть ты и историк, филолог по образованию, и кое-что в истории с Древней Руси вроде бы «петришь», а в голове всё какая-то мешанина.

Тянет больше к правозащитникам, а как быть с рыжим орлом, который летал недавно над моей головой по дороге на Красную Слободку?

Может, так рассудить, как ответил когда-то народу « всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин, когда его спросили:

– Вот вы сами тверской, из крестьян, а в Питере рабочим на заводе работали, так кто вам ближе – рабочие или крестьяне?

Калинин подумал да и ответил:

– Видите, правая рука? Видите, левая?

– Видим.

– Любую не дашь отсечь – обе жалко…

Человека жалко, права его естественны, вроде неоспоримы, незыблемы, как, допустим, у Жан-Жака Руссо. А как быть с государством, которое защищает человека, часто право на само его существование?

Поставили памятник Ивану Грозному в Орле. Стоит. Снежок на его открытую голову полегонечку сыплется. А в эфире, по радио и телевидению, бушуют страсти. Опять-таки всё сводится к тому, кто «за» царя Ивана, а кто «против»? Судья Железнодорожного района отклонила протест орловца Юрия Малютина, а тот подал протест в областной суд. Из Ярославля приехал какой-то мужик и поздно вечером залез на памятник и набросил мешок на голову царя – самодержца. Хулигана арестовали, и уже другой судья оштравовал его на 500 рублей. У Владимира Соловьёва на вечерней телепередаче, на российском канале «60 минут» страсти продолжают кипеть, бушевать.

Показали бюст Ивана Грозного, установленный в Александрове Владимирской области, куда царь уезжал из Москвы и укрывался какое-то время…

А время идёт, снежок падает. Всё толще белый снежный покров в Орле и на улицах города, и на коне Ивана, и на самом царе. Стою, смотрю на него и думаю, думаю… Перейду, неподалёку тут, к Богоявленскому собору, остановлюсь у памятника Серафиму Саровскому, установленному тут тоже в честь 450-летия Орла, и на память приходят такие его слова:

«Всегда и всюду проверяй себя –
В Духе ли я Святом?»

Хоть и не в «святом духе» я, а всё-таки Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин) навевает мне более глубокие, нравственные, человеческие мысли: «Людьми-то мы другими становимся. Дело не в том, что за царя мы или против царя. Просто общество становится всё более гражданским. Бывало, скажут нам: рой яму себе, и мы рыть будем, ни о чём другом и не подумаем. А теперь вот даже не за себя, а за предков своих вступились. Значит, вступимся и за потомков».

Попались мне как-то в газете такие стихи, думаю, подходящие. О человеке и его внутреннем мире вполне человеческом. Дай, думаю, их приведу хотя бы частично.

* * *

На что мы тратим жизнь?
На мелочные ссоры,
На глупые слова, пустые разговоры,
На суету обид, на злобу – вновь и вновь.
На что мы тратим жизнь…
А надо б на любовь…

Куда-то всё спешим, чего-то добываем.
Чего-то ищем все – а более теряем;
Всё копим – золото, тряпьё и серебро…
На что мы тратим жизнь!
А надо б на добро…

Боимся радости, боимся верить в сказки,
Боимся и мечты, и нежности, и ласки;
Боимся полюбить, чтоб после не тужить…
На что мы тратим жизнь?!
А надо просто жить!

И как это так получилось, что город, основанный первым царём Руси Иваном Грозным, стал, образно говоря «третьей литературной столицей России (конечно, после Москвы и Санкт-Петербурга)? Почему так исторически вышло? Не потому ли, что царь Иван создал «дворянство», раздавая опричникам земельные наделы. Те садились на землю и, будучи грамотными, начинали что-то читать, писать, и пошло, поехало… В конце концов, дело дошло до того, что тут на Серединной Руси и создалась высокоя литература, появились такие писатели, как В.А. Жуковский, Н. М. Карамзин, Л.Н. Толстой, а на Орловщине – И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Андреев и др.

Жизнь человеческая, сам человек – это великая ценность. Помнит об этом Серафим Саровский (в миру Прохор Мошнин), не мешает помнить об этом и нам, всем тем, кто на коне и не на коне. И днесь, и присно, и вовеки.

О, великая и могучая русская литература!

О, могучий, правдивый и свободный наш русский язык!

Орёл – родной город Тургенева. Время движет нас к 2018 году, к крупной дате в жизни страны – 200-летию нашего великого земляка.

Классики

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

ПОСЛЕ БАЛА

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да, — сказал он. — Вся жизнь переменилась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у нее уже дочери замужем. Это была Б…, да, Варенька Б…, — Иван Васильевич назвал фамилию. — Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с ее красотой и высоким ростом, несмотря на ее худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от нее, если бы не ласковая, всегда веселая улыбка и рта, и прелестных блестящих глаз, и всего ее милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это, или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень веселый и бойкий малый, да еще и богатый. Был у меня иноходец лихой, катался с гор с барышнями (коньки еще не были в моде), кутил с товарищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же мое удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш еще дагерротипный портрет. Не то, что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера. Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом платье, в брильянтовой фероньерке на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду, танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. Мазурку отбили у меня: препротивный инженер Анисимов — я до сих пор не могу простить это ему — пригласил ее, только что она вошла, а я заезжал к парикмахеру и за перчатками и опоздал. Так что мазурку я танцевал не с ней, а с одной немочкой, за которой я немножко ухаживал прежде. Но, боюсь, в этот вечер был очень неучтив с ней, не говорил с ней, не смотрел на нее, а видел только высокую, стройную фигуру в белом платье с розовым поясом, ее сияющее, зарумянившееся с ямочками лицо и ласковые, милые глаза. Не я один,

все смотрели на нее и любовались ею, любовались и мужчины и женщины, несмотря на то, что она затмила их всех. Нельзя было не любоваться.

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти все время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами, и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»[1].

И я вальсировал еще и еще и не чувствовал своего тела.

— Ну, как же не чувствовали, я думаю, очень чувствовали, когда обнимали ее за талию, не только свое, но и ее тело, — сказал один из гостей.

Иван Васильевич вдруг покраснел и сердито закричал почти:

— Да, вот это вы, нынешняя молодежь. Вы, кроме тела, ничего не видите. В наше время было не так. Чем сильнее я был влюблен, тем бестелеснее становилась для меня она. Вы теперь видите ноги, щиколки и еще что-то, вы раздеваете женщин, в которых влюблены, для меня же, как говорил Alphonse Karr[2], — хороший был писатель, — на предмете моей любви были всегда бронзовые одежды. Мы не то что раздевали, а старались прикрыть наготу, как добрый сын Ноя. Ну, да вы не поймете…

— Не слушайте его. Дальше что? — сказал один из нас.

— Да. Так вот танцевал я больше с нею и не видал, как прошло время. Музыканты уж с каким-то отчаянием усталости, знаете, как бывает в конце бала, подхватывали всё тот же мотив мазурки, из гостиных поднялись уже от карточных столов папаши и мамаши, ожидая ужина, лакеи чаще забегали, пронося что-то. Был третий час. Надо было пользоваться последними минутами. Я еще раз выбрал ее, и мы в сотый раз прошли вдоль залы.

— Так после ужина кадриль моя? — сказал я ей, отводя ее к ее месту.

— Разумеется, если меня не увезут, — сказала она, улыбаясь.

— Я не дам, — сказал я.

— Дайте же веер, — сказала она.

— Жалко отдавать, — сказал я, подавая ей белый дешевенький веер.

— Так вот вам, чтоб вы не жалели, — сказала она, оторвала перышко от веера и дала мне.

Я взял перышко и только взглядом мог выразить весь свой восторг и благодарность. Я был не только весел и доволен, я был счастлив, блажен, я был добр, я был не я, а какое-то неземное существо, не знающее зла и способное на одно добро. Я спрятал перышко в перчатку и стоял, не в силах отойти от нее.

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру ее отца, полковника с серебряными эполетами, стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

— Варенька, подите сюда, — услышали мы громкий голос хозяйки в брильянтовой фероньерке и с елисаветинскими плечами.

Варенька подошла к двери, и я за ней.

— Уговорите, ma chere[3], отца пройтись с вами. Ну, пожалуйста, Петр Владиславич, — обратилась хозяйка к полковнику.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми a la Nicolas I[4] подвитыми усами, белыми же, подведенными к усам бакенбардами и с зачесанными вперед височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложен он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными, строй-

ными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но все-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг залы. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но не модные, с острыми, а старинные, с четвероугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четвероугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать. Но он все-таки ловко прошел два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвел ее ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я ее кавалер.

— Ну, все равно, пройдитесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в портупею.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки каплей содержимое ее выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с ее елисаветинским бюстом, и ее мужа, и ее гостей, и ее лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же ее, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на нее, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Мазурка кончилась, хозяева просили гостей к ужину, но полковник Б. отказался, сказав, что ему надо завтра рано вставать, и простился с хозяевами. Я было испугался, что и ее увезут, но она осталась с матерью.

После ужина я танцевал с нею обещанную кадриль, и, несмотря на то, что был, казалось, бесконечно счастлив, счастье мое все росло и росло. Мы ничего не говорили о любви. Я не спрашивал ни ее, ни себя даже о том, любит ли она меня. Мне достаточно было того, что я любил ее. И я боялся только одного, чтобы что-нибудь не испортило моего счастья.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидал, что это совершенно невозможно. У меня в руке было перышко от ее веера и целая ее перчатка, которую она дала мне, уезжая, когда садилась в карету и я подсаживал ее мать и потом ее. Я смотрел на эти вещи и, не закрывая глаз, видел ее перед собой то в ту минуту, когда она, выбирая из двух кавалеров, угадывает мое качество, и слышу ее милый голос, когда она говорит: «Гордость? да?» — и радостно подает мне руку, или когда за ужином пригубливает бокал шампанского и исподлобья смотрит на меня ласкающими глазами.

Но больше всего я вижу ее в паре с отцом, когда она плавно двигается около него и с гордостью и радостью и за себя и за него взглядывает на любующихся зрителей. И я невольно соединяю его и ее в одном нежном, умиленном чувстве.

Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вел самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал. Крепостной наш лакей Петруша встретил меня со свечой и хотел помочь мне раздеваться, но я отпустил его. Вид его заспанного лица с спутанными волосами показался мне умилительно трогательным. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату и сел на постель. Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло еще часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический институт. Я прошел наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы и ломовые с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлепавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, все было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидал в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, черное и услыхал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня все время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то, другая, жесткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля, скользкой дороге пошел по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много черных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, несшим что-то и шедшим передо мной, подошел ближе. Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидал посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шел твердой, подрагивающей походкой высокий военный. Это был ее отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, по-

вторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперед и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлепнул ею по спине татарина. Татарин дернулся вперед, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шел подле и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щеки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услыхал я его гневный голос, — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов! — крикнул он, оглядываясь, и увидал меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличен в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?» А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошел в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лег. Но только стал засыпать, услыхал и увидал опять все и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошел к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней.

И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите… — закончил он.

1 *Еще (франц.)*
2 *Альфонс Карр (франц.)*
3 *дорогая (франц.)*
4 *как у Николая I (франц.)*

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

ЛЬГОВ

– Поедемте-ка в Льгов, – сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, – мы там уток настреляем вдоволь.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но за неименьем пока другой дичи (дело было в начале сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бегать по полям за куропатками мне надоело), я послушался моего охотника и отправился в Льгов.

Льгов – большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому – майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: «фу-у!» Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его из сплошного майера наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников.

– Нет, – промолвил наконец Ермолай, – дело неладно: надо достать лодку... Пойдемте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете, панталонах цвета гри-де-лень {розовато-серого (от франц. gris de lin).} или бле-д-амур {голубовато-серого (от франц. bleu d›amour).} наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, не-

знакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился. Ему на вид было лет двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижными косицами, – небольшие карие глазки приветливо моргали, – все лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

– Позвольте себя рекомендовать, – начал он мягким и вкрадчивым голосом, – я здешний охотник Владимир... Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников. Я согласился на его предложение и, не дойдя еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выражался он необыкновенно изящно и, видимо, щеголял своими манерами; волокита тоже, должно быть, был страшный и, по всем вероятиям, успевал: русские девушки любят красноречие. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно: особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто хотел вам дать знать, что и он может, при случае, изъявить свое мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать». Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: «Вы-с...»

– Зачем вы повязаны платком? – спросил я его. – Зубы болят?

– Нет-с, – возразил он, – это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с, в один день говорит он мне: «Любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать – в чем состоит эта забава». Я, разумеется, не захотел отказать товарищу; достал ему, с своей стороны, ружье-с и взял его на охоту-с. Вот-с мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом; он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не послушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владимир и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

– У Сучка есть дощаник {Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.}, – заметил Владимир, – да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбегать к нему.

– К кому? – спросил я.

– А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал им, что буду ждать их у церкви. Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую четырехугольную урну с следующими надписями: на одной стороне французскими буквами: «Ci git Theophile Henri, viconte de Blangy» {Здесь покоится Теофиль Анри, граф Бланжи }; на другой: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умре 1799 года, всего жития его было 62 года»; на третьей: «Мир его праху», а на четвертой:

Под камнем сим лежит французский эмигрант;
Породу знатную имел он и талант,
Супругу и семью оплакав избиянну,
Покинул родину, тиранами попранну;
Российския страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприимный кров;
Учил детей, родителей покоил...
Всевышний судия его здесь успокоил...

Приход Ермолая, Владимира и человека с странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

– Есть у тебя лодка? – спросил я.

– Лодка есть, – отвечал он глухим и разбитым голосом, – да больно плоха.

– А что?

– Расклеилась; да из дырьев клепки повывалились.

– Велика беда! – подхватил Ермолай. – Паклей заткнуть можно.

– Известно, можно, – подтвердил Сучок.

– Да ты кто?

– Господский рыболов.

– Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?

– Да в нашей реке и рыбы-то нету.

– Рыба не любят ржавчины болотной, – с важностью заметил мой охотник.

– Ну, – сказал я Ермолаю, – поди достань пакли и справь нам лодку, да поскорей.

Ермолай ушел.

– А ведь этак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? – сказал я Владимиру.

– Бог милостив, – отвечал он. – Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.

– Да, он не глубок, – заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, – да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и колдобины {Глубокое место, яма в пруде или реке. }.

– Однако же, если трава так сильна, – заметил Владимир, – так и грести нельзя будет.

– Да кто ж на дощаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду; у меня там есть шестик, – а то и лопатой можно.

– Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, – сказал Владимир.

– Оно правда, что неловко.

Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел, для приличия, несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной.

– Скажи, пожалуйста, – начал я, – давно ты здесь рыбаком?

– Седьмой год пошел, – отвечал он, встрепенувшись.

– А прежде чем ты занимался?

– Прежде ездил кучером.

– Кто ж тебя из кучеров разжаловал?

– А новая барыня.

– Какая барыня?

– А что насто купила. Вы не изволите знать: Алена Тимофеевна, толстая такая... немолодая.

– С чего ж она вздумала тебя в рыболовы произвести?

– А Бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не серчает... А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: «Ты чем был?» Говорю: «Кучером». – «Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. «Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке...» А как его содержать в порядке?

– Чьи же вы прежде были?

– А Сергея Сергеича Пехтерева. По наследствию ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил... да не в городе – там у него другие были, а в деревне.

– И ты смолоду все был кучером?

– Какое все кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был, – но не городским тоже поваром, а так, в деревне.

– У кого ж ты был поваром?

– А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеичина дяди. Льгов-то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеичу именье-то по наследствию досталось.

– У кого купил?

– А у Татьяны Васильевны.

– У какой Татьяны Васильевны?

– А вот, что в запрошлом году умерла, под Волковым... то бишь под Карачевым, в девках... И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владела... годиков двадцать.

– Что ж, ты и у ней был поваром?

– Сперва точно был поваром, а то и в кофишенки попал.

– Во что?

– В кофишенки.

– Это что за должность такая?

– А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.

– Твое настоящее имя Кузьма?

– Кузьма.

– И ты все время был кофишенком?

– Нет, не все время: был и ахтером.

– Неужели?

– Как же, был... на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.

– Какие же ты роли занимал?

– Чего изволите-с?

– Что ты делал на театре?

– А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори, я и говорю. Раз слепого представлял... Под каждую веку мне по горошине положили... Как же!

– А потом чем был?

– А потом опять в повара поступил.

– За что же тебя опять в повара разжаловали?

– А брат у меня сбежал.

– Ну, а у отца твоей первой барыни чем ты был?

– А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором был, садовником, а то и доезжачим.

– Доезжачим?.. И с собаками ездил?

– Ездил и с собаками, да убился: с лошадью упал и лошадь зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученье отдать в Москву, к сапожнику.

– Как в ученье? Да ты, чай, не ребенком в доезжачие попал?

– Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

– Какое ж тут ученье в двадцать лет?

– Стало быть, ничего, можно, коли барин приказал. Да он, благо, скоро умер, – меня в деревню и вернули.

– Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучок приподнял свое худенькое и желтенькое лицо и усмехнулся.

– Да разве этому учатся?.. Стряпают же бабы!

– Ну, – промолвил я, – видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

– А я, батюшка, не жалуюсь. И слава Богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика – Андрея Пупыря – в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть... А Пупырь-то еще на милость надеялся: у него двоюродный племянник в барской конторе сидит конторщиком: доложить обещался об нем барыне, напомнить. Вот те и напомнил!.. А Пупырь в моих глазах племяннику-то в ножки кланялся.

– Есть у тебя семейство? Был женат?

– Нет, батюшка, не был. Татьяна Васильевна покойница – царство ей небесное! – никому не позволяла жениться. Сохрани Бог! Бывало, говорит: «Ведь живу же я так, в девках, что за баловство! чего им надо?»

– Чем же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

– Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются – и то слава тебе, Господи! много доволен. Продли Бог века нашей госпоже!

Ермолай вернулся.

– Справлена лодка, – произнес он сурово. – Ступай за шестом – ты!..

Сучок побежал за шестом. Во все время моего разговора с бедным стариком охотник Владимир поглядывал на него с презрительной улыбкой.

– Глупый человек-с, – промолвил он, когда тот ушел, – совершенно необразованный человек, мужик-с, больше ничего-с. Дворовым человеком его назвать нельзя-с... и все хвастал-с... Где ж ему быть актером-с, сами извольте рассудить-с! Напрасно изволили беспокоиться, изволили с ним разговаривать-с!

Через четверть часа мы уже сидели в дощанике Сучка. (Собак мы оставили в избе под надзором кучера Иегудиила.) Нам не очень было ловко, но охотники народ неразборчивый. У тупого, заднего конца стоял Сучок и «пихался»; мы с Владимиром сидели на перекладине лодки; Ермолай поместился спереди, у самого носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у нас под ногами. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул.

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдергивал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подводных трав; сплошные, круглые листья болотных лилий тоже мешали ходу нашей лодки. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях, выстрела дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы кувыркались на воздухе, тяжко шлепались об воду.

Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но все-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружье, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я – довольно плохо, по обыкновению. Сучок посматривал на нас глазами человека, смолоду состоявшего на барской службе, изредка кричал: «Вон, вон еще утица!» – и то и дело почесывал спину – не руками, а приведенными в движение плечами. Погода стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце. Мы собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

Мы уже давно могли заметить, что вода к нам понемногу все набиралась в дощаник. Владимиру было поручено выбрасывать ее вон посредством ковша, похищенного, на всякий случай, моим предусмотрительным охотником у зазевавшейся бабы. Дело шло как следовало, пока Владимир не забывал своей обязанности. Но к концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успевали заряжать ружья. В пылу перестрелки мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, – как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Мы вскрикнули, но уже было поздно: через мгновенье мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцем); но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться. Каждый из нас держал свое ружье над головой, и Сучок, должно быть, по привычке подражать господам, поднял шест свой кверху. Первый нарушил молчание Ермолай.

– Тьфу ты, пропасть! – пробормотал он, плюнув в воду, – какая оказия! А все ты, старый черт! – прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку. – Что это у тебя за лодка?

– Виноват, – пролепетал старик.

– Да и ты хорош, – продолжал мой охотник, повернув голову в направлении Владимира, – чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты...

Но Владимиру было уже не до возражений: он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда девалось его красноречие, его чувство тонкого приличия и собственного достоинства!

Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами... В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся; кругом, в десяти шагах от нас, росли тростники; вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» – подумал я.

– Как нам быть? – спросил я Ермолая.

– А вот посмотрим: не ночевать же здесь, – ответил он. – На, ты, держи ружье, – сказал он Владимиру.

Владимир беспрекословно повиновался.

– Пойду сыщу брод, – продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, – взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выщупывая дно.

– Да ты умеешь ли плавать? – спросил я его.

– Нет, не умею, – раздался его голос из-за тростника.

– Ну, так утонет, – равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

– И без всякой пользы пропадет-с, – жалобно прибавил Владимир.

Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью. Сперва мы перекликивались с ним очень усердно; потом он стал реже отвечать на наши возгласы, наконец умолк совершенно. В селе зазвонили к вечерне. Меж собой мы не разговаривали, даже старались не глядеть друг на друга. Утки носились над нашими головами; иные собирались сесть подле нас, но вдруг поднимались кверху, как говорится, «колом», и с криком улетали. Мы начинали костенеть. Сучок хлопал глазами, словно спать располагался.

Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

– Ну, что?

– Был на берегу; брод нашел... Пойдемте.

Мы хотели было тотчас же отправиться; но он сперва достал под водой из кармана веревку, привязал убитых уток за лапки, взял оба конца в зубы и побрел вперед; Владимир за ним, я за Владимиром. Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: «Левей, – тут направо колдобина!» или: «Правей, – тут лево завязнешь...» Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри. «Ну, ну, ну!» – грозно кричал на него Ермолай, – и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли наконец берега.

Часа два спустя мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, повидимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял головку набок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу все мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна... На селе раздавались песни.

НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ

ПРАВЕДНИКИ

«Без трех праведных несть граду стояния».

При мне в сорок восьмой раз умирал один большой русский писатель. Он и теперь живет, как жил после сорока семи своих прежних кончин, наблюдавшихся другими людьми и при другой обстановке.

При мне он лежал, одинок во всю ширь необъятного дивана и приготовлялся диктовать мне свое завещание, но вместо того начал браниться,

Я могу без застенчивости рассказать, как это было и к каким повело последствиям.

* * *

Смерть писателю угрожала по вине театрально-литературного комитета, который в эту пору бестрепетною рукою убивал его пьесу. Ни в одной аптеке не могло быть никакого лекарства против мучительных болей, причиненных этим авторскому здоровью.

— Душа уязвлена и все кишки попутались в утробе, — говорил страдалец, глядя на потолок гостиничного номера, и потом, переводя их на меня, он неожиданно прикрикнул:

— Что же ты молчишь, будто черт знает чем рот набил. Гадость какая у вас, питерцев, на сердце: никогда вы человеку утешения не скажете; хоть сейчас на ваших глазах испускай дух.

Я был первый раз при кончине этого замечательного человека и, не поняв его предсмертной истомы, сказал ему:

— Чем мне вас утешить? Скажу разве одно, что всем будет чрезвычайно прискорбно, если театрально-литературный комитет своим суровым определением прекратит драгоценную жизнь вашу, но…

— Ты недурно начал, — перебил писатель, — продолжай, пожалуйста, говорить, а я, может быть, усну.

— Извольте, — отвечал я, — итак, уверены ли вы, что вы теперь умираете?

— Уверен ли? Говорю тебе, что помираю!

— Прекрасно, — отвечаю, — но обдумали ли вы хорошенько: стоит ли это огорчение того, чтобы вы кончились?

— Разумеется, стоит; это стоит тысячу рублей, — простонал умирающий.

— Да, к сожалению, — отвечал я, — пьеса едва ли принесла бы вам более тысячи рублей и потому…

Но умирающий не дал мне окончить: он быстро приподнялся с дивана и вскричал:

— Это еще что за гнусное рассуждение! Подари мне, пожалуйста, тысячу рублей и тогда рассуждай как знаешь.

— Да я, — говорю, — почему же обязан платить за чужой грех?

— А я за что должен терять?

— За то, что вы, зная наши театральные порядки, описали в своей пьесе всех титулованных лиц и всех их представили одно другого хуже и пошлее.

— Да-а; так вот каково ваше утешение. По-вашему небось все надо хороших писать, а я, брат, что вижу, то и пишу, а вижу я одни гадости.

— Это у вас болезнь зрения.

— Может быть, — отвечал, совсем обозлясь, умирающий, — но только что же мне делать, когда я ни в своей, ни в твоей душе ничего, кроме мерзости, не вижу, и за то суще мне господь бог и поможет теперь от себя отворотиться к стене и заснуть со спокойной совестью, а завтра уехать, презирая всю мою родину и твои утешения.

И молитва страдальца была услышана: он «суще» прекрасно выспался и на другой день я проводил его на станцию; но зато самим мною овладело от его слов лютое беспокойство.

«Как, — думал я, — неужто в самом деле ни в моей, ни в его и ни в чьей иной русской душе не видать ничего, кроме дряни? Неужто все доброе и хорошее, что когда-либо заметил художественный глаз других писателей, — одна выдумка и

вздор? Это не только грустно, это страшно. Если без трех праведных, по народному верованию, не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель?»

Мне это было и ужасно, и несносно, и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых «несть граду стояния», но куда я ни обращался, кого ни спрашивал — все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот, и другой знавали. Я и стал это записывать. Праведны они, думаю себе, или неправедны, — все это надо собрать и потом разобрать: что тут возвышается над чертою простой нравственности и потому «свято господу».

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

ЛИРИКА

Вечерний звон

Мечтанье было то иль сон?
Мне слышался вечерний звон;
А над рекою, под холмом,
Стоял забытый сельский дом,
И перелив тяжелых дум
Давил мне сердце, мучил ум.

Пустынный дом! где твой жилец?
Увы! вдали поэт-слепец
О родине не забывал
И сладкозвучно тосковал.
Он спит: его глубокий сон
Уж не прервет вечерний звон.

Но что ж, – певец земных скорбей,
Ты не умрешь в сердцах людей! –
Так я мечтал – и надо мной
Пронесся чрез эфир пустой
Какой-то грусти полный стон,
И я запел «Вечерний звон».

Ивы и березы

Березы севера мне милы, –
Их грустный, опущённый вид,
Как речь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодит.

Но ива, длинными листами
Упав на лоно ясных вод,
Дружней с мучительными снами
И дольше в памяти живет.

Лия таинственные слезы
По рощам и лугам родным,
Про горе шепчутся березы
Лишь с ветром севера одним.

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняет ива
Везде концы своих ветвей.

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И распростерт заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал – с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где всё, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови – но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я как дитя заплачу -
И за тобой!

«Шепот, робкое дыханье…»

Шепот, робкое дыханье.
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

* * *

Напрасно, дивная, смешавшися с толпою,
Вдоль шумной улицы уныло я пойду;
Судьба меня опять уж не сведет с тобою,
И ярких глаз твоих нигде я не найду.

Ты раз явилась мне, как дивное виденье,
Среди бесчисленных, бесчувственных людей, –
Но быстры молодость, любовь, и наслажденье,
И слава, и мечты, а ты еще быстрей.

Мне что-то новое сказали эти очи,
И новой истиной невольно грудь полна, –
Как будто на заре, подняв завесу ночи,
Я вижу образы пленительного сна.

Да, сладок был мой сон хоть на одно мгновенье! –
Зато, невольною тоскою отягчен,
Брожу один теперь и жду тебя, виденье,
И ясно предо мной летает светлый сон.

«Бал»

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.
И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.
О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо

Круженье пары молодой!
Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

* * *

Как беден наш язык! – Хочу и не могу. -
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

* * *

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

* * *

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всесильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

СТИХИ

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас, —
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.
С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.
Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Весенние воды

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»
Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

«Слезы»

O lacrimarum fons...
Gray[1]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листами
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами –
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

[1] *О источник слез… (лат.). Грей.*

* * *

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убелённой,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобождённых сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры — но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»
Свернуть

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ

БАРГАМОТ И ГАРАСЬКА

Было бы несправедливо сказать, что природа обидела Ивана Акиндиныча Бергамотова, в своей официальной части именовавшегося «городовой бляха №20», а в неофициальной попросту «Баргамот». Обитатели одной из окраин губернского города Орла, в свою очередь, по отношению к месту жительства называвшиеся пушкарями (от названия Пушкарной улицы), а с духовной стороны характеризовавшиеся прозвищем «пушкари – проломленные головы», давая Ивану Акиндиновичу это имя, без сомнения, не имели в виду свойств, присущих столь нежному и деликатному плоду, как бергамот. По своей внешности «Баргамот» скорее напоминал мастодонта или вообще одного из тех милых, но погибших созданий, которые за недостатком помещения давно уже покинули землю, заполненную мозгляками-людишками. Высокий, толстый,

сильный, громогласный Баргамот составлял на полицейском горизонте видную фигуру и давно, конечно, достиг бы известных степеней, если бы душа его, сдавленная толстыми стенами, не была погружена в богатырский сон. Внешние впечатления, проходя в душу Баргамота через его маленькие, заплывшие глазки, по дороге теряли всю свою остроту и силу и доходили до места назначения лишь в виде слабых отзвуков и отблесков. Человек с возвышенными требованиями назвал бы его куском мяса, околоточные надзиратели величали его дубиной, хотя и исполнительной, для пушкарей же – наиболее заинтересованных в этом вопросе лиц – он был степенным, серьезным и солидным человеком, достойным всякого почета и уважения. То, что знал Баргамот, он знал твердо. Пусть это была одна инструкция для городовых, когда-то с напряжением всего громадного тела усвоенная им, но зато эта инструкция так глубоко засела в его неповоротливом мозгу, что вытравить ее оттуда нельзя было даже крепкой водкой. Не менее прочную позицию занимали в его душе немногие истины, добытые путем житейского опыта и безусловно господствовавшие над местностью. Чего не знал Баргамот, о том он молчал с такой несокрушимой солидностью, что людям знающим становилось как будто немного совестно за свое знание.

А самое главное, – Баргамот обладал непомерной силищей, сила же на Пушкарной улице была все. Населенная сапожниками, пенькотрепальщиками, кустарями-портными и иных свободных профессий представителями, обладая двумя кабаками, воскресеньями и понедельниками, все свои часы досуга

Пушкарная посвящала гомерической драке, в которой принимали неюсредственное участие жены, растрепанные, простоволосые, растаскивавшие мужей, и маленькие ребятишки, с восторгом взиравшие на отвагу тятек. Вся эта буйная волна пьяных пушкарей, как о каменный оплот, разбивалась о непоколебимого Баргамота, забиравшего методически в свои мощные длани пару наиболее– отчаянных крикунов и самолично доставлявшего их «за клин».

Крикуны покорно вручали свою судьбу в руки Баргамота, протестуя лишь для порядка.

Таков был Баргамот в области международных отношений. В сфере внутренней политики он держался с неменьшим достоинством. Маленькая, покосившаяся хибарка, в которой обитал Баргамот с женой и двумя детишками и которая с трудом вмещала его грузное тело, трясясь от дряхлости и страха за свое существование, когда Баргамот ворочался, – могла быть спокойна если не за свои деревянные устои, то за устои семейного союза.

Хозяйственный, рачительный, любивший в свободные дни копаться в огороде, Баргамот был строг.

Путем того же физического воздействия он учил жену и детей, не столько сообразуясь с их действительными потребностями в науке, сколько с теми неясными на этот счет указаниями, которые существовали где-то в закоулке его большой головы. Это не мешало жене его Марье, еще моложавой и красивой женщине, с одной стороны, уважать мужа как человека степенного и непьющего, а с другой – вертеть им, при всей его грузности, с такой легкостью и силой, на которую только и способны слабые женщины.

Часу в десятом теплого весеннего вечера Баргамот стоял на своем обычном посту, на углу Пушкарной и 3-й Посадской улиц. Настроение Баргамота было скверное. Завтра светлое Христово воскресение, сейчас люди пойдут в церковь, а ему стоять на дежурстве до трех часов ночи, только к разговинам домой попадешь. Потребности молиться Баргамот не ощущал, но праздничное, светлое настроение, разлитое по необычайно тихой и спокойной улице, коснулось и его. Ему не нравилось место, на котором он ежедневно спокойно стоял в течение десятка годов: хотелось тоже делать что-нибудь такое праздничное, что делают другие. В виде смутных ощущений

поднимались в нем недовольство и нетерпение. Кроме того, он был голоден. Жена нынче совсем не дала ему обедать. Так, только тюри пришлось похлебать. Большой живот настоятельно требовал пищи, а разговляться-то когда еще!

– Тьфу! – плюнул Баргамот, сделав цигарку, и начал нехотя сосать ее.

Дома у него были хорошие папиросы, презентованные местным лавочником, но и они откладывались до «разговленья».

Вскоре потянулись в церковь и пушкари, чистые, благообразные, в пиджаках и жилетах поверх красных и синих шерстяных рубах, в длинных, с бесконечным количеством сборок, сапогах на высоких и острых каблучках.

Завтра всему этому великолепию предстояло частью попасть на стойку кабаков, а частью быть разорванным в дружеской схватке за гармонию, но сегодня пушкари сияли. Каждый бережно нес узелок с пасхой и куличами. На Баргамота никто не обращал внимания, да и он с неособенной любовью посматривал на своих «крестников», смутно предчувствуя, сколько путешествий придется ему завтра совершить в участок.

В сущности, ему было завидно, что они свободны и идут туда, где будет светло, шумно и радостно, а он торчит тут как неприкаянный.

«Стой тут из-за вас, пьяниц!» – резюмировал он свои размышления и еще раз плюнул – сосало под ложечкой.

Улица опустела. Отзвонили к обедне. Потом радостный, переливчатый трезвон, такой веселый после заунывных великопостных колоколов, разнес по миру благостную весть о воскресении Христа» Баргамот снял шапку и перекрестился. Скоро и домой. Баргамот повеселел, представляя себе стол, накрытый чистой скатертью, куличи, яйца. Он, не торопясь, со всеми похристосуется. Разбудят и принесут Ванюшку, который первым делом потребует крашеного яичка, о котором целую неделю вел обстоятельные беседы с более опытной сестренкой. Вот-то разинет он рот, когда отец преподнесет ему не линючее, окрашенное фуксином яйцо, а настоящее мраморное, что самому ему презентовал все тот же обязательный лавочник!

«Потешный мальчик!» – ухмыльнулся Баргамот, чувствуя, как что-то вроде родительской нежности поднимается со дна его души.

Но благодушие Баргамота было нарушено самым подлым образом. За углом послышались неровные шаги и сиплое бормотанье. «Кого это несет нелегкая?» – подумал Баргамот, заглянул за угол и всей душой оскорбился. Гараська! Сам с своей собственной пьяной особой, – его только недоставало! Где он поспел до свету наклюкаться, составляло его тайну, но что он наклюкался, было вне всякого сомнения. Его поведение, загадочное для всякого постороннего человека, для Баргамота, изучившего душу пушкаря вообще и подлую Гараськину натуру в частности, было вполне ясно. Влекомый непреодолимой силой, Гараська со средины улицы, по которой он имел обыкновение шествовать, был притиснут к забору. Упершись обеими руками и сосредоточенно-вопросительно вглядываясь в стену, Гараська покачивался, собирая силы для новой борьбы с неожиданными препятствиями. После непродолжительного напряженного размышления Гараська энергично отпихнулся от стены, допятился задом до средины улицы и, сделав решительный поворот, крупными шагами устремился в пространство, оказавшееся вовсе не таким бесконечным, как о нем говорят, и в действительности ограниченное массой фонарей. С первым же из них Гараська вступил в самые тесные отношения, заключив его в дружеские и крепкие объятия.

– Фонарь. Тпру! – кратко констатировал Гараська совершившийся факт.

Вопреки обыкновению, Гараська был настроен чрезвычайно добродушно. Вместо того чтобы обсыпать столб заслуженными ругательствами, Гараська обратился к нему с кроткими упреками, носившими несколько фамильярный оттенок.

– Стой, дурашка, куда ты?! – бормотал он, откачиваясь от столба и снова всей грудью припадая к нему и чуть не сплющивая носа об его холодную и сыроватую поверхность. – Вот, вот!.. – Гараська, уже наполовину скользнувший вдоль столба, успел удержаться и погрузился в задумчивость.

Баргамот с высоты своего роста, презрительно скосив губы, смотрел на Гараську. Никто ему так не досаждал на Пушкарной, как этот пьянчужка. Так посмотришь, – в чем душа держится, а скандалист первый на всей окраине. Не человек, а язва. Пушкарь напьется, побуянит, переночует в участке – и все это выходит у него по-благородному, а Гараська все исподтишка, с язвительностью. И били-то его до полусмерти, и в части впроголодь держали, а все не могли отучить от ругани, самой обидной и злоязычной. Станет под окнами кого-нибудь из наиболее почетных лиц на Пушкарной и начнет костить, без всякой причины, здорово живешь. Приказчики ловят Гараську и бьют, – толпа хохочет, рекомендуя поддать жару. Самого Баргамота Гараська ругал так фантастически реально, что тот, не понимая даже всей соли Гараськиных острот, чувствовал, что он обижен более, чем если бы его выпороли, Чем промышлял Гараська, оставалось для пушка– рей одной из тайн, которыми было облечено все его существование. Трезвым его не видел никто, даже та нянька, которая в детстве ушибает ребят, после чего от них слышится спиртный запах, – от Гараськи и до ушиба несло сивухой. Жил, то есть ночевал, Гараська по огородам, по берегу, под кусточками. Зимой куда-то исчезал, с первым дыханием весны появлялся. Что его привлекало на Пушкарную, где его не бил только ленивый, – было опять-таки тайной бездонной Гараськиной души, но выжить его ничем не могли. Предполагали, и не без основания, что Гараська поворовывает, но поймать его не могли и били лишь на основании косвенных улик.

На этот раз Гараське пришлось, видимо, преодолеть нелегкий путь.

Отрепья, делавшие вид, что они серьезно прикрывают его тощее тело, были все в грязи, еще не успевшей засохнуть. Физиономия Гараськи, с большим отвислым красным носом, бесспорно служившим одной из причин его неустойчивости, покрытая жиденькой и неравномерно распределенной растительностью, хранила на еебе вещественные знаки вещественных отношений к алкоголю и кулаку ближнего. На щеке у самого глаза виднелась царапина, видимо, недавнего происхождения.

Гараське удалось наконец расстаться с столбом, когда он заметил величественно-безмолвную фигуру Баргамота. Гараська обрадовался.

– Наше вам? Баргамоту Баргамотычу!.. Как ваше драгоценное здоровье? – Галантно он сделал ручкой, но, пошатнувшись, на всякий случай уперся спиной в столб.

– Куда идешь? – мрачно прогудел Баргамот,

– Наша дорога прямая...

– Воровать? А в часть хочешь? Сейчас, подлеца, отправлю.

– Не можете.

Гараська хотел сделать жест, выражающий удальство, но благоразумно удержался, плюнул и пошаркал на одном месте ногой, делая вид, что растирает плевок,

– А вот в участке поговоришь! Марш! – Мощная длань Баргамота устремилась к засаленному вороту Гараськи, настолько засаленному и рваному, что Баргамот был, очевидно, уже не первым руководителем Гараськи на тернистом пути добродетели.

Встряхнув слегка пьяницу и придав его телу надлежащее направление и некоторую устойчивость, Баргамот потащил его к вышеуказанной им цели, совершенно уподобляясь могучему буксиру, влекущему за собою легонькую шхуну, потерпевшую аварию у самого входа в гавань. Он чувствовал себя глубоко обиженным: вместо заслуженного отдыха тащись с этим пьянчужкой в участок. Эх! У Баргамота

чесались руки, но сознание того, что в такой великий день как будто неудобно пускать их в ход, сдерживало его. Гараська шагал бодро, совмещая удивительным образом самоуверенность и даже дерзость с кротостью. У него, очевидно, была своя мысль, к которой он и начал подходить сократовским методом!

– А скажи, господин городовой, какой нынче у нас день?

– Уж молчал бы! – презрительно ответил Баргамот. – До свету нализался.

– А у Михаила-архангела звонили?

– Звонили. Тебе-то что?

– Христос, значат, воскрес?

– Ну, воскрес.

– Так позвольте... – Гараська, ведший этот разговор вполоборота к

Баргамоту, решительно повернулся к нему лицом.

Баргамот, заинтригованный странными вопросами Гараськи, машинально выпустил из руки засаленный ворот; Гараська, утратив точку опоры, пошатнулся и упал, не успев показать Баргамоту предмета, только что вынутого им из кармана. Приподнявшись одним туловищем, опираясь на руки,

Гараська посмотрел вниз, – потом упал лицом на землю и завыл, как бабы воют по покойнике.

Гараська воет! Баргамот изумился. «Новую шутку, должно быть, выдумал»,

– решил он, но все же заинтересовался, что будет дальше. Дальше Гараська продолжал выть без слов, по-собачьи.

– Что ты, очумел, что ли? – ткнул его ногой Баргамот.

Воет. Баргамот в раздумье.

– Да чего тебя расхватывает?

– Яи-ч-ко...

Гараська, продолжая выть, но уже потише, сел и поднял руку кверху. Рука была покрыта какой-то слизью, к которой пристали кусочки крашеной яичной скорлупы. Баргамот, продолжая недоумевать, начинает чувствовать, что случилось что-то нехорошее.

– Я... по-благородному..» похристосоваться... яичко а ты... – бессвязно бурлил Гараська, но Баргамот понял.

Вот к чему, стало быть, вел Гараська: похристосоваться хотел, по христианскому обычаю, яичком, а он, Баргамот, его в участок пожелал отправить. Может, откуда он это яичко нес, а теперь вон разбил его. И плачет.

Баргамоту представилось, что мраморное яичко, которое он бережет для Ванюшки, разбилось, и как это ему, Баргамоту, было жаль.

– Экая оказия, – мотал головой Баргамот, глядя на валявшегося пьянчужку и чувствуя, что жалок ему этот человек, как брат родной, кровно своим же братом обиженный.

– Похристосоваться хотел... Тоже душа живая, – бормотал городовой, стараясь со всею неуклюжестью отдать себе ясный отчет в положении дел и в том сложном чувстве стыда и жалости, которое все более угнетало его. – А я, тово... в участок! Ишь ты!

Тяжело крякнув и стукнув своей «селедкой» по камню, Баргамот присел на корточки около Гараськи.

– Ну... – смущенно гудел он. – Может, оно не разбилось?

– Да, не разбилось, ты и морду-то всю готов разбить. Ирод!

– А ты чего же?

– Чего? – передразнил Гараська. – К нему по-благородному, а он в... в участок. Может, яичко-то у меня последнее? Идол!

Баргамот пыхтел. Его нисколько не оскорбляли ругательства Гараськи;

всем своим нескладным нутром он ощущал не то жалость, не то совесть.

Где-то, в самых отдаленных недрах его дюжего тела, что-то назойливо сверлило и мучило.

– Да разве вас можно не бить? – спросил Баргамот не то себя, не то Гараську.

– Да ты, чучело огородное, пойми...

Гараська, видимо, входил в обычную колею. В его несколько проясневшем мозгу вырисовывалась целая перспектива самых соблазнительных ругательств и обидных прозвищ, когда сосредоточенно сопевший Баргамот голосом, не оставлявшим ни малейшего сомнения в твердости принятого им решения, заявил:

– Пойдем ко мне разговляться.

– Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!

– Пойдем, говорю!

Изумлению Гараськи не было границ. Совершенно пассивно позволив себя поднять, он шел, ведомый под руку Баргамотом, шел – и куда же? – не в участок, а в дом к самому Баргамоту, чтобы там еще... разговляться! В голове Гараськи блеснула соблазнительная мысль – навострить от Баргамота лыжи, но хоть голова его и прояснела от необычности положения, зато лыжи находились в самом дурном состоянии, как бы поклявшись вечно цепляться друг за друга и не давать друг другу ходу. Да и Баргамот был так чуден, что Гараське, собственно говоря, и не хотелось уходить.

С трудом ворочая языком, приискивая слова и путаясь, Баргамот то излагал ему инструкцию для городовых, то снова возвращался к основному вопросу о битье и участке, разрешая его в смысле положительном, но в то же время и отрицательном.

– Верно говорите, Иван Акиндиныч, нельзя нас не бить, – поддерживал Гараська, чувствуя даже какую-то неловкость: уж больно чуден был Баргамот!

– Да нет, не то я говорю..» – мямлил Баргамот, еще менее, очевидно, чем Гараська, понимавший, что городит его суконный язык...

Пришли наконец домой, – и Гараська уже перестал изумляться. Марья сперва вытаращила глаза при виде необычайной пары, – но по растерянному лицу мужа догадалась, что противоречить не нужно, а по своему женскому мягкосердечию живо смекнула, что надо делать.

Вот ошалевший и притихший Гараська сидит за убранным столом. Ему так совестно, что хоть сквозь землю провалиться. Совестно своих отрепий, совестно своих грязных рук, совестно всего себя, оборванного, пьяного, скверного. Обжигаясь, ест он дьявольски горячие, заплывшие жиром щи, проливает на скатерть и, хотя хозяйка деликатно делает вид, что не замечает этого, конфузится и больше проливает. Так невыносимо дрожат эти заскорузлые пальцы с большими грязными ногтями, которые впервые заметил у себя Гараська, – Иван Акиндиныч, а что же ты Ванятке-то.., сюрпризец? – спрашивает Марья.

– Не надо, потом... – отвечает торопливо Баргамот. Он обжигается щами, дует на ложку и солидно обтирает усы, – но сквозь эту солидность сквозит то же изумление, что и у Гараськи.

– Кушайте, кушайте, – потчует Марья. – Герасим... как звать вас по батюшке?

– Андреич.

– Кушайте, Герасим Андреич.

Гараська старается проглотить, давится и, бросив ложку, падает головой на стол прямо на сальное пятно, только что им произведенное. Из груди его вырывается снова тот жалобный и грубый вой, который так смутил Баргамота.

Детишки, уже переставшие было обращать внимание на гостя, бросают свои ложки и дискантом присоединяются к его тенору. Баргамот с растерянною и жалкою миной смотрит на жену.

– Ну, чего вы, Герасим Андреич! Перестаньте, – успокаивает та беспокойного гостя.

– По отчеству... Как родился, никто по отчеству... не называл...

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК

ГАЛИНА БОРИСОВНА КУРЛЯНДСКАЯ

ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕЙЗАЖА
(ГЛАВА ИЗ КНИГИ «ЭСТЕТИЧЕСКИЙ МИР И.С. ТУРГЕНЕВА»)

В пейзажах-впечатлениях, сочетающих отражение природы в человеке с отражением человеческого в природе, с наибольшей силой сказалась не только близость Тургенева и Толстого, но и их идейно-эстетическое неповторимое своеобразие. Диалектику субъективного и объективного, внутреннего и внешнего они осуществляли по-разному.

Оставаясь объективными и верными зарисовками среднерусской природы, пейзажи Тургенева отличаются лирической романтической тональностью: они даются чаще всего в свете сознания нравственного идеалиста, возвышенного мечтателя, принимают отблеск его духовности. Благодаря этой соотнесенности с человеком природный мир выступает изменчивым, движущимся, окрашенным в тона определенного настроения. Чистый лиризм сочетается с простотой, точностью и ясностью изображения.

Примером эмоционально действенного пейзажа, озаренного светом высокого романтического чувства, может служить картина лунной ночи в двадцать седьмой главе «Дворянского гнезда». Проводив карету с Лизой и Марьей Дмитриевной, «Лаврецкий отправился шагом домой. Обаянье летней ночи охватило его; все кругом казалось так неожиданно странно и в то же время так давно и так сладко знакомо; вблизи и вдали, — а далеко было видно, хотя глаз многого не понимал из того, что видел, — все покоилось; молодая расцветающая жизнь сказывалась в самом этом покое. Лошадь Лаврецкого бодро шла, мерно раскачиваясь направо и налево; большая черная тень ее шла с ней рядом; было что-то таинственно приятное в топоте ее копыт, что-то веселое и чудное в гремящем крике перепелов. Звезды исчезали в каком-то светлом дыме; неполный месяц блестел твердым блеском; свет его разливался голубым потоком по небу и падал пятном дымчатого золота на проходившие близко тонкие тучки; свежесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала все члены, лилась вольною струею в грудь. Лаврецкий наслаждался и радовался своему наслаждению. «Ну, мы еще поживем, — думал он, — не совсем еще нас заела...» Он не договорил: кто или что... Потом он стал думать о Лизе, о том, что вряд ли она любит Паншина; что встреться он с ней при других обстоятельствах, бог знает, что могло бы из этого выйти; что он понимает Лемма, хотя у ней «своих» слов нет. Да и это неправда: у ней есть свои слова... «Не говорите об этом легкомысленно», — вспомнилось Лаврецкому. Он долго ехал, понурив голову, потом выпрямился, медленно произнес:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал...

но тотчас же ударил лошадь хлыстом и скакал вплоть до дому.

Слезая с лошади, он в последний раз оглянулся с невольной благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмах, на долинах; издали, из ее благовонной глубины, бог знает откуда — с неба ли, с земли, — тянуло тихим и мягким теплом. Лаврецкий послал последний поклон Лизе и взбежал на крыльцо» (VII, 212—213).

Эта картина, представляющая собою точное воссоздание реальности, именно среднерусской природы, органически включается в сферу сознания Лаврецкого, поклонившегося душевной чистоте русской женщины, ощутившего в самом себе движение зарождающегося чувства. Эмоциональный тон восприятия определяет и характер изображаемого природного мира: все детали последнего даются с резко выраженной субъективной окраской, раскрывающей душевное состояние героя. Летняя ночь для Лаврецкого становится «неожиданно странной» и «так сладко знакомой», почти сказочно прекрасной, даже «что-то таинственно-приятное» он находит в топоте копыт лошади, «что-то веселое и чудное» слышится ему в гремящем крике перепелов. Природа гармонически отвечает радостному и таинственному пробуждению любви в сердце героя и сама окрашивается его настроениями, как бы вбирает в себя романтику высокого чувства.

Внешняя объективная реальность изображается такой, какой она проступает в индивидуальном конкретном сознании Лаврецкого. Этим самым в пейзажной картине достигается единство внутреннего и внешнего, природного и психического, субъективного и объективного. Отражение природы в человеке диалектически сочетается с обратным отражением человеческого в природе.

Это тургеневское завоевание — преломление объективной природной реальности сквозь сильно окрашенное субъективное восприятие — нашло свое дальнейшее развитие в творчестве Толстого и Чехова.

Душевное состояние Лаврецкого, таинственное и зыбкое, не поддается обозначению с помощью слов логически точных. Невыразимость глубинных движений души героя требует для своего раскрытия особой системы изобразительных средств. Трепет живого чувства, вспышку эмоционального пламени Тургенев доносит до читателя, обращаясь к словам, выражающим оттенки, полутоны («было что-то таинственно-приятное», «что-то веселое и чудное»), используя экспрессивные эпитеты, их сцепления, воспроизводящие не столько свойства самих предметов, сколько состояние воспринимающего субъекта, лиризм его взволнованного чувства («безмолвная, ласковая ночь», «благовонная глубина» ночи).

Распространенный в романтической поэзии прием повторения также способствует повышению эмоциональности пейзажа и раскрытию субъективных реакций героя («ночь безмолвная, ласковая ночь»).

При всей конкретности и правдивости описания данный пейзаж становится, прежде всего, средством выражения лирического чувства героя.

Сохраняя строгость линий, Тургенев вместе с тем передает таинственность пейзажа в соответствии с содержанием внутреннего мира Лаврецкого, используя при этом сильные стороны романтического словоупотребления. В пейзажных картинах Тургенева с наибольшей непосредственностью и отчетливостью выступают стилевые особенности реализма, обогащенного сильной романтической стихией.

Тургенев достигал художественного совершенства путем использования поэтических средств выражения «тайной гармонии стиха» (I, 248).

С наибольшей силой взаимосвязь человека и природы достигается Тургеневым в тех пейзажах, которые даются через восприятие персонажа, в аспекте его

конкретного индивидуального сознания. В этом случае пейзаж вовлекается во внутреннее психологическое действие и становится средством раскрытия душевного состояния героя. Природа и отражается в человеке и вбирает в себя его «духовность». С этим и связано очеловечение природных явлений в произведениях Тургенева, использование им сравнений, сближающих природные образы с душевными движениями человека. Так, например, в повести «Ася» эмоциональный тон восприятия определяет и характер изображаемого природного мира. Эмоциональность главного героя этой повести так органически сливается с конкретной предметностью природного окружения, что неизбежно ведет к его олицетворению, уподоблению себе, к подчинению чувству. Становясь впечатлением, пейзаж вместе с тем сохраняет жизненную подлинность, объективность.

Герой повести, от имени которого ведется повествование, возвращается домой через Рейн; в нем зажглась томительная жажда счастья, подготовленная поэтическими встречами с Асей: «Слезы закипали у меня на глазах, но то не были слезы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она все понимает и все – любит... Нет! Во мне зажглась жажда счастья. Я еще не смел назвать его по имени, но счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чем томился...» (VII, 102). Именно в свете данного психологического состоя ни я герой и воспринимает природу, озаряя **ее светом** своей эмоциональности. Нетерпеливому ожиданию приближающегося счастья радостно отвечает вся природа: в ней то же тревожное ожидание — и в небе, и в темной глубине реки, в пенье соловья **тот** же «сладкий **яд» мо**лодого закипающего чувства. Внешний мир и внутреннее «я» сливаются в нечто нераздельное: «Старик поднял весла — и царственная река понесла нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещренное звездами, оно все **шевелилось, двигалось, содрогалось;** я склонился к реке... но и там. в этой темной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звезды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шепот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и **свежее дыхание волны** не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня ядом своих звуков» (VII, 102).

Природа раскрывается в своих объективных свойствах и вместе с тем через призму сознания человека, с ней целиком сливающегося, и поэтому выступает психологически активной, эмоционально насыщенной. Она как бы вбирает в себя содержание романтической взволнованности человека, предельно уподобляясь ему.

Глагольные формы помогают Тургеневу передать оттенки, а также непрерывность движения в природе: небо шевелилось, двигалось, содрогалось; колыхались, дрожали звезды. Создается автором антропоморфический фон с помощью переносного употребления слов, характеризующих человека, для обозначения явлений природы.

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АФОНИН

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ В ОРЛЕ

Я с гордостью ношу имя русского и твердо верю в будущее и славу России", — говорил Леонид Андреев. Познание России началось для него в Орле, на окраинных улицах, что еще в стародавние времена, когда город был крепостью, получили наименование Посадских да Пушкарных. Тут же, у излучины Орлика, по преданию, поселили и сохранивших свои буйные головы московских пушкарей, что в 1698 году вместе со стрельцами пошли мятежом на царя Петра... Думая о старине, о Леониде Андрееве, хорошо побродить по этим тихим, немощеным, зеленым переулкам. Многое здесь переменилось за столетие. А кое-что все же уцелело и помогает вспомнить начальные страницы трудной биографии "буйного орловца", судьбы андреевских героев, что жили в этих местах и были знакомы писателю не понаслышке.

Родился Леонид Андреев 21 августа 1871 года в небольшом флигеле, во дворе домовладения Ганыпиной, что было как раз у того перекрестка 3-й Посадской и 1-й Пушкарной, где стоял легендарный Баргамот — Иван Акиндыч Баргамотов, "городовой бляха номер 20". Домик, который в ту пору арендовали родители Леонида Андреева и где он увидел свет, снесли еще в 1903 году. А Баргамота старожилы помнят до сих пор... Его Леонид Андреев обессмертил в "архи орловском" рассказе, от которого на Горького "повеяло крепким дуновением таланта". Мастодонтоподобный полицейский был такой непременной "знаменитостью" орловской окраины, что без него, пожалуй, невозможно вообразить себе тогдашнее бытие Пушкарной. Он вспоминался писателю и после того, как был уже написан "Баргамот и Гараська". В неопубликованном черновике андреевского рассказа "Весенние обещания" снова среди пушкарей появляется "сам представитель законной власти, монументальный городовой Баргамот".

В августе 1874 года отец Л.Н. Андреева у солдатки Прасковьи Корлевской купил "строение и место" на 2-й Пушкарной. Хибарку, в которой ютилась бывшая владелица, сломал. Вместо нее возвел просторный (10 комнат!) прочный, на высоком фундаменте, четырехоконный дом, щедро изукрашенный резьбой, с парадным крыльцом. Большой двор обстроил сараями для скота и птицы. Вырыл глубокий колодец, воду из которого через окно в заборе можно было набирать и с улицы. "Андреевская вода", от которой "заходились" зубы, славилась у пушкарей.

Колыбель андреевского детства почти не изменилась. И сегодня легко представить себе, как на это крыльцо выходил землемер-таксатор Николай Иванович Андреев, — похожий на цыгана, плечистый, статный, в кумачовой рубахе с расстегнутым воротом, силач, любимец Пушкарной. Рядом с ним жена Анастасия Николаевна — орловская кумушка, мечтательница, выдумщица и тараторка, человек любви и доброты несказанной. И тут же — их первенец, их любовь и радость — "Ленуша", мальчуган с недетски-задумчивыми очами. "Я помню мои детские впечатления огромности от орловского дома и сада, — рассказывал Леонид Андреев. — Помню, что в течение многих лет я все еще не мог исследовать, как следует, все таинственные углы, чердаки, подвалы и сараи, привыкнуть ко всем заворотам, каждый раз открывающем новый пейзаж, пересмотреть все вещи (сломанные лопаты, брошенные бутылки, обломки чего-то), составляющие наше.

Взрослые называют это одним словом "мусор", а для меня каждый ржавый гвоздь имел свое лицо и подразумеваемое имя. И, конечно, отец сам не знал, какой красивый и необыкновенный вид имеет его кабинет, если смотреть на него из-под

стола. Маленькие размеры тела (и, к счастью, отсутствие надзора) позволяли мне проникать в такие закоулки, куда, действительно, ни один взрослый попасть не мог. То же и с садом".

Сад у Андреевых был великолепный. Николай Иванович ухаживал за ним старательно, толково. К тому же приучал детей. Даже в дни именин дарил им яблони, кусты смородины, крыжовника.

Погружаясь в воспоминания юношеских лет, Леонид Андреев в автобиографической пьесе "Младость" ("повесть в диалогах" — назвал ее писатель) в 1915 году будет точно, подробно описывать уголок отцовского сада:

"Четыре высоких и кряжистых тополя составляют как бы тенистую беседку; здесь несколько простых, без спинок, деревянных некрашеных скамеек. Кругом густые заросли малины, широкие кусты крыжовника и смородины; дальше молодой, но пышный фруктовый сад, яблони и груши. Возле дорожек трава полна цветов и высока — почти до пояса. Неподвижный воздух весь гудит, как тугая струна — так много в траве пчел, ос и всякой другой жизни. Под тополями дорожка разветвляется и идет к дому вдоль двухэтажного, бревенчатого амбара-сарая, с несколькими **небольшими конюшенными** оконцами. За углом амбара, **в гуще высоких** берез и кленов, терраса..."

А вокруг андреевского дома, где, пока жив был Николай Иванович, был достаток, надрывалась, бедствовала, пьянствовала, буйствовала, христарадничала Пушкарная, населенная портными, пенькотрепальщиками, сапожниками, босяками, золоторотцами, нищими. Издавна у "пушкарей" сложилась своя "мораль" — здесь презирали трусов, в драке не били лежачих, не уважали чужой собственности. Тут увидел Леонид Андреев героев своих первых рассказов: безродного Гараську, которого за всю его жизнь никто по имени-отчеству не называл, ковылявшего от дома к дому за "копеечкой" Алешу-дурачка, расхристанную "гулящую" Буяниху, над которой дико потешалась Пушкарная. Среди пушкарских ребят были у Леонида закадычные дружки. Вместе в прибрежных зарослях лозняка играли в "казаки-разбойники", ловили пескарей у плотины, что неподалеку от церкви Михаила Архангела перегораживала мелководный Орлик, совершали лихие набеги на сады, а по вечерам под ракитами рассказывали друг другу сжимающие сердце ужасом сказки. Старые, в полтора обхвата деревья и теперь склоняются над Орликом. Не из их ли ряда однажды ураганом вырвало ту, запомнившуюся Леониду Андрееву "дуплистую ракиту, загородившую проезд и купавшую в грязи и лужах свои узкие, серебристо-серые листочки, еще живые и радующиеся влаге, тогда как дерево уже умирало, и его белая мякоть точно трепетала от боли..."

"Я, — писал Леонид Андреев, — пользовался полной свободой и жил на улице среди ребят. Лет до четырнадцати ходил босяком н был нравом дик... Это мое счастье, что я утопал — и не утонул, разбивался — и не разбился, падал с крыш, заборов, висел па гвоздях — и уцелел». Однажды на Орлике юноша Леонид Андреев пережил незабываемые минуты. Он вспоминал:

"Давно это было, давно. Я жил в городе, в котором... были широкие, безлюдные, тихие улицы, пустынные, как поле, площади и густые, как леса, сады. Летом город замирал от зноя и был тих, мечтателен и блаженно-недвижим, как отдыхающий турок; зимой его покрывала густая пелена снега, пушистого, белого, мертвенно-прекрасного. Он высокими белыми горами лежал на крышах, подходил к самым окнам низеньких домов и немой тишиной наполнял весь город...

Это было в тихое, немного морозное и ясное утро. Быстрые коньки уносили меня за город, и уже последние кресты церквей, горевшие на солнце, скрылись за изгибами неширокой реки. Под собой я видел гладкий темный лед с блестящими пузырьками воздуха, замерзшего в середине; ухо мое наполнялось звуком разре-

заемого коньками льда и свистом бегущего воздуха, и я быстро несся вперед... и минутами словно крылья чувствовал у себя за спиной. И когда я, наконец, остановился и взглянул победоносно на пройденный путь и окинул глазами реку, берег и небо, — я был поражен торжественной красотой того, что было вокруг меня. Торжественно и глубоко — спокойно... молчал высокий белый берег, и еще более высокое... молчало голубовато-зеленое небо. Ослепительно сверкал снег и кротко сияло небо, — и только снег и небо были вокруг меня. Ни призрака, ни хотя бы самого отдаленного намека на жизнь. И жутко, и покойно, и радостно было, как в светлом храме, и только благоговением могу я назвать то чувство, которое всесильно охватило меня, сковало дыхание и сделало немым, как и все вокруг. Долго стоял я так и «слушал тишину», и, вместо покоя, непонятный и дикий страх начал закрадываться в сердце...

И я закричал громко и пронзительно, как испугавшийся ребенок, но не закрыл я еще рта, как уже не было звука — будто только во мне раздался он...

И тут, в эту минуту дикого страха, неведомо откуда прилетел ко мне далекий веселый звук церковного колокола...

Там люди! Милые, хорошие, живые люди!

Это люди звонят в колокола...что бы они ни делали и где бы они ни были, они все те же милые, хорошие живые люди! Они зовут меня к себе из этой ледяной пустыни, и я помчусь сейчас к ним, потому что я люблю их. Я брошусь в их объятия, я прижмусь к их теплому сердцу и буду целовать их светлые, говорящие глаза, И если те глаза плачут, я поцелуями осушу слезы, или сам заплачу с ними, а если они смеются — пусть звонкий смех мой радостью вольется в их сердца. Я расскажу им, как я боялся в этой пустыне... Они поймут меня, хорошие, милые люди, и мы вместе, живые, посмеемся над тем, что мертво. И я помчусь к ним, потому что я люблю их, потому что я не *мертвый*, и повинуются мне быстрые коньки мои: только воздух засвистит, а снежная пыль изовьется по следам, когда пущусь я в быстрый бег вперед: все вперед к людям. Звоните же, призывные колокола.

Колокола звонили, и воздух свистел в моих ушах. Вперед, к милым хорошим людям!"

Лет с пяти-шести Леонид Андреев узнал радость общения с книгой, В библиотеку ходила мать. Леонид упрашивал ее брать книги солидные, "для больших":

– Вот эти непременно, вот эти...

– А если нет?

– Пусть обязательно дадут!.. Смотри, не потеряй... И список не потеряй...

Но случалось, что список терялся, либо не оказывалось нужных книг, и вместо ожидаемых Анастасия Николаевна приносила другие.

"И это в то время, — вспоминал Леонид Андреев, — когда дома уже все было готово к чтению именно тех, которые вытребованы».

"Готово" — это значило: совершенно нагой и вымазанный дочерна сажей поклонник книги разваливался на полу среди развешанных по стульям одеял и взбитых подушек, с "копьем" в руке, с пером в волосах... В таком "вигваме" он ждал обычно Купера. И читал его здесь же и, конечно, лежа: ведь нигде не сказано, чтобы индейцы сиживали за столом, покрытым скатертью...

"И вдруг, о, горе! — книги не те: жиденькие детские книжонки. Это мне-то рассказы о сверчках и кошевках, о Пете и Маше, который в семь лет, чередуясь с отцом, прочел Рокамболя. Ищешь, вертишь страницы — даже намека нет на индейца. Вот отчаяние, вот горе!"

Зато какое ликование наступало, если в руки Леонида попадала та самая книга, что он ожидал.

"Я стрелял по книге, — признавался он, — не читал, а прямо стрелял глазами — туда, сюда... Разом, по всем страницам".

Любил Леонид читать, взобравшись на крышу отцовского дома. Высота казалась недосягаемой. Внизу — сады. На кровлю склонились ветви вязов. Где-то город, люди... Здесь так легко мальчуган мог вообразить себя загадочным капитаном Немо или бесстрашным вождем непокоренного индейского племени.

"Как-то странно сливались во мне две жизни, — говорил Леонид Андреев, вспоминая годы, прожитые на Пушкарной. — Одна ясная, солнечная, простая, истинно детская; другая — на почве книги — сумеречная, таинственная, почти мистическая. И обе были радостны".

И еще многое мог бы поведать этот столетний дом...

Отсюда Леонид Андреев, когда ему было шесть лет, собрав своих сверстников, повел их "в Киев». "Путешественников" перехватили далеко за городом.

Из этих крепко сшитых ворот майским утром выносили гроб Николая Ивановича, умершего внезапно, "в одночасье". На гробовой крышке вместо венка лежала огромная ветка вяза — так наказал покойный. Толпились "пушкари". За гробом, поддерживая мать, шли восемнадцатилетний Леонид и еще пятеро его братьев и сестер, мал-мала меньше.

Незадолго до того, как навсегда покинуть родное гнездо, пока всего лишь орловский гимназист Леонид Андреев в этом доме поклялся "аннибаловской" клятвой: "Придет время — я нарисую людям потрясающую картину их жизни".

А однажды в эти ворота неистово колотили городовые, прибывшие арестовать Анастасию Николаевну как... государственную преступницу... Когда старший сын уехал учиться в университете, она, чтобы прокормить пятерых ребятишек, пускала постояльцев. Среди них оказалась политическая, находившаяся под жандармским надзором. Анастасию Николаевну не раз предупреждал околоточный:

– Имейте в виду, госпожа Андреева, что в вашем доме живет поднадзорная.

– Ну и слава богу, — отвечала Анастасия Николаевна.

– Так ведь она политическая.

– Ну, и очень хорошо, я очень рада...

Через несколько дней полицейский пришел опять:

– Ну что, живет у вас такая-то?

– Как же, как же! Живет! Такая милая, хорошая! Но вот, чудачка, ничего, кроме каши, не ест, говорит, что в тюрьме привыкла.

Жандармам удалось перехватить письмо квартирантки, в котором она сообщала своим товарищам, что если кого-либо вышлют из столицы, то пусть он едет "в Орел, к мадам Андреевой: она очень милый и отзывчивый человек".

"И, действительно, — рассказывает сестра Леонида Андреева Римма Николаевна, — вскоре из Петербурга приехали два жильца, также политически высланные, и поселились во флигеле. Жизнь шла своим чередом, как вдруг, приблизительно через месяц после их приезда, под утро, человек 30 городовых во главе с начальством окружили весь дом, сад, — словом, всю территорию нашего дома. Начался обыск, продолжавшийся до 10-ти часов утра... В результате продолжительного обыска были арестованы все наши новые жильцы, у которых была найдена нелегальная переписка и письмо с адресом матери, и та самая барышня, которая жила у нас на нашей половине. Были поданы кареты, в которых увезли арестованных, а мать околоточный просил пройти с ним до участка для составления протокола".

Однако Анастасию Николаевну домой не отпустили. Ее отправили в Орловский острог, где продержали неделю, потом перевели в Московскую тюрьму, а оттуда — в Петербургский дом предварительного заключения. Под арестом Анастасия Николаевна находилась месяц, но "дознание" по ее "делу", по соглашению между

Министерством юстиции и внутренних дел было прекращено лишь в ноябре 1902 года, лет через десять после случившегося в Орле. Надуманность, почти курьезность этой жандармской акции очевидна, но все же охранка припомнила Леониду Андрееву и "государственное преступление" его матери, когда о писателе составлялась справка сведений "неблагоприятных в политическом отношении".

Вскоре после освобождения из тюрьмы Анастасия Николаевна решила навсегда расстаться с орловской Пушкарной, чтобы жить вместе с Леонидом.

– Поднялась я с насиженного места, — рассказывала она, — продала домик и перебралась в Москву.

Было это в 1895 году. С тех пор в доме на Пушкарной не раз менялись хозяева. С 1912 года он принадлежит семье Свиридовых. Шесть десятилетий они оберегают андреевское гнездо, не делают в нем ненужных перестроек, ухаживают за садом. Пока здесь нет еще мемориального музея Леонида Андреева, но всегда радушно открыты двери для всех, кто хочет увидеть родные пенаты "буйного орловца".

"Пушкари» были прихожанами старинной церкви Михаила Архангела, что и теперь — высокая, белая, стройная — глядится в воды тихого Орлика. Славился этот храм тем, что в нем служили панихиду над гробом Александра Первого, когда прах скончавшегося в Таганроге императора перевозили в Петербург... Тут же крестили, венчали, отпевали пушкарскую голь. Сюда она приносила свои "грехи", билась лбами о холодные каменные плиты, вымаливая избавление от бед земных. По ударам михайло-архангельских колоколов на Пушкарной определяли время.

– А у Михаила Архангела звонили? — спрашивает Баргамота Гараська в андреевском рассказе, пытаясь сообразить, в какой час столкнула его судьба с полицейским.

"На белой колокольне Михаила Архангела" любил звонить герой андреевского рассказа кузнец Василий Меркулов. "Он звонил всей своей жизнью и о всей своей темной жизни звонил он — и все яростнее и требовательнее бил он железом по медным бокам. Будто разбудить он хотел кого-то, кто находится в неведомой голубой дали и спит непробудно, и не слышит, как плачет и стонет земля.

– Отзовись, неведомый! — гудел и надрывался дрожащий колокол...

Руки кузнеца не знают устали. Все громче и громче бьет он по черным бокам, и бурно рыдает звенящая медь:

– Отзовись!"

Леонида Андреева тоже крестили в церкви Михаила Архангела. Метрика сохранилась. В ней значится: "Восприемниками были: дворянин Сергей Марков Зенкевич и дворянка Александра Никитина Кайне. Крестил священник Андрей Казанский с причтом". Андрей Казанский жил с семьей в деревянном доме с мезонином, у самой орлицкой плотины. "Пушкари» стороной обходили это строение. Не любили они своего "пастыря". Был он суров, груб, корыстолюбив. Бесцеремонно вмешивался в домашние дела прихожан, внося свару, раздор. Рассказывали, что и со своими семейными деспотом вел себя Андрей Казанский. И вот в доме с мезонином произошла драма... Дочь священника — гимназистка, не выдержав отцовского произвола, бросилась под поезд. Об этом много говорили в Орле, на Пушкарной особенно. Знал эту страшную историю и Леонид Андреев. В 1899 году, вспомнив ее, он начал писать рассказ "Дочь Анна"... Присужденный духовными властями к "покаянию" за попытку покончить с собой студент Григорий Полянский, приехав в родной город, идет исповедоваться к священнику Андрею Фаворскому. На исповеди юноша узнает, что год назад дочь духовника Анна бросилась под поезд, никому не поведав причину своей гибели. Жалеет студент несчастного отца...

Рассказ автобиографичен. Леонида Андреева в феврале 1892 года после неудавшегося самоубийства тоже подвергли церковному наказанию. После этого он при-

езжал в Орел. Есть в эскизе верные заметы памяти в описаниях орловских мест, особенно поповского дома, который "томно прилепился к церкви и просил у нее защиты, но церковь не давала ее, сама обожженная солнцем и покорно прямая".

Рассказ "Дочь Айна" остался незавершенным. Почему, трудно сказать. Может быть, сам автор почувствовал "фальшивинку" в благостном изображении Андрея Фаворского, который получился столь непохожим на действительного настоятеля михайло-архангельского храма.

Однако трагическая участь юной орловчанки не давала покоя Леониду Андрееву. В 1900 году он пишет рассказ "Молчание". Читая его, орловцы в грубом, завистливом "каляном" попе узнали Андрея Казанского, узнали и дом со светелкой на берегу Орлика, где жила гордая девушка, что в могилу унесла тайну своей нежной, благородной души, смертельно раненной несправедливостью. Примечательно, что в опубликованных в 1903 году "Материалах для описания Орловской губернии» после биографии протоиерея А. Казанского указана литература о нем: "Молчание", рассказ Л. Андреева".

"И молчал весь темный, опустевший дом", — этими словами заканчивает свое повествование Леонид Андреев. В его писательской судьбе оно сыграло особую роль.

Однажды на товарищескую беседу московских литераторов, собиравшихся по средам у писателя Н.Д. Телешова, Горький пришел вместе с молодым человеком — красивым, тихим, застенчивым.

– Андреев, — представил его Алексей Максимович и предложил послушать рассказ новичка.

– Я вчера его слушал, — сказал Горький. — Признаюсь, у меня на глазах были слезы...

– Начинайте, Леонид Николаевич, — попросили Андреева.

Он смутился, заскромничал.

– Тогда давайте я прочитаю, — вызвался Горький.

Раскрыл тоненькую тетрадку:

– Рассказ называется "Молчание"...

"В одну лунную майскую ночь, когда пели соловьи, в кабинет к отцу Игнатию вошла его жена. Лицо ее выражало страдание, и маленькая лампочка дрожала в ее руках. Подойдя к мужу, она коснулась его плеча и, всхлипнув, сказала:

– Отец, пойдем к Верочке!

Не поворачивая головы, отец Игнатий поверх очков исподлобья взглянул на попадью и смотрел долго и пристально, пока она не махнула свободной рукой и не опустилась на низенький диван.

– Какие вы оба с ней... безжалостные! — выговорила она медленно, с сильным ударением на последних слогах, и доброе, пухлое лицо ее исказилось гримасой боли и ожесточения, словно на лице хотела она показать, какие жестокие люди — муж ее и дочь.

Отец Игнатий усмехнулся и встал. Закрыв книгу, он снял очки, положил их в футляр и задумался. Большая черная борода, перевитая серебряными нитями, красивыми изгибами легла на его грудь и медленно подымалась при глубоком дыхании.

– Ну, пойдем! — сказал он.

Ольга Степановна быстро встала и попросила заискивающим, робким голосом:

– Только не брани ее, отец! Ты знаешь, какая она...

Комната Веры находилась в мезонине, и узенькая деревянная лестница гнулась и стонала под тяжелыми шагами отца Игнатия. Высокий и грузный, он наклонял голову, чтобы не удариться о пол верхнего этажа, и брезгливо морщился, когда

белая кофточка жены слегка задевала его лицо. Он знал, что ничего не выйдет из их разговора с Верой.

– Чего это вы? — спросила Вера, поднимая одну обнаженную руку к глазам. Другая рука лежала поверх белого летнего одеяла и почти не отделялась от него, такая она была белая, прозрачная и холодная.

– Верочка... — начала мать, но всхлипнула и умолкла.

– Вера! — сказал отец, стараясь смягчить свой сухой и твердый голос. — Вера, окажи нам, что с тобою?

Вера молчала.

– Вера, разве мы, твоя мать и я, не заслуживаем твоего доверия? Разве мы не любим тебя? И разве есть у тебя кто-нибудь ближе нас? Скажи нам о твоем горе, и, поверь мне, человеку старому и опытному, тебе будет легче. Да и нам. Посмотри на старуху мать, как она страдает...

– Верочка!..

– И мне... — сухой голос дрогнул, точно в нем что переломилось, — и мне, думаешь, легко? Как будто не вижу я, что поедает тебя какое-то горе... а какое? И я, твой отец, не знаю. Разве должно так быть?

Вера молчала. Отец Игнатий с особенной осторожностью провел по своей бороде, словно боялся, что пальцы против воли вопьются в нее, и продолжал:

– Против моего желания поехала ты в Петербург, — разве я проклял тебя, ослушницу? Или денег тебе не давал? Или скажешь, не ласков был я? Ну, что же молчишь? Вот он, Петербург-то твой!

Отец Игнатий умолк...

– Петербург здесь ни причем, — угрюмо сказала Вера и закрыла глаза. — А со мной ничего. Идите-ка лучше спать, поздно...

С этого дня отец Игнатий перестал говорить с дочерью, но она словно не замечала этого. По-прежнему она то лежала у себя в комнате, то ходила и часточасто вытирала ладонями рук глаза, как будто они были у нее засорены...Иногда Вера выходила гулять.

Через неделю после разговора она вышла вечером, по обыкновению. Более не видали ее живою, так как она в этот вечер бросилась под поезд, и поезд пополам перерезал ее...

И молчал весь темный, опустевший дом.

Когда чтение закончилось, Алексей Максимович, ласково улыбнувшись Андрееву, сказал:

– Черт возьми, опять меня прошибло...

“Прошибло” не одного Алексея Максимовича, — рассказывает Н.Д. Телешов, — сразу стало ясно, что в лице новичка “Среда” приобрела хорошего товарища. Находившийся среди нас Миролюбов, в то время издатель популярного “Журнала для всех”, подошел к Андрееву, взял у него тетрадку и убрал в карман. У Андреева глаза заблестели. Печатать у Миролюбова в его журнале с такой хорошей репутацией и с громадным количеством подписчиков и читателей было не то, что появляться в “Курьере”, скромной московской газете, где пока работал Андреев. Это было первым и хорошим шагом вперед”.

В сентябре 1882 года по 1-й Пушкарной Леонид Андреев первый раз шел в гимназию. Чувствовал себя неуютно в длинной серой шинели с ясными пуговицами. Давил плечи ранец, туго набитый тетрадками и учебниками.

Вот мальчуган открыл еле подававшуюся, тяжелую парадную дверь, поднялся по ступенькам литой чугунной лестницы, что сохранилась и поныне в бывшем гимназическом здании, где теперь работает профессионально-техническое училище № 6.

Гимназию Леонид Андреев никогда не любил. С отвращением он вспоминал "всю неприглядную внешнюю обстановку класса: четыре прямые стены, наполовину, снизу, серые, наполовину белые; темные парты унылыми рядами и на кафедре учитель в вицмундире".

Трудно воспринималась гимназическая наука, которую вдалбливали в юные головы. Был гимназист Леонид Андреев внимателен лишь на уроках учителя словесности Николая Андреевича Антиохова-Вербицкого, когда он превосходно, наизусть страницами читал Гоголя, да у историка Николая Ивановича Горшечникова — завзятого холостяка, неудачника, чудака. Его Леонид Андреев вспомнил, став писателем. Подарил ему свои "Рассказы" с надписью: "Николаю Ивановичу Горшечникову с благодарностью за редкие дорогие минуты, проведенные в тишине на уроках истории, от прежнего ученика Леонида Андреева».

О других педагогах Леонид Андреев ничего доброго не сказал. Да и что можно было сказать о директоре гимназии Иване Михайловиче Белоруссове, службисте, отъявленном реакционере, произносившем перед учащимися речи в духе печально знаменитого циркуляра о "кухаркиных детях". Леонида Андреева он недолюбливал за независимый нрав, за необычные, выходившие из ряда классных работ сочинения:

– Ты, Андреев, мог бы свое сочинение поместить в "Орловском вестнике", — издевался Белоруссов, — и тебе за него даже деньги заплатили бы, но я думаю, что для этого "Орловский вестник" слишком низок, а твое сочинение слишком высоко...

Не вспомнил Леонид Андреев ни разу (может быть, из-за чувства брезгливости?) и про помощника классного наставника Дмитрия Глаголева — карьериста и наушника, о котором гимназисты распевали:

Как проведал Митька-глист,
Что завелся «сицилист"...

Порой напряженных исканий смысла жизни были для Леонида Андреева его гимназические годы. Именно тогда, измученный, как казалось ему, неразрешимыми "загадками бытия", не мирившийся с подневольным, механическим существованием людей, Леонид Андреев писал строки, предвещающие размышления одиноких, бунтующих героев его книг: "Тоска смертная опять овладела мной, не знаю, что делать, куда бежать от нее. Утро-то и день еще ничего: забитый мелочами жизни ходишь, говоришь, даже смеешься, как автомат, как не сознающая себя машина, но когда вечером в саду остаешься один, когда пробудится сознание и нахлынут на тебя страшные, скверные мысли, — так, ей-богу, с радостью бы уничтожил эту гнусную жизнь, что дает такие маленькие радости и такие могущественные скорби. С ненавистью гляжу на эту снующую, гомонящую толпу, на этих двигающихся, чувствующих, мыслящих манекенов. Вглядываешься в каждое лицо со страстным желанием найти хоть одного человека, приметить хоть ничтожную искру Божию, — напрасно. Видишь одни пошлые лица, видишь одни бессмысленные глаза, слышишь одни убийственно скучные разговоры. Деревянные люди, деревянные мысли и чувства. И чудится минутами, что нет на самом деле ничего этого, нет ни сада, нет ни этой тишины, что все это — шутка какого-нибудь злого волшебника, а что придет минута — и все рассеется в прах, исчезнет, как дым, и явятся настоящие люди, настоящая жизнь..."

В жизнь юноши Леонида Андреева вошли и властно заставили размышлять о добре и зле сочинения Писарева, Льва Толстого, Шопенгауэра. Толстовские трактаты, переписанные от руки, напечатанные на гектографе, изданные за границей, гимназисты читали тайком. Не дай бог, пронюхает "Митька-глист". Тогда не миновать разговора в директорском кабинете, где Белоруссов буква в букву исполнит полученный им 30 января 1887 года секретный циркуляр из Московского учебного

округа, которым предписывалось “бдительно следить за тем, чтобы записки графа Л. Толстого, включающие призыв к всеобщему перевороту, направленному к разрушению основ господствующего государственного строя и общественного порядка, не обращались в среде учащихся, причем, если таковые были найдены, то они должны быть отбираемы и уничтожаемы”.

Не любя гимназию, Леонид Андреев, однако, всю жизнь оставался верен юношеской дружбе, приятельству, что возникли у него в гимназические годы. С друзьями орловскими — Севастьяновым, Блохиным, Еловским, Кособудским, Глуховцевым он переписывался, встречался.

Весной 1910 года, приехав в Орел, Леонид Андреев ходил на Пушкарную, на Орлик, к “Дворянскому гнезду”. Здесь писатель сфотографировал “дом Калитиных” и столетние липы в саду, под которыми, как гласит орловская легенда, мечтала, любила и молилась чудесная орловчанка, прославленная Тургеневым. К сожалению, цветные фотографии, о которых 5 мая 1910 года сообщал “Орловский вестник”, пока не обнаружены. Возможно, они и не сохранились. Тогда же Леонид Андреев, совершенно равнодушный к обрядовой стороне религии, в пасхальную ночь все же пошел в гимназическую церковь. Хотелось вспомнить юность, пережить то, о чем так хорошо рассказано в андреевской новелле “Праздник”, передающей настроения веселья, радости, молодости: “По коридорам двигалась густая и пестрая толпа гимназистов в мундирах и барышень в белых и цветных платьях, и так странно было видеть этих чужих, веселых и болтливых людей в коридорах, где раньше было все так строго и чинно, и ходили учителя во фраках и с журналами. И все гулявшие смеялись, говорили, и на всех лицах сияла радость... Люди встречались, улыбались, говорили: “здравствуйте”, и оно звучало как поцелуй”.

Много лет пройдет с той поры, когда Леонид Андреев жил в Орле. Будет он автором книг, которые вызывали восхищение, яростные споры, негодование. “Неблагонадежного” уроженца Пушкарной будут выслеживать жандармы, проклинать архиереи, поучать критики всех направлений. Переживет он свою славу. Заблудившись в пестрой сутолоке жизни, не понимая великих событий, современником и свидетелем которых он был, отвернется от революции, покинет революционную Россию. Умирать будет в одиночестве, в чужой и холодной Финляндии, лишь дневнику доверяя самое заветное. И вот тогда перед Леонидом Андреевым светлым островком в воспоминаниях встанут “Орел, тепло, пахучая ракита, разлив рек, шатанье по Волховской, домашняя Пушкарная... Бывало: шатаюсь один по весенним полям, под жаворонками. Вдали сады, немного крыш и церковные главы, то синие, то голубые, то горящие золотом на солнце, и оттуда идет мягкий колокольный гул: это Орел... Войдешь с безмолвного поля на одну из окраинных улиц — что за веселье! Красные рубахи, говор, ребячий крик, перепуганные, но счастливые куры. Играют в лодыжки, где-то гармоника, и совсем близко беспорядочный, залихватский трезвон. Сапоги у меня пыльны, и в ногах у меня усталость, но так приятно быть путником среди разного — то одному быть в зеленеющем поле, то быстро проходить сквозь весенне-праздничное человечество».

А за Орлом — “малой родиной” Леонида Андреева вставал перед ним и его “большой дом” — Россия, ее народ, в будущее которого писатель всегда был преисполнен самой жаркой веры.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК

Очерки. Краеведение

ЗОЯ ТАРАБРИНА

ЗДЕСЬ СОСТОЯЛАСЬ СУДЬБА

Мы рассказываем о людях, чья жизнь неразрывно связана с городом Орлом, обретших здесь благодатную почву для своей деятельности. В декабре 1965 года на должность заместителя начальника Орловского управления строительства был приглашён 35-летний Каган Яков Зельманович. Через два года он – главный инженер, а с марта 1988 по 1993 – начальник Территориального строительного объединениея «Орёлстрой».

Человек из поколения детей войны, родился он в городе Гадич Полтавской области в 1930 году. Ему было десять лет, когда началась война. Он всегда помнил долгий и тягостный путь в поисках пристанища. Остановилась семья в Соль-Илецке Оренбургской области. Жили они с матерью бедно, можно сказать, выживали. От голода и холода мальчик болел, из-за отсутствия тёплой одежды часто не мог посещать школу. В 1943 году отца демобилизовали по ранению, после освобождения Украины семья поселилась в Днепропетровске.

В 1947 году Яков окончил среднюю школу. У него было огромное желание продолжить образование. Вузов в городе много – выбирай любой. Но время послевоенное, вокруг разруха, отец инвалид войны. Материально семья бедствовала. « Мы с друзьями, – рассказывал он, – решили поступать в Днепропетровский строительный: здесь студенты обеспечивались бесплатным горячим питанием, что и определило наш выбор». Ни в семье, ни в близком окружении строителей не было. Об избранной профессии Яков не имел ни малейшего представления. Познание её начинал с чистого листа.

Ещё в школе он, стараясь наверстать упущенное, занимался упорно, усидчиво. Со временем, стремление понять дело до глубины, довести его до логического конца стали привычкой, а затем и чертой характера. В 1952 году он отлично защитил дипломный проект и был направлен в город Алексин Тульской области, где строилась вторая очередь химкомбината. Сохранился приказ о назначении молодого специалиста, прибывшего по разнарядке Минтяжстроя, на должность прораба с окладом 1012 рублей в месяц.

«Я был чрезвычайно горд, – вспоминал он с улыбкой. – Мне, 22-летнему, доверили рабочий коллектив, объект, назначили содержание. И всё это захватило меня! В те годы не было на строительной площадке таких механизмов, как сейчас. Башенный кран был мечтой каждого прораба. Из транспортных средств мне выделили коня и бричку. Постижение профессии проходило на практике у настоящих мастеров дела».

В 50-е годы в стране был дан старт развитию промышленности сборного железобетона. Молодой специалист оказался на передовой линии. В Алексине он уже

в качестве старшего прораба строит завод железобетонных конструкций, принимает участие в наладке технологического оборудования, а с вводом его в строй назначается главным инженером.

Потом по жизни у него было много объектов: доменная печь Новотульского металлургического завода, химкомбинат в г. Щёкино… В журнале «На стройках России» за 1964 г. №12 была опубликована статья «Поточно-совмещённый монтаж цеха разделения воздуха». Автор её – Я. Каган, главный технолог, начальник комплекса №2 треста «Щёкинхимстрой», который предлагал два проекта организации строительно-монтажных работ, разъясняет, в чём преимущество каждого… С погружением в строительное дело он всё чаще ставил перед собой вопросы, как эффективнее организовать этот процесс. В его трудовой книжке в те годы много поощрений за внесение и внедрение рацпредложений. Стройка стала смыслом жизни, что не смогли не заметить руководители. И когда управляющего трестом «Алексинтяжстрой» Полякова Бориса Павловича в 1964 году направили в Орёл начальником Орловского управления строительства, он пригласил с собой и этого специалиста. По прибытии в Орёл ему поручают объект на периферии – Колпнянский сахарный завод. Строительство его, начатое в 1959 году, из-за плохого ассигнования, непоставки нужных конструкций, было приостановлено и частично разукомплектовано. Перед управлением жёстко ставится задача: завод достроить, обеспечить выпуск продукции. Поляков Б.П. пригласил своего заместителя Кагана Я.З. и сказал: «Поезжай в Колпну, живи там, но за год достройи его!».

Трудный был объект. Начальник стройки проводил там дни и ночи. Жили там с семьёй, с рабочими целый год, подружились с польскими специалистами по оборудованию. Дружные усилия завершились большой общей радостью. В конце 1967 года «Орловская правда» сообщила: «10 декабря Колпнянский сахарный завод вступил в строй действующих предприятий области. Получен первый колпнянский сахар».

60 – 70-е годы – период интенсивного строительства промышленных предприятий в области. Строились и вводились в строй сложные объекты: заводы в Орле, Мценске, Ливнах. Много возникало вопросов, решение которых по плечу было только грамотным специалистам. Обучению и переподготовке инженеров, прорабов, мастеров, специалистов всех уровней, рабочих главный инженер уделял первостепенное внимание, создав совет молодых специалистов.

– Жилья в эти годы тоже строилось много, – рассказывал он, – но и проблем возникало немало. Множество заказчиков вынуждало нас распылять силы и средства. К концу года часть объектов оставалась незавершённой. Чтобы изменить такое положение, в «Орёлстрое» при большой поддержке городского и областного руководства с 1972 года внедрили новую систему жилищного строительства. Жильё стали сдавать ритмично, поквартально, без авралов, по утверждённым графикам. Вводились сборность, новые детали и конструкции, новейшие строительные механизмы. За внедрение «непрерывки» Я. З. Каган был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

В 1976 году «непрерывка» шагнула в село. Главного инженера часто можно было увидеть в резиновых сапогах, в рабочем халате на возведении домов в колхозе «Пробуждение» Орловского района, в Ливнах на строительстве Русско-Бродского завода известковой муки, Залегощенского комплекса крупного рогатого скота…

За успешное выполнение заданий по вводу объектов Нечерноземной зоны РСФСР в 1982 он был награждён Почётной Грамотой Минпромстроя СССР.

Параллельно Яков Зельманович возглавлял работу по расширению и переоборудованию мощностей ПО «Промприбор». Эта работа получила высокую оценку: в 1983 году он был удостоен премии Совета Министров СССР.

7 декабря 1988 года в Армении произошло страшное землетрясение, разрушившее города Спитак, Ленинакан… Вся страна помогала потерпевшим районам. Яков Зельманович, уже начальник ТСО «Орёлстрой», сформировал строительно-монтажный поезд и отправил его в город Ленинакан. Затем Я.З. Каган лично выезжал на место, чтобы убедиться, в каких условиях работают орловские строители. Внимание к их нуждам помогло преодолеть всякие трудности и выполнить задание, что было отмечено почётными грамотами и памятными медалями «За самоотверженный труд в зоне землетрясения».

В этот же период в г. Орле назрела необходимость расширения ТЭЦ. Увеличение её мощностей предусматривалось в перспективе ещё в 1944 году, когда начинали строить первую очередь. Заказчик предложил объект «Орёлстрою». В возведении его, кроме генподрядчика, принимали участие 53 субподрядных организации. Одновременно на строительной площадке работали до полуторы тысячи человек. Строители получили высокую оценку энергетиков.

В марте 1992 года на основании президентского Указа были утверждены программа и положение о приватизации госсобственности. Все объекты социальной сферы «Орёлстроя» перешли в распоряжение облкомитета по имуществу. В октябре на конференции трудовых коллективов, в докладе начальника рефреном звучал призыв начальника «Орёлстроя» приватизировать его, превратив в единый комплекс. «Вместе мы – сила», – убеждал он. В конце года «Орёлстрой» был зарегистрирован как единая строительная организация – акционерное общество. На этом Яков Зельманович завершил свою деятельность.

Мне пришлось беседовать с ним накануне его юбилея:

– 60 лет по жизни и почти 40 лет со строителями… Что вы думаете о пролетевших годах?

– Я счастлив. Всей жизнью убеждён: строители – счастливые люди. Наша профессия позволяет осязаемо увидеть результаты своего труда, воплощённого в новые дома, школы, больницы, промпредприятия.Что бы ни сооружали строители, всё это нужно людям, дарит им радость. Вот почему, когда я думаю о пройденном пути, ко мне возвращается ощущение счастья, связанное с тем, что было сделано. Не многие профессии дают такое чувство удовлетворения.

– Какие стройки оставили особо глубокий след в вашем сердце?

– Каждый объект для меня – как ребёнок для матери: ему было отдано всё внимание, все душевные силы, тревожные дни и бессонные ночи. Их много. Я помню все. Но главный глубокий след в моей судьбе оставили люди, разделившие со мной радости, горести профессии строителя. Особенно я благодарен Полякову Борису Павловичу, оказавшему огромное благотворное влияние не только на мою жизнь, моё профессиональное становление, но и на развитие «Орёлстроя». Большой подарок судьбы – жить, работать рядом с таким человеком.

– Ваша жизнь – это стройки. А были у вас другие пристрастия, увлечения?

– На них мало оставалось времени. Конечно, хотелось иногда покоя, уединения, но с книгой умной. Собирательство и чтение книг – это даже не увлечение, это моя потребность.

У Якова Зельмановича большая библиотека. Особое место в ней занимают произведения Пушкина, изданные в разное время, книги о творчестве и жизни поэта. Одну из них – посмертное издание «Евгения Онегина» карманного формата – он подарил музею «Орёлстроя».

Когда о приватизации ещё и не было речи, уже тогда он говорил:

– В условиях рыночной экономики трудно будет всем, а особенно строителям. Главное сейчас – сохранить всё лучшее в коллективе, что создавалось десятилетиями, приумножить славу строителей любимого города Орла.

ТЕНИ ПРОШЛОГО В ОРЛЕ

Мне снился беспокойный сон, как наваждение. Я слышу конный топот за спиной. Меня преследуют два всадника. Они уже близко. Страх охватывает всё моё существо. Боюсь оглянуться назад. Мне мнятся «кромешники» в чёрных монашеских одеяниях на овечьем меху, с собачьими головами на шеях лошадей и с мётлами из собачьей шерсти, привязанными к кнутовищам, с длинными ножами. Хочу от них бежать... Ужас сковал мои движения... Сейчас я упаду...

Спасительный телефонный звонок прервал мой сон. Видение исчезло. Делаю глубокий вдох, беру трубку.

– Алло! Алло! – доносился из трубки далёкий полузабытый голос. – Вы слышите меня?

– Да-да, слышим! Кто говорит?

– Иосиф Битнер.

Иосиф Битнер – давний знакомый нашей семьи. Когда-то мы с ним работали в одной строительной организации.

– Я звоню из Германии, из Нойвида. Есть такой городок между Бонном и Кобленцем. Здесь я живу, на берегу Рейна. Скучаю по Орлу. Что там нового?

– Да, много воды в Оке утекло, многое у нас изменилось. Город разросся, в этом году мы отпраздновали его 450-летие. Торжества приурочили к Дню города – 5 августа. Недавно открыли памятник основателю города Ивану Грозному.

– Мы здесь в курсе событий. Видели, как открывали: и сам памятник, и панораму вокруг. Красиво! ..

– Тени времени витают над городом.

...Много легенд сложено о нём, о его названии и основателе. Они живут в памяти, передаются из поколения в поколение. Особенно по душе народу легенды о гордой, сильной и бесстрашной птице, именем которой наречён город.

...Под горой возле Стрелки у слияния двух рек, у ветвистого дуба, крымский хан Давлет-Герей со своим войском после длительного перехода разбил для отдыха стан. Завтра он «крымским валом» накатится на Москву. В предчувствии большой добычи пьёт, куражится татарин:

На колени всех урусов я поставлю, жалких трусов.

Град-Москву огню предам, Русью править буду сам.

Нечестивых истреблю, князьям головы срублю.

Затаилась вокруг природа. Звери и птицы в чащах леса попрятались, лишь орёл свой пост не покинул. На дубе орёл сидит и на ворога глядит. Не стерпел он обидных слов – угроз. Камнем свалился он вниз, вцепился когтями в голову хана, взметнул крылами ввысь и грянул оттуда на ворога.

С незапамятных времён живёт в народе эта легенда. Есть и документальные свидетельства того, как в 1566 году, по воле царя Ивана IV, служилые люди проводили досмотры укреплений южной границы государства Московского. Тогда и было решено основать здесь, на подступах к Москве, крепость на реке Орлее. «С молодого дуба слетела царь-птица, взмыла в небо и повисла над радугой.

– Доброе предзнаменование! – воскпикнули русичи и нарекли крепость Орлом, а его округу Орлеей». Так представлена картина тех дней в исторической драме орловского писателя Леонарда Зопотарёва «Орёл – птица с дуба, крепость на Оке». События в ней происходят то в Москве, то в Орле и Орлее в дни становления крепости. Действующие лица драмы – сам царь Иван Грозный, митрополит Макарий, князь Андрей Курбский. Тут и Малюта Скуратов, и А. Басманов, и А. Адашев. Из-

вестные имена, сохранившиеся в истории до наших дней. Тут и плоды творчества автора – жители земли орловской, служилые и работные люди, ратники, пушкари, стрельцы, лазутчики и прочие.

«Враг под Москвой, и жизни не жалея,
Встаём мы с юга насмерть за неё.
Трубят веками нам Орёл с Орлеей
Российское, орловское – моё.»

Все эти вымыслы, легенды, истории помогают нам сквозь магический кристалл различить нечёткие очертания тех далёких событий. Но есть свидетельства, документы, подтверждающие решение царя: «Быти крепости на реке Орлее». Говорят, на документе – рисунки, на одном из них люди с топорами, возводящие стены крепости. Царю в то время было 36 лет.

Родился он в 1530 году. В трёхлетнем возрасте, по завещанию отца Великого князя Василия III, он получил в наследство государство Московское. Боярам и князьям было завещано служить сыну его Ивану. Достигнув совершеннолетия в 16 лет, он продемонстрировал всем, что может взять власть в свои руки. В январе 1547 года состоялась церемония восшествия его на трон. Митрополит Макарий возложил ему на шею крест, на плечи бармы, на голову венец и вручил в руки скипетр. Это был первый венчанный самодержец на Руси, который впоследствии станет царём.

До 1566 года он совершит несколько успешных военных походов. В 1552 году под напором его войска пала Казань. Через два года был покорён последний оплот Золотой Орды на Волге – Астрахань. Ногайская Орда вошла в союз с царём. Русь становилась пространным, многонациональным государством. В него влились марийцы, мордва, чуваши, часть башкиров. Отныне Русь контролировала весь Волжский торговый путь со странами Востока, что стало приносить большие доходы казне. Ока длиною в 1500 километров, на которой стояли города Калуга, Коломна, Рязань, Муром, Нижний Новгород, текла не на север и не на юг, а поперёк Руси к Волге, расширяя возможности государства. Это всё о нём, о царе, по воле которого возник на Оке Орёл, в честь которого решено ныне поставить памятник.

И разгорелся сыр-бор, разделивший горожан на два лагеря, почти накануне юбилейных торжеств. Хотя подготовка к ним началась ещё 31 октября 2009 года, когда Президент России Д.А. Медведев в Московском Кремле подписал Указ «О праздновании 450-летия Орла». На внеочередной сессии городской Совет Орла определил вектор или, можно сказать, цель и смысл подготовки к празднованию: «В наших силах сделать Орёл самым красивым, самым удобным для жизни, самым лучшим городом Серединной Руси». В апреле 2010 года в конференц-зале редакции областной газеты «Орловская правда», по приглашению мэра, собралась общественность города, где высказывали свои предложения и обсуждали вопрос о том, что и как желательно сделать и устроить, кого пригласить на юбилейные торжества. В Москве вице-премьер Д. Козак провёл совещание по согласованию программы подготовки к юбилею Орла. На эти цели было выделено шесть миллиардов рублей. В марте 2011 года В. В.Путин утвердил план подготовки к 450-летию города.

Пять лет прошли в напряжённой работе. Строили станцию обезжелезивания. Она так необходима городу: вода здесь жёсткая. Облагораживали набережные Оки и Орлика: укрепляли берега, сооружали смотровые площадки, лестничные сходы, пандусы, пляжную зону, пирс для пожарных машин. В новом жилом

микрорайоне «Зареченский» строили спортивный комплекс «Ледовая арена», включающий всесезонный крытый каток 60мх30м с трибунами на тысячу зрителей, футбольное поле, волейбольную и баскетбольную площадки. В том же микрорайоне, где проживает около девяти тысячи человек, в рамках подготовки к юбилею были построены и сданы в эксплуатацию два прекрасных детских сада №91 и №95.

В Северном районе прокладывалась автомобильная дорога по улице Раздольной. Её ждали и автомобилисты, и жители прилегающих территорий. Много до того было тут неудобств. И вот дорога, протяжённостью в один километр, шириной проезжей части шестнадцать метров, построена. К тому же выполнено пять съездов с твёрдым покрытием, тротуары. Дорожное полотно освещено, оборудованы четыре светофора и четыре остановки.

После десятилетнего перерыва и реставрационных работ распахнул свои двери Музей писателей-орловцев в доме Галаховых.

Меняли своё лицо главная площадь города, улица Ленина, Сквер Танкистов, восстанавливалась в первозданном виде колокольня Богоявленского храма на Стрелке. Шёл капитальный ремонт двух областных драматических театров: им. И.С. Тургенева и «Свободное пространство».

Объекты строились, приостанавливались, возникали конфликты с подрядчиками по оборудованию, качеству, по затраченным средствам и срокам выполнения работ. Наконец, после долгих мытарств театр «Свободное пространство» возобновил постановку спектаклей на своей сцене. Обновлённый, освежённый внешний облик здания театра со шпилем, лепниной, торжественным порталом радовал горожан. Кто-то решил: будет ещё торжественнее, если перед зданием театра поставить памятник Ивану Грозному. До торжеств оставалось два месяца. Инициаторы идеи в ожидании благодарности горожан с радостью сообщали: «Здесь будет поставлен царю памятник». Актёры театра от неожиданности онемели, потом переварив в себе предложение, пошли в атаку. «Свободному пространству» нужно в самом деле пространство. Не место здесь грозному царю. Встретились с кем надо, кому-то написали письма, сообщили о своём протесте в СМИ. Однако в городе действовали незамедлительно: решено – ставим.

Уже вырыт котлован под постамент, но тут же немедленно выстроился пикет с плакатами: «Нет царю – убийце!», «Царь Грозный – царь кровавый». Запестрели медиасредства заголовками и с противоречивыми статьями о заслугах царя и его жестоких деяниях, об опричнине и казнях противников, о собирании «отчины». Инициаторы установки памятника отступили. Работы прекратили, засыпали котлован. На этом месте оформили цветочную клумбу. О памятнике как будто забыли, успокоились.

Настало время торжеств. Они, можно сказать, начались 28 июля с приезда в Орёл патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Он возглавил божественную литургию в Богоявленском храме, освятил памятник преподобному Серафиму Саровскому, поставленный на Богоявленской площади, посетил детскую клиническую больницу, освятил купола строящегося семикупольного храма Сретенья Господня в Вятском Посаде Орловского района, встретился с прихожанами только что построенного храма в посёлке Большое Сотниково Орловкого района.

Город Орёл он назвал городом воинской славы, а орловскую землю – житницей российской.

3 августа от АО «Корпорация ГРИНН» в торжественной обстановке город получил три подарка. На четвёртом этаже здания «ГРИНН-центра» открыли первый частный музей в Орле, где на площади 550 кв. метров была представлена экспози-

ция из семи разделов о различных этапах жизни города. Там же, возле здания туристическо–многофункционального комплекса, состоялось открытие бронзовой скульптуры «Гид-экскурсовод» – девушки с энциклопедией в руках и мегафоном через плечо. В этот же день на Привокзальной площади горожане и гости города стали свидетелями открытия ещё одной скульптуры: четырёхметровый бронзовый орёл на гранитном постаменте гордо взметнул свои крылья.

Мемориальный комплекс – Сквер Танкистов. Здесь 5 августа, у памятника воинам-освободителям города от немецких оккупантов, состоялся многолюдный торжественный митинг с возложением цветов к могилам павших воинов-освободителей от руководства области, города, различных организаций, горожан и гостей. Цветы возложили и к памятнику И.Х. Баграмяну – маршалу, дважды Герою Советского Союза, почётному гражданину города, установленному накануне.

В этот же день, в 14 часов, на площади Ленина был представлен подарок городу от Президента России В. В. Путина – выступление Президентского полка. Был продемонстрирован развод конных и пеших караулов. В 20-минутной церемонии приняли участие три подразделения службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны РФ: рота специального караула, Президентский оркестр и Почётный кавалерийский эскорт Президентского полка.

И, конечно, на празднике было много музыки. 17 музыкальных коллективов из Тулы, Брянска, Курска, Московской и Владимирской областей, Луганской народной республики, из Беларуси, Китая приехали на ежегодный фестиваль духовых оркестров. Звучали фанфары Первого салюта. Орёл на фестивале представляли детский оркестр «Виват», коллектив «Прометей» и военный оркестр Академии федеральной службы охраны. Торжественное открытие состоялось 4 августа на площади Ленина. Оркестры прошли по улицам города, выступили на разных площадках Орла. 5 августа оркестры прошагали парадом по центральной площади, а затем в составе сводного оркестра играли для орловцев популярные мелодии.

В день города, в Сквере на Стрелке, интерактивное шоу «Орловский Посад» оживило прошлое. Зрители увидели исторические реконструкции жизни города на различных этапах истории, были продемонстрированы секреты военного искусства средневековья, тайны народных промыслов, славянские забавы.

6 августа горожане поспешили на аэродром «Южный» и стали зрителями показательных выступлений более двухсот представителей личного состава воинских соединений Вооружённых сил РФ и выступления ансамбля «Голубые береты».

У памятника И.С.Тургеневу на празднике «Аристократ литературы русской» горожане смогли погрузиться в атмосферу классических танцев и костюмов XIX века.

В библиотеке им. Бунина состоялась презентация нескольких книг: «Город Орёл в нашей судьбе» А. П. Иванова, «На Курских улицах Орла» С. В. Туманова, «Нити прошлого ведут в Орёл». Ю.Д. Коршунова и др.

Отшумели юбилейные торжества. Казалось, страсти по памятнику основателю города приутихли. Однако дело о памятнике царю не заглохло и даже приобрело новый накал. Правозащитники боролись за право жить в городе без Грозного, в суде рассматривались иски о неправомочности использования предлагаемых мест для памятника, дискуссия в газетах обострилась. От противоречивой информации мутилось сознание. И всё-таки открытие памятника состоялось. Это произошло 14 октября, в 14 часов 30 минут, у Богоявленского храма на берегу Оки.

С утра здесь царило оживление: устанавливались телекамеры, радиоаппаратура, готовился помост для выступлений, в палатках шла торговля книгами,

сувенирами соответствующей тематики. На открытие памятника приехали журналисты двадцати российских и зарубежных медиасредств, известные общественные деятели из Москвы. Горожане заполнили прилегающую площадь и подступы к ней у Красного моста. На холме у постамента памятника в парадных мундирах, со стягами и хоругвями выстроились казаки. На сцене студенты орловских учебных заведений представляли реконструкцию предполагаемого празднества предков при закладке крепости. Все ждали, что скажут гости из Москвы.

К собравшимся обратился депутат Государственной Думы РФ Н. Д. Ковалёв:

– В решительный момент мы обращаемся к испытанным символам и понятиям. В руках царя меч – символ защиты Отечества и крест – духовное оружие, символ веры…

Автор памятника – Олег Молчанов, член-кореспондент Академии художеств России, заслуженный художник России – в своём выступлении подчеркнул роль Ивана IY как собирателя земель и народов государства Российского...

Особое внимание собравшихся было приковано к известному публицисту, писателю, председателю Изборского клуба, редактору газеты «Завтра» Александру Проханову. И он высказал своё видение:

– Почему мы ставим памятник державнику, устроителю громадного государства нашего, который сварил жёстким неразрывным швом наши пределы, был непримирим к предателям, изменникам, к тем, кто хотел нам погибели? И сегодня наше государство, возникшее из тьмы 90-х, нуждается в защите от Запада, откуда по-прежнему веют грозы, наветы и несчастья. Мы нуждаемся в исторической памяти, в воле и силе, чтобы преодолеть тьму и напасть. Этот памятник не только царю, но и великому народу, объединившему множество племён и языков. Иван Грозный здесь, среди нас, не только в бронзе, но и в духе.

Российский политолог, лидер движения «Суть времени», Сергей Кургинян выразил озабоченность:

– Сегодня надо твёрдо сказать «Нет!» тем, кто пытается исказить прошлое нашей страны, дискредитировать великие личности, заставить детей стыдиться нашей истории.

В заключение губернатор Вадим Потомский пообещал, что к весне следующего года на постаменте установят барельефы с изображением событий того времени. Под аплодисменты собравшихся и возгласы казаков «Боже, царя храни!» медленно спадает белое покрывало. И вот он, памятник, сооружённый на зелёном холме тому, по воле которого и возник Орёл, открыт.

Вечером, по второму каналу в прямом эфире, в телепередаче «60 минут», вся страна с интересом смотрела открытие первого в России памятника Ивану IY(Грозному). И это событие, происшедшее в Орле, получило большой резонанс за его пределами.

Снова идём мы к памятнику посмотреть его при вечернем освещении. Через детский парк, подвесной мост направляемся к Стрелке. И вдруг слышим цокот копыт. Всматриваемся в темноту. Впереди нас покачиваются силуэты двух всадников в тёмных одеждах. Может, это реконструкция из времён царя Ивана, это опричники? Попав в полосу света, на спинах всадников: мы читаем: «Полиция». Конный патруль вышел в дозор на охрану порядка в заповедном историческом месте, где рождаются легенды и оживают тени прошлого.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

СУДЬБА

Родина… Малая – она у каждого своя. И видим мы её каждый день. Каждую секунду земного времени она перед нами. Закрою глаза – и вижу её сразу во все стороны, до самого горизонта и дальше: с мелководной Неручью, светлой-светлой, с песчаным дном, усеянным мелкими камешками, которыми набивали мы карманы для стрельбы из рогаток.

– А речка моего детства – Должанчик, – вторит мне мой собеседник Владимир Михайлович Пахомов. – Да, светлая-светлая, и песчаная тоже. Всё помню, до мелочей. Вот мать провожает корову к речке – попоить… Мы – по лугу босиком, утренняя роса холодит ноги, легко, приятно!.. Речка притягивала к себе. Мать приходила на речку полоскать бельё. Она счастливо трепала меня за высветленные солнцем вихры, заходила в воду и оттирала песком мои ноги – смоляные от загара, все в цыпках.

И Владимир Михайлович смеётся:

– Такое у нас детство было, до самой школы босиком бегали.

Пахомов разменял седьмой десяток, но выглядит молодо: доброе светлое лицо, глаза, как смеются, и тоже добрые, – это по всему от доброты душевной. Говорить с ним на житейские темы – одно удовольствие: неторопливо так рассуждает о времени, о людях. Слушаю и думаю, что это говорит в нём жизненный опыт. А чем дальше наш разговор – прихожу к мнению, что не только опыт, а живёт в нём великая сила предков, которая вела их по жизни и не давала сломаться. И Владимир Михайлович не сломался. Уже четверть века, будем говорить по-советски, председательствует в должанском сельхозпредприятии, бывшем колхозе, сохранившем своё прежнее название, – «Заря мира». А самое главное, ко всему тому, какой жизнью он живёт и что делает, люди относятся одобрительно, потому что видят в его делах для себя только пользу.

Владимир Михайлович в воспоминаниях:

– Урынок – это центральная усадьба хозяйства. На нашей территории более десяти деревень. А малая родина моя и моих предков как раз на берегу Должанчика – Вышнее Долгое. Красивые места: всё холмы да перелески, и поля, поля. Почему деревню назвали Урынком, остаётся только гадать.

В прошлые века в Воронежской губернии рынком называли небольшой овраг, овражек. Пахомов объясняет просто: всё в самом названии, оно говорит само за себя: у рынка. Деревня недалеко от Вышнего Долгого, которое в прошлые века славилось своими базарами.

1

Дома в Вышнем – по кругу. В центре располагалась барская усадьба, стояла церковь и была большая базарная площадь. Время привнесло в планировку её центральной части изменения: церковь взорвали, школа горела, зато появилась новая. Дух патриархальности выветрился во времени, он неуловим, а в годы учёбы в школе ещё как бы навевался такими понятиями, как «барская усадьба», «яблоневый сад Синицына», «базарная площадь».

Школа собирала вокруг себя, она была символом веры и знаний. И память её выпускников, в том числе и Пахомова, сохраняет из тех лет многое, как самое важное, что может быть и было у человека на его жизненном пути. И это уже не весёлое времяпрепровождение в дни летних каникул, а уроки более взрослой жизни, когда они приходили в школу и красили полы и парты. Наступала осень. Начи-

нались занятия в школе, и уроки труда в рамках учебного плана продолжались, но теперь в яблоневом саду, на картофельном поле. Это была работа, которую их предки на родной земле выполняли извечно.

Как на фотоснимке, его память высвечивает из детства портрет деда Семёна Павловича, который всем своим образом жизни показывал внуку примеры, как надо жить: в труде, благопристойности, почитать семейные традиции. Дед был человеком высокой культуры, не пил, никогда не держал в руках сигареты. И деревня знала его как хорошего хозяина, отличного мастера, причём лёгкой работы он не искал. Например, любил делать бочки, а это значило: пойти в лес, чтобы подобрать хороший дубок, потом его спилить, привезти к дому да разделать, на что необходим ещё инструмент. Кстати, весь домашний инвентарь прошёл через его руки. Смастерил и соху, взамен старой. Походил вокруг неё, полёгал, и к внуку с вопросом:

– Ни разу не пахал?

Он отрицательно покрутил головой: мол, нет ещё.

– Хочешь попробовать?

И внук с радостью соглашается: интересно же.

Они несут соху в сад, где между яблонями всегда пахалось. Потом дед её тянул легко и ровно, а внук шёл за сохой, как настоящий пахарь. Закончив работу, дед очищал соху от земли, и сразу так же уносили её на своё законное место, под навес. Семён Павлович просто так внука не отпускал: благодарность благодарностью, а всегда чем-нибудь вкусненьким угостит, пригласит пообедать. И в этом деле у него был свой порядок: умывался, расчёсывал бороду, надевал белый фартук и лишь потом садился за стол, который стоял в саду. Перво-наперво резал хлеб – осторожно, как бы бережно, как ребёнка, брал его в руки. За этот ли обряд обеденного часа, неизвестно от кого перешедший к деду или узаконенный им самим, за ту ли доброжелательную атмосферу за столом, но как же любил внук Володька прибегать к нему, нередко с друзьями. Семён Павлович всегда усадит за стол рядом с собой и, довольный их визитом, ставит перед ними чашки: что себе, то и внуку, и друзьям его.

Его уроки Владимир Михайлович оценит позднее: деду, вместе со своими родителями, он обязан, что ушёл в большую жизнь и до сих пор идёт по ней порядочным человеком. И так же своими действиями и поступками, как и его дед, подаёт людям правильные примеры воспитания и приобщения к труду.

Уже с детских лет, как и все крестьянские дети, Пахомов был приобщён к крестьянскому труду. В семье он был старшим: брат – на два года моложе, ещё на год – сестра, но, как и у взрослых, по дому у них были свои обязанности: за гусями присматривать, для свиней 3-4 мешка травы нарвать, вечером – к стаду за коровой. А у родителей, кроме колхозной работы, своих дел невпроворот.

Отец Михаил Семёнович прошёл войну, и, как говорила мать, слава Богу, что домой вернулся живой, а мог бы и остаться там навеки со своим ранением.

– Родился он в 23-ем, – рассказывал Пахомов. – Так получилось, что в армию его призвали в 1942 году, и сразу – в окопы, одна винтовка на двоих. Потом взяли в разведку, а ведь трусов и слабых туда не брали. Пришёл домой – на груди ордена Славы и Красной Звезды. «Звезду» заработал в 20 лет. Переплыли они реку и ушли в поиск – «языка» добывать. Три дня наблюдали за немцами, затем выбрали минуту – перерезали горло часовому и взяли в плен обер-лейтенанта, который дал ценные сведения.

И после войны его отец так же не боялся трудностей. Руки, не один год державшие оружие, просились к мирным орудиям труда. Работал в колхозе, потом уехал на Север – зарабатывать лес, чтобы строить дом. Заработал. Когда вагоны с

лесом пришли на станцию, по бревну возили в деревню. Володька вместе со всеми шкурил их лопатой. Ещё гасили известь, а когда стены уже стояли под крышей, обмазывали.

Вышнее Долгое всегда было большой деревней, и не безобразной. У барина Синицына всё было по-хозяйски ухожено: и сад с яблонями и грушами, и парк с аллеями. Деревня вокруг него – со своими заповедными углами, и каждый – под своим названием. Допустим, здесь Гусевка, дальше будет Смородиновка – это уже его родной уголок; ещё дальше – Малиновка, потом Грачёвка, Шпановка. И названия как бы сами за себя говорят, чем они, эти заповедные уголки, знамениты. На родительской усадьбе пустило корни семейство брата. Там же, в Вышнем, живёт его дядька, который пришёл с войны инвалидом и всю жизнь проработал в местном колхозе механизатором. Все знают, что корни Пахомова и его кровной родни в Вышнем Долгом. И, оглядываясь назад, на прожитые там десятилетия, не только они, но и все населяющие этот благословенный уголок земли, то время считают самым счастливым.

– Да, когда-то было неимоверно тяжело, но ведь по стране прошла война, которая принесла народу разруху и смерть. Для нас это беда в масштабах государства, а с какой стороны ни подойди, по размерам его не сравнить с европейскими. Главное было – выстоять, выжить, вырастить детей. У моей матери есть сестра, тётя Фрося. Муж её погиб под Воронежем, и у неё на руках осталось четверо детей. Так советская власть их не бросила, уже в войну проявила заботу. Они выросли, выучились, потому что всё для них в той стране было доступно. Из её семьи страна получила военного, учителей, агронома, а профессии эти считались престижными, и в специалистах страна нуждалась.

2

Трудно сказать, как бы сложилась судьба Пахомова, не прояви мать в год окончания им восьмилетки настойчивость в советах. «Володь, – говорила она ему, – иди в сельскохозяйственный техникум. Выучишься на ветврача, и лучшего тебе для жизни ничего желать не надо. Будешь, как наш колхозный ветврач: всегда людям нужен, всегда в почёте, и для домашних дел свободное время всегда найдёшь. Вон Синицын – в четыре часа уже дома…» Всё у него с матерью тогда сошлось. Собственно говоря, он и сам был не против – поехал в Глазуновку, а в тот год из колхоза их поступало туда шестеро. Экзамены сдал успешно. К сентябрю мать снова собрала его в дорогу. Уезжал в фуфайке и резиновых сапогах – иначе было нельзя: мест в общежитии не хватало, и подыскали квартиру в посёлочке, километрах в полуторах от техникума; а место там низинное, а впереди, к тому же, осенняя распутица. К зиме купили ему пальто.

Этим летом вместе с однокурсниками Пахомов побывал в Глазуновском сельскохозяйственном техникуме – организовали встречу выпускников. Приехало их немного. Последние два десятилетия – время злое, непонятное, совсем не такое, в каком они учились жить с детства и жили уже после выпускного; оно разметало людей по стране, покалечило их судьбы, укоротило годы жизни. Но как же тепла была их встреча! И память возвратила Владимира Михайловича в то время – более чем сорокалетней давности. Вспомнилось до мелочей: занятия в аудиториях; как проходили учебную практику в подсобном хозяйстве: девчата доили коров, ребята пастушили; а вечером – танцы, кино.

По-разному складываются человеческие судьбы. Разность эту перечислить довольно сложно, даже, можно сказать, невозможно, утверждая при этом: сколько на свете людей, столько и судеб со своими бедами и радостями, с обстоятельствами разного рода, в той или иной мере влияющими на жизнь конкретного человека.

Но вот как истина: человек – хозяин своей судьбы. Хо-зя-ин! А если он плохой хозяин, то и хорошего в судьбе такого человека будет мало. Если судить под этим углом зрения, Пахомов уже в техникуме был неплохим хозяином: учился хорошо, и организатором был таким же. Преддипломную практику проходил в родных местах, и уже тогда на него обратили внимание, мол, парень дело знает. И когда после техникума призвали в армию, тоже не затерялся среди двухсот новобранцев, которые, как и он, были с дипломами: сразу заместителем командира взвода определили. Основание? Дисциплину держит, есть командирская закваска; и не суровость бродила в молодом бойце, а доброта и организованность, которые перешли к нему вместе с генами от деда Семёна Павловича. И не потому ли водить солдат в город, в увольнение, командир роты доверял Пахомову. И, по его признанию, у них в роте не было «дедовщины».

А судьба и дальше благоволила человеку, который входил в самостоятельную жизнь. Отслужил – сразу определился с работой: главным зоотехником в откормочный совхоз имени Гагарина. Это ничего, что по диплому он ветврач. Это даже лучше, потому что знает и зоотехнию, к тому же, решил по этой специальности получить высшее образование. А работается Пахомову легко, хотя хозяйство большое: четыре тысячи голов крупного рогатого скота и столько же свиней. Есть хорошие привесы, отгрузка поголовья ведётся вагонами в Москву, на Микояновский мясокомбинат. Он молодой, энергичный, у молодёжи в авторитете, ему нравятся люди. В районе обратили на парня внимание и однажды предложили возглавить районную комсомольскую организацию. Не задумываясь, отказался: как он считал, должность первого секретаря райкома ВЛКСМ не для него. Куда идти, что ещё искать, если в нормальном русле всё, что надо для жизни? И свою семью завёл, и с людьми ладит. В общем, с хозяйством расставаться не захотел.

А судьба есть судьба. Были позади девять лет работы, когда одного из председателей колхоза, Фомина, который хорошо знал Владимира Михайловича, направили председателем в колхоз «Заря мира». И он сумел подобрать к Пахомову ключи, и уговорил-таки перебраться туда вместе с ним, но уже на должность главного ветврача. Через год предложил стать его заместителем, очевидно, сознавал со всей мерой ответственности, кому доверяет не только отрасль такого большого хозяйства.

Время – как песок сквозь пальцы, и так быстротечно! Человеку порой кажется, что жизнь стоит на месте, что в череде происходящих событий нерушимо будет всё видимое и невидимое его глазу. Приблизительно так думал и Пахомов, когда врабатывался на новом месте. Но в жизни нашей всё по-другому: жизнь – вперёд, а человек по жизни – ещё быстрее.

У Владимира Михайловича осталось позади ещё столько же лет работы, но уже с Фоминым, когда, не считаясь с тем самым быстротечным временем, отдавали они общему делу знания, практический опыт, здоровье. И снова ехали к Пахомову с заманчивыми предложениями поработать «наверху», поруководить, но он оставался при своём мнении: его работа здесь, среди своих людей.

А рядом с Фоминым всегда работалось легко, они доверяли друг другу. Но как же горька потеря: Сергей Павлович неожиданно заболел, и справиться со своей болезнью был бессилен. Его смерть стала большим ударом не только для Пахомова. Фомину было 48 лет. Как принято говорить, ушёл из жизни в самом расцвете, его творческий потенциал не был истрачен.

А начинались 2000-ые. Накатывала волна «демократии», страну штормило. Сельское хозяйство погибало, лишённое государственной финансовой поддержки. И, как грибы после дождя, прорастали агрофирмы с «дочками», которые якобы с благими намерениями прибирали к рукам землю и всё, что было создано на

ней руками крестьянина за годы советской власти. Около полугода, пока Фомин находился в больнице, Пахомов руководил «Зарёй мира» как его заместитель, а когда встал вопрос о новом руководителе, народ был единодушен: Владимира Михайловича! Пахомова! И других кандидатур не предлагалось даже со стороны власти.

От того времени Владимира Михайловича отделяет почти четверть века. В рамки эти вместилось много событий значительных и не очень, радостных и с привкусом горечи. Каждое из них было как испытание: мол, а по Сеньке ли шапка? Свою ли ношу поднял на плечи человек? Пахомов выдюжил и, оправдывая доверие народа, избравшего его на эту неспокойную должность, продолжает хозяйством руководить. И, как в старые добрые времена, он как бы чувствует ответственность за всё, что делается на этой земле: как пашется и сеется, как хорошо детям в школах и детских садах, как у людей со здоровьем, как им отдыхается в свободное от работы и учёбы время. В череде событий многое из того, чем наполнялась в сельхозпредприятии жизнь людей, продолжает напоминать советское прошлое. По сути, это помогло хозяйству выжить, остаться на плаву, когда та самая «волна демократии», один за другим, безжалостно топила обанкроченные колхозы и совхозы.

Мы сидим в его кабинете, он вполне просторный, и можно предполагать, что отрицательных эмоций у гостей не вызывает, а хозяина вполне устраивает. Но застать Пахомова здесь можно только с утра: в своём распорядке дня он всегда строг и организован. Встаёт в пять – и по хозяйству. В семь у него планёрка, до восьми, а потом снова по хозяйству. Вот и на этот раз в свой приезд в Урынок, припоздав в дороге, на месте я его не застал. Куда уехал, никто не говорит, а только успокаивают, мол, скоро приедет. И вдруг – пахомовская «Нива». «Вы, – говорю, – водитель Пахомова?» А он мне: «Я у него уже 25 лет водитель. Где Владимир Михалыч?» «В дальней бригаде, в доме культуры. Ему что передать?» – я снова туда еду. Ещё пара вопросов, и я в машине – он согласился взять меня с собой.

Всё правильно: нашёл я Пахомова в бригадном доме культуры, куда и подвёз меня его бессменный водитель Анатолий Шашков. Сидит себе, спокойненько так, на краешке сцены пожилой человек – седина, очки на носу – и, не обращая ни на кого внимания, в своих бумагах что-то высматривает, губами шевелит. Вокруг – по залу, в вестибюле и смежных комнатах – люди, вразброс стройматериалы, инструмент. Любуясь такой мирной картиной, я так и не решился оторвать его от дела: ну где бы ещё увидел в наше время да за таким занятием руководителя сельхозпредприятия!.. А он вдруг поднял голову, увидел гостя – и доброе его лицо засветилось в улыбке, стало ещё добрее. И как бы извиняясь, по-простому, и в то же время с чувством внутреннего удовлетворения и гордости от всего сделанного здесь, пояснил:

– Такая жизнь. Вот скоро должны отделать, всё по-современному будет, с люстрами и ковровыми дорожками.

А по приезду на центральную усадьбу, уже в кабинете, нарисовал полную картину своих забот в этом направлении:

– У нас отличный дом культуры в Урынке, одни шторы 400 тысяч стоят, хотя что сейчас дёшево? Ещё дома есть в третьей и четвёртой бригадах. Во второй бригаде – физкультурно-спортивный комплекс. Если люди работают, то должны и отдыхать, находить для себя развлечение. Естественно, тратим мы на них много. Есть у нас ещё каток, хоккейный корт – это для молодёжи зимой, конечно. Работают три школы, одна из них – средняя, и тоже не бросаем, хорошо им помогаем.

А потом заговорил о наболевшем, из прошлого, что уже много лет в нём, как заноза, держится и постоянно как бы предупреждает, мол, смотри вперёд подальше:

– Я вот часто думаю о том, как мы устояли на рубеже веков. Тогда вслед за большой зашаталась уже и маленькая наша страна. И всех моих забот о школах, о художественной самодеятельности и спорте, об амбулатории и домах культуры, о многом другом, как в советское время, сегодня могло и не быть. Могли стать банкротами, и нас продали бы с молотка, оставив людей ни с чем, как это произошло по всей стране практически со всеми хозяйствами. Сами себя уберегли: не захотели входить ни в какую агрофирму, которые впоследствии по отработанной технологии народ ограбили и оставили без работы.

Да, и у нас были плохие дни, когда казалось, что сложности не пережить. Но ведь они появлялись не по нашей вине, люди-то люди работали не хуже. Всё объяснимо: если в стране бардак, то плохо будет и городу, и деревне, но в любом случае – честному труженику с мозолистыми руками. Представь такую картину: надо убирать урожай, а денег в кассе нет ни на горючее, ни на запчасти, последние ушли на уплату кредитов и налогов, а новые кредиты не дают. Но молотить-то надо. И я лучше ничего не мог тогда придумать, рассуждая приблизительно так: если люди за меня проголосовали, значит, верят мне и в беде должны помочь. А безденежье – это беда. И обратился к народу за помощью по радио, мол, люди дорогие, помогите, дайте, кто сколько может, в долг! Осенью верну всем всё сполна. А радио по нашему колхозу работало. Вот он, переключатель, у меня за спиной. И каждое утро народ слушал мою исповедь о том, какие работы идут на полях и фермах, кому их выполнять, кто и как с ними справляется. Приблизительно, это было, как во время войны: о положении дел на фронтах. Веришь, принесли денег больше, чем надо было. Так сообща с бедой и справились.

И ещё у Пахомова были эпизоды, когда люди, поддержавшие его на председательских выборах, в трудный час так же не оставили один на один с трудностями. В памяти живёт: свекловичное поле в «Заре мира» всегда было большим. Какую-то его часть обрабатывали свои люди, какую-то – украинцы, по договору. И вдруг наёмные работники, не завершив прополку, уехали, и 42 гектара посевов надо спасать. И снова было обращение к народу: надо каждому пройти по две грядки. Люди в поле вышли, при этом они увидели, что и себя председатель не обделил. Да, успехи хозяйства зависели и от таких вот жизненных эпизодов, непрогнозируемых решений, наполняющих его дни, которые складывались в месяцы, годы. И, как результат, – позади четверть века такой жизни.

Доволен ли Пахомов своей судьбой? Наверно, да. Четверть века руководить хозяйством, и на этом долгом пути обеспечить экономическую стабильность отраслей, к тому же, в самое злое время, на рубеже веков, когда разрушительные процессы в стране набирали силу и зашатались нравственные опоры государства, – это подвиг настоящего человека, патриота не только своей малой родины, а и Отечества в целом. И низкий поклон ему за этот благородный труд.

Сегодня в должанской «Заре мира», насчитывающей почти 7 тысяч гектаров, стабильно получают высокие урожаи зерновых, сахарной свёклы, причём выращивают её без затрат ручного труда. Кормовые культуры – в том же ряду, ведь на фермах содержатся 3,5 тысячи голов крупного рогатого скота. Ещё надо не обделить поголовье, что выращивается в личных подворьях селян. А в хозяйстве только одних работников 350.

Люди всегда умеют отличать плохое от хорошего. Например, под их оптическим прицелом Пахомов каждый день, и видят они его всегда в делах. А если, к тому же, ещё живёт в нём человеческая доброта, уважительное отношение к людям; если он всегда трезв и организован – разве это плохо? Так вот и разобрался народ с Пахомовым: за всё доброе, что делал и делает на должанской земле этот че-

ловек, за ценные качества его характера народ избирал его депутатом районного совета, и его председателем избирался, – большое доверие! А ещё земляки удостоили его, как считает Владимир Михайлович, самой высокой награды – присвоили звание Почётный гражданин Должанского района.

В родном же хозяйстве о нём местный поэт даже написал стихи. Читателю – на пробу (в сокращении):

Живёт с Михалычем народ!
А без него бы – недород.
За 10 га даёт по тонне –
Ценнее, чем чефир на зоне.
Весною вспашет огород,
Считай, картошка прямо в рот.
Зернишка надо – не откажет,
Он завсегда народ уважит.
А кто уходит в мир иной –
Поможет справить «упокой».
Живёт деревня – стар и млад,
На всех хватает благ, услад.
А клуб отгрохал он, видали?
Идёшь туда – снимай сандалии.
Там пол почти совсем зеркальный,
В царёвой зале хуже, бальной.
Концерты там дают артисты,
Поют и хором, и солисты.
Да, дом культуры – обалдеть,
Глазам аж больно в нём смотреть.
Зайдёшь – и сразу обомрёшь…
Ну, председатель, ты даёшь!..

* * *

Июнь уходил – с тёплыми слепыми дождями и румяными зорями. Насквозь пронизанный светом одуванчиков и ромашек, пропахший мёдом и зеленью разнотравья, он уходил безропотно и как бы нехотя – через поля, где тяжелела хлебная нива, через сады и перелески, где разноголосо славили его птичьи семейства и плакали по нём кукушки-печальницы. А, уходя, он уносил с собой всю эту прелесть – завтра её уже не будет, – но при этом оставлял людям надежду, что ещё вернётся сюда и будет радовать теплом и светом таких же сказочных дней. Он оставлял людям из Урынка и окрестных деревень надежду на будущее, вливая в них новые жизненные силы.

И я из Урынка – как бы вслед за ним: дорога всё через поля и перелески, через Колпну и Малоархангельск; и всё с думками о Пахомове, о его хлеборобской судьбе – трудной по времени, но счастливой: ведь это был его выбор, подсказанный предками на генетическом уровне.

2016 год, июль.

МАРИНА КАРЛОВА

ГОЛУБАЯ ДОРОГА ЛЁТЧИКА-ПОЭТА ГРИГОРИЯ КАРЛОВА

Село за речкою Колпёнкой
По косогору разбрелось.
Берёза с клёном над хатёнкой,
В которой мне родиться довелось.

Здесь петухи часами пели,
Луна на яблоне спала,
И тучи в окна нам глядели,
Из речки радуга пила.

Отсюда, с этого порога,
Из глухоманного села,
Вся в загогулинках дорога
Меня в пилоты увела…

Так пишет о себе в автобиографической поэме «Голубая дорога моя» наш поэт – земляк, лётчик, мой однофамилец, участник научных и изыскательных экспедиций Григорий Николаевич Карлов. Его стихи печатались во многих газетах и журналах. Например, в газетах «Труд», «Ленинское знамя», «Красная звезда», «Воздушный транспорт», «Гражданская авиация», «Советские крылья» и журналах «Огонек», «Молодая гвардия», а также в сборнике «Сердце России» за 1978 год и в альманахе «Истоки» за 1977 год. В 1990 году вышел его сборник стихов «Я с небес торопился к тебе». В нём собраны почти все ранее публиковавшиеся произведения поэта.

Родился Григорий Николаевич Карлов в деревне Нижнее Карлово Орловской области Колпнянского района, и фамилия ему дана, по его словам, по названию деревни, хотя никто не знает, «почему так зовут деревеньку в самом сердце Руси» («О фамилии»). В поэме поэт рассказывает об одном интересном случае, перевернувшем всю его дальнейшую жизнь. Однажды, перед войной, недалеко от деревни, вдруг приземлился самолёт:

Мы всем селом, язык на плечи,
Неслись на чудище взглянуть…

Или на «сатану», как окрестили «крылатое существо» все деревенские. А через некоторое время произошла еще одна удивительная встреча.

– За Колпёнкой, за лесочком,
Был полевой аэродром.
И как-то летним вечерочком
К нам поселился лётчик в дом, –

вспоминает Григорий Николаевич Карлов. Знакомство с человеком летной профессии оставило неизгладимый след в памяти мальчика. Рассказы летчика в его душе «приют нашли» и дали начало мечте, ставшей затем реальностью – «любовью к небу проросли». Небо, небушко, пятый звёздный океан, как называют его пилоты, стало той единственной дорогой, без которой Григорий Николаевич Карлов не мыслил своей жизни.

Случилось так, что первою любовью
Не женщину – я небо полюбил.

Оно мне стало радостью и болью…
Всё, что имел, ему я подарил.

После окончания десятилетки, без разрешения отца, вопреки его воле, Григорий Николаевич поступил в Сасовское лётное училище. Позже окончил школу Высшей лётной подготовки и летал на самолётах и вертолётах разных типов. Работал на закрытом аэродроме в Мячково, Люберцах, Быково, Внуково и на др.

За сорок лет работы в авиации он избороздил всё необъятное пространство бывшего СССР:

Над всей страной машина пела.
С годами зорче видел глаз.
О, сколько раз земля рыжела
И зеленела сколько раз!
«Голубая дорога моя»

Для каждого небо пахнет по-разному, «но только б не пахло небо войной» - вот в чём убежден был лётчик. Никогда не забывал он свою военную и послевоенную жизнь, все её тяготы и невзгоды. Как почти два года жили в немецкой оккупации, как «шёл к родной советской школе в больших немецких сапогах», как «ждали травку молодую» и «пухли, ев её живую», как «в одном ярме с коровой мама» одной ходили бороздой, как «глядели окна сиротливо у полсела», но выжили, победили и отстроили всё заново. Поэтому всю жизнь Григорий Николаевич Карлов выступал в защиту мира на Земле. Постоянное чувство ответственности за людские судьбы побуждало его к самоотверженному труду:

Гляжу с небес я на планету
И понимаю всё вполне:
Что сорок лет войны уж нету,
Что каждый день я на войне.

А если спросишь: «Чем рискую,
С кем в мирный день затеял бой?»
Я сорок лет за мир воюю
И не уйду с передовой.

По мне зенитки не стреляют,
В атаку трубы не зовут,
Но люди жизнь мне доверяют, -
Пусть и мою себе возьмут.
«Гляжу с небес я на планету»

Работа лётчиков-авиаторов всегда опасна и рискованна. И в жару, и в холод, и в любую непогоду приходится поднимать им машины в небо. Неспроста их головы так рано седеют.

Расскажу я тебе с середины,
Остальное по смыслу поймёшь.
Ты, вздыхая, глядишь на седины,
А дотронься – ладонь обожжёшь.

Я из тех, кто рождается дважды,
Сам не веря таким чудесам.
Приколол облака я однажды
К воронёным своим волосам, –

пишет о себе лётчик в стихотворении «Седины». Может быть это произошло в тот день, когда с ним случилась беда: самолёт упал в тайгу, но сам он чудом остался жив – его спасли монашки.

Стихи свои Г.Н. Карлов писал, как он сам говорит, «без отрыва от лётных дел», где «Бог подскажет и велит». Кстати, на выпускных экзаменах в школе он своё сочинение написал в стихах, но ему за это поставили «двойку».

Поэта часто приглашали выступать на новогодних концертах, на праздниках, посвящённых Дню Победы, 8 Марта, 23 февраля, на учительских конференциях, в школе перед детьми. Сохранились снимки с его выступлениями в Колонном зале Дома союзов, в Мячково, на Брянщине, Министерстве гражданской авиации, на юбилеях аэрофлота, где он запечатлён с артистами Н. Крючковым, Г. Вициным, поэтессой Р. Казаковой, лётчиками-космонавтами: Малышевым, Горбатко, Джанибековым, Лазаревым и другими.

С большой любовью, нежностью и уважением написаны его стихотворения о коллегах по работе. Например, «Авиатехник».

…Скажу о нём, как сам умею,
Душой пилотской не кривя:
Я без него взлететь не смею,
А он бескрылый без меня…

А также стихотворение, посвящённое Ю.А. Гагарину, который был и останется идеалом для многих поколений лётчиков и космонавтов:

Я иду погожим днём по Люберцам,
И Гагарин смотрит на меня.
На плечах костюм майора новый
Полыхает золотом наград.
Наш Колумб, орёл русоголовый.
Мой годок, по небесам собрат.
Смотрит так доверчиво и весело,
Видно, вспомнил шутку прошлых дней:
Оба ведь ходили за компрессией
Под лукавый хохот технарей.

«Юрина орбита»

И многие другие стихотворения: «Стюардесса», «Друзья», «Мальчики седые».

Г.Н. Карлов тоже когда-то мечтал стать космонавтом, но «на Землю с Луны не успел посмотреть» («Я своё отмахал»). Судьба вручила ему «штурвал и небо до Курил» («Голубая дорога моя»). С гордостью говорит он о своём рабочем месте, называя его – «Земли Российской небеса». Не забывает поэт и о тех, кто ждёт пилотов дома – об их жёнах.

Мы без вас пилоты – не пилоты,
Мы без вас – почти равны нулю.
Не взлетели б в небо самолёты,
Если б не сказали вы «Люблю!»

Загрустили в пятом океане
Наши корабли в холодной мгле.
Знайте, на любом меридиане
Вы наш курс и звёзды на земле!

«Женам лётчиков»

Очень лиричны и трепетны, наполнены высоким чувством стихотворения поэта о любви. Например, «Ветка мимозы»:

В краю моём ещё морозы,
Но тянет мартом ветерок.
На ветку южную мимозы
Садится звёздами снежок.

Я с ней к тебе на крыльях мчался,
Спешил успеть на праздник твой.
…Этот праздничный подарок –
Частица сердца моего.

Для него любовь – это чувство, которое не продается и не покупается, поэтому обещая любимой полпланеты, Г.Н. Карлов замечает:

Коль придёшь ты за этим –
Откажусь я от тебя.

Но больше всего у него стихотворений, посвященных России и малой родине:

Крылом кивну аэродрому –
И в лоб целую облака.
А под крылом моя Россия,
И небо под крылом моё,
И звёзды в россыпь золотые,
Леса, поля, снега её…
И где б мой лайнер ни садился,
С какой ни знался высотой –
Я всюду с Русью находился
И на земле, и над землёй.

«Как в отчем доме».

Россия начиналась для него с Колпнянской земли. Здесь поэт оставил своё детство «среди берёз и тополей» («Россия»), где «как будто праздничная свечка, горит рябина на ветру» («Рябина»), где «под ракитою рябою в лучах зари родник горит» («Родное»), где «особый запах хлеба ржаного только из печи» («Страда»). Это тот край, где «утро узнают по петуху» («О себе»).

Я не курский, не тамбовский,
Не рязанский простачок,
Я потомственно орловский,
С хитрецою мужичок, –

с гордостью говорит он в стихотворении «Я не курский, не тамбовский».

Из любых мест Г.Н. Карлов всегда спешил под родное окошко, откуда началась его дорога в небо:

Я в поющий квадратик окошка
Весь полёт за землёю слежу.
Всё ищу на деревню дорожку –
На свидание с детством спешу…

Увели меня ранние стёжки,
Далеко научили летать,
Но сюда, под родные окошки,
Сколько лет всё боюсь опоздать.

Жизнь Григория Николаевича Карлова оборвалась несколько лет назад. Предположительно в начале 90-х годов. Он умер после двух инсультов в возрасте 63 лет и похоронен в Москве. Точное место захоронения пока выяснить не удалось.

В Колпне его помнят необыкновенно скромным, добрым, весёлым и отзывчивым человеком. «Он мог в лепёшку расшибиться, чтобы помочь кому-нибудь, но для себя никогда ничего не просил», – рассказывает о нём его племянница Наталья Витальевна Горбова, которая проживает в Колпне. «В отличие от других людей, которые только проходят через душу, это человек, который остаётся в душе», – вспоминает о Г.Н. Карлове Татьяна Сергеевна Красова, ныне предприниматель, а в прошлом работник районной типографии. – Он всё, о чём писал, переживал сам». «И даже после кремлёвской сцены, – продолжает сотрудница районной библиотеки Ирина Откидач, – он говорил, что «нет больше и роднее сцены для меня, чем сцена на Колпнянской земле».

Григорий Николаевич Карлов прожил удивительную, наполненную смыслом и событиями жизнь, которая может стать примером для многих поколений людей. Знакомство с его творчеством оставляет массу впечатлений, вызывая чувство гордости за нашу Колпнянскую землю, породившую такого замечательного человека, поэта и гражданина.

ВАЛЕНТИНА КОЛАБЕНКОВА

ГОРОД БОЕВОЙ СЛАВЫ

В первые дни Великой Отечественной войны жители районного центра города Малоархангельска и окрестных сёл с чувством глубокого патриотизма поднялись на битву с врагом. Организованно и своевременно была проведена мобилизация в ряды Красной Армии мужчин призывного возраста, транспортные средства передавались в резерв армии.

На территории района формировался отряд ополченцев, создавались подпольные группы для борьбы с врагом на случай оккупации. А на фронте складывалась опасная, напряжённая обстановка. Полчища фашистов уже топтали орловскую землю и к середине осени приблизились к территории Малоархангельского района. Местные партийные и советские власти проводили огромную работу по эвакуации в ближний и глубокий тыл населения, материальных ценностей и скота. В октябре 1941 года наши войска вынуждены были оставить город Малоархангельск. Территория города и района подверглась оккупации фашистскими захватчиками, нанёсшей огромный ущерб народному хозяйству и населению района. Почти полтора года гитлеровцы хозяйничали на территории района и города. С приходом оккупантов жизнь малоархангельцев превратилась в нескончаемые муки и страдания. Первые шаги завоевателей сопровождались изуверскими актами насилия, разбоя, массового истребления мирного населения. Особенно много советских людей было расстреляно осенью 1942 года. За 16 месяцев оккупации фашисты уничтожили многих людей нашего города и района. Лесное урочище у п. «Зеленая Роща» было превращено в место казни. Здесь был расстрелян председатель Гнилоплотского сельского Совета Мельников, инструктор Малоархангельского райкома

партии Попов и десятки мирных жителей. Всего по району фашистами было убито 253, сожжено 8 и повешено 6 человек, среди них комсомольцы-разведчики 13 армии Семён Кондарев, Вилли Огнев и Клавдия Шаталова – наша малоархангельская Зоя Космодемьянская; они были повешены после зверских пыток. Также были расстреляны директор педагогического училища Ефремов. участники подполья Аграфена Медведкова, Мария Баринова, брат и сестра Анна и Михаил Бывшевы.

В это время активизировалась деятельность диверсионных партизанских групп. Малоархангельские и протасовские подпольщики были связаны с командованием Первой Курской партизанской бригады, находившейся в Михайловских лесах, и разведотделом 13-й армии, противостоявшей фашистам на малоархангельском направлении. По двум нелегальным приёмникам принимали сводки Совинформбюро и распространяли их среди населения комсомольцы Королёва Ольга, Устинов Николай, Кузьмин Михаил, Безлепкин Владимир, Кононов Виталий, Сопин Алексей и другие. Подпольщики вырезали куски телефонных кабелей, тянувшихся от Малоархангельска к Понырям, от Глазуновки – к Дросково и Колпне, спиливали телеграфные столбы от Гринёвки до Малоархангельска. Фашисты свирепствовали. «Новый порядок» гитлеровцев – это безмерные страдания советских людей. Там, где побывал немецкий солдат, оставались пепел и развалины. В Малоархангельске было сожжено 183 частных дома, взорваны и сожжены все здания, в которых размещались районные учреждения и организации, четыре школы, педучилище, больница, клуб, библиотека, электростанции и другие объекты. Угнано в Германию 1406 человек. Но город выстоял, никакие зверства не смогли запугать наших людей, поставить их на колени.

Красная Армия, оправившись от неудач, одержала победы под Москвой, Сталинградом. В феврале-марте 1943 года была осуществлена зимняя наступательная операция: «малоархангельская» на Орловско-Курской дуге – в районе городов Курска, Малоархангельска, Дмитровска, посёлков Змиёвка, Колпна, Покровское. Она проводилась в трудных погодных условиях. Бои приняли затяжной характер.

Участник освобождения г. Малоархангельска, бывший командир 3 дивизиона 326-й артиллерийского полка 148-й Черниговской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии, подполковник запаса Дмитренко Андрей Николаевич вспоминал о героических событиях тех военных лет:

«Обстановка на советско-германском фронте после окружения немецко-фашистских войск под Сталинградом резко изменилась в нашу пользу. Стратегической инициативой теперь овладело советское командование. Советские войска проводили большое зимнее наступление. Юго-западный фронт вёл бои на подступах к Донбассу, Закавказский и Южный фронты вышибали немецко-фашистских захватчиков из предгорий Кавказа. Войска Воронежского фронта начали 12 января острогожско-россошанскую наступательную операцию. В результате этой операции войска 13-й Армии нависли над флангом касторненской группировки и создавали угрозу тылам 2-й полевой армии вермахта.

Полгода готовили гитлеровцы оборону перед фронтом наступления 13-й Армии. Оборона противника имела развитую сеть траншей и ходов сообщения, оборудованные дзоты и блиндажи. Передний край прикрывался проволочными заграждениями в несколько рядов и минными полями. Противник имел хорошо организованную систему огня. Глубина первой полосы обороны составляла 4-8 км. К тому же, погодные условия, глубокий снег, сильные морозы и вьюга были в пользу противника, который имел тёплые блиндажи и укрытия…

26 января 1943 года войска 13-й Армии перешли в наступление в направлении на Касторное. С юга навстречу войскам 13 Армии наступали войска 38-й и 40-й армий Воронежского фронта.

Несмотря на глубокий снег, бездорожье, войска 148-й стрелковой дивизии стремительно продвигались вперёд, гитлеровцы цеплялись за каждую деревню, каждый дом и, отступая, сжигали их. Таким образом, наши наступавшие подразделения и части вынуждены были вести бои и день, и ночь на открытом снежном поле. В частях дивизии начало увеличиваться число случаев обморожения, хотя наши воины были одеты и обуты в тёплое зимнее обмундирование.

12 февраля 1943 года 13-я и 48-я армии вторично перешли в наступление. Однако к этому времени германское командование уже вывело с ржевско-вяземского плацдарма 7 дивизий и перебросило их на орловское направление, из которых 2 танковые и 3 пехотные дивизии развернулись против сил на Брянском фронте.

Теперь части дивизии нацелились на г. Малоархангельск. Двухнедельные бои за город Малоархангельск, сильно укрепленный немецким гарнизоном со значительными подкреплениями, не привели к его взятию. Противник в район города подбросил свежие части 18-й и 20-й танковых дивизий и 235-й пехотной дивизии. Наши же части, в результате беспрерывных боёв, почти в течение месяца не знавшие отдыха и поредевшие в результате потерь, в отношении противника были в невыгодном положении. К тому же, г. Малоархангельск расположен в местности с господствующими высотами у противника. Полки дивизии, используя балки и овраги, сосредотачивались для штурма города. Артиллеристы большую часть орудий использовали для прямой наводки. Утром 23 февраля командир дивизии генерал-майор Мищенко назначил штурм города. 654-й стрелковый полк наступал в центре, 507 стрелковый полк (командир полка подполковник Николаев) – слева, 496-й стрелковый полк (командир подполковник Фомичёв) справа.

Лишь 22 февраля 74-я, 148-я и 15-я дивизии 13-й армии, поддерживаемые 19-м гвардейским артполком полковника Ф.П. Кряжева и 106-м армейским миномётным полком майора М.П. Хлыпавки, начали ночной штурм города. По воспоминаниям капитана Б.А. Панова, «кровавое зарево окрасило снежный покров. Этот огонь как будто зажёг сердца наших людей».

Поддерживали полки: 654-й стрелковый полк (командир — капитан Дмитренко А.Н.), 507-й стрелковый полк, 1-й дивизион (командир — капитан Елисеев И.А.), 496-й стрелковый полк, 2-й дивизион (командир — капитан Пантелеев В.П.), 226 ОИПТД (командир — капитан Никифоров) в центре дивизии.

На рассвете артиллерия провела артподготовку и батальоны бросили на штурм. Открытая перед городом местность не позволяла скрыто маневрировать нашим батальонам, большинство которых наступало в лоб. Противник яростно сопротивлялся. Артиллеристы, не отставая от пехоты, продвигались вперёд, уничтожая огневые средства и живую силу противника, отражая его танковые атаки.

Противник вынужден был оставлять улицу за улицей, неся при этом большие потери. Почти две недели шли тяжелые бои за город Малоархангельск. Немецкий гарнизон этого узла обороны получил большие подкрепления, сюда были переброшены егерские батальоны. «Любой ценой удержать Малоархангельский плацдарм», – последовал приказ из Берлина.

23 февраля 1943 года город Малоархангельск был освобождён частями 13-й Армии Пухова в составе Центрального фронта под командованием Рокоссовского. Не задерживаясь в городе, войска дивизии продолжали теснить противника, продвинувшись на запад от Малоархангельска ещё 15 км, достигнув рубежа р. Неручь.

В течение нескольких дней войска продолжали отражать непрерывные контратаки пехоты и танков противника при мощной поддержке авиации. На этом рубеже суждено было дивизиям Рокоссовского 5 июля 1943 года принять участие в наступательной операции на Орловско-Курской дуге. По случаю освобождения г. Малоархангельска в праздник – День Советской Армии и Военно-Морского флота –

на площади города состоялся митинг с участием воинов 13 армии.. Митинг открыл заместитель командира одной из дивизий по политической части, который поздравил жителей города с освобождением от немецко-фашистских захватчиков именно в такой знаменательный день.

Выступивший затем секретарь райкома партии Черепухин сказал: «Шестнадцать месяцев город был в немецкой кабале. Фашисты издевались над мирными жителями, грабили и увозили наше достояние, угоняли на каторгу в Германию советских людей. Красная Армия освободила наш город и принесла свободу его жителям. Мы клянёмся вам, родные наши воины, что не пожалеем сил для восстановления разрушенного врагом хозяйства, восстановим колхозы и совхозы. Желаем вам, бойцам Красной Армии, и дальше громить врага до полного изгнания его из пределов нашей Родины. Да здравствуют бойцы, командиры и политработники, соединения генерала Мищенко, освободившие нас от оккупантов! Вперёд на Берлин!»

В ответной речи командир дивизии генерал-майор Мищенко заверил жителей города, что воины дивизии не пожалеют своих жизней для полного изгнания и уничтожения врага, а жителям города Малоархангельска пожелал быстрее восстановить разрушенное хозяйство и своим трудом внести достойный вклад в общую победу над врагом.

Воины дивизии сдержали своё слово. Выдержали июльские бои на Огненной дуге, прошли с боями на Запад, освободили города Чернигов, Шепетовку, Тернополь, Львов, Польшу. Чехословакию, закончили свой боевой путь под Златой Прагой.

В 1973 году ветераны дивизии встретились на малоархангельской земле, где они сражались с врагом зимой и летом 1943 года».

Память о нескольких тысячах воинов, отдавших свои жизни за освобождение малоархангельской земли, забвению не подлежит. В районе два десятка братских могил, два мемориальных комплекса. Один – в городском парке Малоархангельска, другой – в селе Протасово.

Восемь малоархангельцев, их бюсты установлены в Парке Победы, в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза. Это Федяков Иван Лаврентьевич, Чечнева Марина Павловна, Гринёв Михаил Андреевич, Костин Леонид Николаевич, Локтионов Андрей Фёдорович, Цветаев Вячеслав Дмитриевич, Черняев Пётр Андреевич, Яшин Николай Иванович.

Более четырёх тысяч малоархангельцев отдали свои жизни в войне с германским фашизмом. Память о войне живёт в каждом доме. С помощью ветеранов Великой Отечественной войны восстановлены и бережно хранятся воспоминания о сражениях в музеях Боевой и Трудовой Славы в городе Малоархангельске, в школьных музеях Боевой Славы, помогая молодым поколениям оценить подвиг их отцов и прадедов, спасших человечество от фашизма.

9 Мая 2016 года в Парке Победы был открыт памятник Маршалу Советского Союза Константину Константиновичу Рокоссовскому – освободителю г. Малоархангельска, и Маршалу Советского Союза Ивану Христофоровичу Баграмяну.

Леонард Золотарёв

Маршалу Рокоссовскому

И снова они, как живые, на марше.
Июль сорок третьего, лето, жара.
Военный наш гений, любимый мой маршал
В войне прогремевшей как будто вчера.

Явился сюда к нам из Сталинграда,
Свободу принёс, вижу первым его
Среди генералов, где школа у сада,
Он смел, справедлив, я учусь у него.

Отсюда наш фронт, Первый наш Белорусский,
В боях устремился вперёд, на Берлин!
И вот этот фронт наш – орловский и курский,
В строю победителей не один.

На Красную площадь на мой день рожденья,
Проходим парадом в свободной стране.
Я с маршалом рядом, мы два поколенья,
Мы вместе гарцуем на белом коне.

Любимый мой маршал, военный наш гений,
Суворов и Дмитрий Донской.
Он с нами, он светоч для всех поколений,
Он вечно для нас как живой!

24 июня 2016 года,
г. Малоархангельск

АЛЕКСАНДР ЖИЛЯЕВ

ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ. О НАШЕМ МУЗЕЕ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Сегодня о войне написаны тысячи книг, сложены сотни песен и сняты кинофильмы, до тонкостей изучены истоки Победы. И, тем не менее, тема войны до конца не исчерпана, она ещё долго будет пробуждать к себе интерес нас, родившихся в послевоенное, мирное время.

Вспоминать ужасы войны тяжело. Забыть – невозможно, этого сделать не позволяют ни чувство совести, ни разум. Об этой драме целых народов надо говорить постоянно, умалчивать о ней нельзя. Ведь подвиг нашего народа в войне, им пережитое и им совершенное – это моральный капитал, из которого будут черпать духовную силу всё новые и новые поколения.

Сохранить память и узнать страницы в героической летописи нашего района нам помогает работа в Музее боевой славы. В 2012 году наш музей отметил 25-летие, а поисковому движению в нашем районе исполнилось 50 лет. Возглавила это движение в 1962 году М. Ф. Шеховцова. Свою работу мы посвящаем Марии Фёдоровне – замечательному человеку, добрейшей души и безгранично преданному своему делу – патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Она не была участницей войны. Когда началась Великая Отечественная война Марии Фёдоровне было 16 лет. Родом она с Урала. И война вошла в её жизнь обес-

силенными беженцами, переполненными госпиталями, бесконечными эшелонами с нашими солдатиками, увозившими их на запад.

А в 1946 году Мария Фёдоровна приехала со своим мужем на Малоархангельскую землю. Она была поражена увиденным: разорённые и сожжённые селения, на местах былых сражений – искорёженная техника. Было ясно, что это результат жестоких кровопролитных боёв. Сколько же тогда жизней унесли они!

Установить имена воинов, погибших за освобождение Малоархангельскоого района, по крупице собрать материал о подвигах защитников земли русской, стало целью и смыслом жизни Марии Фёдоровны. Она очень остро чувствовала, что за десятилетия забывается всё, но дать стереть память о Великой Отечественной войне нельзя, такое народ забыть не должен.

В 60-е годы Мария Фёдоровна создаёт первый поисковый отряд. Это было осенью. Мария Фёдоровна с пионерами возвращалась из леса, несли ветки рябины с ярко-красными кистями. Зашли в парк к братской могиле, положить на плиту гроздь рябины. На мраморную плиту было нанесено всего двенадцать имён, как потом мы узнали, из трёхсот семидесяти. Ребята молчали, думали о чём-то своём. И вдруг одна девочка сказала: « Интересно, кто были эти люди, защитившие нашу землю?». И начался поиск длиною в жизнь. Во все уголки Советского Союза полетели тысячи писем, написанных красными следопытами. Были трудности: некоторых населённых пунктов уже не было, другие были переименованы, но ребята не сдавались, они писали своим ровесникам, почтальонам, в военкоматы. И скоро завязалась обширная переписка с родственниками погибших воинов, а также с ветеранами, участниками боёв за наш родной край.

За сорок лет её деятельности сменилось не одно поколение мальчишек и девчонок, которым была небезразлична судьба защитников Отечества, история родного края. Для своих воспитанников Мария Фёдоровна была любимым наставником, единомышленником, просто верным другом. Рядом с ней многие годы был сплочённый коллектив и под её руководством велась большая, всесторонняя, кропотливая поисковая работа.

Результатом этой работы стало открытие в 1987 году Музея боевой славы. В основу его был положен богатейший исторический материал. И хотя Мария Фёдоровна не была участницей боёв, она помогла сохранить для нас частицу великого подвига, совершённого верными сынами нашей Родины в суровую годину испытаний. Для ветеранов она была важным человеком, с которым они посещали места былых сражений и как бы возвращались во времена своей юности, опалённой огненным вихрем одной из величайших битв Великой Отечественной войны – битвы на Орловско-Курской дуге.

Нельзя без волнения читать воспоминания участников боёв на нашей земле. Вот что написал нам ветеран 6-го артиллерийского полка 74-й стрелковой дивизии Н. Ильин: «11 июля на участке, занимаемом 4 батареей, которой командовал Иван Егорович Сонин, выдвинулись 11 фашистских танков и более сотни вражеских автоматчиков. Завязался неравный бой. В это время положение на батарее можно было назвать адом… Больше половины состава орудийных расчётов было ранено или убито. У уцелевших двух орудий уже нет снарядов. Но и фашисты несут огромные потери. Иван Егорович последним снарядом производит выстрел. Танк взрывается. Взрыв танка становится сигналом фашистам к отступлению. Так воины 4-й батареи отразили атаку 11 танков и более сотни вражеских автоматчиков, ликвидировав прорыв нашей обороны. Перед батареей стояли семь подбитых танков, валялись трупы автоматчиков и танкистов. Но и батарея понесла невосполнимые потери: 5 человек убитыми, 11 ранено, 3 пушки разбиты. В строю осталось 7 человек и одно орудие. Погиб в бою и отважный командир батареи Сонин Иван Егорович.

Читая воспоминания об этом бое, ярко представляешь себе жестокую схватку, из которой наши бойцы шагнули в бессмертие. Эти люди не были чудо-богатырями, которые в огне не горят и в воде не тонут, они были простыми смертными, которые задыхаются в дыму, страдают от ран, боятся смерти, но в тоже время верят в победу. И их вера сильнее смерти. Они выстояли и победили! А как же не хотелось им умирать! Ведь дома их ждали близкие, дорогие сердцу люди, а у Ивана Егоровича недавно родился сын, которого он ещё не видел. Семья Ивана Егоровича была первой из многих сотен семей, которым Мария Фёдоровна вместе со своими воспитанниками помогла найти место захоронения, разыскать родных им людей.

Память о Герое Советского Союза И.Е. Сонине в нашем городе увековечена. Установлен бюст герою. На открытие памятника, которое состоялось в честь 30-летия Орловско-Курской битвы, были приглашены его однополчане, а также его семья. Рассматривая фотографии этого события, мы видим хрупкую женщину в беленьком платочке, а рядом с ней сына Ивана Егоровича, удивительно похожего на отца-Героя.

В июле 2012 года, на годовщину гибели И.Е. Сонина, к нам в музей приезжали с его родины ученики, чья пионерская дружина носит имя отважного земляка. С ними приехал сын Ивана Егоровича, Валерий Иванович Сонин. Вместе с ними мы побывали на месте, где принял свой последний бой отважный командир. Земля до сих пор хранит следы жестокого боя: повсюду воронки от снарядов, отчётливо видны следы, где стояли пушки. На эти места легли алые гвоздики, как капельки крови, они напоминали нам о трагедии, разыгравшейся здесь 70 лет назад. Как сжалось сердце, когда уже немолодой мужчина, убелённый сединами, опустился на колено и прижался щекой к земле, принявшей последний выдох бойца, и прошептал со слезами на глазах слова, обращённые к своему отцу.

В такие моменты приходит осознание масштаба трагедии, и хочется сделать всё, чтобы память об этих людях сохранялась долгие, долгие годы. И память эта не только памятник и надгробье, а живая гордость и боль души человеческой. В них не только уроки прошлого, но и уроки на будущее. Не только проклятие войне, но и прославление воина. Не только дань памяти павшим, но и тот долг, который возлагает на себя каждый из нас.

Масштаб героизма, проявленного советскими воинами в годы Великой Отечественной войны, поразил весь мир ещё тогда, в годы войны, и будет поражать воображение многих поколений. Всенародный подвиг, совершённый на нашей земле, уникален тем, что плечом к плечу здесь сражались воины 24 национальностей. Эта наша история, и от этого никуда не деться. Мы благодарны Шеховцовой Марии Фёдоровне за то, что она смогла собрать и сохранить эту историю для нас в музее Боевой славы, который с 2002 года носит имя своего создателя М.Ф. Шеховцовой.

В наш музей приходит много людей. Это и дошкольники, и школьники района, и ветераны, и просто жители города. Люди приходят сюда, чтобы прикоснуться к истории, к подвигу старшего поколения. Посещают музей и гости Малоархангельска, ветераны, участники боёв за наш город, родственники солдат, кто сложил голову в священной битве за наш сегодняшний мирный день. Равнодушных нет. Об этом говорят многочисленные записи, сделанные в книге отзывов. Вот одна из них: «Дорогие ребята, сердечно благодарим вас за те минуты, которые мы провели в Музее боевой славы. Трудно передать словами чувства, с которыми мы здесь находимся. Пятьдесят лет мы не знали, где могила нашего отца Коченева Антона Васильевича. Спасибо вам за свидание с ним».

Дело Марии Фёдоровны продолжаем мы – молодое поколение. Всё, что делается в нашем музее, направлено на то, чтобы сохранить героические страницы нашей истории. С этой целью у нас в районе проводятся различные акции: «Поклонимся

великим тем годам», «Ввойну великую мы помним», «Свет в окне», «Полотно Победы». Каждый год в районе проходит Вахта памяти. Мы, члены клуба «Дорогой отцов», принимаем активное участие во всех мероприятиях. О своей работе мы рассказываем на страницах районной газеты « Звезда», у нас есть сайт, на котором мы размещаем материалы из фонда музея, а экскурсии по нашему музею никого не оставляют равнодушным.

Мы гордимся своим музеем, носящим славное имя Марии Фёдоровны Шеховцовой.

Леонард Золотарёв

Бессмертный полк

В алом венчике из роз
Впереди Иисус Христос.
(Из поэмы «Двенадцать»)
А.Блок.

Бессмертный полк шагает по России.
Возник, живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим, Василий –
Легли на главном, на московском направлении.

Три сына дедушки ушли и не вернулись.
Несу над ними дедушкин портрет.
У Вечного огня дай постою, поэт.
Мы выстояли, брат мой, не согнулись.

Бессмертный полк шагает по России.
По городам, по памяти земли.
Три сына деда: Гавриил, Максим, Василий,
Три моих дяди первыми легли.

Смотрю в огонь, колышутся в нём лица.
Остановлюсь, прищурюсь на момент,
И вижу я – в полк строится столица,
И впереди с народом президент.

Бессмертный полк шагает по России,
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий –
И дедушка мой с ними, как святой.

Бессмертный полк шагает по планете,
А в том полку и взрослые, и дети.

30 декабря 2015 г.,
г. Орёл

ЮРИЙ ЧЕРКАСОВ

МОЯ ДОРОГА К ХРАМУ

Встречи со старцем Илием

Схиархимандрит Илий (Алексей Афанасьевич Ноздрин) родился в 1932 году в селе Становой Колодезь Орловского района Орловской области. Духовное образование старец начал в Саратовской семинарии, а после её закрытия перевёлся в Санкт-Петербургскую, там же принял иноческий чин с именем Илий, что на греческом языке означает Солнце. Был насельником Псково-Печерского монастыря, нёс служение на Афоне, В конце 80-х годов вернулся в Россию, где стал духовником братии Оптиной пустыни, а ныне ещё и личный духовник Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Впервые я услышал имя оптинского старца Илия в начале 90-х годов в г. Орле, куда он приезжал иногда и вёл богослужения в Орловских храмах. Православие только начинала возрождаться. Привлекало всё: вдруг так открыто заговорили о Боге, о святых праведниках, о старцах. Кто же это такие? « Да вот же батюшка Илий, поди и поговори с ним и сам увидишь, кто они такие », – сказала как-то мне богомольная старушка. И вот мы с друзьями – художниками отправляемся в Оптину пустынь писать этюды, а заодно и поговорить с батюшкой, узнать, как там у Бога. Батюшку мы увидели, а вот подойти к нему не смогли, оробели. К нему притекало так много народа со своими нуждами, что я, да и друзья мои, не рискнул к нему обратиться, видно вопросы тогда меня неправильные волновали, одно праздное любопытство. Монастырь только начали восстанавливать после длительного разорения. Не было ещё колокольни и многих корпусов. В то время даже не верилось, что монастырь может быть восстановлен. А я так и уехал со своим неверием, не поговорив, но увидев батюшку и ощутив его неимоверную внутреннюю энергию, которая, я думаю, испугала меня. Шли годы. Жажда встречи и ощущение робости остались со мной навсегда.

Но встреча с батюшкой всё же произошла в 2014 в храме Михаила Архангела в Орле, после Крестного хода к Кресту, установленному на месте бывшей Георгиевской церкви, что находилась на улице Болховской (ныне ул. Ленина, кинотеатр Победа). Батюшка шёл по храму и благословлял всех прихожан, выстроившихся в длинную очередь, где стоял и я с желанием попросить благословение на семейное благополучие. Но когда батюшка поравнялся со мной и коснулся моей руки, я спросил совсем иное: «Есть ли в Епархии планы на восстановление разрушенных храмов в Малоархангельском районе?». Старец остановился на мгновение, повернулся ко мне и сказал: «Вот тебе и восстанавливать, поезжай в Малоархангельск и берись за работу, а это тебе на переезд», и достал из кармана деньги (было там около пятидесяти тысяч). «А ты, – обратился батюшка к рядом стоящему, – будешь помогать ему». Как выяснилось, это был предприниматель, у которого дело не ладилось. Батюшка благословил его, но я так больше и не увидел этого предпринимателя. Так я оказался в Малоархангельском районе, на родине своих родителей, которых уже давно нет с нами, откуда уехал сам в 1965 году, думая, что навсегда. Но по благословению батюшки, я вновь оказался здесь в 2014 году. Купил домик в деревне Губкино и взялся за восстановление великолепного храма 1845 года во имя иконы Покрова Пресвятой Богородицы в селе Лески, что в 5 км от Малоархангельска. Этот храм привлекал меня давно, когда приезжал в отпуск, на этюды, привлекал своей историей, своей красотой, но изувеченной в своем забвении.

Третья встреча с батюшкой произошла почти через год, в июле 2015, ранним утром в селе Редькино Орловского района, куда я специально приехал и для благословения на дальнейшую работу, и для получения наставления. Батюшка выслушал, благословил, сказал: «Трудись, да поезжай сегодня в Никитский храм, да помолись у иконы Ахтырской Божией матери и получишь помощь» Я так и сделал. А трудностей действительно было много и главная в непонимании местной администрации, для чего надо восстанавливать храм в деревне, когда уже есть один в Малоархангеьске. Заместитель главы малоархангельской администрации так и сказала: «Нам ещё один храм в районе не нужен, и помогать мы не будем». Так и случилось. Но помощь все-таки пришла от людей, неравнодушных к истории родного края, к тому, что было построено до нас. Об эти людях я расскажу позже, это отдельная история. К слову сказать, у иконы Ахтырской Божией матери я оказался как раз в день её почитания – 15 июля.

Четвёртая встреча с батюшкой случилась 15 октября 2016 года в Малоархангельске, куда по воле божией и по молитвам верующих ранним утром приехал старец на второй день после праздника Покрова Пресвятой Богородицы для проведения богослужения в храме Архангела Михаила в Малоархангельске. Какая же это была радость для всех прихожан помолиться вместе со старцем о разрешении своих проблем. О разрешении проблем в родном Отечестве. По окончании службы отец Илий произнёс проповедь, в которой напомнил нам, почему мы зовемся христианами и что произошло с церковью после 1917 года, как началось изъятие церковных ценностей, а потом и закрытие храмов, гонения на христиан, аресты священников, клириков и мирян. Многие пострадали тогда, кто-то был расстрелян, кто-то умер в лагерях. Уцелевшие священнослужители вынуждены были переходить на гражданскую работу, чтобы прокормить свои семьи. «Мы должны помнить уроки истории, осознавая необходимость укрепления православной веры как основы нравственной жизни», – сказал старец. По окончании службы, я показал батюшке эскиз иконостаса, получил благословение и с великой радостью приступаем к его изготовлению. Помоги нам, Господи.

Об иконостасе

Раскрытие классической формы иконостаса завершается в начале XVI века. Это происходит на Руси, главным образом, в эпоху наибольшего расцвета её святости, иконописи и литургического творчества. Особенно свойственна этому периоду глубина проникновения в смысл и значение образа, что сказалось и на содержании, и на форме классического иконостаса. «Иконостас есть граница между миром видимым и невидимым, и осуществляется эта алтарная преграда, делается доступной, сплотившимся рядом святых, облаком свидетелей, обступивших Престол Божий, сферу небесной славы, и возвещающих тайну. Иконостас есть явление святых и Ангелов – агиофания и ангелофания, явление небесных свидетелей, и прежде всего, Богоматери и самого Христа во плоти, – свидетелей, возвещающих о том, что по ту сторону плоти. Иконостас есть сами святые. И если бы все молящиеся в храме были достаточно одухотворены, если бы зрение всех молящихся всегда было видящим, то никакого другого иконостаса, кроме предстоящих Самому Богу свидетелей Его, своими ликами и своими словами возвещающих Его страшное и славное присутствие, в храме и не было бы» (Павел Флоренский). Как и многое другое, иконостас, по мысли группы единомышленников, готовых начать делать его своими силами, своими руками, понимая, что здесь на грани между алтарём и кораблём совершается причащение верующих, их сочетание с Церковью.

История храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Лески

Храм Покрова Пресвятой Богородицы села Лески - это живая история. Он был участником и свидетелем многих эпохальных событий, имел своих подвижников, радовался достижениям, страдал вместе со своей страной, своим народом на протяжении 170 лет. Впервые Покровская церковь села Лески упоминается в ведомостях Ливенского духовного правления до 1789 года. Это была деревянная церковь, привезённая в село Лески из Малоархангельска в подарок селянам от князей Куракиных. Сельская церковь Покрова Пресвятой Богородицы входила в первый округ Малоархангельского уезда. К ней были приписаны село Лески с деревнями Удерево, Мамошино, Костюрино, Афонасовка, посёлком Серебряный.

После смерти Алексея Борисовича Куракина земли отошли его сыну Борису Алексеевичу, который очень уважал крестьян села Лески. Он начал всячески содействовать строительству новой каменной церкви, которая и была выстроена бригадой строителей под руководством Ивана Емельяновича Измайлова. Им построено около 50 церквей в округе. Кирпич для церкви обжигался здесь же, из хорошей глины, лето сушился, обжиг производился осенью.

Церковь стоит в центре села на крутом спуске к пруду, выстроенная в формах позднего классицизма. Это каменное крестово-купольное здание с алтарём и притвором. Строительство проводилось в два этапа. Главная центральная часть храма с барабаном и куполом была построена раньше, как и указано на кресте в 1845 году, имеется клеймо с надписью «Сибирь». Можно предположить, что он был отлит на Урале, на заводе Демидовых. Арочный четверик завершён барабаном и куполом. На барабане имеются восемь окон, между которыми с фасада находятся плоские сдвоенные тосканские пилястры. С севера и юга – приделы чуть меньше алтарной части. Квадратная в плане трапезная имеет сводчатый потолок, к которой позже были пристроены небольшой притвор с окнами и сводом на потолке. Колокольня трёхъярусная, на каждом ярусе имеется свой свод. Третий ярус выполнен в форме барабана с четырьмя окнами и завершается шлемовидным куполом с крестом. Шлемовидный (Византийский) купол имеет уникальную форму, не повторяющуюся в орловских храмах. Крестообразное в плане здание имеет так же уникальную форму интерьера, все части которого связаны с её главным сводом высотой 15 метров, высокими арочными проемами, что даёт возможность охватить взглядом всё пространство интерьера. Настенная роспись имела неразрывное целое с архитектурой храма и подчинялась его архитектурному замыслу. К сожалению, росписи практически не сохранились и сохранить их уже невозможно.

Долгое время священником в Покровском храме служил уроженец села Лески Александр Иванович Курдюмов. Местные жители его очень уважали. Шли к нему с проблемами, просили совета. В 1929 году его арестовали, приговор – 10 лет концлагерей, дальнейшая судьба неизвестна, вернее, он разделил судьбу многих новомучеников российских. В 1936 году с церкви были сброшены колокола и увезены. Во время Великой Отечественной войны пострадали главка и крест: главка изрешечена, крест упал. Хорошо сохранилась колокольня, не считая её южной стороны, которая сильно обстреливалась. В сводах трапезной образовались провалы. Всё пришло в забвение и, казалось, что наша историческая память оскудела навсегда. Храм закрыли на долгие 80 лет.

Говорят, если храм был построен на вере и любви, то на него нисходит Святой Дух и уже никогда не покидает его, а просто ждёт, когда к нему придут с верой, надеждой и любовью. Двадцатого августа 2015 года в храме состоялась Божественная литургия впервые за последние более чем 80 лет. В проведении богослужения по-

мог миссионерский отдел Ливенской епархии. Вёл службу отец Виталий (Вихров), ему сослужили протоиерей о. Николай (Гонтар), протоиерей о. Василий (Попадинец). На богослужении было много людей: это жители Октябрьского сельского поселения, из Малоархангельска и Орла.

О благотворительности

В царствование Императора Александра III благотворительность и христианские добродетели приобрели в глазах светского общества немалую ценность. Посвящая себя великому служению, Император издал Манифест, в котором призывал всех подданных «служить Нам и Государству верой и правдой, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения». Он выражал уверенность в том, что Всевышний не оставит нас своей всесильной помощью». В империи во второй половине девятнадцатого столетия и вплоть до 1914 года много делалось для устроения и возвышения святынь русской земли. Яркий пример этому – наша землячка из села Никольское Ливенского уезда Мария Охотникова, дочь героя Отечественной войны 1812 года Арсения Ермолаевича Коровкина. Благодаря ей, был основан женский монастырь Марии Магдалины, который сейчас восстановлен и радует своей красотой.

Другой яркий пример нашей землячки, Юлии Петровны Вревской, которая жила в селе Мишково Малоархангельского уезда. Она продала своё имение, создала медицинский вагон из сестёр милосердия и поехала в качестве сестры милосердия на Балканы, где шла война с турками. Там она заразилась тифом от раненых солдат и умерла. Болгария свято хранит память о подвиге русской сестры милосердия. «Русская роза погибла на болгарской земле», – писал В. Гюго. И.С. Тургенев посвятил Юлии Петровне стихотворение в прозе, в котором писал: «Жизнь ей улыбалась… Нежное, кроткое сердце, и такая сила, такая жажда жертвы…»

В одном из своих сочинений, несколько лет назад, ученица Губкинской средней школы Анастасия Щукина написала: «Общество, на мой взгляд, не должно оставаться равнодушным к своей истории, истории своего родного края. Церковь в Лесках является памятником архитектуры района, области, здесь своя интересная история, которая не должна быть утеряна и забыта». «Для того, чтобы восстановить церковь, – пишет Анастасия – нужны большие средства. Возможно ли это когда-нибудь? Хочется верить, что найдёт государство и общественность района деньги на восстановление этого уникального памятника архитектуры Орловщины». У государства денег не нашлось, но нашлась небольшая группа энтузиастов из местных жителей, которые с невероятным желанием, верой и любовью приступили к реставрационным работам. Отрадно, что первыми помочь строителям в восстановлении храма отозвались учителя и ученики Губкинской средней школы. Как и 170 лет назад, храм восстанавливается исключительно на бескорыстном трудолюбии местных жителей: Ю. Черкасова, В. Фомкина, О. Романова, А. Кононова и, конечно не без благотворительной помощи местных предпринимателей. Это А.С. Лунина, А.Н. Плохих, И.О. Борисов, С.С. Буравцов, И.С. Юдович, С.П. Борзёнков, А.А. Шишкин и др. Посильную помощь оказывают прихожане храма и не только материальную. Они много трудятся по благоустройству территории, уборке храма, жертвуют иконы и другую утварь. Это В.Н. Саунина, А.А. Русанова, Т.В. Ревякина. П.Ю. Зайцев, Н.А. Романова и многие другие. Большую поддержку оказывают друзья, подруги, коллеги. Есть уверенность, что храм будет восстановлен, и по окрестностям разольётся нежный колокольный звон, будто бы чудом с Небес опустившийся над землёй моих предков, над моей малой родиной.

Вечная память тем, кто жил до нас и нёс веру православную. Низкий поклон всем, кто не останется равнодушным к своей истории: строителям, благотворителям, прихожанам и всем молящимся о восстановлении Покровского храма в селе Лески.

Есть красота несказанная, светлая,
Та, что святою не зря называется…
Тихо раскроется тайна заветная.
Русь белой лебедью в сердце останется.
М. Кравцова

Драматургия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

КРЕПОСТЬ НА ОКЕ

Действие первое

Сцена вторая

Орёл, «Стрелка» на слиянии рек Оки и Орлика. Дуб могучий, на дубе орёл. Сюда протопала стрелецкая рать во главе с воеводой Алексеем Адашевым. Ратники валятся на траву, отдыхают.

Первый ратник. Попить бы водицы, в реке зачерпнуть.

Второй ратник. Так сходи, принеси.

Пьют из ковша, крякают от удовольствия.

Оба ратника. Водица-то хороша-а-а!

Мимо проходит мужик.

Первый ратник (мужику). Как река называется?

Мужик. Ока-река.

Второй ратник. Так и называется? Видит око да зуб неймёт.

Мужик. Холодновата. Ключи у берега. Зубы ломит водичка.

Подходит воевода Адашев, вслушивается в разговор.

Воевода Адашев. Про чего это вы тут болтаете? У Малюты Скуратова везде свои глаза и уши.

Слуга Симеон. Да, говорю, сначала надо избу тебе рубить. Тут, у дуба с орлиным гнездом. А потом, опосля, всё другое делать.

Воевода Адашев. Крепость будем рубить. Тут, у слияния рек. А избу мне поставим там (показывая на высокий берег малой реки). На откосе. Чтобы было видать далеко. Как с Дикого поля, из-за Оки, скачут сюда на нас крымчаки-басурмане. Высота зоркость даёт...

Голос со стороны. И застучали топоры, зазвенели пилы. Тут, на слиянии рек Оки и Орлика, и подалее туда на откосе, над Орликом. К исходу лета появились стены крепости, а в стене – бойницы для стрельцов и пушкарей, для пушкарей и стрельцов.

Стрельцы. Мы – первые, нас надо первыми называть, от нас зависит состояние обороны. И помещения строить сначала для нас.

Пушкари (стрельцам). Нет, мы – первые. Чего там ваши пищали? Пук, пук и – нету. А пушка как ахнет, так половина цепи степняков с коней и слетит, как корова языком слизала.

(Показывая на слугу Симеона). Вот уже побежал к воеводе докладывать.

Подходит воевода Алексей Адашев.

Воевода Алексей Адашев. Чего это вы тут бузите?Анадысь медовухи напились, так и вовсе морды друг другу чистить начали. Дошло до чего, а? Чтобы в нашей дружине такое было.

Слуга Симеон (угодливо). Ещё бы! Конечно, никуда не годится.

Воевода Алексей Адашев. Вот что думаю, пушкари и стрельцы, стрельцы и пушкари. Кто из вас первый, а? Все вы первые. Жить вам вместе нельзя. Врозь теперь жить будете. Вон там, супротив откоса, где моя изба будет, пушкарей поселим. Пушкарной слободой назовём. Под моим неусыпным оком, глазом моим будете. Слыхали, пушкари? А вас, стрельцы, отправим куда подальше, на самую крому. Стрелецкая слобода будет там, где крома.

Подходят другие стрельцы. Крупными глотками пьют воду из ковша, передают ковш один другому.

Ратники (отфыркиваясь, как кони). Что за чудо чаша-братина! Мировая водица!

Появляется воевода Алексей Адашев.

Алексей Адашев. Расселись на берегу! А ну, подымайтесь-ка! Крепость швыдче рубить будем, чтоб враг не застал нас врасплох. Без крепости – просто голое поле, а за стенами – твёрдо станем на этой земле.

Лазутчик Симеон, он же слуга Алексея Адашева. Первым делом воеводе избу рубить, чтобы бабу свою привёз. Основательно сел на Оке.

Первый ратник. Ну да! Сперва жану чтоб привел, а крепость потом, опосля.

Второй ратник. Нет, сперва надо крепость рубить. А уж за крепостью всякие избы ставить, хоромы. Дорогу на Москву степнякам перекроем, так-то покойнее будет.

Первый ратник. Дюже умный! Симеон знает, что говорить. Построит себе воевода хоромы, перетащит сюда жану из Москвы, пуще будет стараться. Крепость встанет, как на дрожжах.

Стрельцы. Как же мы будем там, а тут в крепости кто? Кто будет стрелять из пищалей?

Воевода Алексей Адашев. Кому стрелять, мы в самой крепости поселим. А туда, подалее к кроме, выставим тех стрельцов, которые будут стоять перед крепостью. Чтобы степь нас не застала врасплох. Поняли, стрельцы-молодцы? Особо почётное место там, за бугром, перед Орликом.

Стрельцы (успокаиваясь). Ну тады, пожалуй, понятно.

Воевода Алексей Адашев. А вы, пушкари, чего поняли?

Пушкари. Что Пушкарная слобода под откосом, а твоя хоромина на откосе. Далеко будет видать воеводе.

Воевода Алексей Адашев. И глубоко. Я уж не раз ходил на откос. Братцы, и какая же с высоты красота открывается! Двор свой поставлю, а за ним и другие ставить начнут. Гнездо получится, Дворянским гнездом назовут опосля. Вот так ещё и о будущем думаю.

Пушкари. И о красоте.

Воевода Алексей Адашев. Само собой, и о красоте. Встанет кто- нибудь на это место потом, опосля, какой-нибудь русич, потомский, глянет отсюда на Русь да и скажет: «Молодец воевода был, исторически мыслил!»

Запыхавшись, появляется слуга Симеон.

Слуга Симеон. Братцы! Сам царь сюда, видать, едет, Иван Васильевич. На возке своём, сам возок разглядел. Издалече виден, весь в кумаче.

В крепости тут же начинается переполох. Кто куда бежит, кто что кричит:

– Это не царь, не царь... Это митрополит Макарий... Едет церковь святить тут у нас в крепости. давать ей название.

Начинают бухать в колокола. Прямо-таки набат летит далеко по окрестности.

Слуга Симеон (воеводе Алексею Адашеву). Да нет, вроде и не царь, да и вроде бы и не Макарий.

Воевода Алексей Адашев. Ты как думаешь?

Слуга Симеон. Кабы не Малюта Скуратов. Этот всё под разными личинами шмыгает по Святой Руси.

Воевода Алексей Адашев. По крепостям не шмыгает. Больше по слободам да по городам.

Слуга Симеон. А у нас при крепости слобода Пушкарная, а там по кроме – Стрелецкая.

Воевода Алексей Адашев (взволнованно). Чует сердце, это первая царица Анастасия. Она иной раз ездит в царёвом возке. По Святой Руси мысли свои развозит.Отставку у Ивана Грозного получила, так и колесит теперь, ездит, разносит добро по Руси.

Слуга Симеон. А вторая царица что, Мария-то?

Воевода Алексей Адашев (держась правой рукой за сердце). Ах ты, Господи, Боже мой! Чует воробушек что-то неладное. Вторая-то Мария? Эта чеченка, что-ли? Эта от царя ни на шаг. Черноту в нём копит, самое что ни на есть зло. Опричнину поощряет. Сколько дворов по Москве в опричнину записала. ..(Приглядываясь). А ведь точно, царица Анастасия едет в возке.

Слуга Симеон. Ты так думаешь?

Воевода Алексей Адашев. А то как же, кабы царь ехал, всадников перед возком было бы вдвое больше.

Голос со стороны. В крепость по деревянному мосту въезжает царёв возок. Царица Анастасия выходит из возка, аккуратно ступает ножкой в красном сафьяновом сапоге на орловскую землю.

Воевода Алексей Адашев (припадая на колено, целует царицын сапог). Матушка. Матушка. Любимая.

Царица Анастасия. Не ожидал,орёл? Не думал, что Анастасия сюда, к тебе, во владения твои, пожалует?

Прижимается к груди Адашева, целует его прямо в губы.

Воевода Алексей Адашев. А не боишься в губы-то?

Царица Анастасия (раскрасневшись). По-московски. Там все в губы друг друга целуют. А чего, Алексей, бояться-то? У Ивана Васильевича теперь вторая жена – Мария, чеченка. А я из рода Захарькиных-Юрьевых, так я у царя по другим делам, по хозяйственным да богоугодным... Вот, гляди, с кем приехала.

Из возка выходит митрополит Макарий. Припадает к груди воеводы, трижды целует Алексея Адашева – в обе щеки и в лоб.

Митрополит Макарий (Адашеву). Слава тебе, защитник Отечества, всего нашего обширного Московского государства. Наслышаны мы о ваших подвигах. Сколько раз уж врага грудью встречали, к Москве путь преграждали. Приехал вот в Орёл к вам, церковь святить, нарекать её, давать достойное имя.

Колокола на момент затихают, и опять набат набирает силу как бы с небес.

Сцена третья

Орёл, Пушкарная слобода. Двор пушкаря Никитина. Появляется отец Василий – настоятель храма в крепости, у слияния рек Оки и Орлика.

Отец Василий (входя во двор). Эй, есть тут кто ай нет?

Пушкарь Никитин (в одной руке неся ведёрко с картошкой, в другой – решето с яблоками). Да, есть, а как же. Тута мы, где же ещё?

Отец Василий. Митрополит Макарий приехал, службу будет вести сегодня, святить церковь нашу, давать ей имя святое.

Пушкарь Никитин. Знаю, знаю. Конечно, приду.

Отец Василий. Ты у нас церковный староста, за всю слободу отвечаешь. Так что не только сам приходи, но и всех тут оповести, всю слободу, всех, пусть придут на Божественную литургию. Не только из пушки в белый свет палить, как в копеечку, а и к Богу почаще надобно обращаться.

Пушкарь Никитин (обидчиво). Как это палим в белый свет, как в копеечку? Учимся стрелять, да попадать не в бровь, а в глаз. Знай наших.

Отец Василий. Уж и обиделся, да? Обежи слободу, приведи пушкарей на вечернюю молитву. Не кто-нибудь – сам митрополит Макарий служить будет. Может, в первый и последний раз он тут у нас. Уже старенький, на ладан дышит.

Пушкарь Никитин (передавая отцу Василию ведро с картошкой и решето с яблоками). На, бери. Со свово огорода и сада. Может, яичек принести?

Отец Василий (принимая дары). Да нет, яичек не надо. Яйца у нас есть.

Пушкарь Никитин. Ну так к вечеру будут пушкари, да и мы всем семейством.

Отец Василий. А где твоя жена? Василиса где? А дочка? Кажется, Анюта?

Пушкарь Никитин (кричит туда, в огород). Васи-ли-са-а-а! Иди сюды. Отец Василий кличет.

Пауза. Тишина. Только ветер шумит листьями сада.

Пушкарь Никитин. Вот дьяволица! Не отвечает. Васи-ли-са-а, ты чего не идёшь?... (Отцу Василию) Как тревога какая, басурмане с Дикого поля скачут, так первая в крепость летьмя летит. Аню, боится, схватят, только её и видали. Васи-ли-са-а-а!

Появляется Василиса – дородная такая, крепкая русская женщина.

Василиса Никитишна. Чего тебя черти дерут? (Увидев отца Василия). Ой, это вы, батюшка? Добро пожаловать. Вот, возьмите, отец Василий (Подаёт ему связку лука). Видите какой? Лук у нас лучше всех.

Пушкарь Никитин. Да, жана у меня молодчина. С огорода не вылезает. Всё у неё растет лучше всех: и картошка, и огурцы.

Василиса Никитишна. И он у меня (поглядывая на своего Никитина) тоже молодец. Метче всех из пушки стреляет. И по бабам был ходок, да вот староват мужик стал, отстрелялся.

Отец Василий. Приходите на вечернюю службу.

Василиса Никитишна. Ну, а как же. Всем кагалом, всем семейством.

Отец Василий. А Анюта – дочка ваша – где? Что-то не вижу.

Василиса Никитишна. Отца вот спросите, куда это он дочку свою спровадил? За грибами послал в ближайший лесок. Грибы появились, отец наш грибочки любит. Ну и послал её за грибами.

Отец Василий. Одну?

Василиса Никитишна. Она у нас смелая.

Отец Василий. Да не в этом дело. Она у вас уж невеста. Мало ль чего? Степь рядом.

Отец Василий уходит. Пауза. Через какое-то время принимается звонить колокол.

Василиса Никитишна. Ну что, собираемся? Анюты что-то нет.

Пушкарь Никитин. Услышит колокол, явится. Не будем опаздывать, надо идти. Анюта дорогу до храма знает, сама придёт.

Василиса Никитична (обеспокоясь). Да нет, ты иди, отец, а я подожду.

Пушкарь Никитин уходит, пушкариха остаётся одна. Появляется воеводин слуга Симеон.

Слуга Симеон (робковато как-то, неловко подходит к Василисе). Мать, а мать, и сказать-то боюсь, что люди сказали.

Василиса Никитишна (расстроившись). Чего тебе, говори.

Слуга Симеон. Дозорный с кромы прискакал. Говорит, видели басурмана из Дикой степи. Мол, девка у него через седло перекинута. Косы вон куда – до самой

травы. Это ж косы такие только у неё, у Анюты. Более ни у кого из всей Пушкарной слободы.

Василиса Никитишна (так и присев). Ой! Господи! (Слуге Симеону). Выведи меня за двор, я сейчас.

Выбегает из избы, накинув на голову платок. В отдалении затихает топот коня. Слуга Симеон, присев на камень, ждёт хозяина двора – пушкаря Никитина.

Слуга Симеон (сам себе). Хороша девка! Вон откуда разглядели её, аж из Крыма. Выследили, нашли момент и схватили. С давних времён и по сю пору крымчаки возят за море к себе туда наших красавиц и продают как рабынь. А хороша девка! Давно глаз на неё положил, на Анюту. Да пушкарь ни за что за меня не отдаст. Василиса вроде не против, а Никитину москвича подавай, какого- нибудь ратоборца, голубых кровей, из князей.

Сейчас из церкви Никитин явится. Тут же скажу ему, огорошу. А может, и не скажу, погодить надо. Может, это и не Анюту схватил степняк? Может, Василиса сама привезёт Анюту, настигнет степняка, отымет дочь, примчит обратно сюда на коне.

Ночь надвигается. Волки завыли где-то. А Василисы всё нет.

Появляется пушкарь Никитин.

Пушкарь Никитин (метнув взгляд по двору, весь в тревоге, подходит к слуге Симеону). Один?

Слуга Симеон. Как видишь.

Пушкарь Никитин. А где же мои? Василиса, Анюта?

Слуга Симеон. Как где? В степи.

Пушкарь Никитин. А ты чего?

Слуга Симеон. Тебя жду.

Пушкарь Никитин. И что будем делать?

Слуга Симеон. Дальний путь предстоит, пойду собираться. Пушкарь Никитин. Куда?

Слуга Симеон. В Крым. Там искать надо, на невольничьем рынке.

Пушкарь Никитин (косясь на Симеона). Ты что – её любишь? Слуга Симеон. Поеду искать. Сердце вещует, к ней приведёт. Пушкарь Никитин. А коня где возьмёшь? У тебя ж нет коня. Слуга Симеон. Украду.

Пушкарь Никитин. Поймают – убьют.Погоди, я сейчас.

Уходит за двор. Пауза. Слуга Симеон сидит, обхватив голову руками. Пушкарь выводит коня.

Пушкарь Никитин. Вот тебе, воробей мой. Скачи, догоняй.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА

ТУРГЕНЕВ – ЗАЩИТНИК КАЛЕНСКИХ КРЕСТЬЯН

(Из пьесы «Однажды раннею весной»)

Действие II, картина 6.

Купе мягкого спального вагона московского пассажирского поезда, идущего на юг. Ночь, за окнами темно. В купе двое: элегантный господин, по одежде, багажу и манерам богатый и образованный человек, – и адвокат И.С.Тургенева Н.П. Черно-

свитов. Несмело и отрывочно беседуют они до тех пор, пока поезд не останавливается на очередной станции железной дороги. Оба всматриваются в чуть освещенное вокзальным фонарем окно вагона, пытаясь прочесть название станции

Пассажир /отпрянув от окна/. Козлова Засека... Вот отсюда до Ясной Поляны всего три с половиной версты, прямо... Бывал я у Льва Николаевича-то... Друг один мой, тоже литератор, пристал однажды: поедем да поедем к Толстому, – ну, я и поехал с ним. Массу, знаете ли, замечательных впечатлений вынес из этой поездки... выдающаяся личность этот Толстой, значительная — и писателем, смею надеяться, со временем будет признан мировым... Да-а.. Велик талант... Впору ему если только с самим Тургеневым тягаться... Жаль, с Иваном Сергеевичем я так и не был знаком, хотя случай такой представлялся, и не раз... Но, видно, не судьба...

/Рассказчик умолкает. Слышен характерный шум железнодорожного вокзала, звуки занимающих свои места в соседних купе пассажиров, свисток паровоза. Поезд трогается с места резко, фонарь с улицы выхватывает из мрака купе, фигуры сидящих. За окном мелькают здание станции, свет фонарей, тени людей, деревьев. Некоторое время собеседники едут молча, каждый думая о своем, затем в разговор вступает адвокат Черносвитов./

Черносвитов. А вот я хорошо знал Тургенева, судьба не раз нас с ним сводила. И теперь вот, напоследок видно, еду к нему в имение... По его же судебному делу... Как-то никак, знаете ли, не могу представить себе Спасское без него. Вот подъезжаем всё ближе – а я всё больше отчего-то волнуюсь...

Пассажир. Это по какому же делу, если не секрет – ведь Тургенева-то уж год, как нет в живых...

Черносвитов. Да, это действительно так... Но судебное дело, которое он сам возбудил в защиту своих бывших крестьян, вот только теперь благополучно окончилось...

Пассажир. Да-а... Непредсказуема наша жизнь, и скоротечна... /Помолчали./ Спасское-то Лутовиново ведь в стороне от железной дороги как-будто, как вы добираться-то будете ночью?..

Черносвитов. Да. Целых четыре версты... А ничего, у Ивана Сергеевича вопрос этот отработан был издавна: телеграфируешь управляющему, и на станцию за тобою высылается экипаж. Правда, хозяина действительно уже год как нет, но имение, как мне докладывали, управляющий содержит до сих пор в образцовом порядке. Да-а... С добрым известием еду к Тургеневу, а вот порадоваться ему за своих бывших крестьян теперь не придется...

Пассажир /выказывает живой интерес к сообщению Черносвитова и его рассказу, поднимается с места, выходит из-за столика, подает Черносвитову руку./ Давайте же, наконец, познакомимся. /Черносвитов встает, пожимает ему руку/: Помещик Черниговской губернии, дворянин, немного литератор Александр Сергеевич Днепровский...

Черносвитов. Адвокат по особо важным делам Николай Петрович Черносвитов... Жительство имею в своем доме в Туле на Киевской улице, прошу заезжать при случае... /садятся. В купе стучат, открывается дверь, кондуктор предлагает горячий чай, получает живое согласие пассажиров, ставит на столик стаканы в подстаканниках с чаем, поклонившись, выходит/.

Днепровский. На похоронах Тургенева не пришлось побывать?

Черносвитов. Как же... Почтил... Петербург, верно, подобных проводов и не видывал... Грандиозная, знаете ли, процессия собралась... Если бы не венок от его бывших крестьян, привезенный его управляющим, ни за что бы не пробиться было ко гробу... Довелось в последний раз взглянуть на великого русского писателя... Да-а... Велика потеря для России... В последние годы он мало дома жил, всё больше

за границей, – а дел крестьянских, несмотря на это, так и не бросал, все помыслы его были дома, только дома... Вот и теперь... Еду из Правительствующего Сената, из Москвы, с судебного заседания сообщить крестьянам, что дело их выиграно...

Днепровский. Прошу вас, расскажите обо всём этом подробно...

Черносвитов. Но ночь давно... Не заснёте?.. /Оба смеются./ Что ж, извольте... Видите ли, Иван Сергеевич Тургенев имел особые отношения со своими бывшими крестьянами...

Днепровский. Да-да, это очень даже видно из его сочинений...

Черносвитов. Так вот... он всегда, с тех пор, как после смерти матери в тысяча восемьсот пятидесятом году стал владельцем земель и душ, тяготился своим положением помещика и сразу же по подписании раздельного акта на движимое и недвижимое имение с братом предложил своим крестьянам землю в аренду. И надо признаться, что порядочно-таки намучился с этой затеей: большинство его крестьян предпочло аренде барщину, уповая в трудные неурожайные годы на милость барскую, благо Тургенев слыл добрым человеком...

Но крестьяне соседнего со Спасским имения в деревнях Голоплеки и Кальна всё же взяли в аренду большое поле земли между этими деревнями, скооперировались в общество, наладили совместное хозяйствование и исправно платили аренду, а по отмене крепостного права с его неимоверными уступками выкупили её в кредит и одними из первых в России стали самостоятельно вести хозяйство.

Но нет добра без худа... Узнав, что Тургенев продал каленскому обществу триста двадцать одну десятину земли, богатый спасский крестьянин Михаил Жикин стал просить у Тургенева продать ему плодородные острова по реке Снежеди, но Тургенев продал их каленским крестьянам. Жикину удалось купить у Тургенева другие земли, и кроме того водяную мельницу арендовал брат его Иван. Жикин же хозяйничал на мельнице и плотине и так привык к мысли, что всё это принадлежит ему, в сговоре, конечно, с управляющим Тургенева Кишинским построил на мельничной плотине кабак. Крестьяне тогда разнесли по бревнам строение кабака, так как за проезд по плотине на их землю мимо кабака Жикин пытался брать с них плату... И впоследствии крестьяне каждое поползновение Жикина на их права оспаривали, а не смотрели равнодушно на его очередное жульничество. Дальше было больше... Узнав, что вследствие материальных затруднений Тургенев продает часть своих земель, Михаил Жикин через управляющего Кишинского стал хлопотать о продаже арендованной его братом мельницы и земли. Ему удалось совершить эту покупку. Ещё не расплатившись за неё, он стал хлопотать о приобретении ещё одного плодородного участка земли в окрестностях Кальны, но Тургенев в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году продал её каленским крестьянам.

Не смирившись с неудачей, Жикин решил завладеть этой землей незаконно.

Следующей же весной он захватил принадлежавшие крестьянам острова, которые образовала своими рукавами Снежедь, нанял работников из соседних деревень, окопал захваченную землю канавою, уничтожив дорогу на остров, устроил изгороди и крестьян на их землю не пускал. Они заспорили, возмутились и возбудили против Жикина два уголовных преследования. Но видя, что не в состоянии сами справиться с Жикиным, следующей весной обратились за помощью к Тургеневу. Тургенев не остался безучастным к крестьянской беде: вначале пытался увещевать мельника, затем попытался доказать правоту крестьян, выехав лично, с планом, непосредственно на место происшествия, но видя, что всё это не дает результата, выехал в Тулу подать прошение самому губернатору...

Кондуктор. Станция Чернь, господа...

Черносвитов /всматривается в окно, за которым мелькает станция, фонари, тени зданий и деревьев./ Случилось это уже после того, как Жикин представил господину

Тургеневу фальшивый план для подписания, и возмущенный Тургенев пригрозил ему расправой... Так вот... На этой вот самой станции вновь повстречался с Жикиным: тот, пьяный, лез к нему в вагон, в купе, пытаясь разжалобить и умолял не погубить...

В Туле Тургенев подал прошение на имя губернатора и кроме того просил заняться делом каленских крестьян своего знакомого, тульского вице-губернатора князя Урусова. Всё это, видимо, возымело действие, так как уже через несколько дней по предписанию тульского губернатора производилось о купцах Жикиных сначала полицейское дознание, а затем и предварительное следствие через судебного следователя тульского окружного суда по особо важным делам Демидовича.

В ходе следствия выяснились следующие обстоятельства: Жикин для оправдания себя представил господину Тургеневу фальшивый план, составленный ещё тогда, когда он владельцем мельницы и земли не был, а на нём были показаны и те четыре десятины земли на островах, которые принадлежали крестьянам.

При дознании Жикин, боясь правосудия, отказался от этого плана и за свой не признал, в чём и дал следователю собственноручную подписку...

Потерпев неудачу, Жикин не успокоился. Не желая расстаться с захваченной землёй, он стал искать новые способы завладения ею, и, чтобы потянуть ещё время, переоформил землю на имя своей жены Авдотьи. Совершив эту сделку, он посчитал себя свободным от ответственности за незаконный захват земли, так как с этих пор все претензии крестьян были официально обращены уже к Авдотье Жики- ной.

Вы ведь знаете, что по нашим земельным законам необходимо выдержать десятилетний срок владения захваченной землей, и, если истец не сумеет за это время отсудить свою землю, она официально становится собственностью захватчика... Дикий, скажу я вам, закон, несправедливый... Вот Жикины благодаря ему и тянули время, прибегая к различным уловкам и ухищрениям вплоть до преступных сделок и подкупов должностных лиц...

/Поезд замедляет между тем движение, вновь раздается голос кондуктора, который сообщает, что поезд делает остановку на станции Кукуевка./

Черносвитов. Кукуевка... Отсюда до Спасского верст шесть будет, не более. Иван-то Сергеевич, будучи помоложе, любил сойти с московского поезда именно на этой станции. Правда, дорога отсюда несколько длиннее и сложнее, чем от Бастыева, вначале вон тем логом /вглядывается в окно/, затем полями и далее почти сплошь всё лесом... Почти до самого Спасского... Но эти-то красоты природы, видимо, и привлекали его внимание, в первую очередь как художника, вдохновляли... Он рассказывал, что только доедет, бывало, до дома, а в голове и сюжетец уж готов, и руки чешутся поскорее приняться за работу /в это время поезд, просигналив, останавливается/.

Днепровский. А не имеет ли эти Кукуевка своей собственной истории?.. То-есть, я хочу сказать, а вернее спросить, не о ней ли упоминали часто российские газеты года эдак полтора-два тому назад? В связи, помнится, с железнодорожной катастрофой?

Черносвитов. Да-да, это та самая станция и есть... /Оба вновь пристально всматриваются в картину за окном, пытаясь разобрать в полутьме очертания предметов./

Днепровский. Ничего совершенно не видно... Заметна одна очень высокая насыпь и далее просторы... /Раздается гудок, поезд трогается./

Черносвитов. Да-да, так оно и есть: чрезвычайно высокая насыпь... Это двести девяносто шестая верста от Москвы... Несчастье это случилось ночью, многодневные ливневые дожди конца июня размыли насыпь, она сползла, образовав глубокий провал, вот в него и провалился поезд... Этот самый номер поезда и /смотрит на часы/ в то же самое время. Помнится, газеты сообщали, что в катастрофе погиб племянник Ивана Сергеевича, сын его двоюродного брата Николая Петрови-

ча Тургенева, одно из поместий его находится в сорока верстах отсюда. Говорят, отец юноши не пережил этой утраты... Иван Сергеевич тоже тяжело переживал... /Долго молчат в раздумьи, затем Черносвитов, очнувшись от раздумий, продолжает прерванный рассказ о тяжбе Тургенева с кулаком./

Черносвитов. Так вот... Вернемся к нашему старому предмету...

Казалось бы, материалы дела не оставляли сомнений в правильности иска о земле каленских крестьян. Но официальное следствие пошло по новому витку, велось вяло, медленно, и только через пять лет по распоряжению тульского губернского правления в Кальну был послан казенный землемер для снятия с земли подлинного плана. И хотя все материалы следствия снова указывали на правоту крестьянского иска, тульский губернский суд в позапрошлом году решил дело в пользу Жикиных...

Тогда, убедившись, что все использованные им методы защиты крестьян не принесли успеха, Тургенев решился на крайнюю меру: для ведения дела в Правительствующем Сенате пригласил адвоката по особо сложным и запутанным делам, вашего покорного слугу /Кланяется собеседнику, чуть приподнявшись с кресла./

Ознакомившись с материалами следствия и взвесив все «за» и «против», я убедился в несомненной правоте крестьян и в апреле тысяча восемьсот восемьдесят второго года подал апелляционную жалобу в Московскую судебную Палату гражданского департамента. Помимо моих усилий по доказательству правоты крестьян материалами дела, немаловажную роль в решении его сыграло то, что сам Тургенев решил выступить на суде в качестве свидетеля по делу на стороне каленских крестьян.

О том, что Жикин представил ему для подписания фальшивый план и о том, что потом умолял его на коленях о пощаде, Тургенев прислал судебной Палате Правительствующего сената подробное письмо, а кроме того прислал мне телеграмму примерно того же содержания для оглашения в судебном заседании.

И вот в сентябре прошлого года Московская судебная Палата наконец отменила решение тульского окружного суда о неправоте крестьян...

Но и это ещё не всё... Жикины на этом не успокоились: узнав, что Тургенев тяжело болен и следовательно каленские крестьяне теперь могут остаться без защиты, они воспрянули духом, подобрали доводы, чтобы обжаловать решение Московской судебной Палаты в высшей судебной инстанции – Правительствующем Сенате, где рассмотрение их жалобы тоже надолго затянулось, и лишь спустя два года, уже после кончины писателя – и его именем! – Сенат вынес решение о правоте каленских крестьян...

Вот какую экзотическую историю поведал я вам, батенька вы мой, об Иване Сергеевиче Тургеневе... И еду теперь сообщить эту долгожданную и радостную весть его бывшим крестьянам...

Днепровский /долго молчит, задумавшись./ Светает... Утро такое туманное... совсем как у Тургенева в романсе... /Долго едут в полном молчании; поезд несколько раз рывками тормозит, останавливается./

Кондуктор /заглянув в купе/. Станция Бастыево, господа... /Обращаясь к Черносвитову, надевающему пальто./ Ваша станция, господин...

Попутчики прощаются, Черносвитов выходит из купе, в него входят новые пассажиры, пытаются заговорить с оставшимся попутчиком, но тщетно... он задумчив, слишком углублен в себя, его интересует лишь то, что он видит за окном. Звучит мелодия романса Абаза на стихи И.С.Тургенева «Утро туманное». Под эту тихую мелодию поезд трогается, набирает скорость, тишина и темнота окутывают всё вокруг...

Поэзия

ВАЛЕНТИНА КУЗЬМИНА

Я С ТУРГЕНЕВСКОЙ УЛИЦЫ

Я с тургеневской улицы,
Где в июне метели,
Тополиная снежность,
В полнеба дуга.
Я с Тургеневской улицы,
Где бушуют апрели,
И где осень тревожно
Уходит в снега.
Я с Тургеневской улицы,
Как теплы тротуары,
Как строги перекрёстки,
Нашей первой любви!
Я с Тургеневсвкой улицы,
Где звенели гитары,
Где в прохладной сирени
Пели нам соловьи.
Я с Тургеневской улицы,
Как пылают закаты,
Как тихи переулки,
Как светит звезда!
Пронеся через годы,
Надежды, утраты.
Я с тургеневской улицы –
Навсегда, навсегда.

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

ДЕРЕВЕНСКИЙ СКРИПАЧ

Шанель номер пять

Когда меня влюбляться подмывало
И ночи гнало мимо чередой,
О чём ты мне собой напоминала,
Казалась близкой, вечно молодой?

Такой любимой, ласковой, красивой,
А может, и не очень, но своей.
Так я и шёл немеркнущей Россией,
В фантазиях не Дориан ли Грей.

Не знаю, где мы обо что споткнулись,
Что смело между нами пробежать.
Шумел камыш, деревья низко гнулись.
Шалела ночь шанелью номер пять.

Идём, идём по прожитым дорогам.
И не чужие, но и не свои.
Однако стоит ветру за порогом
Нагнуть камыш, как плохо нам двоим.

«Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла».
Зенит звенит, дорога изогнулась,
Куда она с тобой нас завела?

Уходит день. Короче всё и проще.
Жизнь предстоит достойно завершать.
Шумит камыш, деревья дождь полощет.
А ночь шанелью пахнет номер пять.

Глазастая мадонна

Они стояли перед ней в музее –
Два мужика, два брата – крепыша.
Всё обежали, всё переглазели,
А тут застыли, смотрят не дыша.

«Вот это да! Желанная! Вот эта!»
И вдруг, как бы из прожитых веков
Она сошла к ним с тусклого багета,
Идёт, тревожит, мучит мужиков.

«Да кто ж её нарисовал такою?
Глазастая, с ребёночком, в венке…»
Идёт она и поднятой рукою
Всю душу обрывает в мужике.

Летит душа, плывёт под облаками.
Когда б узнал, что есть она, жива?
Всё, как волы, телегу тащим сами,
Везём свой воз, судьба уж такова…»

И вдруг один, оторопев от дива,
Шагнул, чтоб не слепил мадонну свет:
– Послушай, ведь она же не красива!
– Всё может быть, – другой ответил живо. –
Зато прекрасна! И прекрасней – нет!!

Ракитушка
(песня)

Край ты мой ракитный, лунь зелёноглазый!
В серебре макушка, хлопоты в гнезде.
Не о том мечталось, что случилось сразу.
Не того хотелось, что теперь везде.

Выше сеновала сук облюбовала
Вещая кукушка – эхо по реке.
Тысячу просил я – сто накуковала,
Ну а та упала на седьмом витке.

Бурею ракиту с берега свалило.
Вот стою – горюю: «Берег – то крутой».
Как её любил я, как она любила!
Замирает в сердце голос золотой.

Недошелестели все мои метели.
Ненацеловался, а уже седой.
Гляну с сеновала – нет её, не стало!
Уж другие птицы вьются над водой.

Край ты мой расейский, лунь зелёноглазый!
Берегом иду я в рыжем кожане.
Что запало в душу, не уходит сразу.
Вётлы да ракиты клонятся ко мне.

Прощание с Киевом
(песня)

Мы встретились, чтобы расстаться,
Друг друга боясь полюбить.
Француженка – тонкая грация,
Дрожит, не оборвана, нить.

Но стоит ей лишь оборваться,
И будет окончено всё.
– О, это различие в нациях!
Вы, русские, странны, месьё!

Над Киевом чайки кричали
С холмов на Великую Русь.
Где было нам столько печали,
Сюда никогда не вернусь.

Днепровская, чуть с голубинкой,
Волна пропадала в волнах,
Подрагивала паутинка
В её пикардийских глазах.

Вот так и стоит предо мною
С цветами, как огненный флаг…
Прощается Киев со мною,
В её утопая руках.

Деревенский скрипач

Посвящается Грачёву И.А.

Вольной волей упьюсь! Наброжусь, наскитаюсь.
Крымы – рымы пройду по большим городам,
А домой возвращусь, с колоском повстречаюсь,
Песню Русского поля колоску передам.

Деревенька родная, березняк да осины.
На лежанке прилягу после дальних дорог.
Русской печки тепло. Монотонно и длинно
Тянет свёрлышко ночью запечный сверчок.

Звук скрипичный. Уснула моя деревенька.
Голоса и виденья. Горлом катится ком.
С кем ещё отведёшь свою душу маленько,
Как не с этим ночным деревенским сверчком?

Всё сверлит и сверлит где – то рядышком, близко.
Аж слеза заискрится, видна в темноте.
Выйду в поле чуть свет. Тучи тянутся низко,
Русь вокруг по кладбищам, кресты на кресте.

Редковаты селенья, пусты электрички.
А куда им мотаться у нас тут, к кому?
К русской речи моей подбирают отмычки
И английскую молвь к скрипачу моему.

Зеленя

«Зеленя» – слово, введённое
в оборот речи И.С. Тургеневым

Снеговьё обоймёт, и с зелёных полей
Понесёт меня к Солнцу в заветные дали.
Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей ещё не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопруся о дуб, – уж такие мы есть.
Переждём, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
Уж, наверно, последние, – экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня.
Когда шёл, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь
Да ещё и чужие подсунут пороки.

Ветер рвёт кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!

У седого ручья

Пан не пил много дней.
И, копя в себе жажду,
Вдруг почувствовал зло –
Как кольнуло перо.
И пришёл он к ручью,
И напился в нём дважды.
И опять разлилось
По глубинам Добро.

И тогда посадил он
Берёзу, отважный,
Протоптал до ручья
Золотую тропу.
Пусть приходят сюда
Все, в ком горечь и жажды.
Как с берёзы на днях
Капал сок на щепу!

Пусть приходят к ключу
Голубому напиться,
Пусть не копится жажда
В родимом краю.
Пан – языческий бог
Тут напился однажды,
Ну а я до сих пор
Всем про это пою.

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

СТИХИ О ЛЮБВИ
(из книги «Меридиан сердца»)

* * *

Где вы, молочные реки?
Где вы, кисель-берега?

Вдруг полюбил – и навеки,
И на всю жизнь дорога.

Можно и пить, и поститься,
Н ча на бога пенять.
Ни на какую царицу
Не захочу променять.

Ниткой короткой и тонкой
Привязана ты ко мне.
Маленькою иконкой
Портретик твой на стене.

Ровно подкрашены веки,
Волосы белит пурга…
Вот мне молочные реки,
Вот мне кисель-берега.

* * *

Вызвездило.
Сколько звёзд!
Надо мною небо в полный рост.
Тонкий месяц, уплывая льдинкой,
Зацепился краешком за мост.

До Казанской не пришла зима,
Ас Казанской не увидишь осень.
И уже нахохлились дома,
Как сурки, поглядывают в просинь.

Опустели рощи и сады,
В них как после Золотой Орды,
Совершившей дикий свой набег,
Всё притихло, ожидая снег.

* * *

Первый снег по залужью заплатами,
Воробьёв поджимает мороз.
Нам с тобой со своими утратами
На заботу принять бы всерьёз.
Нам с тобою сегодня невесело,
На судьбу не посмею пенять.
Ты, ревнуя, взяла и повесила
На меня… А кого – не понять.
Говорила о ком-то из прошлого,
Что с соседкой опасная связь.
Я такого, любимая, пошлого
О себе не слыхал отродясь.
Размышляю об этом на трезвую,

Проливаю на прошлое свет.
Воробьям и себе соболезную,
Что лекарства от этого нет.
Не смотри на меня негодующе,
Я не тот, кто способен на лесть.
Есть любовь – она в прошлом и будущем,
А сегодня медовая есть.

* * *

Постучал в твоё окно вчера несмело –
Загорелось сердце в трепетном огне,
Но ко мне ты, как я вижу, омертвела,
Лишь поэтому не вышла ты ко мне.

В одиночестве топчу тропинку с лета!
Погрустил я, потоптался на снегу,
Отвергая все недобрые приметы,
Без тебя себя представить не могу.

Но дымит судьбы-разлучницы кадило!..
На тропинке разглядел твои следы –
Рано утром, по всему, здесь проходила,
Проносила полны вёдра ты воды.

И вот на ж тебе – ко мне не захотела,
И хожу я по деревне сам не свой.
Если, радость, ты и вправду омертвела,
Принесу тебе попить воды живой.

* * *

В саду багряном нет уже багрянца,
Ветрами обворован палисад.
Лишь на рябине ягоды висят
И старый пруд посвечивает глянцем.

А в остальном всё так же , как вчера,
Неделю доживаем от Николы.
Через дорогу слышен звон ведра,
И ребятня играет возле школы.

А мыслей ход спокоен в свете дня,
Которому уже не повториться.
И что вокруг – мне близкая родня:
И пруд, и сад, и маленькая птица,
Поющая о чем-то у окна,
Сироткой бедной выглядит она.

В том свете дня все думки о тебе,
И грусть моя, как песня этой птицы.
Насыплю в грусти зёрнышек пшеницы –
Пусть будет посветлей в её судьбе.

Потом тебе отправлю письмецо,
И буду знать я, занятый делами,
Что добрый свет струится между нами,
И буду вспоминать твоё лицо,

И нежность рук,
И милый сердцу взгляд…
Ничто для нас не сможет повториться,
И лишь однажды за полночь приснится :
Ветрами обворован палисад…

* * *

Не июль над равниной - январь,
Дует ветер морозный от луга.
И за домом дымит не дымарь,
А с небес опускается вьюга.
Промороженный пчельник в снегу,
И тревожно душе в одночасье:
Как-то пчёлок своих сберегу,
Сохраню их пчелиное счастье?
Мы с тобою такой же судьбы,
То морозы на нас, то метели,
То мы были взаимно грубы
И гордыню смирить не хотели.
Где для нас этой жизни предел,
Мы с тобою не знаем и сами.
Я к тебе, как на крыльях, летел,
От тебя я ушёл со слезами.
Ты меня ожидала всегда,
К каждой веточке дико ревнуя.
Пусть мороз, пусть метель,
пусть беда,
Но с дороги своей не сверну я.

И запить бы мне горечь беды,
Залечить застарелую рану,
Да боюсь, что напьюсь
из копытца воды -
В одночасье козлёночком стану.

* * *

Не обвиняй, любимая, в измене,
На склоне лет безудержно твержу.
Среди земных забот и потрясений
Я все-таки любовью дорожу.

И ты, быть может, этого хотела,
Но в ревности не ведала границ.
И, уходя, ты словно сиротела,
И слёзы тихо капали с ресниц.

За гранью лет остались те печали,
И снова мир замешан на меду.
А это значит, снова обвенчали
Нас яблони цветущие в саду.

Мы словно поднимаемся из тлена,
И все тревоги наши были зря.
А слово это страшное - измена
Я вычеркну совсем из словаря.

* * *

Глаза твои, как сливы поутру,
От слёз, как от дождя, мокры ресницы.
Всю жизнь ты мне, наверно, будешь сниться –
В слезах… Без слёз…
В платочке на ветру…
В лугах цветущих, млеющих от рос,
Что пчёл манят к себе, благоухая,
И каждый раз такая дорогая
И бесконечно близкая – до слёз!

Сказать мне мало, что тебя люблю,
Вот и целую влажные ресницы.
Не знаю, как судьба распорядится,
Но я судьбе и дальше повелю:
Пусть каждый день такие будут сны,
О них всегда мечтаю я подспудно –
Мне праздники приносят они в будни,
Среди зимы – дыхание весны.

Но больно мне в полночной тишине,
Откуда? Что? – ещё не понимая,
Но в поцелуях нежно обнимая,
Вдруг осознать, что это всё во сне –
Глаза твои, как сливы поутру,
От слёз, как от дождя, мокры ресницы…
Всю жизнь ты мне, наверно, будешь сниться,
Пока в тоске однажды не умру.

* * *

Ни притворства в тебе и ни фальши,
Снова хищно изогнута бровь.
Я не знаю, как жить будем дальше –
В нас играет бунтарская кровь.

Ты вначале мне что-то промолвила,
Я тебе с закавыкой вопрос.
Засверкали в глазах твоих молнии,
Не увидишь таких в сенокос.

О печаль деревенского дома! –
От эпитетов вянут цветы,
Слышны рокоты близкого грома –
Громыхаешь посудою ты.

Пять минут – и по дому цунами,
Разбираемся, кто и какой.
Через сутки теперь между нами
Воцарится желанный покой.

Так и будем с тобою мы дальше, -
Жить и портить бунтарскую кровь…
Ни притворства в тебе и ни фальши,
Распрямляется гнутая бровь.

Похожие

1

Ты теперь степеннее и строже,
Выцвел цвет синющих твоих глаз.
Говорят, что этим мы похожи,
Что ещё похожего у нас?

Да, конечно, были молодыми –
Я смотрю на снимки прошлых лет,
А сегодня стали вот седыми,
Рядышком шагаем много лет.

На двоих и радость, и тревога,
Каждому несладко от обид.
Главное, что счастья у нас много,
И об этом вид наш говорит.

Вот опять улыбкою ты светишь,
Что яснее солнечного дня.
Улыбаясь, встретишь и приветишь –
Это очень радует меня.

Потому и улыбаюсь тоже,
Да, конечно, тем похож и я…
Чем ещё с тобою мы похожи,
Сладкая ты ягодка моя?..

2

Над белой равниной
проклюнулся месяц погожий,

И ты мне сказала,
что мы с ним как будто похожи,
Но чем, не сказала,
но в трепетном сумраке ночи
Я схожесть увидел и сам,
дорогая моя, между прочим.
И долго на месяц смотрел
и дивился я, стоя за хатой,
Такой же веселый и светлый, как он…
и такой же рогатый?..

Последнее

Всё позаброшу и жизнь прокляну эту злую…
Но почему твои руки я снова целую?
Что ожидает меня за холодным рассветом, не зная,
Я руки целую, шепчу: «Дорогая… родная…»,
Волосы глажу густые ладонью горячей…
Нет, не Господь принесёт нам в плохую минуту удачу!
Чувствуешь – сердце моё, словно птаха, испуганно сжалось,
Может быть, это последнее, что на земле нам осталось –
Встретить рассвет, он встаёт над равниной, алея,
Может, последнее – руки целую, тебя безутешно жалею,
Может последнее – жар твоего поцелуя…
Жизнь прокляну, а тебе пропою аллилуйя.

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН, г. Тула

РУССКИЕ ЛЮДИ

Буживаль

Мы в Буживале
Побывали.
Туман над Сеной,
Как вуаль,
Закрыл дома, машины, дали…
А что за город – Буживаль?

Я молча слушал голос гида:
– Вот банк,
Вот площадь,
Вот вокзал…
А сердце горько жгла обида
За то, что он не рассказал…

Среди причудливых строений
Хотелось отыскать одно:

Тот тихий дом, где жил Тургенев,
Найти хотя б его окно,
Где слово русское звучало,
Где образ Родины не гас,
Где сердце, дрогнув, отстучало
В последний раз,
В последний раз…
Что здесь?
Любовь иль мягкий климат?
Ему видней,
Ему видней…
А Буживаль как будто вымыт,
Брусчатка в отблесках огней.

И вспоминается о Спасском,
Где луг, деревня, дом в тени,
Где он учился русским сказкам
У деревенской ребятни.

Валерий Легасов

Академик, лауреат Ленинской и Государственной премий. Родился в Туле. Расследовал причины Чернобыльской катастрофы. Вместо допустимых двух-трёх недель провёл в заражённой зоне четыре месяца.

Посмертно присвоено звание Герой России.

Мы страшный апрель не забыли
И двадцать шестое число.
Сирены отчаянно выли,
И все мы растеряны были,
Не зная, что произошло.

Он тоже сперва растерялся,
Когда подступила беда.
Но духом воспрянул, собрался,
Скорей самолётом туда.

Не песня мотора – а вопль
Казался ему за бортом,
И то, что такое Чернобыль,
Россия узнает потом.

Не ведал ни сном и ни духом,
Что ждёт его в этой дали
Реактор с распоротым брюхом,
Как чёрная рана земли.
Ждала его страшная сказка,
Слепое исчадие зла.
Одна медицинская маска
В то время защитой была.

И чёрные тучи висели,
Собой заслоняя простор,
И люди желтели, лысели,
Наивные, пили кагор.

И атомы цезия рвали
Их жалкую плоть без труда,
А нам беззастенчиво врали,
Что всё это так, ерунда…

В спортзалах был гость он не частый:
Не Бог, не герой, не солдат,
А хрупкий учёный очкастый,
Он первым шагнул в этот ад.

Он знал, что уж скоро не будет
Ни солнца, ни лиц дорогих…
Вот так настоящие люди
Собой заслоняют других.

* * *

Это странной политики танец,
Непонятный кошмар бытия:
Я теперь для тебя иностранец,
Дорогая хохлушка моя.

Помнишь, раньше, в Союзе Советском,
Между Тулой и между Донецком
Ни застав, ни границ, ни преград?
Ты – ко мне, я – к тебе и – назад.

Чтобы не было больше идилий,
Чтоб забыли о встрече мечту,
Разграничили нас, разделили,
Провели между нами черту.

Провели, и у нас не спросили,
Позабыв в ослеплении зла,
Что всегда Украина с Россией
Неразрывно, в обнимку жила.

Говорят, что для блага народа
Все проверки, таможни, посты,
Говорят – самостийность, свобода,
Но свобода, увы, до черты.
Никакие мы не иностранцы,
Мы лишь временно разлучены,
Ведь кончаются странные танцы,
И проходят кошмарные сны.

* * *

Чем живу? Настоящим и прошлым,
Скромных предков своих не стыжусь,
Возмущаюсь ничтожным и пошлым,
А великим и мудрым горжусь.

Презираю куренье и водку,
Удивляюсь на новую власть:
Губернатор попал за решётку,
Своей властью насытившись всласть.

Вот стою, как сражённый недугом:
До чего же доверчивы мы.
Мэр, считавшийся чуть ли не другом,
Схлопотал семь годочков тюрьмы.

Жалко парня хорошего, жалко,
Но помочь невозможно, увы.
Власть – она двухконечная палка,
Если что – не сносить головы.

Даже сердцу становится больно.
И чего ж не хватало ему?
И пословицу вспомнишь невольно
Про суму, и про ту же тюрьму.

И покажется раем роскошным,
Мир, в котором живу и тружусь,
Возмущаюсь ничтожныи и пошлым,
А великим и мудрым – горжусь.

Царевич Алексей

Мальчик, возникший из небытия,
В чём же вина состояла твоя?
В том, что, судьбой в высший ранг возведён,
Русской царицею был ты рождён?
Скорбно и странно из дальней дали
Смотрят глаза голубые твои,
Смотрят сквозь слёзы,
Смотрят сквозь стон,
Так, как взирают святые с икон,
Словно кричат из вчерашнего дня:
– Русские люди!
– За что ж вы меня?
Вышел неправедный мне приговор:
В сонного, ночью, стреляли в упор.
Я не расстрелян,
Я зверски убит,
Метил в меня беспощадный бандит,
Кто, опьянённый Гражданской войной,

Вдруг возжелал моей крови больной.
Ведал, что делал презренный дебил:
Он не мальчишку – Россию убил
И растворил, схоронясь в темноте,
Белые кости мои в кислоте,
Чтоб на Земле и за тысячу лет
Не отыскали мой маленький след.
Высится в центре Москвы Мавзолей,
Я ж не имею могилки своей,
И неприкаянно изо дня в день
Бродит моя большеглазая тень.
Душу мою ангел в небо вознёс.
Сам я хожу у осин и берёз.
Не отвергай меня, бедная Русь,
Может, ещё я тебе пригожусь.

* * *

Не забыть мне ночь роскошную,
Когда были мы вдвоём
За деревнею Алёшнею,
В тёплом домике твоём.

Нам луна светила белая,
Нас ласкала тишина.
Ты была такая смелая
От любви и от вина.

Тучки по небу волокнами
Шли дорогою своей.
И казалось, что за окнами
Защебечет соловей.

Но напрасно ждал я пения
Гимна счастья и любви.
Эта ночь была осенняя -
Улетели соловьи.

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ, г. Курск

СОЛОВЬИНАЯ ПЕСНЬ

Памяти отца моего,
Федосея Никаноровича

1

«Ваш муж,
Защищая
Геройски...»
Я батю не видел с тех пор...
Из всех инструментов отцовских,
Как острая память, – топор.
Известно в селеньях окрестных,
Не только в родном Становом:
Отец соловьиные песни
Вызванивать мог топором...
Мальчишкой услышав такое,
Стремглав возвратившись домой,
Топор я погладил рукою:
«А ну, соловейко, запой!» –
И вскинул его в поднебесье,
И замерло сердце мое:
Сейчас зазвенит эта песня,
Удар – и услышу ее!..
В крапиву кора отлетела,
Да щепка не больше пера...
Рубил я и слушал –
Не пела
Стальная душа топора...

2

...Я рос.
И все чаще и чаще
Брал в руки отцовский топор,
В хозяйстве своем немудрящем
Немало им сделал подпор.
Но был он по-прежнему грустен,
Тяжел,
Неуклюж,
Неумел.
Я стал сомневаться в искусстве,
С которым он будто бы пел.
Впервые словам не поверив
Почтенного деда Ильи,
Однажды рванул его двери:
– Ну, где в топоре соловьи?.. –
Лукаво прищурился старый:
– Напрасно топор не суди.

Сегодня, голубчик,
Устал я.
Ты завтра ко мне приходи,
Мы дом у Степанихи рубим...
В словах не спеши Наперед,
Ступай да запомни,
Что в грубых Руках
И гармонь не поет...

3

В то утро еще на рассвете
Пошел я искать старика.
Меня он неласково встретил:
Кивнул бородою слегка,
Глотнул из дюралевой фляжки
Чего-то,
Покашлял в кулак,
И снова –
Затяжки, затяжки,
Потрескивал жарко табак.
Курил и о чем-то глубоком,
О чем-то своем вспоминал.
– Война...
Ну а что ж ты до срока
Отцовский струмент доконал?..
До пота крутил я точило,
Совсем онемела рука,
Но вот наконец залучилось
Улыбкой лицо старика.
– Усвоил? – с подначкой спросил он.
Топор не кувалда, сынок...

4

Ах, как он работал красиво,
Отца закадычный дружок!
Топор не взлетал в поднебесье,
Но был и точней и сильней,
И – чудо! – послышалась песня –
Воскрес в топоре соловей!
Высвистывал, цвенькал и щелкал,
Был голос то звонок, то тих –
Пел так, что у сруба девчонка
Забыла о ведрах своих,
Пел так, что вдова Катерина,
Суровой Степанихи дочь,
Не выбив как надо перину,
Каталку отбросила прочь.
И видел я,
Как у порога Сосед,
Эту песнь услыхав,
Задумчиво трогал и трогал

Безжизненный правый рукав...
А песня звенела, звенела,
Заполнила мир до небес –
И дрожь пробежала по телу:
Так вот как работал отец!..

5

Искусству решив научиться,
Не раз выбиваясь из сил,
Я долго железную птицу
По стройкам деревни носил.
Был строг ко мне
Опытный мастер.
Чтоб не было речи в укор,
Пока не заноют запястья,
Не смел я оставить топор.
Не смел.
Мне озвучить хотелось
Отцовскою песнею даль...
И песня однажды запелась –
Проклюнулась звуками сталь!
Вначале отдельные ноты,
Потом все смелей и сильней
Высвистывал,
Цвенькал –
Работал
В моем топоре соловей!..

6

Конечно, у всякого дела –
Раздумий своя колея...
Порою не пела –
Скорбела
Железная птица моя.
Скорбела,
Когда вместо стружек
От острого клюва ее
Летели дробинки гнилушек –
В те годы не жгли мы старье.
Скорбела,
Когда среди ночи,
Как волки,
Яругами шли
За слегами в ближние рощи –
Нас к этому беды вели...
Скорбела,
Когда приходилось,
Глотая печали комок,
Не дом –
Домовину на вынос
Кому-то тесать из досок!..

7

Однажды в дождливое утро
Нежданно скончался Илья –
Прожгла меня весть эта,
Будто
Ужалила душу змея...
О смерть,
Ты змеиной породы
Была и пребудешь вовек!..
Ползла б ты, гадюка, в ворота,
Где подлый живет человек,
Гнилое бы семя сражала –
Не чист человеческий лес,
Но тянешь ты черное жало
К высотному свету сердец.
Да мало ли скошено было
Фашистами света земли? –
У каждой деревни – могилы,
Какие в них песни легли!..
Отца у меня отняла ты –
Не помню родного лица –
И вынесешь завтра из хаты
Того, кто мне был за отца...
Лежал он на сдвинутых лавках,
А дух еще жив был везде:
Картуз,
Пиджачишко в заплатках
Висели в избе на гвозде;
Стояла в сенях табуретка,
Был вид ее крепок и нов –
Такие поделки нередко
Ночами строгал он для вдов;
В сарае верстак был не прибран –
Пила, долото с молотком,
И гвозди различных калибров
На планке лежали рядком,
Подпаленный кончик закрутки
Не стал почему-то гореть –
Для отдыха, видно, минутки
Уже не дала ему смерть...
«Осталась я горькой кукушкой,
Война подточила Илью... –
Рыдала седая старушка,
Уткнувшись в рубаху мою.
– Уж ты тут, родимый, по-свойски...
Гроб сладить тебе наказал...»
Строгал я сосновые доски,
Соленые губы кусал.
В избушке беда не стихала,
И слышалось мне во дворе,
Как тяжко по другу вздыхала
Отцова душа в топоре...

8

Но жизнь призывала к живому,
За это ее и ценю! –
От хаты вела она к дому,
От черного – к светлому дню.
«Долой! Надоело гнилое!» –
Уже веселился мужик.
Входило село Становое
Под шифер, железо и цинк.
Крушила без всякой печали
Литая обушная сталь
Прогнившие стены овчарен,
Коровников пыльную старь...
О новом – прекрасна забота!
В кругу голосистых друзей
Высвистывал,
Цвенькал –
Работал
В моем топоре соловей!

9

Работа!
Люблю это действо
И знаю о том, что вовек
Не склонен был к разным злодействам
Рабочий простой человек...
Строители, братья по крови!
Спасибо за каждый урок,
За то, что из музыки бревен
Пришла ко мне музыка строк;
За то, что – работу смакуя
И чувствуя сердцем добро –
Рукой неленивой могу я
Держать и топор, и перо...
Со стройки придя или с поля –
Как мать вспоминает о том –
«Эх, мне б грамотишки поболе!..» –
Вздыхал мой отец над листом.
Наверно, его тяготила,
Как ныне меня тяготит,
Пера соловьиная сила –
Поющего слова магнит.
Какое глубинное слово
Достану – не знаю о том,
Но верится снова и снова –
Засвищет перо соловьем!

ВДОВЫ

Навек запомнились мне вдовы
Родного курского села,

Они пахали на коровах –
Иного не было тягла.
Они косили, молотили,
Ходили за сто верст пешком
И никогда не молодились
Перед заезжим мужиком...
Я помню: к ночи обессилев,
Садилась мать у тополей,
О, как ты плакала, Россия,
Слезами матери моей!..

ВИКТОР САДОВСКИЙ

ШУРУП

(Невероятное приключение,
случившееся с потомком
известного русского умельца)

Однажды в Туле на закате солнца,
К хатёнке ветхой, где туман клубился,
Похожий на тарелку к верху донцем,
Объект какой-то с неба опустился.

На тот момент, склонившись к наковальне,
Прищурив глаз, работал в хате мастер.
Он не заметил, как сквозь стену в спальне
Проникли двое и сказали: «Здрасьте!»

Левша, – так звали местного умельца, –
Поскольку занят был не праздным делом,
Спросил, не отрываясь:
– Что вам, немцы?
Опять в часах кукушка захрипела?

Я ж говорил, сменить у этой птицы
Немецкий голос надобно на русский.
Она морозу нашего боится,
А посему, хрипит, как сторож прусский.

– Да вот, брат, приключилась незадачка,
Пришлось нежданно в Туле приземлиться:
Шуруп сломался в межпланетной качке.
Нужна починка нашей колеснице.

До Марса целый год ещё полёта.
И до Луны, боимся, не дотянем.
Надежда на тебя. Найдётся что-то,
Мы за любой ценой стоять не станем.

Левша наш был покладист на приколы,
А тут вскипел. Аж молотком – по пальцам!
– Опять ты дурью маешься, Никола!
Эх, посажу тя на курины яйца!

Не погляжу, что ты мой лучший кореш
И балагур известный в околотке.
С рукой Левши, сам знаешь, – не поспоришь:
Не к месту шутка – разговор короткий…

И оторвавшись от блохи с подковой,
Остолбенел Левша от удивленья.
Он в жизни не видал ещё такого:
По горнице гуляют привиденья.

Глаза – что ложки.
Ростом неказисты.
На узких лбах глубокие морщины.
На первый взгляд им точно лет по триста.
И непонятно – женщины ль, мужчины…

Левша, крестом широким осеняясь,
Шептал: – Свят, свят… Анафема, изыди!
Я нынче трезв!
Намедни – было. Каюсь!
Так ведь никто ж как будто не в обиде.

Потёр глаза пудовым кулачищем,
Пожал плечами: « Дверью не скрипели,
Но как вошлиони в моё жилище?
Как незаметно прошмыгнуть успели?

Неужто по трубе? …как домовые.
Так нет же, – вся белёшенька одежда.
Видать, и правда, гости – неземные.
А я их тут встречаю как невежда».

– Да вы, – развёл руками, – проходите.
Я тут вожусь с одной заморской штукой.
На ней сломал все пальцы мой родитель.
И мне передалась его наука.

Так чтостряслось? А ну-ка, дайте, гляну…
Деталька, скажем прямо, грубовата.
Я дверь свою такой крепить не стану:
Металл – дерьмо! Закалки маловато.

Ковал я тут намедни сталь булатну,
Как раз к шурупам заготовки делал.
Резьбу нарежу и вкручу бесплатно,
Чтоб колесница ваша полетела.

Мы ж, как-никак, вселенские соседи,
Не помогать друг дружке – не годится.
Глядишь, Бог даст, и мы на Марс приедем,
И с нами может всякое случиться.

Шуруп готов. За качество ручаюсь.
А золотых монет давать не нужно.
Мы здесь за так соседей выручаем.
Для русских нет дороже чувства дружбы.

Ведите к колеснице, сам прилажу,
Чтобы сомнений… – даже ни на йоту.
И нареканий мне от экипажу
Чтоб тоже не досталось за работу.

И он хотел было уж по привычке
Дверь распахнуть ногой перед гостями,
Но те прощебетали, как синички:
– Пойдёмте, мастер, через стену с нами.

И, взяв его под локти, марсиане,
Минуя дверь, легко прошли сквозь стену.
Левша глаза зажмурил от сиянья,
Что радугой взошло над стогом сена.

Когда же снова распахнул ресницы, –
Как будто подавился чёрствым хлебом:
Надеялся увидеть колесницу,
А тут – гигантский гриб закрыл полнеба.

Покачиваясь медленно на ножке,
Он излучал цветные фейерверки.
– Даа…, – протянул Левша, – такую блошку
Не разместишь в поющей табакерке…

За этой мыслью даже не заметил,
Как внутрь гриба вошли они без трапа,
Там, в глубине угла при тусклом свете,
Сидел мужик, похожий на арапа.

Он бил себя ладонью по макушке
И завывал бессвязно и утробно.
Так мужа потерявшая старушка,
Рыдая, убивается над гробом.

– Что с ним? – спросил Левша. – Какое горе?
Глаза глядят бессмысленно и тупо.
– Случился резкий сбой в его моторе,
Разладилась система без шурупа.

Когда мы в спячку долгую впадаем.
Он управляет всей этой махиной,
Был президентом его предок дальний.
Зовут Бараком. Человек-машина.

Мы, души все, что распрощались с телом,
И все мозги с других планет вселенной
Храним на Марсе и пускаем в дело,
Поскольку этот материал – нетленный.

Создай ему любую оболочку
И отправляй на тяжкую работу,,.
– Всё, как у нас: есть барские сыночки, –
Сказал Левша, – а есть и в лапоточках,
Что спины гнут, мешая землю с потом.

Так значит, не шурупит, говорите?
– Ну да, чуть что, так сразу лезет в драку.
– А ну-ка, марсиане, отойдите,
Я успокою буйного Бараку.

У нас у русских есть такое слово, –
Любого зверя делает ягнёнком.
Боюсь я, вам не выдержать такого.
Постойте лучше, милые, в сторонке.

Уж что там говорил Бараке мастер –
Большой секрет народного умельца.
Но только поутихли в парне страсти,
В груди забилось снова ровно сердце.

Смолистое лицо порозовело.
В глазах зажглись живительные искры.
– Ну вот, – сказал Левша, – всего-то дела
На пару рюмок аглицкого виски.

Причина сбоя тут была простая:
Что ж вы шуруп – в смышлёную машину!
К тому же из такой паршивой стали.
Он, всё же, человек наполовину.

А стало быть и с ним держись, как ровня,
И отдохнуть давай в дороге дальней.
Ведь нет у вас других, его окромя,
Как у меня – окромя наковальни!

Шурупами не крепят узы дружбы.
Но добрым словом крепят, делом добрым.
Благодари товарища за службу,
Чтобы не стала служба песней скорбной.

К таким нравоучениям пришельцы
Совсем, как видно, были не готовы.
Но уши их – прорубленные щельца –
Заметно расширялись с каждым словом.

– Любезный мастер, вы мудрец, философ.
У нас таких уж днём с огнём не сыщешь.
Мы не решаем нравственных вопросов,
Как вы в своих убогоньких жилищах.

Чем отплатить за робота, не знаем.
Вы в нищете, но к злату равнодушны.
А может любопытства ради с нами
Прокатитесь в пространстве безвоздушном?

Со стороны на Землю поглядите.
Такой красивой рядом нет планеты,
Где вы, как нам казалось, сладко спите,
Как спят в утробе материнской дети.

Вас не гнетут вселенские заботы,
От коих мы – уже не человеки.
Порой в душе и защемит вдруг что-то,
Но тут же и угаснет вновь навеки.

Бессмертье не даёт душе отрады.
В нём нет страстей, нет искренних печалей.
Тех мелочей, что вам приносят радость,
На Марсе мы уже не замечаем.

У нас других размахов бездорожье.
И дураков – иное измеренье.
Вы всё ещё живёте здесь по – божьи.
А мы давно – по своему хотению.

– Послушать вас, – сказал Левша – так скука
Всю жизнь на Марсе, как сквозняк, пронзает.
И по наследству переходит к внукам.
Что будет завтра, всяк заранее знает.

Не то у нас. Вы правы, с божьим словом
Идём ко сну и новый день встречаем.
К друзьям – добры. А к недругам – суровы.
В родной земле души своей не чаем.

Хоть всяк чужак горазд пинать Россию,
Наш государь – дай Бог ему терпенья! –
Взывает к миру. Но копит и силу
На все дурные их поползновенья.

И то не правда, что в простых заботах
Мы к Небесам не устремляем взоры.
Есть на Руси немало доброхотов,
Разведывать небесные просторы.

Порой и я на Марс гляжу ночами
И мысль сверлит: а почему он красный?
Неужто у вас ружья кирпичами
Солдаты чистють при погоде ясной?!

Мы так не чистим, почитай, лет двести.
Я вам сейчас большой секрет открою:
Совсем не чистим... Но и в гиблом месте
Ружьё у насвсегда готово к бою.

В него хоть ты песку насыпь полдула,
В болото брось – а всё равно стреляет.
О том, что есть на свете город Тула,
По ружьям всякий басурманин знает.

Ребят у нас немало башковитых.
Веками удивляют всю Европу:
Хоть водки без закуски выпить литр,
Хоть подковать блоху без мелкоскопу.

Вот я – косой, левша, но даже взямши,
На блошьи ножки смастерю обувки.
Глаз у меня сызмальства пристрелямши.
Хотя с трудом осилил в школе буквы.

Поди, осиль, коли учитель – немец.
Ему букварь наш – словно ладан чёрту.
Он спит и видит в русском только немощь.
Считаетсуществом второго сорту.

Да, не сильны мы в аглицкой науке.
И к чистоплюйству немцев тяги нету.
Но дал Господь мастеровые руки
И головы, где мы храним секреты.

За голову мою идёт охота.
А вот душа, видать, для них – потёмки.
Всё норовят в неё подсыпать что-то –
Травы забвенья иль дурман-соломки.

Иной раз порыбачить соберёшься,
Глазам дать на природе передышку,
Закинешь снасть – давай, ловись, рыбёша! –
А там …русалка… прыг тебе в подмышку!

И ну – ласкать! Выделывать такое,
Что и во сне срам сущий видеть это.
И думает, что я сейчас открою
За нежность ласк державные секреты.

А шиш тебе, заморская блудница!
Мы хоть царя за рюмкой и ругаем,
Но встанем грудью защищать столицу.
И меру в ласках откровенных знаем.

У нас есть поговорка «делу – время!
Потехе – час!» И день короткий очень.
Пора и вам, пришельцы. Ногу – в стремя!
А мне ещё с блохой корпеть полночи.

Сказать по правде, други – марсиане,
Слетать к вам в гости мне не помешало б.
Но что с заказом делать для Британи?
Они ж Москву завалят кучей жалоб.

И туляки, конечно же, осудят:
«Продался! – скажут. – Поздно раскусили».
Пусть лучше всё как было, так и будет:
Вам – красный Марс. Мне – уголок России.

Левша, прощаясь, подошёл к Бараке.
Обнял за плечи и сказал на ухо:
– Обидят если, не склоняйся к драке,
А отбивайся русскою наукой.

Слова запомни, что сказал тебе я
В начале этой необычной встречи.
От них даже медведь в лесу робеет,
Когда бороться с зверем больше нечем.

Мужик-машина рухнул на колени
И молвил, руку мастера целуя:
«О, мудрый целовека, руськи гений,
Всё без шурупа в память запишу я…»

Тут всё внезапно громко загудело
И растворилось, как в густом тумане...
Левша очнулся за привычным делом.
Пред ним подковка звёздочкой блестела
И сломанный шуруп на наковальне.

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

«ЗДЕСЬ РОССИЯ – МЕДУНИЦА…»

Большак

Впереди большак, подвода,
Старый пес у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.
И.Бунин.
1889

Грусти не мерено –
что-то не так,
Сердце с тяжелою
ношею,
Время – ковыль заколышет
большак,
С ветром проносится
прошлое.
Толпы собратьев
на древнем пути
Славу добыли
победами.
Нам ли бездарно меж ними
идти
С ленью, пороками,
бедами?
Встретит с укором
герой-славянин –
Спрячемся:
стали пугливы мы.
Кровь лишь по-прежнему
цвета рябин,
Скорби склоняются
ивами.
Не обойти стороною
большак,
Славу, что пелась
Баянами.
Грусти не мерено –
что-то не так…
Будут ли внуки Иванами?

Сорочий мост

Дубовщиной –
лесом, полем,
Напрямик –
немного верст.

Вот обрыв,
река, раздолье,
Меж лугов –
Сорочий мост.
То ли звонче
здесь трёхрядки,
То ль кудрявей
мурава,
Иль ровнее на «порядке»
деревенские дома,
Едут все-
машиной, конный,
Кто – посланец
пылких муз,
Книжник города
затворный,
Кто – искатель
добрых чувств
К родникам,
прозрачным, сладким,
К соснам в звёздах
высоко,
К вольным коням,
стройным, гладким,
К кружке
с пенным молоком.
Здесь Россия в медуницах,
в коромыслах и платках,
Как с иконы,
в избах лица
и забытые века.

* * *

Памятью сердца дарованной доли
Мчимся из суетной жизни-неволи
В солнечных бликах к родному порогу,
К вербному пуху, ольховому логу.
Мчимся в надеждах своих сновидений
К песне скворцовой и льдине весенней,
Мчимся, чтоб в радости детства кружиться,
Родине милой душой поклониться

* * *

Молятся звёзды, мерцают и рдеют,
Молится месяц, плывя по лазури
А.Фет

Пред святым алтарем небезгрешна я.
Помолись за меня, птица вешняя.
В небесах надо мной трель молитвою.

Приклонися листвой, куст ракитовый.
К куполам вознесись с неприступных круч
И свечой возгорись, предрассветный луч.
Звери в чащах лесных бездорожием
Призовите ко мне Матерь Божию.
Поле, луг и река, травы здешние,
Отмолите меня, небезгрешную.

На Новодевичьем

Переплелись века и нравы…
Вошли смиренно в монастырь
Апофеоз любви и славы,
Оазис духа и пустырь.
Нашли в стенах успокоенье
Стрельцов мятежные сердца,
Инок, согбенный в поклоненье,
Царевна Софья без венца.
Здесь все равны: поборник чести,
Герой войны, слуга пера,
Кто был в опале, с жаждой мести –
Изгои царского двора.
Денис Давыдов, бюст и мрамор.
Каховский. Гордый Соловьев,
Наук Российских свет и слава…
Могилы. Стайки воробьев.
Надгробья ангелы венчают:
Смиренный взгляд, у губ персты,
Как будто Небо вопрошают,
Кто в жизни бренной «я» и «ты»?
В подводе ехал ли, в карете –
Всего-то памятника тень.
Среди камней играют дети,
Весенним солнцем брызжет день.
Где смысл «злодейских потрясений»
Во имя злата, серебра?..
Небес свершилось провиденье –
Над всем покой и тишина.

Сударыня

Крестьянка статная
иль барыня,
От красоты
бросает в жар,
Век на Руси звалась
«сударыня»
От корня Божеского
«дар».
В том корне русское
до боли

Сошлось, слилось
в один мотив –
И в сарафанах
жницы в поле,
И над водою
шепот ив.
Как очарованная
чарами
Плывет из праздничного
сна
Не просто женщина –
сударыня,
Невеста чья-то
иль жена.
Нет, русский корень наш
не беден,
Скорей всего –
наоборот,
Не прижились «мадам»
и «леди»,
А вот сударыня
живёт.

* * *

Я жалею тебя, я жалею…,
как жалели мужей на Руси,
над тобою я ветры развею,
злого духа, что мог искусить.
Помолюсь – и кручина убудет,
и недуги иссякнут в ночи.
Может, люди меня и осудят,
ставлю я за тебя три свечи:
от недоброго глаза – Спаситель,
Божья Матерь – покровом в пути,
ближе к сердцу – твой Ангел – хранитель,
и ему поклонюсь: «Огради…»
А вернёшься, я встречу, согрею,
говорить о любви не проси.
Я жалею тебя, я жалею…,
Как жалели мужей на Руси.

* * *

Ты прошёл по строке,
память вдруг всколыхнув
звоном синих стрекоз тихим летом.
К соловьиной реке
ты прошёл налегке
песней первой любви недопетой.
Мы бродили в лугах,
где ромашковый плёс,

запах тмина, цветочного мёда.
И на птичьих кругах
жаворонок нас нёс,
сокровенные тайны поведав.
Вновь я в сладкой тоске –
о тебе, о тебе…
И за что мне такая награда?
Ты прошёл по строке,
ты прошёл по судьбе
золотою тропой звездопада…

У реки

Речная свежесть невесома.
Рассветной птицы сонный звук
Ворвался в сладкую истому.
И холодок коснулся губ.
В тумане капельки-росинки
Стекали с каждого листа.
Луч солнца брызнул в паутинки
Под лопухами у куста.
А там, раскинув ловчьи сети,
Горбатый тужился паук
И ткал, угрюм и неприметен…
А солнце заискрилось вдруг
В росе причудливым сплетеньем
Кружав алмазных из седин.
И были дивные виденья
В том царстве мрачных паутин.

Пойменные луга

Особая, дурманящая прелесть
В забытых всеми пойменных лугах,
Где донник в золоте и скромный вереск
В малиновых от зноя клеверах,
И в белоцветье луговых ромашек
Цикория синеющий прибой,
Пчелиный звон в цветочных ярких чашках
И меда сладкий запах над рекой.

* * *

На дороге пегая кобыла
С вишнёвым тонконогим жеребёнком…
Вдруг нежность сердце мне заполонила,
А мама сыну всё ласкала холку,
Едва губами мягкими касаясь.
Казалось, что любовь её бездонна…
Природа, вновь лукаво улыбаясь,
Явила мне прекрасную мадонну.

* * *

Аллеи парка.
Так много света.
Ещё не осень,
но и не лето.
На ветках зелень,
но не пушиста,
Калины красной
висят монисты.
Прозрачны тени,
лист не кружится,
Но пряный дух
уже струится…
Во всём усталость
и ожиданье…
Пришла бы осень,
но …с запозданьем.

* * *

Медовый спас.
Туманы до восхода.
Из воска сливы.
Дымная река.
В осеннем звездопаде
Стынут воды.
В холодных росах
Пряди ивняка.

* * *

Багряный лист поблек до Покрова,
Он золотом осины не мерцает,
И отсыревшая пожухлая трава,
С росой, как прежде, в искры не играет.

* * *

Опустились туманы в низины,
В сизой дымке плывёт горизонт,
Желты пряди взгрустнувшей лозины
Над осеннею тяжестью вод.

Раскраснелась девчонкой рябина
И на ясень восторженный взгляд.
В полушалке цветастом осина
В окружении рыжих опят.

Клен в парче от сапог до камзола,
Как смотритель в осеннем лесу,
Чтобы ранних зазимков разоры
Не сгубили лесную красу.

* * *

Изменчива погода: в одночасье
Нежданно в ясном небе грянет гром,
Заплачет на стекле слезливое ненастье
И тайно прокрадётся в тихий дом.
С ним упорхнёт неверная удача,
Нависнет тень обиды и измен,
Жизнь, подменив коней, на старой кляче
Потянет серость дней до лучших перемен.

Зазимок

Зазимок первым снегом ранним
Осенний лист припорошил.
Морозец на оконной раме
Цветок хрустальный прочертил.
Так настигает неизбежность:
Испита юность вся до дна,
Зазимок вдруг меняет внешность –
И в прядях брызжет седина.

* * *

Лето было и уплыло
В холод росный в сентябре.
Осень в клёнах зелень смыла,
Заискрилась на заре
Охрой, золотом в багрянце,
Зашуршала под ногой,
Закружилась с ветром в танце,
Ждёт морозы на постой.

* * *

Прозрачная голубизна небес,
И всюду столько радужного солнца!
В листве багряной отсыревший лес,
На лужах льда блестящие оконца.
Как серебро тончайших покрывал,
На комьях пашни нити паутины.
Октябрь заворожил, околдовал
Пронзительною ясностью картины.

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ, г. Сочи

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

* * *

Из-под опущенных ресниц
Взглянуло солнце на покосы;
На стаи перелётных птиц,
Зарю встречающих на косах;
На стены камышей; на лес,
Покрытый пеленой тумана;
На отражение небес
В притихшем зеркале лимана.
Взглянуло солнце: ждут меня?
И убедилось: нет ошибки.
Мгновенно замерла земля
От алой солнечной улыбки.
А солнце, распахнув глаза,
Всё щедро озарило светом.
Ликует мир, зарёй согретый…
И лишь одна трава в слезах.

* * *

Осень. Лист слетел с берёзы
Прямо в заросли бурьяна.
Тучи проливают слёзы
На промокшие поляны.
Шёпот капель наполняет
Всё вокруг глухой тоскою.
Ветер волны поднимает,
Пролетая над Окою.
Волны камыши колышут
И сбивают в комья пену.
Всё в природе нервно дышит,
Предвкушая перемены.

* * *

На землю падал луч зари.
Зачем он падал – непонятно.
Но всё же, что ни говори,
А это было нам приятно.
И мы смотрели на зарю
С надеждой, затаённой в сердце,
Что в Богом проклятом краю
Есть всё же шанс душе согреться.

* * *

Из родника в полдневный зной
Глоток живительного чуда.
Один глоток. За ним – второй…
Всю жизнь я это помнить буду.
В час пессимизма, в час тоски
Родник всплывёт вдруг сгустком света;
И боль, что жалила виски,
Отступит пред виденьем лета.
О лето дивное! Клянут тебя подчас
За комаров и мух, и волны зноя.
Но всё равно он наступает – час,
Когда тебя помянут с теплотою.

* * *

По чёрному стеклу пруда
Скользит лимонный лист берёзы.
Из ниоткуда в никуда.
Что ищет он? Какие грёзы
В его опавшей голове?
И почему ему неймётся
И не лежится на траве?
Зачем он в путь последний рвётся?
Загадок полон этот мир,
И в каждой капле плещут тайны.
Для разума здесь вечный пир.
Как это может быть случайным?

* * *

Тихо падали звёзды на плечи зари.
Умирала с улыбкою осень.
Караван журавлиный пронёсся вдали,
Крик прощальный на сонный мир бросив.
Лес вдруг брызнул в глаза желтизной,
Солнца луч на волнах заискрился.
Мир вокруг встрепенулся на миг, как весной,
И опять в тихий сон погрузился.

* * *

Солнца луч скользнул по лицам
И в дубовой роще скрылся.
Небосвод к земле склонился
В полумраке скрыв границы
Между небом и землёю,
Меж рекой и камышами,
Словно краски все смешали
За ушедшею зарёю.
Привыкаем жить во мраке,

Напрягаем силу воли.
Если б только знать, доколе
Будет длиться час собаки.

* * *

Взошедшее солнце сверкает в росе,
Алмазные россыпи бросив на поле.
Лисица бежит на песчаной косе.
Две чайки несутся над тихой Окою.
Светла и знакома надежда в груди,
Чарующих планов растёт вереница.
И кажется: целая жизнь впереди,
И эта картина не раз повторится.

* * *

Лишь ветер стих – застыло небо.
Недвижны тучи над рекой.
Край, где покой доселе не был,
Внезапно получил покой.

Но настороженная память
Ждала какой-нибудь подвох.
А подозренье душу ранит
Сильнее, чем тиски оков.

И тихий тёплый мирный вечер
Душе покоя не принёс.
Спустилось тяжестью на плечи
Предощущенье новых гроз.

* * *

Когда остались позади
Прижимы и шальные бочки,
Когда в ликующей груди
Вдруг стали распускаться строчки,
Как пела каждая строка,
Сияя чистотой кристалла!
И присмиревшая река
Родной и близкой сразу стала.
И снова вспыхнул мир вокруг –
И ослепителен и ярок.
И даже дрожь усталых рук
Воспринималась как подарок.

* * *

Шум камышей.
Шорох мышей.

И комариный звон.
Гулко в ночи
Филин кричит,
Прочь отгоняя сон.
Что нас зовёт
Снова вперёд
За поворот дорог?
Что нам в пути
Нужно найти
Знает один лишь Бог.

* * *

Запах сырости и грибов.
Лист упавший наполнен влагой.
Закрывают стволы дубов
Затаённую пасть оврага.
По тропинке бреду сквозь лес,
Просто так без убогих планов.
Опускается дождь с небес,
Монотонно шурша в бурьянах.
Капли-бусинки по ветвям
Разбросала повсюду осень.
Дни последние октября
Время в тихую даль уносит.

* * *

Тянет влажной прохладой с реки.
В сердце зреет предчувствие нового.
Всем прошедшим годам вопреки
То, что память хранит, вижу снова я.
Или время вдруг прыгнуло вспять?
Или есть и ему неподвластное?
Словно детство вернулось опять,
Отодвинув реальность ненастную.
На пустынном речном берегу
Ветер странствий зовёт в Неизвестное.
Этот зов пронести я смогу
Через дни, суетные и пресные.
Этот зов пролетит сквозь года
Недопетой, неспетой песнею,
Как летит через время вода
Всё на том же пути в Неизвестное.

* * *

Ветер сосен вершины полощет
Налетевшим внезапно дождём.
Боль утрат растворяется в роще,
По которой бесцельно бредём.

Здесь светло и легко, словно в храме.
Воздух свеж, как дыхание гор.
Как картина в невидимой раме,
Этот тихий сосновый шатёр.
Капли тихо сползают по хвое
И блестят отраженьем небес.
Но и дождь не нарушит покоя,
Что сердцам подарил этот лес.

* * *

В октябре по ночам
Над рекою туман.
У берёз по плечам
Желтизна летних ран.
В предрассветной тиши
Скован инеем лес.
И молчат камыши,
Глядя в бездну небес.
В ожиданье зимы
Мир задумчив и тих.
Нарушаем лишь мы
Этот общий мотив.
Мы куда-то спешим
В мельтешении дней
И природу смешим
Изобильем затей.

* * *

Солнечное зарево пьянило
Вечностью, искрящейся за светом.
Звёзды, тая, падали в горнило
Силу набиравшего рассвета.
И надежды крылья расправляли,
С лёгкостью сметая все сомненья.
И такие открывались дали,
Что хотелось задержать мгновенье.

* * *

Ветер вздыхает. Под лёгким дыханьем
Стаями листья порхнули с деревьев.
Листья, хранящие летние тайны,
Падают вниз, словно птицы без перьев.
Солнца лучи гладят ласково кожу,
Тихо шепча: всё ещё возвратится.
Что не свершили, свершить ещё сможем.
Что не сложилось, успеет сложиться.

* * *

По утрам над речкою туман.
Это значит: осень на подходе.
И холодный ветер дальних стран
Всё привычней рядом с нами бродит.
Лес ещё по-летнему тенист,
Только непривычно бескомарен.
В кронах золотится жёлтый лист
Среди ярких пятен киновари.
Всё, что было можно, отцвело.
Лес притих, чего-то молча ждущий.
Время лёгкой грусти о былом.
Время размышлений о грядущем.

* * *

Листья целыми гроздьями падают
В полусонном и светлом лесу.
На прощание осень нас радует,
Предъявляя земную красу.
Нет ни летней жары изнуряющей,
Ни настырных летучих армад,
Но по-летнему роща тепла ещё,
Хоть и кружит вовсю листопад.
Краски лета разбавив осенними,
Ждёт природа прихода зимы.
Жаль лишь, нет больше птичьего пения:
По-осеннему рощи немы.

* * *

Краснел от злости солнца луч.
Пытались в небо взвиться волны.
А в небе средь багровых туч
Сверкали зажигалки молний.
Метался ветер, как больной,
И тучи рвал бездумно в клочья.
О чём стонал он предо мной?
И чем же мог ему помочь я?
Я сам, как ветер, день и ночь
Мечусь по жизни бестолково.
Чем я могу ему помочь,
Когда к одной цепи прикован?
К цепи бесчисленных забот,
Чужих желаний, слёз, амбиций.
Я, как и ветер, рвусь в полёт,
А вынужден лишь суетиться.

* * *

Ветер, сгибая деревья, стонал.
В тон ему ветви скрипели.
С Запада чёрная пелена
Тихо сползала на ели.
Волны вскипали барашками пен,
Тёмную воду чертили.
Небо сплетая узорами вен,
Белые молнии били.
Били по скалам, их камень круша.
Били по пляшущим водам.
Только была равнодушна душа
К этому буйству природы.
Скучно и грустно стучало в груди
Сердце как дробь барабана,
Зная, что нет ничего впереди,
Кроме тоски и дурмана.

* * *

Звёзды в небе светлеющем тают,
Охлаждая поднявшийся ветер.
Ветер ветви деревьев листает,
Словно новости ищет в газете.
Шорох листьев скользит над Окою,
В шорох волн сам собой переходит.
И на смену ночному покою
Суетливость дневная приходит.

* * *

Гремел литаврами закат.
Сквозь тучи молнии блистали.
Они разили всё подряд
Клинками из небесной стали.
Как было весело следить
За разгулявшейся стихией
И с ней на равных говорить,
Бросая гордые стихи ей.
С восторгом слушать сердца дрожь,
Забыв про скуку и усталость.
И ощущать, что ты живёшь.
И видеть жизни мощь и ярость.

М. БИМ (БОРЗЁНКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ)

ЭКСПРОМТЫ

Личность

На поступок не каждый способен.
Хоть наш путь изначально у всех
Где-то там, в материнской утробе,
Пробивается в муках на свет.

Мы живём все в сплошных недостатках,
В суете бесконечных сует.
И бывает то горько, то сладко,
То – любовь, а то – совести нет.

То в погоне за модою краткой,
Надрываясь, погоду ловя,
Тратим жизнь свою всю, без остатка,
Птицу счастья поймать норовя.

И скажите мне честно, без шуток,
Как угодно, хоть с глазу на глаз,
Кто способен из нас на поступок?
Кто на подвиг способен из вас?

И неважно – учился ль отлично,
Или двойки с колами хватал…
На поступок способна лишь личность,
Я таких за века повидал…

Если крепок характер, привычки
Сотворят нам судьбину – судьбу.
Слово правды не ставим в кавычки,
Не бросаем мы в бедах страну.

Не оставим мы друга однажды
Ради корысти, лживых утех.
На поступок способен не каждый,
Личность наша едина для всех!

Прощание с летом

Дубовая роща, берёзы и клён **–**
Деревья ещё в свой наряд приодеты.
Но чу! Слышу миг – очарован, влюблён
В миг грустный, прекрасный прощания с летом.

Обмякла природа, затихли пруды.
Весёлые песни, похоже, пропеты.
Я мигом прелестным любуюсь тайком
И нежусь теплом на прощание с летом.

Ещё не дохнул ветерок холодком.
Ещё бродит осень дождливая где-то.
Я мигом прелестным любуюсь тайком
И нежусь теплом на прощание с летом.

Крик птицы печальный, даль синего неба,
То здесь, а то там вижу эти приметы.
Лугов дивный запах исчез, словно не был.
И вот неизбежно прощание с летом.

Дубовая роща, берёза и клён.
Ловлю этот миг я душою раздетой.
Тосклив, очарован, влюблён, опьянён…
Клянусь, буду ждать тебя, новое лето!

Первой учительнице

Дорога в жизнь от школьного порога,
Как у тетради чистые листки.
Мечта и даль, надежда и тревога,
Учительница наша у доски.

И первый день, и первые улыбки,
И так приятен первый опыт твой
И вспомнятся вдруг первые ошибки,
И добрый взгляд учительницы той.

И вновь волненья, все опять, как прежде,
Спустились к детям, как лучи с небес.
Лишь год прошёл, как мой корабль надежды
Отплыл в страну познаний и чудес.

И мудрый лоцман в тягостных заботах
Жил в нас судьбой, себя забыв совсем.
Переживать всё время за кого-то
Дано по праву, видимо, не всем.

Достойно будет, чтобы труд примерный
Превознести на самый верхний трон.
Учительнице доброй моей, первой
Нижайший мой родительский поклон!

Из воспоминаний

С тобой приятно быть,
Тебя приятно слушать.
Прошу, чтоб не забыть,
Чтоб образ не разрушить.

Ругая и моля,
Я вслух с тобой толкую.

Господь, прости меня
За исповедь такую.

Ликую и горжусь,
Стесняюсь и робею,
И страха вдруг стыжусь,
Без слов стою, немея.

Кумиры возведя,
Невежество смакую.
Господь, прости меня
За исповедь такую.

* * *

Готов ответить перед кем угодно,
А кто поспорит, тем скажу опять:
Любовь всегда во всех нарядах модна,
Никто не в силах моды отменять!

* * *

Гонима прочь зима, но след ещё остался.
А вон уж на бугре подснежник показался.
Ласкается с лучом, в весеннем ветре вьётся,
Играет, как дитя, и чистый звон несётся,
Ну что ему – гонцу весны неймётся,
А он ликует, светел, к солнцу рвётся.

Годы 90-е

Годы были холодные,
Годы были голодные,
Годы были лихие,
Годы были плохие.

Ну а мы были вместе,
Даже пели мы песни:
Друг для друга – поддержка!
Друг для друга – надежда!

Вспоминаем, не плачем,
Также верим в удачу.
Также верим друг другу!
Также ценим подругу!

В Кузьмичёвке

Мороз на улице опять;
И в инее деревья;
И лес загадочно объят;
И тишина за дверью.

Смотрю, любуясь у окна
Январским я убранством.
Как дятел долбит не спеша,
Как даль близка и хороша!
Как сказочно пространство!

Но только яркий солнца луч
Тень инея коснётся,
Как заиграют небеса!
И волшебство, и чудеса!
И красота очнётся!

Обелиски стоят

Пусть, осколки снарядов давно не свистят,
Не гремит канонада, зенитки не бьют.
Пусть прошло с той поры уже за шестьдесят,
Когда небо украсил наш Первый салют.

Память прошлых боев – ветераны без слёз.
Поредели ряды постаревших солдат.
И стеною врагу, вдоль скорбящих берёз,
По Орловской земле обелиски стоят.

Пусть столетья минуют, изменится строй,
Поколенья грядущих ждёт мир и расцвет…
Но тот бой под Орлом, 43-го бой,
Не забыть, хоть пройдёт, может, тысячу лет.

Пусть сегодня другой сад весною расцвёл,
И другие пусть песни сегодня поют,
Но в веках, но в веках будет славен Орёл,
Память прошлого, его самый Первый салют!

* * *

Среди городов и сёл,
В любом российском краю
Знают наш город Орёл,
Орловщину знают мою.

И слов примечательней нет,
Славнее нет земляков:
Тургенев, Андреев, Лесков
И светом ликующий Фет.

Щедр на таланты народ,
Чист воздух приокский весенний.
В сердцах Дмитрий Блынский поёт,
Поэт наш – орловский Есенин.

Мой город лицо обретает,
В талантищах русских живёт.
Российский народ просвещает,
Российскую речь бережёт.

* * *

Кто не был, тот здесь ещё будет.
У библиотеки вас встретит Бунин,
А на Дворянском гнезде удивительно
Взглянет на вас Лиза Калитина.

Неспешно ступая Орловщиной,
Дойдёте до Мценска, до Спасского,
Любуясь берёзками, рощами,
Касаясь ладонью их ласково.

Полынью надышитесь досыта,
Падёте в траву луговую.
Здесь только всего мною прожито,
Наслышано песен вживую.

Пройдётесь, взмахнув рукою,
Тропой непримятой, узкой,
Шире увидите землю русскую
За Орликом и за Окою.

Лучше Россию поймёшь великую,
Размах её, клевер за викою,
Всю её многоликую,

И удаль её поймёшь,
Где золотом плещется рожь.

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ

МОИМ ДРУЗЬЯМ

И вот тебе уже давно не сорок,
а жизни пыл не хочет затихать.

Ещё твоя строка без пробуксовок
способна, по велению стиха
зашторив тьмою огненный закат,
звенящими ступенями спуститься,
и звёздною монетой расплатиться
за свежераспускающийся сад…

А утром вслед за пеленой парною
с востока солнце вынырнет по новой,
свои священнодействия деля
с грозою, что, расплёскивая тучи,
вдруг мокрым брюхом ляжет на поля,
и, как щенок, впиваясь в вымя сучье,
начнёт её высасывать земля.

И – пыл земли не хочет затихать:
в нём пульсом бьётся жизни благодать.

«Не сладко ль я живу, тобой лишь дорожа?»
Булат Окуджава.

* * *

Я в плену у мечты…
Жаль, что мы не на «ты»,
что не слышал я «да» –
в том лесу у пруда
не плескалась волна,
ты стояла одна.
А когда на ветру
волны гнал водоём,
мы с тобой на юру
не встречались вдвоём.
Я в ладонях своих
твоих рук не держал.
Но, в мечтах сотворив,
я тебя обожал.
Одиноко живу,
изболелась душа.

…вдруг идёшь наяву –
до чего хороша!

* * *

Осень – боль моих тревог,
угасающих дерзаний,
сверка планов и дорог,
обрушительный экзамен.
Скоро прозвучит отбой,
успевай поспеть со строгим
осознанием итогов,
самосудом над собой;
торопись – тебе пока
даден шанс невыносимый
для последнего броска –
мужественно встретить зиму.

Осень – дрожь моих надежд,
суета самоотдачи.
Жизнь, сменив тряпьё одежд,
продолжает бег свой дальше.
Здесь – пожар, а не закат.
…как сокращены мгновенья!
И виски, виски горят
бешенно и вдохновенно.
Огневой твой листопад
осень, – не самосгоранье,
шелуху содрав до пят,
это суть чеканит грани.

Твой меняющийся лик,
осень, – это диспут страстный:
то вспорхнёт погожий миг,
то пикируют ненастья;
и леса – как миражи
опадающего лета;
и смятенье стай кружит –
к перелёту, к перелёту…
Но, победен и могуч,
рёвом трубным и прекрасным
бык оленій на бегу
самок созывает властно.

* * *

Среди стволов, очкариков,
журчаща и лиха,
вошла… не знал, что – кара мне,
что – вздоха перехват;

глазища светлорыжие
влекущий абрис губ.
Ко мне подсела ближе и
примолкла, ни гу-гу.
И нежно искрой тайною
кольнула сердце мне.
Я потянулся к талии…
увы… хозяйки нет –

уже вдали растаяла…
Кричу я: «Где ты? Где ж?!»
Растаяв, не оставила
мне никаких надежд.

* * *

Чья?
Мужья? Женина причуда? –

Со звоном колется посуда!
Кому приметою на счастье –
сервиз об пол разбит на части?
Со злостью вышвырнута вон
антенна, схваченная с телека,
и, словно стёкла из окон,
наружу брызнула истерика.
Глазеет с улицы толпа…
– Вином и бабами пропах!
Прочь руки! Мерзкое мурло!..
(Остывший ужин – шварк в ведро!)
– Влюбилась дура в подлеца, –
И нет на женщине лица.
Любви осколки остры, хрупки.
Стоит Отелло в мини-юбке.
Стоит и безысходно плачет,
за жизнь расшибленную платит.
Нет больше сил, нет больше слов…
– А, может, всё неправда, милый?..
Напраслину мне наплели?..
Я наплюю на то, что видела…
Ты только верить повели!..
Ты что молчишь?!

ЛЕОНИД АГИБАЛОВ

ПРИОБРЕТЕНИЯ

Ода метро

Люблю дремучею душою
Тебя, волшебное метро,
Твое стальное, слюдяное,
Насквозь прогоркшее нутро!
Всех этих стилей переклички,
Неразбериху станций, где
Порывистые электрички
Насилу держатся в узде...

Они, как с неба, налетают!
Но веря — небеса есть сон —
Здесь полстолицы обитает
Под серебром стерильных солнц.

Как здесь целуют легкокрыло,
Как напирают, наддают...

Люблю тебя, Москвы горнило,
За демократию твою!

Ни гордецы, ни фарисеи -
Слепые баловни авто, –
Сюда спустились Одиссеи
В непроницаемых пальто.

Народ все жилистый, строптивый,
Спокойный за судьбу свою,
С великолепной перспективой
В своём грохочущем раю!

Приобретения

Он приехал в Город из провинции.
Слишком неувертливый, большой.
За какие пострадал провинности
Детской, черноземною душой?

Недостало человеку знания
Тайной жизни пашен и небес.
Он в испуге озирает здания,
Что символизируют прогресс.

А вокруг и люди, вроде, русские:
Смех не оскорбит его ничей!
Но неуловимо чем-то узкие –
Плоть от плоти каменных ячей!

Так в мытарствах всем известной сложности
Год прошеё, а может быть и два...
Приодела парня, по возможности
Обтесала матушка-Москва.

Приобрёл сноровку? Без сомнения!
Чем же он пожертвовал, спроси:
Добротою, совестью ли зрения
Неблагоустроенной Руси?

Амэрикэн тайп

В сухой атмосфере статической
И в шорохе нервных устройств,
Какой-то шагренью мистической
Обтянуты девы без свойств.

О, попочки их аккуратные!
О, кнопочки! И вечный бой!.
Отечество им – аппаратная.
Милей им дисплей, чем плейбой.

Лишь код, что сверхразумом выдался,
Способен увлечь их всерьёз.
Не стать приложением Windows'а
Тому, кто из плоти и грёз!

И спорить со мной до истерики,
Мозги некорректно грузя,
Зачем не люблю я Америки –
Не надо, не надо, друзья!

Урок английского

У Сивцева Врага
Вся наша ватага:
И Надя, и Вадя,
И пес Автандил,
Следили охотно,
Как тяжко, мешкотно,
Смешно и заботно
Он в арку входил. –
Все эти потаптыванья, перетаптыванья,
Все эти пошаркиванья, перешаркиванья,
Все эти поглядыванья, переглядыванья,
Все эти блужданья средь вечных светил…

Куда, в самом деле,
Семь раз на неделе
Сей воздухоплаватель
Или завхоз –
То листьев охапку,
То нотную папку,
То лисию шапку
Опасливо нёс?
Все эти покашливанья, перекашливанья,
Все эти посапыванья, пересапыванья,
Все эти помигиванья, перемигиванья,
Все эти подарочки – вот в чём вопрос!

– Вавв! What is the question! –
Мы взвыли зловеще
Под аркой, с цыгаркой…
А этот вахлак
Очками играет,
Красиво втирает:
– Сестра догорает…
Трагический рак…
Все эти обследыванья, переследыванья,
Все эти просвечиванья, пересвечиванья,
Все эти укольчики, перекольчики,
Все эти немыслимости… Good luck!

Загородный поезд

Как воскрешение водой,
Как жизнь из нежного сосуда
Толчком, горячею рудой,
Приобразившаяся в чудо –

Так расширительно уже
Отмокшей ночи толкованье,
Меж двух миров, на вираже,
На чёрной ветке расставанья!

Не бред ли? Несколько минут,
Валящихся под электричку,
И тьма. И только звёзды льнут,
И затевают перекличку...

И город весь, во всей красе,
Со всею событийной злостью –
Висит на кончике шоссе
Переливающейся гроздью.

И веришь: этот переход,
Мне этот переброс дороже,
Чем загорающийся лёд
Твоей, под поцелуем, кожи!

Сущёвский вал

Запрети мне любые слова,
Хочешь – сердце поспешное вынь,
Чтоб не жгла твоя влага, Москва,
Твоя мгла и листва, и теплынь!

Разве мир на Сущевском валу
И спокойствие на Хуторской,
Если ходит на каждом углу
Мой двойник с терпеливой тоской?

Разве жизнь в этих каменных днях,
В этом вымахе улиц ночном, –
Не намёк о тенетах, тенях,
О слезах вперемешку со сном?

Боже, Боже! Неужто пыльца
Горькой пудры и рельсы во тьму,
И служенье моё до конца –
Не свидетельствуют никому?

Научи же меня за добро
Не платить даже перстью души,

Чтоб не жгло мою память тавро
Ускользающих пальцев и лжи!

Но опять по Москве, по Москве,
Пусть иглой, пусть мечтой воровской,
Проведи ты меня по канве:
По Сущёвскому и Хуторской!

Баллада о Василии

Вася торговал на рынке фруктами, жизнью торопился овладеть.
С замыслами не сиюминутными, выручая серебро и медь!
В нём души не чаяла всесильная, тёртая, глубокая родня.
Чуть чего: «Василия, Василия!» – доносилось среди бела дня…
А Василий губы занавескою вытрет, скажет: «Знаю вас, собак!»
И не скрою – было что-то веское, жизненное в сказанном вот так…
Но уж за прилавком покупателю улыбался шире, чем всегда!
Ласковой была она к приятелю, хитрая торговая звезда.
Все бы так. Да вот приснись Василию, мягко говоря, хреновый сон!
Нет, не срыли Васю, как Бастилию… Только круто изменился он:
Принял он какое-то решение... Взвешивал – не глядя на весы!
Ощущал какое-то брожение с каждым приближением весны…
Потерял я из виду красивого. Уж не знаю, что тому виной.
Время шло: «Василия, Василия!» – долго не носилось над страной.
Но однажды, в общем, без усилия, но с какой-то внутренней тоской –
Встретил я старинного Василия в маленькой пивной на Хуторской.
Я вскричал:
– Да это ты ль, приятель мой! Вася, ты! Да что это с тобой!
Он с улыбкой пьяно-обязательной медленно качает головой…
–Обманули денежки проворные?
– Не в деньгах, – мне отвечает, – свет!
Были деньги, а взметнулись вороны! – И потом добавил, – Я поэт!
Может быть, последний в Ойкумении, в этой первобытной стороне,
И не на халяву в заведении мне дают «сто грамм», как на войне…
Это, брат, не торговать черешнею… Выплакать в сторонке от людей
Два зрачка, две шляпки почерневшие жизнью больно загнанных гвоздей!
И на этом месте он сощурился, добавляя в мутный взгляд свинцу…
И морщины, хищные, как щупальца, разбрелись по Васину лицу…
«Лучше бы на вывоз и на вынос ты золотые фрукты продавал!» –
В паузах речей его обрывистых думал я, да водки подливал.

Чинквеченто

Луна принималась калиться,
В акации тени шататься,
А мы не могли утолиться
Медлительным днем и расстаться.

Нам всем по четырнадцать. Лето.
В костре домерцавшие жерди.
И невосполнимо все это,
И лёгкой подвержено смерти!

Внимай же: невнятно, сонорно
Звучат голоса издалёка...
А страшное небо – просторно,
А беглая память – жестока.

И наши бессонные саги
Под шум Оссиановский сада, –
Лишь эти слова на бумаге,
Лишь перемещение ряда!

Ты, времени вольная Лета,
Избавишь ли от наважденья,
Лишённого смысла поэта
Периода Перерожденья?

Уставшего числить базарно
И спрашивать, глядя на нищих:
«Да так ли уж было бездарно
В стране и в дешёвых жилищах?

В той патриархальности? В плаче
Цикад над скончанием света,
Над миром в манере вердачче
Какого-нибудь Тинторетто...»

Теперь вспоминаю всё чаще:
Смущая мальчишечьи души,
Росли среди звёзд, в самой чаще,
Дремучие, грубые груши.

Но мы их срывали зачем-то
И рты кислотою вязали.
Вот это мое Чинквеченто,
Вот это, мой милый Вазари!

Битва с Дарием

Ты осознал, оттачивая зренье:
Природа не наставник, но станок!
И кистью ты прорезал измеренья,
И грозный мир послушно проистёк.

И океан колеблет окоёмы,
И пустота дрожит в осаде туч,
И даль корёжит меры и объёмы,
А солнце остывает, как сургуч.

Уже восток растущей ночи пленник.
Но проникаясь паникою сфер,
Кишит полков блестящий муравейник
И настигает Перса Искандер…

Изорван рот, коня шалеет око
И паруса плывут из темноты…
Что выше предначертанного рока,
Что гибельней ристалища! Но ты

Распорядись, маляр самозабвенный,
Бессмертьем, славой и величьем душ,
И в центре шевелящейся Вселенной
Свой дерзновенный укрепи картуш!

Видение Цжуан-Цзы

Тяжкой тьмою, – а вечер стоял не мигая
Меж вершин допоздна, нависая грозой, –
Заблудилось сознание, перебегая
Сквозь зарницы, сквозь шум на рисунок с фанзой.

Просияв за мгновение трещины синей –
На сто жизней своих погружалась душа,
Созерцанием изображенных глициний,
А не сыростью бешеных листьев дыша.

Сбились в гурт, истончились бессонные вещи,
Опрокинулась явь, приникая к окну:
В красном тереме, в этой ли буре зловещей
Век пролистывал я за секунду одну?

Или всё, что сечётся, набрякло, нависло –
Так в немые длинноты художник облёк,
Что пыльцой потеряв ощущение смысла,
Сам себе я приснился, чужак-мотылёк?

И когда тёмный дождь, как состав настигая,
Разметет наваждения опыт и пот,
Я пойму: даже ты, даже ты, дорогая –
Немота в немоте произвольных пустот...

Заработки

В этом городе жил я, как будто вчера.
Отправлялся на заработки в пять утра.
У вокзала садился в троллейбус пустой,
Натыкаясь на солнечный шип золотой.
Но взамен, что я всё-таки рано вставал,
Мой прижимистый Рок денег мне не давал.
И покуда обком объезжал я, плебей,
Перламутровый Ленин гонял голубей.
В этом городе были такие места,
Где смотрели на бренную жизнь неспроста.
Но философ кладбищенский, прямо Шекспир, –
Мне мой шанцевый шанс оставлял бригадир.

Всё железкой саперною в сердце вошло:
Как нестрашно отверстой могилы жерло,
Как висит, не стихает серебряный свист,
Как боярышник утренний влажен и мглист.
А потом на юру, на широкой Оке,
С поминальною водкой и с килькой в кульке,
Я к подругам причаливал с тысячью строф,
Ни сомнений не ведая, ни катастроф…

Оса

Грустно выздоравливать в палате.
Да ещё досада: полчаса
Вся во гневе, в бархате, во злате
Здесь танцует пленница-оса.

Знойный полдень. Жалящее солнце.
Тишина жасмина зацвела.
И упрямо сверлит веретенце
Твёрдый воздух тонкого стекла.

– Мне отмщенье. За твоё упрямство
Аз воздам – дождёшься торжества!
Разомкнётся синее пространство
Волею больного божества...

Грустно и обидно, и убого
Жить надеждой, как заведено,
Сознавая, что не веришь в Бога,
Что закрыто пыльное окно.

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

«УЧИТЕЛЬ»

Отрывок из поэмы. Продолжение

Вскоре в Кане свадьба восшумела.
Был там и Учитель дотемна.
Вдруг глядят:
Посуда опустела.
А какая свадьба без вина?
Он велел водой налить сосуды.
Не водою вышло, а вином...
Доброе евангельское чудо
Обдает доныне нас теплом.
В воскресенье, как в любовь, поверьте

Сила в нём небесная видна.
Знайте, что любовь сильнее смерти,
В ней, как в бездне.
Не бывает дна...

Новость побыла у всех околиц.
Обсуждали чудо стар и мал.
И приехал в Кану царедворец.
«Болен сын», – Спасителю сказал.
Умолял: «Спасите! Исцелите!
Для меня болезни — темный лес».
Иисус: «Поверить не хотите
Без знамений разных и чудес?
Верьте Моему простому слову,
И других не надо больше слов.
Вся твоя семья жива-здорова.
Сын болел — теперь и он здоров».

Всех любя и каждого жалея,
За народ на муки был готов.
Странствовал по милой Галилее
И двенадцать с Ним учеников.
В самарийском городе однажды
Он оставил вечные следы.
От души, сгорающей от жажды,
Попросил у женщины воды.
Та Ему: «Воды подать не смею,
Хоть сама из древних поселян.
Самаряне мы, а иудеи
Презирать привыкли самарян».

«Знала бы, кто Я, какою силой
Благодати свыше наделён,
То сама б воды Моей просила,
Всё б хотела пить», –
Ответил Он.
Стал ей говорить о жизни вечной.
Но она не сразу поняла.
А когда поверила сердечно,
То Христа пророком назвала.
То жила-была, как чужестранка,
Ровней быть соседям не могла.
В книгу книг попала самарянка,
Равенство со всеми обрела.

Новостью народ заворожила:
«Гляньте, люди, это же Христос!»
Вмиг толпа большая окружила,
Словно здесь родился Он и рос.
На Него смотрели изумленно:
«Бог нам Сына гостем даровал!»

Он, учениками окружённый,
У колодца пищу принимал.
Как же они радовались!
Словно
Вдруг вторая хлынула весна.
Говорил о пище Он духовной,
Золотые сеял семена.

В души всех божественная сила
Вдруг вошла, сомнения гоня.
«Равви! Поживи у нас!» – просили.
Дивный Гость провел у них два дня.
Путь спасенья труден,
Очень труден,
Но зато выводит к высоте.
Во Христа уверовали люди,
Вечный свет увидели в Христе.
Самарянка: «Милые, поймите!
Сам Господь был с нами здесь два дня.
Угадал всю жизнь мою Спаситель.
Как узнал, не ведая меня?!»

Сильный духом, нравом самый кроткий,
Как никто умел Он убеждать.
Рыбаки свои бросали лодки,
Шли не рыбу – Души уловлять.
Он избрал в апостолы двенадцать
На пути во Царствие Небес.
Призывал гонений не бояться,
Научил творению чудес:
«Даром научились исцеленью,
Даром и лечите – В добрый час!
Ваше слово — слово ко спасенью,
Светел путь для каждого из вас.

В дом любой входите только с миром,
Не ищите лёгкие пути.
Помогайте немощным и сирым
И покой, и радость обрести.
Злых людей везде остерегайтесь.
Будут вас преследовать и гнать.
Будут вас судить – не отрекайтесь:
Дух Святой подскажет,
Что сказать.
Полная дается вам свобода —
Исповедь вести в краю любом:
Слово обо Мне перед народом –
Слово о тебе перед Отцом».

Рощи становились зеленее,
Неба голубее океан.

Шёл и шёл народ из Галилеи,
Из-за речки славной Иордан.
Под листвою пальмовой, узорной,
На траве, сверкающей от рос,
С проповедью, названной Нагорной,
С главным словом Выступил Христос.
Речь лилась, как вырвалась из плена
Долгих дум, как песня из груди:
«Будьте, духом нищие, блаженны!
Утешенье, к плачущим приди!

Кроткие наследниками станут
Всей земли – и недр её, и вод.
Годы долгожданные настанут,
Заживёт по правде весь народ.
За Меня готовят вам гонение.
Поносить начнут – забудьте страх:
Высоко в народе уважение,
Велика награда в небесах.
Добрый слух пройдет земные шири
Из конца далёкого в конец:
Вы же соль земли,
Вы совесть мира –
Станьте совершенны, как Отец!

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Весенние этюды

I

Запах молочной крапивы
вплавлен в рассветную тишь,
лёгкие ветры пугливы
в зареве скошенных крыш,
в травах, где небо волнисто
после ночного дождя,
и серебрится пречисто
солнце, в лучах восходя;
в роще, сиренью овитой,
даль первозданно нова,
а над дорогой разбитой
гулко поёт синева;
отзвук глубок, но не громок
в пологе зыбкого сна,

светом цветущих позёмок
улица вся зелена,
там, где вдоль вечных течений,
холод пронзая насквозь,
в тонком огне откровений
меркнет Вселенская ось…

II

Тихо, но ближе к обеду,
в россыпи терпкой пыльцы,
по родниковому следу
катятся ветры-гонцы,
с хрустом ломая осоки
и замирая в пыли,
словно незримые токи
к сердцу бегут от земли,
птиц – или ангелов? – стаю
высветив в дымке чужой;
словно я снова питаю
стынущий Космос душой;
словно, искрясь лепестками,
в лаве – в колодезной мгле –
звёзды парят над висками,
звёзды сгорают во мне,
пеплом простор заметая –
и не сжигая глубин:
в солнечном отблеске мая
я не один, не один!

Полесье
(летние этюды)

I

Ты спасаешь меня от беды,
ты меня прожигаешь насквозь,
словно рядом, у тёмной воды,
кружит звёзды незримая ось;

словно где-то – в тебе и во мне,
между нами, всего в двух шагах,
целый Космос в небесном огне
засыпает на Божьих руках.

II

О, миры – мимолётны, малы,
для души даже небо мало –
в позолоте полесской смолы,
сквозь слегка голубое стекло.

Сквозь летящую дымку костра,
над извитой дорогой земной…

Ты светла и на слово – остра.
И любима поэтому мной.

III

Над Полесьем – сиреневый дым,
между нами – огонь откровений;
над потоком чужим, неземным
меркнут сполохи столпотворений

дальних звёзд, неизвестных миров,
где в незримые души, взмывая,
будят отзвук цветущих ветров
на тропинках ушедшего мая…

Крановщик Иваныч
(из цикла «Живописные портреты»)

Чуть хромает, но страшно ли это,
Коль строительству верно служил.
Догорает его сигарета,
А в глазах не вмещается пыл.

Наливая стаканчик «зубровки»,
Иногда понукает жену;
Поправляет оконные шторки,
Вспоминая былую страну.

В домино же играет свирепо,
Может даже пойти на «таран»:
Часто снится Иванычу небо –
И крутящийся башенный кран.

* * *

Осень – лирика в лёгкой тунике
С золотисто-пурпурной каймой,
В каждом тихом серебряном миге
Слышен Космоса вечный прибой.

С каждым шорохом гулко, отлого,
Проплывая над Млечной дугой,
Отзывается в сердце тревога
От природы прозрачно-нагой.

В каждом звёздном, плывущем карате
Поступь Бога: взлетая, сорви…
И так много вокруг благодати,
И так много незримой любви.

* * *

Во имя Отца, и Сына,
и Святого Духа...
Из молитвы.

Лазурный свет исходит от полей
И, замедляя блики в полудрёме,
Лежит на тёплом летнем серозёме,
Уходит в кроны грозных тополей.

Трава шуршит – и слышно, как звучат
И ручейки, и голоса над лугом,
И даже луч по лошадиным дугам,
И предвечерний светло-сизый чад...

Огромен мир – от тропок до высот,
Неощутимо брезжущих над пашней;
Но я не грежу ни судьбой вчерашней,
Ни будущим... Шумит вокруг осот.

А мы идём – отец и добрый сын;
Вокруг светло и по-июльски сухо.
Закат горит в крылах Святого Духа,
Лучи бегут за деревенский тын...

Первый снег

I

Как во мгле, далеки отголоски
Промелькнувших разрозненных дней,
А лучи на закате неброски
Возле старых знакомых сеней.

У порога поленица зыбко
Закрывает трухлявый забор,
Мёрзлой сажи искристая глыбка
Смотрит в тёмный небесный простор.

Породнить бы две огненных ниши –
Здешний мир и иные миры…
Снег слетает на тёплые крыши.
И доносится шум детворы.

II

Застыло небо в чёрной тине;
Луна, сквозь ветви уходя,
Скатилась к высохшей полыни
В замёрзших капельках дождя.

А мне светло и как-то странно
В слиянье истин и времён:

Неповторимо, первозданно
Весь мир Творцом посеребрён –

И первым снегом, и свеченьем
Далёких звёзд в лесной тиши,
И млечно-пепельным теченьем
Моей души, моей души…

* * *

Мало приносит покоя
Эта старинная тишь,
Там, где качается хвоя
Возле заснеженных крыш
И заколоченных окон
Над переулком моим;
Там, где берёзовый локон
Вдруг превращается в дым,
В дым мимолётных видений,
Пеплом плывущих ко мне;
Там, где невидимый Гений
Ходит в закатном огне
В час, когда, вспыхнув, аллея
Меркнет в небесном краю.
И, даже вздрогнуть не смея,
Я перед Богом стою...

* * *

Словно между землёй и Вселенной,
В глубине дождевой пелены
Звонкой музыкой – благословенной –
Серебристые капли полны,

Вновь ручьи набегают – шальные,
Разлетаются брызги – лихи…
Как миры неземные иные,
Пробиваются к свету стихи!

* * *

Как чудно всё: и листья, и трава,
И по деревьям пробежавший дождик,
И под окном невзрачный подорожник,
И невзначай пришедшие слова,
И лунный свет – спокойный пилигрим,
Проплывший вслед за дождевым потоком
И задремавший в облаке высоком:
Мир бесконечен и неутомим.
Вдали восходит летняя заря,
Не та, в которой луч летит над полем,

А та, в которой золотистым морем
Рокочут звёзды, брызгами горя:
Им нет ни слов, ни чисел, ни времён,
Они – всегда, вне разума и года,
Блестят в холодных водах небосвода,
А берег их огнём испепелён.
Испепеляй теперь меня и ты,
Моей стихии поступь роковая!
Опять молчу, на Бога уповая,
И от твоей сгораю чистоты,
Ведь ты – и лист, и дождик, и трава,
И сон любви, и оторопь искуса,
Моя навеки преданная Муза,
Наверно, ты всегда во всём права.

РУДОЛЬФ КОТЛЕР

ОТ СТИХА ДО СТИХА

Зачем приходим?

Мне кажется, скитаюсь над планетой,
Где надо и не надо нос сую,
Не следопыт и вроде не в поэтах,
Испытываю праведность свою.
Всё как-то не как надо на планете,
Не тем умом сподвижники живут,
Быть в радости дано на белом свете,
Да люди это как-то не поймут.
Без смысла погибают от сражений,
Не мирясь на земле бессчётно лет,
Не человечьих, диких убеждений,
Которых у зверей в природе нет.
Ни дня смиренья на родной планете,
За что людьми зовёмся и слывём?
И никого при этом нет в ответе,
С чем в завтра, вопрошаю вас, идём?
К чему науки, истины познанья,
Кровь проливать – не подвиги ума,
Скорее, притупление сознанья,
Всё та же неосиленная тьма.
И всё ж, зачем приходим в жизнь мы эту,
Благоприятность ссорам создавать?
Не доживать отпущенные лета,
А сокрушать мирскую благодать?

Время и мы

Время и мы – никуда друг без друга,
Старимся вместе, куда-то спешим,
Жаждем получше еды и досуга,
Времени треть непростительно спим.
Ищем не грязной, доходной работы,
Кнопочкой больше, в тиши и тепле,
Манят на отдых морские курорты
И, к сожаленью, не тянет к земле.
Стала вульгарным понятьем деревня,
Запах свиней где и крик петухов,
К жизни столичной крепчает доверье,
Только б добыть хоть какой-либо кров.
Там и метро, там и рожки да ножки
От чужестранства, своего иногда.
Вскоре, пожалуй, от русской картошки,
Время, к стыду, не оставит следа.

ЕЛЕНА ПИМКИНА

НАС ЛЮБЯТ

* * *

Женщина в костюмчике красном
Закатным маком – по переулкам и переходам – тенью.
Она, конечно, не знала,
Она не чувствовала: понедельник или воскресенье.
Ангел смеялся на алые краски
И чертил поцелуи розовым мелом.
Спешила женщина на чужие ласки,
Готовая отдать за них всё, что имела.
В бокале с вином запуталось лето,
Разрумянило щёки женщины в красном.
А может, так легче уходить от ответа
В годы старого ветра, дующего напрасно?

* * *

Бессчётны синие луга
Из аквацвета и пастели.
Зачем я слышу звук свирели,
Когда рисую города?
Когда ложится тёмным тень
Под пирамидой синей краской,
Зачем я снова русской сказкой

Спешу закончить этот день?
Когда, едва прикрыв ресницы,
Плыву по Нилу, иду по Стиксу
И взгляд египетской царицы
Следит за мной глазами сфинкса?
И я, не смея чувств предать,
Смотрю под золочёной маской,
Которой скрыты боль и сказка,
И северной страны печать…

Яблочный Спас

Как сказочно скользит с ножа
В прозрачном отраженье света
Та яблочная кожура,
Что августом в руках согрета.
В ней золото и терракот
Уже соперничают с летом,
Внося осенний свой аккорд
Как-будто подпись под портретом.
А запах яблок, как душа,
Кружится в доме спелым садом,
И бесконечно хороша
Времён безвременья отрада.
Здесь замирают все часы,
Все листья, птицы и мгновенья.
Здесь только я и только ты,
И только яблок откровенье.

* * *

Он умер сто веков назад.
Она – в ближайшее столетье,
Но повенчал их встречный ветер,
Летящих в небе наугад.

Он протянул ей аромат
Запомнившихся спелых ягод.
Она надела свой наряд,
Минуя цвет земельных тягот.

Им было не о чем страдать,
Их было некому печалить.
Им было хорошо молчать,
Засматриваясь сердцем в дали.

Ни солнца свет, ни дождь, ни снег
Не ослепляли их дороги.
Просохли слёзы, замер смех.
Рассеялись земли тревоги.

И смысла не было понять,
Как мало счастья на земле.
Важнее в небе вдруг узнать,
Что не одна душа, а – две…

* * *

По старинной мостовой
Чьи стучали каблучки?
Кто с осеннею листвой
Гладил поздние лучи?
Расставалась осень с кем
Той последней теплотой,
Чей наряд похож на крем
С нежно-розовой мечтой?
Кто смотрел в небесный свод,
Зелень глаз смешав с дождём,
И шептал, ломая рот,
Как ещё мы подождём,
Побежим, не сбивши ног,
Полетим, не раня крыл,
Поживём, покуда сил
Не отнимут жизнь и Бог?
Кто мы, выдуманы кем
В звёздный или грозный час?
Моцарт пишет реквием,
А Сальери слышит нас.
Я иду, и тень моя
Тихо следует за мной.
По соседству два крыла
Пролетают над водой.

Нас любят

Мы медленно в толпе бредём, оборотясь на циферблат,
Или стремительно летим, давясь своим количеством.
А в небе Ангелов торжественный парад
Скорбит над нашим человеческим величеством.
Нас любят. Сто веков любили нас
И согревали души в пасторалях,
Чертили профили и красили анфас
Своими акварельными крылами.
Над суетой разбрызгивая высь,
Тянулись золотыми куполами…
За нас молились и за нас клялись,
И небо заполняли именами.

Осеннее творчество

Как выдержать мне эту московскую осень?
Как вынести эту орловскую лень?

Опять мои мысли листвою заносит
В безжалостный, пасмурный день.
А в мастерской моей Ангелы селятся под потолком.
В запахах красок сердце купается начисто с мылом.
И не проросшие крылья под левым, «сердечным» ребром
Медленно сыплются на пол бронзовой пылью.
И я понимаю, что мне всё одно,
Где повстречаться с хандрою осенней, дневною:
В Москве на Таганке, в российской глубинке или в Парижском метро,
Лишь бы краски и Ангелы были со мною.

ИГОРЬ ЛУКИН , сельский учитель

СТИХИ

* * *

Не грусти, когда гаснет сиянье
Подошедшего к финишу века.
Ждет иное тебя начинанье
И иная ступень человека.

Ты, наверно, тоскуешь о начале,
Что, как пламя, горело тогда?
Успокой свою светлую память –
Ничего ещё Бог не подал.

Тебя давит прохладная осень
И сравнение с осенью той?
Но вернуться обратно не просят –
Успокой свою глупую боль.

Согласись, это время истлело –
Получил от него ты сполна.
Всем прощаться приходится с телом,
А твоя ещё жизнь не цвела.

Но пока ещё солнце не скрылось,
Отпевать этот век нет нужды.
С новой памятью сердце не сжилось,
Но пока не опали сады.

* * *

Воскресенье я помню вербное,
Слёзы тонких горящих свеч.
Направление мыслей верное…
Только что-то давало течь.

Ну да Бог с тем, что было после –
Свет из окон был ярче зла.
Мои мысли там стали взрослыми,
Моя радость не знала дна.

Мне священник попал на волосы
И на куртку святой водой.
Свет оконный ложился в полосы,
Становились идеи в строй.

После службы я шёл по улице
И смотрел на закатный свет…
Что-то сердце моё волнуется
От случившихся после бед.

Но беда не обходит каждого –
Не о ней сейчас моя речь.
Воскресенье то было важное,
А не то, что сочилась течь.

* * *

Ту последнюю Пасху помнишь
В самой альфе апреля святого?
Там печаль заключалась в том лишь,
Что порой не давалось слово.

Помнишь выход во двор воскресный,
Тихих улиц белёсый дым?
Видно, ангел кружил небесный
Над районом твоим простым.

Листья спали покамест в почках,
Оставался пока что снег.
Но быстрее там с каждой ночью
Становился весенний бег.

С прошлой жизни покров увядший
Погружался в земельный слой,
Просыпались и крепли пашни,
Когда белый затихнул вой.

И костры, как кадила, кадили,
Поднимали умершее в высь.
Ну а мы, будто вовсе не жили,
Будто только вчера родились.

* * *

Период выползанья из ямы,
Когда гром основной позади,
Мой любимый, наверное, самый –
Его ад за спиной породил.

Ещё тлеет вчерашнее пекло,
По ночам ещё будит кошмар,
Но кошмарное солнце померкло,
Да и дьявол, наверно, устал.

От войны восстаёт снова тело,
Снова дышит уставшая грудь.
Солнце злое на западе село –
Можно будет спокойно уснуть.

Эта ночь будет сладкой, как сахар:
Без зверья и без жалящих змей.
Она даст исцеленье от страха,
От прожитых в безумии дней.

И рассудок очистится тоже,
Сбросит прочь накопившийся яд.
Страх оружие полностью сложит –
Отойдут его слуги назад.

И лежать можно будет спокойно
После ямы на мокрой траве.
Прекратится когда-нибудь бойня,
Долгожданный наступит рассвет.

Проза

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ

УЛЫБКА МОНЫ ЛИЗЫ

«Святая к музыке любовь», – поёт наша примадонна Алла Пугачёва, а я вспоминаю, когда всё это началось во мне, оказывается, с раннего детства. То ли свыше это было дано, я с этим родился, то ли от матери моей шло, от Марии, она пела в молодости в деревенском церковном хоре у Пятницкого. Музыка звучала во мне всегда. Сестра моя двоюродная Лида со своей подругой Клавой Лаушкиной брали гитару и пели всякие песни, романсы. Я подсаживался к ним ещё пацанёнком и пел вместе с ними, и они меня не прогоняли.

Святая к музыке любовь останавливала меня, бывало, на улице, в центре Малоархангельска, у телеграфного столба, из рупора лилась оперная музыка. До того я

слушал её на пластинках, арии из опер пели русские и итальянские голоса. Вечером, уже после школы, я приникал дома в уголке комнаты к чёрному рупорочку, по которому передавали по радио русские и итальянские оперы. Замерев, в отсветах пламени от печурки, я слушал, как диктор рассказывал содержание опер, в которых бушевали страсти, слушать про это было жутко и хорошо.

Святая к музыке любовь, помню, остановила меня возле сквера, когда я возвращался из школы. Мартовская капель тенькала с куста сирени, я задержался около него, прислушался, капель стала складываться в музыку, в песню без слов, и я запел вслух её, эту мелодию. И что было дальше? А дальше я стал петь эти мелодии, звучащие внутри меня, присоединяя к ним поэтические слова, я стал петь их. Я пел их свободно, как птица…

Прошло время, и я оказался во Львове, у тёти Дуси – сестры моей матери. И святая к музыке любовь привела меня в оперный театр. Тянули к себе меня эти самые оперы. Подруга моей тёти работала в театре и приносила нам домой контрамарки, я часто ходил на спектакли. Каждый раз я попадал в удивительный, таинственный мир страстей, я становился участником трагичных событий, побед и разочарований. По первым буквам запомнились мне оперы, сложившиеся в слово «пардон» («Пиковая дама», «Аида», «Риголетто», «»Демон», «Онегин»). Сколько судеб прошли передо мной через эти оперы. Тенором там пел тогда, помнится, Николай Фокин, которого взяли потом в Киев…

И вот я в Курске, приехал сюда после школы учиться на литфаке. Я попал в сборную области по волейболу, а святая к музыке любовь привела меня к студенту – однокашнику Игорю Шевченко, у которого дома был рояль. Игорь играл на всех инструментах. Мы пели с ним дуэты: он – баритон, я – тенор. Позвали к себе других поющих, получилась домашняя консерватория. Я бросил играть в волейбол, четыре года пели мы всякие дуэты, романсы и даже оперы – … курские соловьи. И вот я в Орле.

В Орле я – курский соловей,

А в Курске я – орёл!

В Орле я прошёл дорогами журналистики областные газеты, стал профессиональным писателем, а в душе всё музыка звучала, озаряла душу святая к музыке любовь. Однажды жене моей Люсе от подруги её из Парижа, с которой она познакомилась по переписке через Клуб интернациональной дружбы пришла по почте репродукция картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». В красивой рамке. Это было первое знакомство с шедевром Леонардо да Винчи.

Впервые подумалось о себе: «Я тоже ведь Леонард. Я знал, откуда у меня моё итальянское имя, почему отец назвал меня так. Моё имя вело меня по жизни». И первая наша «Мона Лиза» до сих пор висит у нас дома над пианино, озаряя своей улыбкой. А в книжном шкафу ценный подарок – мощная книга из серии «Мир Леонардо» с изображением на суперобложке Моны Лизы. Потом на юбилей французские друзья прислали мне поздравление с праздником, с открытки смотрело на меня изображение всё той же Моны Лизы Джоконды…

И вот от журнала «Молодая гвардия» я еду на строительство БАМа. Я в Москве. Мной уже куплен билет на завтра, на поезд до Байкала. Сижу я где – то на Тверском бульваре, посредине аллеи. А машины сплошным потоком мчатся в одну сторону – вперёд, назад – в обратную сторону. Всё начинает кружиться вокруг меня, завиваться во мне в какую–то святую музыку сфер… Предчувствия одолевают меня…

А вечером из Орла сюда ко мне приехала жена моя Люся, Людмила Серафимовна.

– Слышал? Такое событие! К нам в Москву, после выставки в Японии, привезли «Мону Лизу» Леонардо да Винчи. Завтра с утра картина будет выставлена в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Идём?

– Ну, а как же? – вспыхиваю я. – Конечно, идём.

Это судьба, я увижу «Джоконду»!

Позвонили давней подруге Люсиной – Тамаре Тихомировой. Она живёт в ближнем Подмосковье, в Степановском, где, как известно, «Раковый корпус», описанный Солженицыным. Тамара тут же спохватывается и едет ночевать в Москву, на Арбат, где у неё живут добрые знакомые.

– Оттуда, от Плотникова переулка, – говорит она по телефону, – рукой подать до музея Пушкина. – Пораньше встану, приду, займу очередь и для вас.

Мы ночевали у моего двоюродного брата Вити, который жил тогда со своей семьёй на улице Саши и Зои Космодемьянских.

Когда мы с Люсей подошли к Пушкинскому музею изобразительных искусств, хвост очереди был настолько длинен, что завивался аж до Манежной площади. Однако благодаря тому, что наш человек в Гаване Тамара пришла сюда пешком из Плотникова переулка в шесть часов утра и стала в очередь, мы оказались где – то в середине. Через каких – нибудь пару часов, мы увидим шедевр мировой живописи – знаменитую Джоконду!

Я стоял в очереди, и напряжение во мне возрастало с каждой минутой, заставляло всё дрожать, звенеть во мне непонятными звуками и мелодиями, слагавшимися из музыки итальянских опер на слова русской поэзии. Воображалась и сама Мона Лиза, глаза её, весь её таинственный облик на фоне каких–то отдалённых пейзажей из удивительных земных гор, небесных пространств, уходящих неизвестно куда. Какие тайны мне предстояло открыть, как только я увижу в оригинале творение Леонардо из итальянского городка Винчи. Мона Лиза! Ты рядом со мной, всего–то за этой стеной. Сейчас я войду в эту дверь и окажусь в Париже или в Италии, в небольшом итальянском городке у Леонардо да Винчи.

Очередь, скорее же продвигайся! Леонард из Орла, из малого городка Малоархангельска стремится к Леонардо да Винчи, к лучшему его художественному творению – Моне Лизе Джоконде.

А Люся тихонечко разговаривала со своей подругой Тамарой. Обо всём, о чём только ни говорили они, давно же не виделись, наверно, с прошлого лета. Но ведь и у них, если вдуматься, имена не простые. Людмила Серафимовна – отец её Серафим Петрович, сразу думаешь о Серафиме Саровском, а ТамараТихомирова из семьи священника …

Чтобы унять своё нетерпение и развлечь своих спутниц, я рассказываю им сказку самого Леонардо да Винчи. Когда работа над портретом уже подходила к концу, красивая и знатная дама, которая позировала художнику, стала уставать. Она вставала, покидала своё место, ей было скучно. Леонардо старался привлечь её к работе. Он рассказал ей: было у отца четыре сына, три умных, а четвёртый – и так, и сяк. Умирая, отец завещал им покинуть своё жилище и отправиться в другие края, где бы они могли научиться ремеслу, чтобы кормить себя. Они так и сделали, договорившись встретиться через три года. Годы пролетели быстро. Первым вернулся старший сын, он стал плотником. Он срубил в роще дерево и сделал из него женщину. Возвратился второй брат, он стал портным. Увидев брата, его женщину из дерева, он тут же одевает её в шелка. Третий брат – ювелир украшает её драгоценностями. Наконец, вернулся последний брат. Он не приобрёл ремесла, но он знал природу, звёзды, он умел слушать море и горы, подражал пению птиц, он умел петь. Глянув на женщину, он спел ей чудесную песню, и женщина ожила. Братья – каждый наперебой – стали ей предлагать стать его женой. Она ответила первому, что он её создал, она считает его своим отцом. Второй и третий одели и украсили её, поэтому они её братья. А четвёртому она сказала: «Ты мне дал душу, ты – тот, кто мне нужен на всю мою жизнь».

Закончив сказку, Леонардо взглянул на свою модель, её лицо озарилось, она вздохнула, провела по лицу рукой и без слов села позировать на своё место, сложила руки и приняла обычную позу. Художник пробудил равнодушную модель, улыбка блаженства медленно исчезла с её лица, осталась в уголках рта и трепетала, придавая лицу изумительное, загадочное и чуть лукавое выражение, как у человека, который узнал тайну и, бережно её храня, не может сдержать торжество. Леонардо сумел передать в картине этот момент, этот луч солнца, осветивший лицо женщины…

И вот уже мы ступили в музей. Прошли через фойе. С могучим всадником на могучем коне. Это, скорее всего, какой–то ландскнехт из античной Греции. А дальше двери в зал, по стенам развешаны картины французских импрессионистов. Раньше я мог часами стоять у каждой из этих картин. А сейчас даже мимо «Голубых танцовщиц» Дега, даже мимо картины «На качелях» Ренуара прохожу, не дрогнув ни единым нервом.

Вот она, дверь, распахнута настежь, широко! В неё – то и проваливается огромная очередь из людей, дверь как проглатывает, съедает их. Сейчас я войду в неё, в эту дверь… Мы войдём все втроём друг за другом, я первый, очередь идёт, не останавливаясь, я иду, как можно медленнее, чтобы видеть её как можно дольше…

Мона Лиза! Я вижу тебя!..

Зал большой и длинный. В самом конце зала на стене небольшая по размеру картина. Это и есть знаменитая «Мона Лиза. Джоконда»! Начало XY1 века. Лувр. Париж. Молодая женщина с картины смотрит на меня. Её внимательный взгляд, чуть улыбающийся рот выражают меняющиеся оттенки чувств и настроений – задумчивость, мечтательность, затаённую насмешку, скрытую печаль. Воздушная игра светотени в картине создаёт рельеф форм, передаёт мимику лица, изысканность, тонкость, сложность душевной жизни. В своей любимой картине Леонардо показывает, как живопись способна передать богатство внутреннего мира человека.

Я иду к ней по залу наискосок, к середине стены, на которой живое художественное творение Леонардо да Винчи. С первого же моего шага Мона Лиза ожила, глаза её вспыхнули. Она повела ими и перевела взгляд со всех на меня. Она смотрит прямо в меня, только в меня. Она звучит во мне каждой краской, каждым нервом своим, святой своей музыкой сфер. «Святая к музыке любовь», – поёт всё где – то внутри меня, во всём моём существе.

С каждым шагом я приближаюсь к ней – Моне. Лиза смотрит в меня, она тянет меня к себе своим живым взглядом. «Леонардо! О, Леонард!» – кажется, говорит она мне своими таинственно приоткрытыми губами. Я уж совсем, совсем близко к ней! Она улыбается мне, она смотрит в меня, улыбаясь!..

Какую тайну хочет передать она мне этой своей сокровенной улыбкой? Три карты, три тайны? Тайна поэзии, тайна жизни, тайна любви – вот оно, бессмертие!

Лицом к Моне Лизе, спиной к выходной двери я начинаю уходить от неё вместе со всеми. Смотрю на неё, впиваю в себя каждый миг, весь блеск, весь её взгляд обжигающий и не хочу уходить. А сам думаю: «Так какие же три карты, три своих тайны передаст она мне всей своей неразгадываемой улыбкой? Каждый, скорее всего, разгадывает эту улыбку по – своему»…

Поток людской подталкивает меня к двери, просто выталкивает наружу. В последний раз я взглядываю на неё, кланяюсь в пояс Моне Лизе, а это значит Леонардо да Винчи, шепчу ему что – то и оказываюсь на улице.

– До встречи! – стою я перед распахнутым зевом двери.

– Ну, что вы увидели? – спрашиваю я Люсю и её подругу Тамару.

– Шедевр, – отвечают они. – Замечательная картина.

– Да нет, не это, – говорю я им. – Смотрела она на вас или нет, как живая? Вела вас по залу к себе от самой двери?

– Ну, ты даёшь, – улыбнулись они. – Фантастика Дориана Грея.

И вот я на БАМе. Во владениях Тоннельного отряда №10 и местного жителя – киномеханика Миши Воронина. Мы плывём на барже по Нижней Ангаре вглубь Северного Байкала. Глухая тайга. Где-то слева горы со снеговыми вершинами. А мне кажется, что это фон к Моне Лизе, в самой картине Леонардо да Винчи. Не гора, а какой–то каменный исполин. Он лежит ликом в небо, в звёзды, в звёздную бесконечность.

А Мона Лиза всё смотрит в меня, всё улыбается мне своими губами. Я спрашиваю исполина, что в ней, в этой её улыбке, которую она посылает мне сюда, на Байкал?

Три карты, три тайны.

Любовь ко всему живущему на земле.

Справедливость. Сын всегда говорит мне: «Отец, ты для меня самый справедливый человек на земле».

А московская писательница Ольга Константиновна Кожухова – фронтовичка, автор повести «Двум смертям не бывать» сказала однажды обо мне, моём творчестве такие слова: «Без щегольства, без излишеств, с большим чувством меры». А это ведь сам Леонардо да Винчи. Это он открыл людям «золотое сечение». А это пропорции, это дальнее и близкое, центр всего бытия, всего, что есть и будет в бессмертных творениях, созданных человеком!

А улыбки Моны Лизы хватило мне на всю мою жизнь.

Лето 1973 – осень 2016, г. Орёл

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН

«НИЩАЯ» ПАША

Бабушка Паша жила одна в маленькой комнатке с коридорчиком, приспособленным под кухню, где на ветхом кухонном столе стояла покрытая копотью керосинка. На этой керосинке она варила свой нехитрый старушечий обед, чаще всего молочную вермишель. Дом, в котором она жила, был ветхий, его давно уже нужно было снести, и он был определён, как подлежащий сносу, но у исполкома никак не доходили до этого дома руки, и он стоял, облезлый и покосившийся.

Бабушка Паша была такая же ветхая, как дом, в котором она жила, и помнила ещё помещика, хозяина этого дома. Тогда дом был иной: с прямым фасадом, выкрашенным зелёной масляной краской и под железной кровлей, радующей глаз ярким суриком.

Из той своей жизни бабушка Паша видела неясные и причудливые сны. Но видела она себя в этих снах как бы со стороны, и всё, что было давным-давно, казалось, было не с ней, а с кем-то другим. Сны путались, и перед ней представал вместе с погибшим в гражданскую мужем Семёном батюшка Успенской церкви, куда она ходила молиться, отец Борис.

Но чаще видела сына, убитого в первый же год войны, после чего ополоумела от горя и сразу же стала старухой. Он снился мальчиком. Сын протягивал к ней руки, а она, опять же как посторонняя, никак не могла дотянуться до него.

Старушки-богомолки, когда она рассказывала этот сон, со значением говорили, что это Господь даёт знамение, к себе призовёт её скоро.

– Да, уж скорей бы, Господи! – вздыхала бабушка Паша, не потому что в самом деле считала, что пришла пора помирать, а чтобы не гневить Господа.

За сына она получала двадцать шесть рублей пенсии. Соседка Мотя советовала похлопотать насчёт прибавки. Как-никак, и муж, и сын головы за советскую власть сложили. Но хлопотать было некому, да и документов никаких, кроме двух писем от сына да похоронки, не было. И бабушка Паша обходилась так.

Полного достатка она никогда не знала. Озарилось было счастьем её житьё, когда Семёна встретила, да не ей, видно, оно было предназначено, не в тот дом залетело и, войной обернувшись, оторвало от мужа, не дав к нему привыкнуть, как следует, разбив все слаженное вдребезги. Осталась вдовой Прасковья с плотью и кровью Семёновой, – годовалым сыном. Она ни у кого ничего не просила, но ей всегда подавали. И, принимая пятак, яблоко или кусок пирога, старые боты или поношенную кофту, Паша униженно кланялась и благодарила от себя и от имени Господа, обещая его милость, будто он был её родственником.

Привыкшая всегда и на всём экономить и отказывать себе во всём, она незаметно стала скупой. Покупала в основном молоко да хлеб, на что хватало с гаком пятаков, которые ей подавали. И её поразительная и порой отталкивающая скупость превратила её, по существу, в нищенку. То, что иногда перепадало ей из старой ношеной одежды, она ухитрялась куда-то сбывать и оставляла себе лишь малое из пожалованного, самое добротное и нужное, да и то прятала в сундук, предпочитая носить когда-то бывшее чёрным и давно потерявшее цвет сатиновое платье, высокие стоптанные ботинки «румынки», модные в двадцатых и пятидесятых годах, копия «цыганок», в которых щеголяли ещё гимназистки, да потёртую «плюшку», неизменно пользующуюся спросом у старушек и пожилых колхозниц.

По дороге домой бабушка Паша, откуда бы ни шла, кланялась земле, подбирая щепки, кусочки угля – всё, что горело, и таким образом обеспечивала себя топливом и никогда не упускала случая заглянуть в скрытые от глаз углы и кусты в поисках пустых бутылок, и они у неё вечно звякали в облезлой дермантиновой сумке с ручками, обмотанными синей изоляционной лентой...

В церковь она ходила не ко всякой службе, экономя пятиалтынный на свечке и строительстве храма божьего, жертвуя только по большим праздникам, хотя в Бога верила твёрдо, часто молилась с поклонами и не забывала прочесть «На сон грядущим»: «Огради мя, Господи, силою Честнаго и Животворящего Твоего Креста и сохрани мя от всякого зла… Милосердия двери отверзи нам, благословенные Богородице; надеющиеся на Тя, да не погибнем, но а избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского. Господи, помилуй».

В комнате, в углу, у неё висел чёрный от копоти Николай Угодник, которому она надоела, выпрашивая себе здоровья и лёгкой смерти. У матери божьей, святой девы Марии, она не просила ничего, но делилась мелкими заботами, пересказывая уличные склоки, жаловалась на суету мирскую и, повздыхав перед образом, снимала с души злобу, накопившуюся за день.

Выше отца Бориса в мирской жизни она никого не знала. И когда после окончания службы подходила к нему под благословение, робела. Ей казалось, что батюшка читает её душу, как книгу, где видит грехи, которые больше никому не ведомы. Она поспешно прикладывалась к кресту и, получив благословение, спешила отойти, а отойдя, вздыхала с облегчением.

Так она и жила. Тихо. Уживаясь с людьми и Богом. Ничего ни у кого не просила, ничего никому не давала, разве что благословение Божье, которое давать было просто.

И счёт годам бабушка Паша потеряла, и дня своего рождения не помнила.

Но умереть она не могла, потому что сын её лежал в братской могиле, что далеко под Псковом, в селе Дубки, и она ещё не плакала на его могиле. И она знала, что не будет ей покоя, пока не съездит на его могилу.

Она берегла память о сыне и носила её в себе все долгие послевоенные годы. И все эти годы ей не давала покоя мысль о том, что её сын умирал в чужой стороне и звал её, а она была далеко, и некому было унять боль, утешить, облегчить его страдания.

Эта мысль жгла её и терзала сердце, и всё чаще в последнее время стало возникать перед ней лицо сына, точно он напоминал ей о себе.

И когда видение становилось особенно навязчивым, она шла в церковь, ставила свечку, оставляла поминание и сама молилась за упокой души убиенного раба божьего Михаила.

Однажды, когда бабушка Паша стояла в овощном магазине в очереди, ей стало плохо. Сердце вдруг сдавило невидимой силой так, что она не могла вздохнуть, в глазах потемнело, а ноги подкосились, и она стала опускаться на пол. Она бы упала, но её успели подхватить под руки, отвели к окну и усадили на ящик.

Когда сердце немного отпустило, и бабушка Паша смогла перевести дух, её отвели домой. Соседка Мотя дала ей капель и заставила лечь.

Всё прошло, но тот случай её напугал и вдруг поразил догадкой. «Я ж скоро помру, – подумала она, и будто кто подтолкнул её: – Мне ж к Мише ехать надо»

А когда решилась, будто освободилась от тяжкого бремени, давившего на неё столько лет.

Все хлопоты по поездке взяла на себя Мотя. Она решила сама довезти бабушку Пашу до места и для этого оформила три дня в счет отпуска. В первую очередь Мотя заказала билеты до Пскова, туда и обратно, в жёсткий плацкартный вагон ...

Поезд отправлялся вечером, а утром бабушка Паша сходила в церковь. Она поставила святым по свечке и не поскупилась на пожертвование. Долго молилась, потом попросила благословения у отца Бориса и в этот раз перед ним не оробела.

Вернувшись домой, она достала из сундука чистое белье, чёрное атласное платье, подаренное ей за то, что она сидела с пятилетней дочкой полковничихи из девятиэтажного дома, чёрный кружевной платок и стала одеваться.

Когда Мотя, занятая подготовкой к отъезду, заглянула к бабушке Паше, чтобы покормить её, та неподвижно сидела на кровати, прямая и строгая, во всем чёрном, уже готовая к отъезду.

Её застывшее лицо, оттенённое чёрным кружевом, походило на мумию. В нём было что-то пугающее Мотю, и она, прижав к губам пальцы рук, не осмелилась заговорить и, поколебавшись чуть, позвала тихо: «Бабушка!»

Глаза бабушки Паши моргнули, и она чуть повернула голову, давая знать, что слышит.

– Скоро ехать. Надо б поесть перед дорогой.

Бабушка Паша послушно встала и пошла за Мотей, но когда сели за стол, выпила только два стакана чая вприкуску с кусочком «пиленого» сахара...

Ехали почти сутки. На остановках не выходили. Только раза два Мотя попросила попутчицу, молодую женщину, купить сладкой газированной воды, а так, поесть они взяли с собой, а больше ничего было и не нужно. Ночью Мотя спала, а бабушка Паша, несмотря на уговоры, от постели отказалась и всю ночь продремала за столиком, положив голову на руки. И всё ощупывала деньги, зашитые в подол нижней рубахи. По этой причине и не ложилась, боялась, что, как только уснёт, деньги обязательно утащат.

От Пскова до Дубков их вёз маршрутный автобус.

Народу в автобусе было много, но их посадили, уступив место. Здесь ехали все свои, дубковские, и бабушка Паша с Мотей оказались в центре внимания. На них посматривали с любопытством. Первой не выдержала пожилая женщина в цветастом платочке и вежливо поинтересовалась:

– Извиняюсь, вы чьи ж будете?

– Она к сыну едет. Похоронен он у вас, – поспешила объяснить Мотя и посчитала нужным добавить:

– В войну погиб.

В автобусе стало тихо.

– Видать, никого в Дубках родни-то нет? – спросила та же пожилая женщина.

– Нет, милая, – ответила бабушка Паша.

– Ну, значит, прямо ко мне! – решила женщина и назвалась:

– Зовут меня Мария Ивановна. Можно тёткой Марьей, всё так кличут.

Заговорили про войну. Нашлись люди, которые помнили бой за Псков и оккупацию. Бабушка Паша жадно слушала, потом спросила про могилу. Ей сказали, что за могилой ухаживают пионеры.

Прямо с автобуса пошли к Марье.

Ночью бабушка Паша спала плохо. Всё ворочалась и никак не могла дождаться рассвета. Встала рано и стала ждать, когда проснётся Мотя.

К завтраку, несмотря на потчевания Марьи, не притронулась. Её уже всю захватила мысль о свидании с сыном. Сердце глухо билось в груди, и в душе поднималась и росла неясная тревога.

Братская могила находилась на краю села, в стороне от дороги. Всякий, кто входил или въезжал в Дубки, видел на холме небольшой деревянный памятник, обнесённый таким же деревянным частоколом, покрашенным синей масляной краской.

Когда подходили к могиле, у бабушки Паши стали подкашиваться ноги, и она, впадая в полуобморочное состояние, почти повисла на Моте, и её подхватила с другой стороны Марья.

Но за изгородью бабушка Паша высвободила руки и, оттолкнув Мотю, повалилась на травяной холмик и завыла, запричитала. В голос. Жутко. До мороза в коже. Выплакивая последние слёзы.

Она жаловалась сыну на своё сиротское житьё, на одиночество. Она жалела сына и жалела себя без него. Она кляла судьбу за то, что она, старуха, всё ещё живёт, а он, которому жить да жить, лежит в земле ... И тут только Мотя поняла, как тяжело жилось бабушке Паше, и она почувствовала неловкость оттого, что не всегда могла помочь ей. А бабушка Паша всё причитала, и плач её разносился далеко окрест... И уже на краю села собрались люди. Они стояли молча, сочувствуя горю матери и чтя чужую память.

Мотя несколько раз подходила к распластанной бабушке, пытаясь поднять её, и всё уговаривала:

– Ну хватит, бабушк. Вставай. Пойдём, хватит.

Та цеплялась за траву, и её никак не могли оторвать от могилы. Наконец, вдвоём с Марьей они оттащили её и силой увели за ограду. Бабушка Паша совершенно обессилила, и Мотя с Марьей почти несли её. Люди расступились и сочувственно смотрели на бабушку. Женщины плакали ...

Днём к Марье зашёл председатель колхоза, рослый плечистый мужчина с густыми усами и усталыми глазами.

– Здоровы будете! – поздоровался он со всеми.

– Здравствуйте, Василий Степанович! – почтительно ответили хозяева.

Председатель шагнул к бабушке Паше.

– Боев, председатель здешнего колхоза, – представился он. – Слыхал я, мамаша, Вы к сыну приехали. Добро. Побудьте у нас, погостите. Если нужно чем помочь, не стесняйтесь. Люди у нас добрые, приветливые.

Он посмотрел на Марью и её мужа.

– Спасибо вам. Мы сегодня едем. У нас билеты на поезд, – сказала Мотя.

– Чего ж так спешите-то? – спросил председатель.

– А плоха я теперь, сынок... Домой поспешать надо. Теперь смерти ждать буду.

– Ну, что вы, мамаша… Рано вам о смерти говорить ...

Председатель смущённо кашлянул.

– Во сколько поезд-то?.. Вечером? Так я вам машину пришлю. Довезёт до города.

– Спасибо, сынок. Дай тебе Господь здоровья, – бабушка Паша перекрестилась и низко поклонилась.

Когда председательская «Победа» доставила женщин к вокзалу, шофёр достал из багажника корзину с яблоками и передал Моте.

– Это бабушке от Василия Степановича, – пояснил он. – Просил передать.

Шофёр помог им сесть в вагон и уехал.

В дороге бабушка Паша ничего не ела, хотя Марья собрала им в дорогу большой свёрток: здесь была и курица, и пирожки, и даже бутылка молока. Она сидела безучастная ко всему и, когда Мотя обращалась к ней с чем-нибудь, она силилась и не могла понять, чего та от неё хочет.

Что-то вдруг надломилось в ней. Она вдруг стала говорить про какие-то деньги на памятник, который нужно поставить на месте деревянного. Впадала в забытье, а потом опять вспоминала про деньги. Мотя не обращала на эти слова внимания. Она видела, что бабушка Паша совсем плоха и боялась, что не довезёт её до дома, и когда приехали наконец домой, она вздохнула с облегчением…

Оказавшись в своей комнате, бабушка Паша почувствовала себя плохо. Ноги не слушались, и хотелось поскорее лечь. У неё хватило сил по стенке добраться до кровати...

И не было ангелов, и не покидала душа тело. Она даже не успела понять, что умирает. Сердце сделало последний, какой-то судорожный толчок, тело дёрнулось и замерло. Но мозг некоторое время ещё продолжал работать, и сознание успело отметить расползающуюся пустоту и телесную лёгкость…

На следующий день после похорон у колонки разговаривали две соседки.

– Ты ведь знаешь, Шур, что вчера бабушку Пашу похоронили? – спросила одна.

– Да как же, Тонь! – ответила Шура. – Сама пятёрку на похороны давала, когда по соседям деньги собирали.

– Спасибо Моте, побегала. Гроб дядя Коля бесплатно сколотил, за одну выпивку. Немного собес помог. Ну, помянули потом. Мужики, которые гроб несли. Дядя Коля, Шалыгин, ещё мужики.

– Да уж беднее бабы Паши не было! – согласилась Шура.– Царство ей небесное!

– Да в том-то и дело, Шур! Ты знаешь, сколько у неё в матрасе нашли?

– Тоня выдержала паузу и с какой-то злой радостью выдохнула: – Пять тыщ!

– Да ты что? – испугалась Шура, и у неё округлились глаза.

– Вот тебе и что! Стали разбирать вещи. А какие там вещи? Всё на выброс. Мотя думала, может, что взять себе, да что там! Одно тряпьё. Матрас и тот обветшал. Хотели выбросить, да что-то зашуршало. Мотя пощупала, вроде бумага. Надорвали материю, а она и расползлась, гнилая, да и повалились деньги. Больше пятёрки и тридцатки, но были и сотни.

– Вот тебе и нищая!

– Всё жадность наша. Хотя б отказала кому, хоть бы и Моте. Сколько Мотя для неё сделала?! А то так, никому.

– Так Мотя и взяла бы.

– Да нет, Шур, там же не одна Мотя была. Да и муж у Моти – милиционер. Не дал бы. Не положено.

– Да и то правда. Чужое руки жжёт. Потом как жить? Совесть замучает, – согласилась Шура.

– А, может, что и взяла, – словно не слыша и думая о чём-то своём, сказала Тоня.

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ

ЧУДО РОЖДЕНИЯ

Где-то на исходе ночи, когда мрак забытья готовился рассеяться, уступая место сначала мглистому, а потом всё более яснеющему свету пробуждения, засинела и никак не хотела уходить сценка: часть комнаты, низ чёрного демисезонного пальто, чемодан коричневой кожи. Чьи-то руки опускают поклажу на пол. И тут же всплывает, повторяется и никак не хочет уходить фраза: «Вернулся, как опоздавший на поезд пассажир, задвинул в угол надоевший чемодан…» Продолжения сцены и слов не было, они не родились, но и в той, оборванной, незавершённой картинке и последовавшем за ней стройном ряде слов, было что-то, упорно желавшее остаться в памяти, быть положенном на бумагу.

Отчего так настойчиво эта сцена просила удержать её именно в том виде, в том строгом порядке слов, как пришла неведомо откуда и почему? Было ли что-то вещее, пророческое в этом несвязном видении? Вряд ли. Было ли что-то особенно значимое в такой цепочке слов? Не знаю. Но слова не вспыхивают и не складываются случайно. Какой-то голос говорил, что и то и другое необходимо сохранить в том единственном виде и в тот миг, когда они появились. Была ли особенно красива картинка? Нет, но в ней присутствовало что-то помимо красоты. Это было чудо рождения, то мгновенье, которое хочется сохранить.

Для того чтобы оно осталось, нужна скрепляющая форма.

И вот вслед за картинкой вспыхнули слова, делающие всю сцену окованной в гранит, осмысленной, как огненные знаки на стене в сказке об аленьком цветочке.

Но сначала был всё же зримый образ. И только потом подоспели слова, невидимые помощники, не опоздавшие к началу рождения младенца, успевшие омыть и спеленать полупроснувшееся дитя, удержать его на этом свете.

И знаки были так же дороги, как и впечатление. Может быть, ещё дороже. Почему? Не из-за того ли, что родившиеся чудесным образом, из миллионов возможных, а то и вовсе не рождённых и даже не предназначенных к рождению, они были единственными и оттого особенно дорогими, как дороги и любимы родившиеся из тысяч и тысяч возможных дети? Они могли не родиться, исчезнуть, как всплеск воды, как колебание воздуха. Но в какое-то неуловимое мгновение едва заметное прикосновение кресало к огниву — и во тьмы небытия засветились образы и слова. Чудо рождения видений, продолженных в светящихся алмазах слов, такое же значимое для души, как событие Большого Взрыва, ни с чем другим не сравнимое.

НАЧАЛО ДНЯ

Утро, каких в неисчислимом множестве повидала Земля с первого дня творения. Взошло солнце, осветив небо, покрытое редкими белыми облаками ранней весны. Туманная кисея, подобная плёнке на раскрытом глазе младенца, ещё мешает свету пролить своё золотое сияние на все стороны подвластного Гелиосу мира, постепенно рассеивается. И прорвавшийся сквозь препону плотный поток невещественного золота проливается на озябшие за ночь чёрные безлистные стволы деревьев, на грязное, смешанное с землёй серебро дорожек расстилавшегося за окном парка.

В огромном доме, населённом тысячью душ, непривычно тихо. Один из жильцов, можно сказать, образцовый маленький солдат социального муравейника, проделав необходимые упражнения гигиены, на кухне зажигает газовую горелку, ставит на плиту джезвочку с отфильтрованной водой, кладёт в чайничек для заварки чёрного и зелёного зелья и в ожидании того мига, когда в посудинке начнёт бурлить возмущённая водная стихия, включает радио. Он не отказался от услуг маленького красивого громкоговорителя, приобретённого бог знает когда, так же, как и от городского телефона, хотя плата за то и другое месяц от месяца растёт. Телефон остаётся удобным средством связи и раритетом, напоминающим о тех временах, когда за проводную телефонию шли настоящие сражения, а обладатели аппаратов считались людьми привилегированного сословия. Соседи давно перешли на мобильные сотовые игрушки, вертят их в руках каждую свободную минуту, доискиваясь до таинственных глубин электронного программирования или просто щёлкая на кнопочки, изумляясь неожиданным комбинациям цифр и букв.

По радио идёт передача «Взлётная полоса». Куда и как ведущие с пассажирами собираются взлететь, он так ни разу и не понял. Но что-то в ней задевало, вздёргивались на дыбу разные острые жизненные вопросы. И молодые ведущие, умные, славные, в общем, ребята выманивали из нор молчания радиоабонентов. Встрёпанные со сна, непривычные к публичным откровениям, люди высказывают свои заветные желания, сомнения, горькие сожаления часто в форме стихийного потока сознания. Слушать захлёбывающийся сумбур, а иногда вполне разумные речи, интересно. И почти всегда чувством благодарности отзываются эти «полёты» в душе верного слушателя.

Взлетев над грешной землёй, радиолайнер некоторое время набирает высоту. С высоты более чем птичьего полёта взору и слуху открываются необозримые просторы огромной страны. Проделав тысячекилометровый путь «от Москвы до самых до окраин», гигантский «Илья Муромец» идёт на снижение. Пилоты начинают спешить, чтобы миновать приближающееся облако рекламы. Двигатели сбавляют обороты, и совершается поспешная посадка на взлётную полосу, откуда и начиналась воздушная Одиссея.

— Всему! Своё! Время! — истошным голосом возглашает старую библейскую истину неведомый человек из глубин радиоэфира.

На этом месте репродуктор на несколько секунд выключается. Уж очень тревожно от звуков зычного голоса. Казалось, что глашатай в красной рубахе стоит на лобном месте близ стен старого Кремля, держит в руках длинный свиток и сейчас объявит какую-нибудь страшную весть вроде нового нашествия ногайцев, указа о казни Милославских или налога на соль.

Ничего такого, к счастью, не происходит, но новости, и вправду, почти всегда тревожные. Теперь казнили не по воле князей и царей Московских, а по неиссякаемой злобе исламских террористов. Взрывы то тут, то там следовали один за другим…

Пережив бомбардировку новостей, иногда и не дослушав их до конца, он снимает с огня выкованную из серебристого металла джезву, заваривает чай, садится к

столу и, ожидая, пока кипяток в чашке остынет, смотрит в окно на разливающийся солнечный свет, синеющее небо.

Так начинается утро одного из жильцов многотысячного муравейника, всё ещё живущего по законам дня и ночи, восходов и закатов, трудов и занятий, не чуждых суеты, не лишённых, однако, и непонятного смысла.

ВИДЕНИЕ ЗАПОРОЖЦА

Устав от ратных и праведных дел, старый запорожец задремал. И приснились ему кипящий майдан, люди в странных немецких одеждах, потом большой зал в огромном дворце, где собрались народные избранники.

— Укры! Укры! — слышалось со всех сторон.

Дородный козаче, покрутив длинный ус, в раздумье вопросил:

— А шо, панове, кто мине каже, шо таке за укрі?

— А то, пане, что никто не каже, окромя умников из Верховной Рады, — лениво откликнулся кто-то из круга.

— Так и пусть каже, — произнёс козак и приготовился слушать.

— Перво наперво, да будет тебе известно, — начал, взобравшись на кафедру под жёвто-блокитным стягом, лысый писарчук с крысиной мордочкой, — шо происходим мы не от каких-то там полян, лютичей, северян, дулебов и прочих славян. Имя нам укри или укряне, и всё, шо ни есть на свите, сотворено их укрими руками. И египетские пирамиды, и море Чёрное, и вси царства на земли строены нами, и вси войны, от Троянской и позже, выиграны нами ж. От как!

— А шо каже пан философ? — спросил старый рубака у случившегося неподалёку Хомы Брута.

— Та шо я кажу? – отвечал славный семинарист. — У некоего немецкого историка упоминаются некие укри, укряне. Тильки жили они не в бассейне Днепра, а далеко на Западе меж Вислой и Лабой. Племя небольшое и не ахти какое важное меж иными сородичами. Верховенства между прочими не имели и именем их никакой племенной союз не назывался. К тому же, были онемечены где-то к 12 веку. Язык свой забыли, и никто о них с тех пор не вспоминал. И никто, ни тогда, ни ранее, ни о какой Великой Укрии, тем более, Украине, во всём свете не слыхивал. Немцы же знали, потому что рядом жили да зубы точили. Ни в одном предании земля такая не упоминается, а поётся в былинах, да рассказывается в летописях о Киевской Руси. А чтобы пирамиды строить, море Чёрное копать, да иные дела совершать, нужно великое государство, миллионов этак сорок-пятьдесят населения, мощная экономика, техника... Словом, должна быть великая империя с неисчислимой рабской силой. А шо б такая империя Укрия была, ничего в анналах не сказано. Египет помнят, Персию знают, Вавилон, Грецию, империю Римскую — тоже, а про Укрию время молчит, ибо не было такой державы.

— Вишь, ты, — вздохнул козак.

Он немного подумал, не торопясь высек кресалом огонька для чубука и, пыхнув дымом, сказав, обращаясь к пану депутату:

— А коли вы укры или укряне, то и страна ваша должна называться Укрой или Укряиной.

— Ишо чего, — мотнул маленькой головой народный избранник с глазами испуганного кролика. — Мы теперь не боле-не мене Россией величаться хотим.

— Так мы так и назывались, коли память у вас не совсем отшибло, — удивился старый козак.

— То когда было, — отмахнулся пан депутат, — при царе Горохе. То мы были частью России, а теперь хотим быть всей Россией. И шо б нынешняя Россия, обманом присвоившая это имя, называлась бы Московией.

— И шо б звались бы вы владыками земными и морскими, и сама золотая рыбка была б у вас на посылках, — выплыли из клубов дыма странные слова, непонятно кем произнесённые.

— Добре, добре, панове.

Козак выколотил докуренный табак из трубки и, прищуря глаз, спросил:

— А шо, Панове, усе ли это новости на нашей земле или есть и поновее?

— А как же, — откликнулась другая личность, сменившая первую на кафедре под жёвто-блокитным флагом, — есть и поновей.

Упитанный и гладкий, с очами, полными какой-то гнили, он поднял кулак и погрозил далёкому восточному соседу.

— Вот я внёс в Раду предложение, чтобы взыскивать с России, то бишь, Московии, — поправился он, — плату за пролёт их космических спутников над территорией Украины, то бишь, России. Тьфу, прости Господи, запутался совсем.

— Та шо таке скромно? — подивился старый козак. — Я вам, панове, вот як кажу: за пролёт луны над Украиной не можно ли учредить плату с России? — и хитрым глазом глянул на депутата.

— А шо? — откликнулся депутат. — И це добре, и це дило.

— А за пролёт американских либо японских, либо ещё каких, не можно? — выйдя из задумчивости, проронил Хома Брут.

— Ни, то наши друзья, — нахмурившись, отвечал пан депутат.

— И в какую ж дурнюю голову приходят сии нездравые мысли? — осведомился козак.

И снова неведомый голос произнёс:

— А в голову тех, кто недолечился в больнице для скорбных недужащих. Пишут они там страница за страницей абсурдно-фантастический роман. Давно уж стали шутами. Весь мир смеётся над их брехнёй, а они всё сочиняют да сочиняют один миф нелепее другого. И того не понимают, что кладут несмываемое пятно на ридну матку Украину. А, может, и здесь московиты стараются, подбивают хохлов, а те аж из кожи лезут, потешая весь свет, просто удержу нет?

— А и вправду, — промолвил старый козак, — переменились времена, переменились люди. Ну, да хто дурь несёт, в ней и заплутает. Не рой другому яму, — говорится в Писании, — сам в неё попадёшь.

Тут проснулся седоусый воин и увидел себя на берегу моря. Глядь, пред ним землянка, на пороге незнакомая жинка, а пред нею разбитое корыто.

МИХАИЛ ТУРБИН

ВРАЗУМИТЕЛЬНЫЙ УДАР

Николай проснулся и привычно поставил чайник на керосинку, стараясь не разбудить жену с тёщей, спящих по случаю выходного дня. Жил он в деревянном доме дореволюционной постройки с молодой красавицей-женой Люсей и её ма-

терью Варварой Степановной, малоулыбчивой пятидесятилетней женщиной бойцовского характера. Не смотря на то, что дом принадлежал ей, она старалась зятю не попадаться лишний раз на глаза. И совсем не потому, что побаивалась его, нет, просто из-за частых стычек с ним уставала натягивать свою внутреннюю боевую пружину. Да и он предпочитал держаться на расстоянии от её ударно-спускового языка, и порой на дух не переносил ежедневное тёщино ворчание, называя в сердцах то Ведьмой, то Помелухой. Варвара Степановна не оставалась в долгу, иначе, как Антихристом, зятя не именовала, о чём улица знала.

Соседи порой недоумевали: ну, как может Люська с таким мужем, да ещё милиционером жить? Пытались найти ответ: может потому, что он её никогда даже пальцем не тронул и другими женщинами не интересовался? Но, как может терпеть она, когда он её родную мать называет Помелухой, а она его – «Анчихристом»? И приходили к выводу: если терпит, стало быть, любит. Любовь же, как известно, – море-океан без берегов. И если Люська любит его, то не такой уж он Антихрист, да и сама Помелуха не похожа на ведьму, наоборот – женщина справедливая, ещё красивая и трудолюбивая, а уж когда идёт по улице, покачивая бёдрами, – редко какой мужчина не посмотрит вслед. Правда, бывает резкая на язык, даже взрывная, но что поделаешь, коли жизнь собачья?

Молва округи была на стороне Николая, а бессловесная правда стояла незримой горою за Варвару Степановну. Закон, при случае, мог бы поставить всё на свои места, заявив, что Николай никакой не «Анчихрист», а гражданин СССР – Николай Григорьевич Супынин, 1930 года рождения, не судимый, родственников за границей не имеющий, старшина милиции, женатый человек...

Сторонники молвы знали, что он любит выпить, но не больше, чем другие, и любопытной правде могли пояснить: «Григорич, если одет по-гражданке – возьмёт стопоря, бывает такое, а если он при фуражке, – не-е-е – полный отказ».

Это почти соответствует действительности. Супынин выпивал лишь в конце напряжённого дежурства в узком кругу приятелей-сослуживцев. Потом круг постепенно расширялся, как в воду брошенный камень. Да и за пределами волнообразования трудно установить, хмельной он или трезвый? Его круглая физиономия всегда носила один и тот же румяно-медный цвет, потому как молдаванин по отцу. Внешне выглядел степенным, приятным мужчиной. Начальство часто привлекало его к дежурствам: то по охране местного отделения Госбанка, то для обеспечения безопасности горкомовских мероприятий, то для встречи и сопровождения важных гостей. Он, по мнению командиров, своим видом олицетворяет лицо правопорядка. Супынин к этому привык, с достоинством подходил к советско-партийному застолью, если на то было приглашение опрокинуть рюмку-другую по случаю завершения дня, и даже мог ввернуть какой-нибудь свежий анекдот.

Справедливости ради, надо сказать, умел не только представлять лицо горотдела, но и при случае проявить решительность в милицейском деле.

Рассказывают, что однажды в одиночку доставил в милицию грабителя, разыскиваемого областным уголовным розыском, поднявшим на ноги все отделы, включая линейные. Супынин в тот день лишь бегло ознакомился с ориентировкой после ночного дежурства и отправился домой, но неожиданно, заприметил разыскиваемого рецидивиста рано утром на железнодорожной станции. Тот появился у вокзальных дверей чуть позже старшины. Стоял и осматривался минуту-другую, не предполагая, что на него уже внимательно взглянул из окна старшина. Люси-буфетчицы ещё не было, только уборщица тётка Маруся привычно смахивала тряпкой с шатких столов головки вчерашней камсы в ведро. В пассажирском зале на лавке клевали носами три сельчанки – больше никого. Вот-вот буфетчица

должна появиться, ведь недаром по пути домой он хотел перекинуться с ней словечком-другим.

– Тётка Маша, – прошептал он, проходя мимо, – брось тряпку и без звука подай мне ведро. И стой, не высовывайся!

Уборщица не заставила себя ждать. Старшина с ведром в руках шагнул к двери. Он знал, что она открывается с усилием «на себя» из-за тугих пружин, стало быть, одна рука у грабителя будет занята, а это уже кое-чего значит.

Так и вышло: едва тот потянул дверь, как старшина одной рукой надел ему ведро на голову, а другой так врезал по жестяному днищу, что тот просто обалдел, и на какое-то время потерял способность соображать. Этого хватило, чтобы заломить ему руку за спину.

Линейное отделение милиции располагалось в двадцати шагах от вокзала. Там как раз в кабинете начальника шёл инструктаж наряда об особой осторожности при обнаружении и захвате матёрого грабителя. И вот, дверь открывается, и вталкивает Супынин человека с ведром на голове:

– Принимайте голубчика, тепленьким!

Опешили.

Зачем ведро надел ему на голову, толком объяснить не смог, видимо, от переизбытка игривой силы.

– Как ты его раскусил? – удивлялись потом.

– У него родинка на мочке левого уха, а мочки – сросшиеся... Всё, как указано в ориентировке! – улыбался Супынин. – А если честно, то повезло. Мне всегда везёт: «Если чего задумал, – непременно выпью!»

Эту шутку-прибаутку за ним знали.

В таких случаях орден полагается или медаль, но начальству виднее, – ограничилось вручением хорошей денежной премии; гуляй старшина, слышали мы, – задумал ты жениться!

Люся-буфетчица с момента знакомства впилась занозой в его сердце. Она долго держала его в напряжении и на расстоянии, но после того, как тётка Маша рассказала ей о ведёрном подвиге Николая Григорьевича, сердечные дела его стали быстро продвигаться к свадебному завершению. Женился, тёщу заимел, познал её непобедимый нрав: если что не по ней, – моментальная вспышка гнева – ярость. Ведьма она и есть ведьма, рассуждал он, отправляясь на очередное дежурство – не надо было мне переезжать в её дом, но таково Люсино условие – не разлучать с мамой. Жилья своего не имел, не на что было строить, а родители в войну погибли. По причине отсутствия своего жилья молодожёны рожать детей не торопились. И Варвара Степановна туда же, поддакивала:

– Это дело успеется, пусть он трезвость заимеет, а то ишь, самогонку повадился хлобыстать. Погоди, доберутся до тебя твои командиры, узнаешь, почём фунт лиха! Впрочем, не доберутся, все вы там – антихристы в погонах и с закусью в кобурах. С утра уже настроены на опохмелку за чужой счёт. Как есть – паразит на паразите...

Такие нестерпимые слова требовали мгновенного отпора, и Люся, как могла, удерживала мужа от очередной домашней ссоры.

Она убеждала: вспышка маминого гнева всегда кратковременна, как сера вспыхнувшей спички, надо просто стараться ей не перечить. Он слушал жену, но видел другое: Варвара Степановна, если он помалкивал, по его мнению, наглела на глазах.

В одном права тёща, размышлял он, шагая на работу, самогоном действительно увлекались многие на работе – от рядовых до офицеров. Считалось, что на это есть

причина – устаёт служивый народ от общения с людской грязью. Сидит, к примеру, перед тобой, компания в КПЗ, глаза бы на неё не смотрели, но приходится терпеть даже такую откровенную мразь. Бывает, идёшь по базару или шагаешь мимо пивной, смотришь, и понимаешь: этот гражданин у нас сидел, этот – дважды сидел, а вон тот – обязательно будет сидеть!

Порой недоумевал, что происходит: то ввели расстрельную статью, то, отменив её, массово выпустили заключённых на свободу, а спустя год, собирать их приходится со всех городских щелей и закоулков. То можно носить оружие, находясь на службе, то нет в этом особой необходимости. Куда это годится? Теперь, говорят, Никите Сергеевичу Хрущёву из Америки привезли партию полицейских дубинок. Понравились ему, когда он там был, уж больно эффективны они при разгоне митингов и шествий в чужих городах. Однако, в нашей стране – дело неслыханное и невиданное... Мало ли что говорят? Какие дубинки? Опомнитесь.

Самогоном тёща попрекает, – не унимался он, – так у нас борьба с этим злом велась и ведётся исправно: самогон изымаем, выливаем. Так будет и впредь! И аппараты изымаем и уничтожаем после изъятия. И наказание следует. Правда, люди как пили, так и пьют. Самогон-то в широком народном ходу, а милиция – часть народа, ей тоже хочется иногда выпить. Вздыхал: «Съехал бы от тёщи, только, куда? А с Людмилой, как? – слушать об этом не хочет».

От такого вывода становился угрюмым, как стрела, не попавшая в цель.

Пока он шёл на службу, тёща ещё спала, иногда всхлипывала и постанывала, шумно выталкивая воздух из груди. Ей снился малопонятный, но притягательный сон, похожий на некоторую правду.

Она видела милые и странные картины, захватывающие всё её существо!

Варваре Степановне снился конный двор, что с тыльной стороны здания горотдела милиции, в окружении цветущих одуванчиков. И себя видит, как бы со стороны: стоит она молодая, стройная с коромыслом и вёдрами, посматривает на окно второго этажа. Оно вот-вот распахнётся, и в нём должен появиться мужественный её зять – Колька. Она вся напряжена, но внешне старается выглядеть веселой, задорной козочкой. Оглядывается, а позади неё – широко раскрыты двери бревенчатой конюшни. И стоит там телега, а на соломе лежит капитан Кукушкин с лицом напряжённого ожидания. За ним на стене висит чёрный хомут со множеством ремешков.

И видит она: окно раскрывается, и Колька проталкивает крышкой вперёд самогонную флягу, громко поясняя свои действия для невидимых людей в комнате:

– Содержимое ёмкости подлежит уничтожению путём слива на землю...

Заслышав это, Варвара Степановна спешно бежит под окно. Ставит ведро под самогонную струю, летящую вниз из Колькиной фляги. Рядом наготове – второе. Не пропадать же добру. Здорово зять придумал! Хозяйственный мужик, толковый...

Подцепив коромыслом вёдра, она, раскачивая бёдрами, направляется к капитану Кукушкину. Он тут же радостно протягивает ей алюминиевую кружку...

И вот уже сидят они в обнимку, поют нечто нежное без музыки. Сердце у Варвары Степановны радостно заколотилось, словно что-то припомнило... Было же это когда-то, было... Однако самогонку тогда даже не нюхали... И вдруг разом завечерело, закружилось всё перед глазами. Она стала сладко стонать, когда офицерская рука полезла к ней под юбку... И вдруг – бац! – Колька надевает на голову Кукушкину ведро, и гонит его помелом с конного двора горотдела...

«Господи, помилуй!» – очнувшись от сна, бормочет Варвара Степановна – где я? Ничего не пойму... Почему так? Ну ладно, сама слышала, что с флягами они

иногда так и поступают, но почему Игорь Кукушкин оказался на телеге, да ещё во дворе милиции? Он же служил в зенитной части, и капитаном ещё не был... Ну и ну! Надо бы досмотреть, может что-то прояснится.»

И опять задремала.

*

К Игорю Кукушкину Варя была неравнодушна с юных лет, и он к ней проявлял повышенное внимание, но её подруга Агриппина или Гриппочка, как её звали, стала между ними, помешала дальнейшему развитию событий. Игорь, увлёкшись Гриппочкой, потерял гордую Варю, она вскоре назло ему вышла замуж и родила Люсю, а через пять лет муж погиб под Вязьмой. С тех пор вдовствовала, воспитывая дочь, работая уборщицей в школе. Больше нигде нельзя было трудоустроиться. Время от времени встречала в городе Гриппочку, но отворачивалась от неё, видеть не хотела бывшую подругу, тем более разговаривать с ней. Не могла забыть причинённой обиды в любви. Мало того, у неё самой ничего не получилось с Игорем. При встрече с Гриппочкой иногда бросала на неё такой испепеляющий взгляд, от которого и камень мог бы расплавиться, но та спокойно продолжала идти, словно по пустынной улице.

Агриппина-Гриппочка вины перед ней не чувствовала. Игорь тогда перед войной сам увлёкся ею, а потом оставил обеих ни с чем, уехал поступать в военное училище, затем – война. Забыть бы прошлое, а Варя всё не может...

Однажды молва докатила до неё весть: Кукушкин приехал на родину в отпуск, видели его с Варварой Степановной на лавочке в городском саду, ворковали о чём-то, словно голуби. Правда ли, нет? Уточнить новость не у кого, горожане сильно разбавились селянами, поскольку в городе начали быстро возводить новые заводы. Агриппина уже работала на одном из них, вздохнула, подумав при этом: забот – полон рот, а Варьке всё неймется, Игорь по-прежнему у неё на уме...

Она давно забыла прежние переживания, и не могла предвидеть восстановления дружбы с Варей.

*

Игорь Анатольевич Кукушкин, отпускной подполковник, тем временем рыбачил за плотиной Адамовой мельницы, где образовался небольшой водоём – озерцо от прорывных ручейков, стоящее в окружении высокой травы и кустов ивняка. Из него неспешно вытекал узкий проток, направлявшийся в стремительную Сосну. Рыбаки редко здесь сидят, в основном предпочитают береговые места – от бурного рукава реки возле пятиэтажного здания мельницы и до поворота русла к Шатиловой горе.

Он открыл для себя озерцо случайно, когда однажды возвращался домой после неудачной рыбалки. Здесь решил отдохнуть, заодно испытать до конца рыбацкое счастье. Поставил донку с колокольчиком на пескаря, собирался уже прикорнуть, как колокольчик дрогнул и зазвенел. Он бросился к удочке и с трудом вытянул красавца-окуня в полтора килограмма. Опять поставил донку на пескаря и опять поймал таких же двух окуней. И хотя скорого клёва уже не было: попадались экземпляры значительно меньшего размера – окуньки да ерши, всё равно это озерцо полюбил за тишину. Мельница в послевоенное время уже не работала. С детства он знал, как и все горожане, что построена она была местным купцом Адамовым задолго до революции. Строилась по последним достижениям техники тех лет. Интересна была ещё тем, что таких гидротехнических сооружений в России можно было посчитать по пальцам одной руки.

Здесь, в одиночестве, ничего не мешало, например, вспоминать, как в юности ходили они прогуляться с Варенькой к этой мельнице. Иногда ходили через Беломестную к лесочку с мягким названием Липовчик, потом отправлялись посидеть под кручей Шатиловой горы, где из ключа пили ледяную воду, и только потом

шли к плотине. Домой возвращались усталые и счастливые. Были дни, когда они отправлялись в противоположную сторону – вверх по речке-Ливенке на Ключёвку, чтобы полюбоваться красотой этого удивительного уголка, отведать и там родниковой воды. На Ключовке всегда из-под земли била целая россыпь ключей и стекала в водоём к затерянной в ивах маленькой крестьянской мельницы с большим деревянным колесом. Мельница поскрипывала жерновами, пахло мукой, конями и Русью. Потом шли к Ямскому лесу, взбирались на бугор, под которым сливались две чистые речушки – Ливенка Лесная и Ливенка Полевая....

Вспоминал и улыбался. Хорошее было время. Этими маршрутами ходили тысячи горожан из поколения в поколение, а зимой на лыжах бегали. И Варя с Агреппиной знают об этом, хранят в сердцах эти удивительные места родного края. Подполковник вздохнул, скоро надо возвращаться в часть. Скоро придётся распрощаться с армией, наступает возрастной предел, к тому же, увольнять начали даже кадровую молодёжь. Хрущёв всё чего-то обрезает, экспериментирует с Вооруженными Силами, мало слушает специалистов. Готовиться надо к худшему. Впереди пенсия, с выбором постоянного жилья. Семья привязана к Свердловску, сюда перебраться её не уговоришь, основательно обосновалась там... Но как хочется здесь остаться до конца своих дней!...

Игорь Анатольевич весь ушёл в прошлое, почесал затылок козырьком фуражки, и снова вспомнил Вареньку.

На прошлой неделе случайно увидел её возле Ивановского магазина. Обрадовались друг другу, словно и не расставались. Взял под руку, пошли к городскому саду. Посидели на лавочке в кленовой тиши, как прежде. И понял: из всех женщин, что встречались ему на жизненном пути, ей нет равных. И пусть уже не Варенька, а Варвара Степановна, и выглядит по-другому, и работа у неё не престижная, но она любит его, как и в юности. Кукушкин ты Кукушкин, а ещё зенитчик-артиллерист! – ты же недолёт совершил – сокрушался он. Ты теперь не имеешь права на точное попадание, поскольку тебя ждёт семья...

И, понимая это, всё же не смог устоять от нахлынувших чувств к ней – пригласил в гости. Правда, не совсем к себе. Он остановился в городе у друга юности, тот ему предоставил отдельную комнату. Варвара Степановна его тоже хорошо знала, но пожелала, чтобы он о её приходе оставался в неведении.

Игоря Анатольевича это устраивало.

Варя пришла под вечер, как и договорились. Хорошо посидели тогда за бутылочкой шампанского, как у бога за пазухой, ничего не скрывая. Все недоразумения оставили позади, вновь почувствовали себя молодыми. Не удержался он тогда от нахлынувшей страсти, уж очень она выглядела желанной с её зрелой статью. Потянул её к дивану. Она и не препятствовала, наоборот – откликнулась таким порывом чувств, что он долго не мог придти в себя. Как же так, и в таком возрасте?...

Это же шторм, буря! Ничего подобного он не испытывал. В голове стоял вопрос: «Варенька, что теперь мне делать?»

Сматывает подполковник удочки, и словно слышит её ответ:

– Что хочешь, только не забывай меня. Помни, ничего от тебя мне не надо. Если будет возможность, приезжай опять...

*

С некоторых пор Супынин стал смотреть на тёщу, не переставая удивляться – перестала лезть на рожон, можно сказать, прекратила сражение, капитулировала. – «Так я тебе и поверил, – мысленно говорил он ей, – усыпляешь бдительность, чтобы однажды нанести внезапный удар. Ладно, поживём – увидим, что за сюрприз ты приготовила».

Варвара Степановна и вправду переменилась, расцвела осенней хризантемой, обрела несвойственные ей черты мягкости в обращении с окружающими людьми.

Улыбчивость и приветливость не сходили с её лица. Соседи удивлялись:

– Николай Григорьевич, какой ключик ты к ней подобрал?

– У баб сто сорок перемен за день, – отмахивался он, – не знаешь, чем хворают, какое лекарство требуется. Загадочный народ. Тут, как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

Полушутливо отмахивался Супынин от подобных вопросов, сам удивляясь её перемене.

И дочь заметила: мать подобрела к Николаю, «Анчихристом» уже не называла, наоборот – стала обращаться уважительно – Григорьевичем величать. По утрам сама готовила молодым завтраки. «Слава богу, долгожданный лад наступил в семье, пора её порадовать внуком или внучкой», – думала Людмила.

Наступила осень, Варвара Степановна решила на завод пойти работать, чтобы заранее увеличить размер будущей пенсии. В отделе кадров ей предложили потрудиться месяца два-три уборщицей на участке цеха, оглядеться, потом выбрать специальность, которая понравится.

– Нет, – решительно сказала она – видеть не могу проклятую метлу, хочу учиться на фрезеровщицу.

– Хорошо! – ваше право выбирать. Специальностей у нас много, на любой возраст.

И Варвара Степановна влилась в рабочий коллектив. Спецовку выдали, тумбочку показали для хранения инструментов, всё, как положено. Только откуда она могла знать, что обучать её будет фрезеровщица пятого разряда Бобкова Агриппина?

– Ну, ты даёшь! – вместо приветствия выдохнула Гриппочка. – Просись у мастера к другому станку, мне с тобой не сладить.

– Сама отказывайся, если хочешь. Мне теперь без разницы, кто будет обучать, – парировала Варвара Степановна, – слушать я умею, работы не боюсь, сладишь, если захочешь.

– Тогда смотри, и запоминай: работа наша начинается с соблюдения техники безопасности...

И пошли дни скорые, безоглядные. Уже через месяц Варвара Степановна работала самостоятельно на станке, а ещё через месяц-другой получила первый разряд фрезеровщицы, всё ещё находясь под наставническим присмотром Бобковой, поскольку главнейшая задача – выполнение и перевыполнения плана, чем и жил завод.

Худенькая черноглазая Гриппочка в передовиках ходила, портрет её красовался на заводской Доске Почёта, но она проходила мимо него равнодушно, словно не замечала себя. Она больше гордилась своим мужем Евгением Захаровичем, но Варвара Степановна знала о нём мало. Слышала, что он работает инспектором городского отдела народного образования, умеет играть на баяне, учителя школ считают его общительным и весёлым человеком на фоне других инспекторов школьного образования.

Как-то Гриппочка пригласила её к себе отметить получение очередной денежной премии. Варвара Степановна не возражала, они уже вновь сдружились. Познакомившись с её мужем, она убедилась, что действительно Евгений Захарович весёлый человек, даже очень.

В разгар застолья, когда жена вышла на кухню, он попытался дать волю своим рукам на её бёдрах. Варвара Степановна по-мужски быстро и коротко врезала ему промеж глаз. Охнув, он тут же ушёл на балкон курить.

С тех пор, при встрече с ней, Бобков неопределённо хмыкал и отводил глаза.

*

С наступлением зимних холодов Люся обрадовала мужа:

– Коля, у нас будет ребёнок! Готовься стать папочкой к весне...

– Спасибо, что предупредила, – заулыбался Супынин, – а то мне невдомёк. Не ты ли в среду ходила в консультацию к Васильевой? Это она сообщила мне радостную весть, а ты опоздала...

– Вот болтунья! – нарочито недовольно возмутилась жена. – Ничего у неё за зубами не держится, а ещё врач.

– Ладно тебе, перестань. У нас с врачами свои отношения. Ты теперь, того... береги себя, под ноги смотри, и осторожнее ходи по ледышкам. Матери говорила?

– Нет, вдруг она обидится, сорвётся и понесёт...

– Может, – вздохнул Николай – она человек взрывоопасный.

Вечером Супынин насторожился: мать с дочерью о чём-то долго шептались. Он лишь услышал, как тёща обронила фразу: «Мне к Васильевой ходить не надо, я и так всё знаю». И он подумал: «Вот и хорошо, что знаешь и не взбесилась». И успокоился, переключился на другую новость, горячо обсуждаемую в его среде, – о принятии на вооружение резиновых дубинок. Ввёл-таки их Хрущев. Старшина полагал, что этого никогда не будет, и проспорил лейтенанту Козлову бутылку водки. Завезли-таки в отдел первую партию этих резиновых палок, теперь в отделе рассматривают их с любопытством, рассуждают об ударной силе, о том, кого можно огреть, а кого нельзя. По каким частям тела можно врезать, а по каким – себе дороже... Наручники ввели, но пока запретили носить открыто. Одновременно начали увольнять опытные кадры. Указание дано: грамотную молодёжь надо в органы набирать... Держи теперь ушки держи на макушке, – перетряхивают нас. Что дальше?..

Не придал он значения тёщиной фразе о Васильевой, а она была ключевой в понимании сути: Варвара Степановна призналась дочери о своей беременности в том разговоре.

Услышав мамины слова, Люсе показалось, что она ослышалась:

– Мама, ты что, не рада? – я тебе говорю: «У нас с Николаем будет ребёнок», а ты, словно шутишь...

– Люсенька, доченька, я очень рада за тебя, очень! Давно пора ребёнка иметь, но я не хочу тебя обманывать, получилось так, что вынуждена сказать, рада ты этому или нет: я тоже жду ребёнка. Выслушай меня спокойно...

И Варвара Степановна рассказала дочери предысторию своей любви к Игорю Анатольевичу Кукушкину. Люся долго не могла поверить сказанному, настолько её ошеломила эта весть, что она только и вопрошала:

– Как же так, как же так?..

– Успокойся, как есть, так и будет, – твёрдо заявила мать. – Что в любви дано, то надо беречь. Будем вместе детей растить. Николаю об этом пока не сказывай. Надо его подготовить. Он у тебя человек с рассудком, должен понять...

*

В рано наступающих сумерках Евгений Захарович Бобков вышел из здания библиотеки и, поёживаясь от крепкого мороза, поднялся по ступенькам к скверу, как вдруг в поле его зрения попал бюст И. В. Сталина, покрытый замасленной старой фуфайкой. Инспектор застыл в возмущённом недоумении: «Чья рука посмела совершить кощунство в день рождения Главкома, разгромившего фашистскую Германию? Ах вы, недоумки!»

Расстроился Евгений Захарович, нашёл палку, зацепил ею ватник, да и стянул его с гранитных плеч генералиссимуса, поволок по снегу в дальний угол сквера.

Домой идти спокойно уже не мог. Зашёл в ресторан, сел за столик и заказал сто грамм водки, потом – ещё. Сидел в одиночестве, пил, словно приходил в себя. Зал был почти пуст, горожане редко посещали ресторан, разве что в свадебные и другие торжественные дни, либо наскоком, как и он. В основном сюда заглядывали командировочные и местные из числа кандидатов на нары. Официантка Рита обслуживала его столик с неторопливым безразличием. Евгений Захарович, по мере выпитой водки, розовел, в голове у него возникали печальные мысли:

– Всё полетит к чёрту! – бормотал он. – Осколки останутся от страны без тугой скрепы, без жёсткой, но справедливой руки. С Хрущёва пошло всё это безобразие. Правильно, что его отправили на пенсию. На него взглянуть, тьфу! На лице никакого благородства, смотреть тошно! Леонид Ильич – иное дело, у него, кажется, есть уважение к сталинским победам, но всё равно он – птица не масштабного полёта...

И вспомнил Евгений Захарович, как в городе в день мартовских похорон Сталина, в 1953 году, надрывно выли заводские и паровозные гудки, – смертная тоска охватила тогда горожан, мороз по коже пробегал...

– У -у– у – подняв подбородок к потолку зала – вдруг завыл он по-волчьи.

– Гражданин! – Рита, подошла к столику. – Прошу вас, не безобразничайте, идите домой, поздний час, скоро будем закрываться.

– Ты как здесь оказалась? – искренно удивился Евгений Захарович, – с такой аппетитной попкой...

И не удержался, чтобы не схватить её за ягодицы.

– Ну, погоди же, – угрожающе взвизгнула официантка и выскочила из зала.

Спустя десять минут перед Бобковым появился наряд милиции: старшина Супынин и его молодой напарник без лычек.

– Гражданин, пройдёмте с нами! – услышал он.

– У-у-у! – вновь протяжно завыл инспектор. – Опричники явились по мою душу... Не желаете ли выпить со мною по-русски за Победу, за Сталина! Не желаете? Тогда пошли прочь отсюда, враги трудового народа!

Молодой милиционер попытался его скрутить, но не смог. Евгений Захарович ловко вывернулся и прокричал:

– Не смей, салажёнок, трогать меня, я – работник народного образования!

Тогда старшина Супынин, улыбаясь, подошёл к нему со словами:

– Вот и прекрасно! С образования и начнём...

И врезал ему резиновой палкой промеж лопаток. Потом под руки потащили они к дверям мгновенно притихшего Евгения Захаровича.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

РОДНОЕ

Обрывки воспоминаний, путаясь и натыкаясь друг на друга, роятся в усталом мозгу. Все они приблизительно одной поры, но никак не хотят рисоваться чётче, становиться в стройный событийный ряд. Память бессильна. И всесильна, если яркими вспышками всё же высвечивает эти давние мгновения жизни…

Душный, добела раскалённый июль. Бабушка в сарае варит варенье. Вишнёвое, моё любимое. Сарай приспособлен под летнюю кухню, и дышать в нём сейчас нечем. Потрескивая, гудит керогаз, в эмалированном тазу ворчит и хлюпает варенье, одурело, неповоротливыми бомбовозами над тазом кружат осы.

Мне восемь лет. Я торчу на высоком пороге сарая, глядя, как бабушка снимает с варенья рыхлые розовые пенки и собирает их в гранёный стакан. На голове её цветастый платок – я не помню бабушку простоволосой, как не помню и без папиросы во рту или в руке; лоб орошён крупной испариной, на кончике длинного носа, норовя сорваться вниз, блестит большая капля.

Густой аромат варенья смешивается с запахом свежепиленой древесины: вдоль задней стены сарая, на высоту моего роста – поленница. Её вчера сложил я. Отец с одним из моих дядьёв, маминым братом, пилил во дворе сосновые брёвна, а потом ловко колол чурки большим топором. К зиме поленница будет под самую крышу и в несколько рядов.

На притолоке, прямо над моей головой, горит в солнечном луче красная звёздочка с армейской фуражки. Звезда аккуратно закреплена в деревянный брус маленькими гвоздиками и светится здесь всегда. Чья она? Отца или одного из многочисленных моих дядек? Решаю, вечером непременно прояснить вопрос, и, конечно, забываю.

Бабушка рукой отгоняет настырных ос, снимает таз с огня и, уперев его краем в тощую грудь, несколько раз встряхивает. Варенье кругообразно болтается в тазу, проскальзывая по самому краю, но не выплёскиваясь, и снова начинает покряхтывать на керогазном огне. Бабушка отступает на шаг и раскуривает погасшую папиросу – должно быть, папиросу потушила та самая капля, сорвавшись с бабушкиного носа.

– Бауш, дай пеночек, – прошу я.

– Сдурел? Осы там, – и, пока я, приподнявшись на цыпочки, разглядываю вяло барахтающихся в стакане насекомых, бабушка рассказывает страшную историю про то, как её знакомую оса, проглоченная вместе с вареньем, ужалила в горло, и та задохнулась в одночасье. Бабушка заканчивает: – Вот я их повылавляю, тогда дам…

У меня, как, наверное, у всех, было две бабушки. Жили они почти напротив друг друга, и обеих звали Олями. Чтобы не путаться, мы с сестрой и наши родители, а потом уже и все остальные, никогда не называли бабушек по имени – так и говорили «бабушка Петровна» (это мама нашей мамы) или «бабушка Гавриловна» (мама нашего папы). Сестру – она старше меня на два с половиной года – отдали на догляд и воспитание Петровне, и почти весь длинный летний день сестра проводила в доме напротив, через трамвайную дорогу. Моим же воспитанием занималась Гавриловна, в доме которой и жила наша семья…

Гавриловна строга, спуску не даёт. Она находит меня в самых потаённых уголках нашей улицы и даже в соседнем, заросшем пыльными кустами, грязном помойном рву, по дну которого зловонно струится ручей со смешным названием Ленивец. Бабушка тихо подходит и, взяв за руку, выдёргивает меня из компании сверстников, готовящихся форсировать Ленивец по наведённой собственноручно переправе. И ведёт обедать.

Жарко, и есть хочется только огурцы, но у Гавриловны свои представления о питании ребёнка: она заставляет меня съесть щи, а потом ещё и картошку, тогда как сама всегда только пьёт чай с булкой.

Отец называет Гавриловну на «вы», наверное, он тоже её побаивается…

Моросящее осеннее утро. В школу и сестре, и мне идти во вторую смену, потому сидим за столом, покрытым зелёной плюшевой скатертью, которая поверху, для страховки, застелена газетой, и скучно завтракаем. Бабушка Гавриловна дала

нам манную кашу, положив в тарелки по хорошему куску масла, и ушла по своим делам в другую комнату. Стол стоит у окна, вид из которого… В общем, смотреть особо не на что: потемневшая от дождя бревенчатая стена соседского дома, украшенная наискось глубоким шрамом от снарядного осколка военной поры.

Мы не любим манную кашу! И об этом знает весь мир, кроме бабушки Гавриловны. Проходя за нашими спинами, она заглядывает к нам в тарелки и возмущается, найдя их полными:

– Да вы что, совсем дохлыми хотите быть? Ну-ка ешьте быстро! – и горестно добавляет: – Ох, завербуюсь я от вас…

Что такое «завербоваться», мы не знаем, но слово, скорей всего, страшное, потому что бабушка так говорит всегда, когда нами недовольна. Кстати, непонятно, почему «совсем дохлыми»? Я – мальчик вполне упитанный, сестру тоже худышкой не назовёшь. Вот сама Гавриловна худовата.

Бабушка возвращается с банкой вишнёвого варенья, говорит, ставя её на стол:

– Может, теперь дело шибче пойдёт. Кладите в кашу…

Варенье мы охотно съели бы отдельно, но делать нечего, добавляем по большой ложке в кашу. Еда в наших тарелках сразу делается мистически лиловой, с чёрными бугорками вишен. Аппетита это не прибавляет, и мы находим себе развлечение: выковыриваем из загустевшей каши ягоды и, съедая сморщенную мякоть, плюём косточки на стол. Маслёнка у нас – школа, а банка с вареньем, стоящая поодаль, – многоквартирный дом, из которого идут в школу ученики-косточки. Плюнуть надо метко, чтобы косточка застряла на пути из «дома» в «школу». У меня получается лучше.

– Смотри, смотри! – восторженно кричу, видя, что косточка, выплюнутая сестрой, улетела дальше положенного. – Твой опять прогулять собрался! В кино, наверное, пошёл!

Снова призраком возникая сзади Гавриловна выдаёт нам по подзатыльнику. Мера действует куда лучше уговоров, и завтрак заканчивается скоро…

Зима. Со двора не выпускают, чтобы не изваляся в снегу, катаясь с крутых склонов помойного рва. Как будто я не изваляюсь во дворе, где тоже полным-полно привлекательных сугробов!

За какой-то надобностью забредаю в сарай и нахожу на старом сундуке топор. Его лезвие почему-то перемазано жёлтым крупчатым мёдом. Интересно, что это значит? Мёд так замёрз, что его пришлось рубить топором? Трепетно принюхиваюсь – действительно, мёд! Удержаться и не лизнуть нет сил. Мёд тает на тёплом языке, чудесным нектаром проскальзывает в горло. А язык остаётся на промёрзшей до звона железке. Конечно, я ору. Мне больно, мне страшно, мне хочется пожаловаться маме, что подлый топор схватил меня за язык, впился в него зубами и не хочет отпускать. Но хорошо получается только диковатое, отрывистое мычание.

Дома топор, а заодно и мой язык, отливают тёплой водой, освобождая их друг от друга, но ещё несколько дней я не могу нормально кушать.

Этот подвиг членовредительства я повторю через три года. Мы, четвероклашки, вдвоём с приятелем будем возвращаться из школы узкими дворами пятиэтажных домов, где стоят этакие железные штуки в виде буквы «П», вкопанной в землю. Они предназначены для сушки белья, но очень неплохо могут служить футбольными воротами или вместо волейбольной сетки. Приятель зачем-то предложит мне лизнуть одну из железных стоек, и я, дурак, уже имеющий горький опыт таких контактов, послушаюсь его. Домой отливаться водой, с громоздкой каркасиной на языке не побежишь…

Кстати, о мёде. Ещё через два года, с тем же приятелем, опять же после уроков, мы забрели в гости к третьему нашему товарищу и втроём – не скажу, что времена

тогда были очень уж сытные, – слопали трёхлитровую банку великолепно засахарившегося мёда. Не буду рассказывать, как мне было нехорошо, но больше мёда я не ел никогда в жизни.

Снова лето. Марево над просёлком причудливо клубится и завивается. Кажется, вот-вот из горячих сгустков проявится сказочный джин и громовым голосом станет вещать что-нибудь про исполнение моих желаний. Всей семьёй мы идём в лес, называющийся непонятно и даже страшновато – Андриабуж.

Мы приехали на дряхленьком автобусе. Я сидел на переднем сиденье, получалось, только мы с шофёром смотрим вперёд через лобовое стекло. Я представлял, что мчусь на мотоцикле: крутил рукой поручень, добавляя газу; вдавливал ногами в пол воображаемые педали, притормаживая; наклонялся в сторону на поворотах, удерживая равновесие своего стального коня.

Рядом с отрешённым лицом сидела бабушка Гавриловна. Вдруг она почему-то засуетилась, встала и шагнула к водительской кабине. Автобус тряхнуло, и бабушка нелепо, не выпуская из рук маленький алюминиевый бидончик с молоком, упала…

И вот мы шагаем пыльной дорогой к лесу. Вернее, шагают впереди отец с мамой, несущие сумки с едой, а мы с сестрой плетёмся следом. Гавриловна замыкает процессию.

Может быть, даже наверняка, с нами идёт кто-то из наших дядей и тётей, но память не пускает глубже, отказывается рисовать все детали этой картины. Перед глазами посейчас стоят ярко-белая молочная лужа на затоптанном автобусном полу и бледные, отдающие синевой, худые бабушкины ноги под задравшейся юбкой. Сердце больно сжимается на миг, замирает и снова гулко толкается в рёбра. Ну зачем, зачем она взяла в лес это молоко?

Лес стоит высоко, подпирая громаду своей кроны берёзовыми, осиновыми, ольховыми стволами. Здесь хорошо – пыль и зной остались на дороге. Мы приехали не за грибами и ягодами, а чтобы просто быть в лесу: сидеть на разостланном под кустом покрывале, хрустеть огурцом и прихлёбывать терпкий квас, слушая монотонный разговор беспокойных листьев и ленивую перекличку неведомых птиц, а потом играть на полянке в бадминтон.

Мы с сестрой заблудились. Отошли-то от полянки чуть-чуть и… потерялись. Ходим битый час во все стороны и никак не можем выйти к родителям. Покричать, поаукать не догадываемся или почему-то боимся. Я уже тихонько реву.

– Не плачь, – говорит сестра. – Сейчас пойдём вон за те кусты и найдёмся. Туда мы ещё не ходили, кажется.

А у самой голос испуганный, и в глазах отчаянье.

Выходим за кусты и натыкаемся на нашу стоянку и папу с мамой. Они и не думали беспокоиться, встревожилась и отправилась на поиски одна бабушка. Она появляется из чащи, как всегда, молчаливая, неулыбчивая. Впрочем, ругать нас никто не собирается, и мы лежим на покрывале в окружении родных людей, с которыми хорошо и спокойно, и весело болтаем ногами…

В обратный путь по дороге Гавриловна ведёт меня за руку. Я устал, ноги идти не хотят. В автобусе сонно рассказываю бабушке, как мы, когда потерялись, встретили ёжика – он круглый и колючий, но совсем не страшный. Мы не стали его мучить и отпустили домой. Гавриловна вынимает изо рта потухшую папиросу, смотрит на меня старыми глазами и тихо говорит: – Оно хорошо, когда по-доброму. Легше так…

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА

БЫВАЕТ ЖЕ!..

...Мёд источают уста чужой жены,
мягче елея речь её,
но последствия от неё
горьки, как полынь,
остры, как меч обоюдоострый.
(Притч. 5, 3, 4).

1

Апрель катился на исход, надвигались майские. И Толька Синицын перед выходными обхаживал жену, мол, ребята пристают, на окушей зовут. Открещивался: женского полу – ни-ни, мужская компания – Трофимыч, Пётр Степаныч, опять же – Сергей Фомич. Все – люди суровых правил, каждого знаешь... Да и сама ведь вчера только вздыхала: ушицы бы из молоденьких окуньков.

Откуда было Лорке знать, что в гараже, куда она и нос не кажет – когда ей за детворой! – под зимними шинами сховат за ради предстоящей поездки ящик горячительного, банки-коробки с продуктом. Закисли совсем, месяц, как своего часу дожидаются. Да и Зайка (новоявленная Толькина пассия) купальничек – три блестящих полоски – когда-когда присмотрела, ждёт не дождётся, чтобы спровадиться со своим ухажёром на озеро первый загар принимать.

Хоть и вспомнилась Лорке прошлогодняя Толькина рыбалка, но... троих одной попробуй-ка подними! Мал мала меньше. Машенька вот – только-только затопала.

А прошлый раз-то, вернувшись от матери, обнаружила она мужа под кухонным окном, калачиком, на лавочке. Кое-как перебравшись по непреодолимым ступенькам в дом, распахнулся Толька в прихожей, а под курткой – ни рубахи, ни майки... женская кружевная комбинашка! Ё-моё! Это до каких же чёртиков надо было доотдыхаться! Ох и проредила она тогда мужнины, уже и без того растерявшиеся по чужим подушкам, волосья! Ох, и дорвала-ась! Всласть покуражилась!

«А! Пропади оно всё пропадом! Шёл бы он лесом! Ведь, как худая бочка, – сколько ни лей, всё мало! Не мытьём, так катаньем, наврёт с три короба и один ляд – улизнёт, – махнула на распропащего мужа Лорка, – пошкодничает кобель ненасытный – в грехах, как в шелках, а домой всё одно вернётся! Кому он с таким алиментным прицепом нужен? Не вот-то какая разбежится!»

И всё уже под неусыпным Толькиным контролем счастливо велось к тому, что Зайка вот-вот выгуляет свои новые тесёмочки, как на тебе! Тольке перекрылся к отдушине вентиль!

Лорка, конечно, пустила слезу, но от Толяна не ускользнула её злорадная усмешка, мол, Бог шельму метит, потому и очередного твоего фортеля не попустил. Помешивая убегавшую кашу, – Машенька на руках – жена кивнула Тольке на телеграмму, с которой друг за дружкой носились по дому трёхлетки-близняшки Саша и Даша.

Зачуяв недоброе, прицыкнув на ребятишек, Толька завладел наконец-таки злосчастным клочком казённой бумаги. Отодвинув ножницы, Лоркино раскинутое шитьё, уселся за стол, напротив швейной машинки. Ещё и не вник в строчки телеграммы, а ему уже почему-то стало кисло-кисло под ложечкой. Пробежавшись по бумажке туда-сюда глазами, Толька и совсем опустил руки, будто «Жигулёнка» своего Трофимычу в карты продул. К тому ж, откуда что взялось? На дворе – дождь – в верёвку!

– Ну, сейчас начнётся! Поехали с орехами! – успело промелькнуть в его поникшей голове, – тётка померла её, а в Тмутаракань ехать мне!

Лорка – тут как тут, не дала одуматься, подозрительно ласково заворковала (знать, от радости сама над собой не владела), давай заигрывать, будто кошка с мышью).

– Собирайся, Толенька, куда я с выводком? – и, всхлипнув, привела неопровержимый довод, – вить, как-никак, ближние – родная тётушка.

– Прокукарекала, а мне теперь хоть и не рассветай, – подумал Толька, а вслух пощунял в сердцах и уже совсем обречённо упрекнул то ли покойницу, то ли жену, – и чего ей не жилось, тётке Дусе твоей! За таким мужиком, как Митрофаныч, не будет напраслина, можно двести лет жить припеваючи, как у Христа за пазухой, а то и вовсе не помирать: от юбки жены ни на шаг, жизнь просидел у неё в ногах, руки – золотые, грамма в рот не берёт. Всё, бывало, Дусёк да Дусёк... Вот тебе и Дусёк! Да... подкачала Митрофаныча бабка... и меня, прямо скажу, подвела, в самый неподходящий момент... не подумала, преставилась. Пухом земля ей!

2

Митрофаныч, завидев Тольку с ящиком водки, с провиантом, конечно, проникся: «Спасибочки, не забыли в тяжкий час, и правильно, что ни говори, своё!»

Похороны – они и есть похороны. Что нового о них расскажешь? Отпели, попричитали, закопали. Как водится. Разостлали рядом со свежим суглинистым холмиком на молоденькой кладбищенской травке скатёрку, выпили за упокой бабы Дуси.

Помянули и дома. Растопили во дворе каменку, соседки нажарили, напарили. Выставили под клёнами на клеёнки с вечера сколоченного длиннющего стола бутыли и тарелки-миски с угощением.

Просидели до звёзд. Баба Дуся не обидится. Митрофаныч соблюл обряд, как положено, чин чином.

Разошёлся народ. Засобирался в ночь и Иван, единственный сын Митрофаныча и бабы Дуси. Сказался, мол, ну, никак не может из-за каких-то там несусветно важных дел задержаться. Самолёт, мол, дожидаться не станет. С тем и отбыл.

И на другой день, лишь через подслеповатые, присевшие окошки дедовой хатёнки протёк рассвет, и солнечные лучи обогрели густо налепленные в одной большущей раме фотокарточки, отведать, «покормить» покойницу спровадились мужики вдвоём – Митрофаныч да Толька.

Хоть и рвалась Толянова душа на рыбацкие вольные просторы, да и Зайка обзвонилась (кол ей на голове теши – она своё: обещал ведь!), но не оставлять же, ей-Богу, деда в такой беде одного?

А молодой день начался с охотой, заранее. И выдался на загляденьице! Такие бывают только в середине мая, а нынче весна ранняя, и зелень забутонилась до сроку. Погост утопал в черёмуховых зарослях, соловей захлёбывался без передыху.

Мужики расположились обочь бабы Дуниной могилочки. От венков густо пахло свежим сосновым лапником, восковыми цветами.

– Сподобил же Господь прибрать мою Дусю в такую-то благодать... Да-а, не кажному эдак подфартит, – распочёл бутылку, всхлипнул, разливая по первой Митрофаныч, – один я теперя остался... как перст один... Ванька вон дёрнул! Вишь ты, путёвка на какие-то Мандивы пропадёт... Что ему до отца? И дела нету! Ему хочь бы хны, что я, можа, с беды-горя тожить копыты откину.

– Ты, Митрофаныч, не шибко-то убивайся! Пожила ведь тётушка Дуся. А то вот давай к нам. Людок, знаю, обрадуется! С ребятишками позаботничаешь, позабавишься, глядишь, и охолынет душечка.

До-олго сидели, балакали мужики на погосте. А куда спешить-то деду? Да и Толька – телефон отключил, чтобы Зайка не допекала. Разговори-илась!

Дед основательно пообспросил о молодом житье. Как, мол, выкручиваетесь тамотко, в городах своих? Сколь зарабатываешь?

– Да как все, Митрофаныч, кручусь, как могу. Лорка у меня – молодец! Швея – первоклассная. Даже сейчас не остаётся без заказов. С тремя, а ножницами день и ночь кроит-счёлкает, всё строчит, строчит на своей «зингерке». Как-никак, а тоже доход, приработок.

– А как у тебя, мил сокол, на счёт левака?

– Бывает, иногда подвернётся. Кто ж откажется от лишней копейки?

– Дак я не об том вовсе, – хихикнул дед, – я насчёт бабского полу. Слыхал, как-то Лора твоя бабе Дусе жалилась. Мол, шкодник ты, маста-ак! А по годам пора бы уж... Вон и волосья серебром отстрочены.

– Ты, дед, всех собак-то на меня не вешай! Куда мне с такой-то оравой! – заотбрёхивался было Толька.

– А он, мил человек, коли завёл моду, коли налево затёсан, хочь озолоти его, рази ж об том думает? – опять хихикнул Митрофаныч. – Ты послухай-ка, уж рассекречу я тебе свой предавний грешок, – побойчел, совсем захмелев (ещё бы! в такие-то лета на воду переходить пора, а он нате ж вам – за моё почтение махнул гранёный по Марусин поясок!), дед кивнул в сторону могилы, выпучивавшейся шагах в двадцати, аккурат наискосок от бабы Дусиной, и понёс околесицу. – Лежит в той-то оградке Маня-Ягодка. Пошто Ягодка? А по то: кто пройдёт, тот и ущипнёт. Не тебе – Господи прости! – слухать, не мне говорить, но всё одно, – дед цокнул языком, – ох, и бабёнка была, хочь как крути! Ндравилось ей это полюбовное дело страсть как! Кто, значит, щипнёт, тому вороты и открывала... Видная была, не простуша-баба, хто ж спорит? Глазёнки невинны-е-е – бирюза бирюзой! Косынка на плечиках! На энто тожить свой цимус, своя чуйка нужна... Баб, конечно, нашенских завидки брали. Ещё бы! Всю мужицкую разносортицу на двадцать вёрст окрест перепробовала. Видать, по нутру свому неуёмному искала.

Окунались, значит, мужики к ей, ну, и я не сдержался, раззадорился... Как не окунуться на халяву-то? Тада, прямо скажем, меня мужики и не поймут! Тока вышла у меня с того кунанья таковская кадрель.

Раз заглянул я до бабёнки той, другой раз сходил, а там как пошло, как поехало! Не удержать меня коло Дуси, как приворожила Ягодка, мысли – угарные, всё, бывало, подле околачивался. Никакого спасу от ей нетути. Как токо без чужих глаз... хочь в покосах, хочь летом на дойке, хочь зимой в овине, – я к этой самой Мане-Ягодке в полон. Совсем с катушек сбился, а уж Ванька-то у нас с Дусей был, годка три, кажись.

Приповадился, значит, я и, заприметь, проваландался с ей с Роштва до самого Зимнего Николы, почитай что цельнай год. И уж деревня об нас засвирчела, нешто утаисся? Все, как есть, на ладони. Тут слепой, и тот увидит. А Дуся покуль помалкивает, жена-то об мужниных проказах когда-когда дознается, бывает, последней. А мне то-то и на руку!

– Это ж надо! Никогда б о тебе такое не подумалось! – ухмыльнулся Толька, пока дед мусолил самокрутку.

– Ну, дак когда то было? Тебя по ту пору ещё и в мамкиных планах не водилось!

– А ты, дед, – ходок! И чешешь, как по писанному! – залукавились Толяновы глаза.

– Не насмешничай! Это дело десятое! Погляжу-ка я, как тебе пондравится та-то гульба, как дослушаешь моё исповеданье до конца... Не зря же в народе толкуют: сколько верёвочке ни вейся, а всё одно – конец будет... На чём это я остановился? Ах, да! И вот, значит, прознала, наконец-таки, и Дуся об моих шурах-мурах. Но это ещё

полбеды, а вот беда так беда, наистрашнейшая, стряслась когда дошли мои кунания к Ягодке до Дусиных сродственников, до бати с матушкой! Ой-ёй-ешеньки!

3

А семейство ихнее не нашенских корней, да и не совсем простецкое, послушайка, мил человек. Сказывали, пришлые они, прадед ихний объявился каким-то тайным образом в наших краях. А следом за ним пришла и его кличка – Расстрижка. И стали их, значит, по-уличному кликать Расстрижкины... Ну, Расстрижкины да Расстрижкины. А мне-то что? Я и не задумался ни об чём, когда к Дусе посватался.

Оказывается же, что корень ихний из Сибирской Сибири, из самой что ни на есть глухой глуши лесной. К тому ж, вот что интересно-то, Дусин прадед Расстрижка был когда-то не из последних у староверов. Суровый, сказывают, был дед, наистрожайших манеров! Правда, чтобы лихоматом кого отбрить – ни в жисть! И из себя – тур златорогий. Таковская уж натура.

Как он опростоволосился, за что уж турнули его свои, что поп не поделил с единоверцами? – один Бог ведает. А только, разобидевшись, сгрёб он своё немалое семейство, да и, отмотав сотни вёрст, прибыл, каким? – одному ему известным путём, в нашу деревушку. Где и впослед обосновался.

– Это что ж получается? Тётя Дуся из старообрядческой семьи? – подивился Толька.

– Из них, милай, из них. Токо кто ж об том кричит? Но люди ведь всё примечают. Знали об том у нас. Как не знать-то? Вот погляди, какие кресты староверческие на могилах тестя моего Хрисантия Никодимыча да тёщи Пелагеи Наумовны красуются. Теперя придётся и Дусе такой же ладить, – и дед повёл Тольку к заросшей сиренью оградке с чуть приметными бугорками.

В ней просматривались два накренившихся, прозелёненных дубовых креста. Кресты как кресты, только восьмиконечные, с двускатной крышкой. Такие, слышал где-то Толька, голбцами прозываются.

– Помирая, – заметил Митрофаныч, – хочь и взял я её «убёгом», хочь и отошла, вроде, от веры-то ихней, а всё одно Дуся наказывала крест, мол, чтоб, как у сродственников. Пока наспех сладили, какой успели. А теперь вот предстоит дело не простое. На могильном кресте у строобрядцев, там, где у нас карточки крепят, у них вырезают «киот» – нишу для небольшой иконки и лампадки. Дуся-то завсегда говаривала: «Заруби себе на носу! Молиться надобно Богу, а не фотокарточке», – обмяв вокруг крестов молочай, дед припомнил, – к слову сказать, и венков Дуся на могилу приносить запретила... Да куда там! Натащили вот супротив её воли! Что с ими теперя делать?

– Это как же без венков-то?

– А очень даже просто! Вот тебе бабы Дусино слово: «Нечего меня украшать венками... Господь сам рассудит, хороша ли моя душа. Коли плоха она, то и венки не украсят».

Присев на лавочку у староверческих могил, дед вдруг хмыкнул, покачал головой, вспомнив что-то давнее-предавнее, словно чему-то подивился, словно что-то в точности знал, а самому до сих пор в это не верилось.

Толян не полез в душу. Но дед не выдержал, взял и вывернулся подчистую наизнанку. Выложил всё, что держал в тайне лет, почитай, шестьдесят, не меньше.

– История-то моя не закончилась. Тут вот, у этих могил, продолжить её самое место, поскоку родители Дусины в ей самые наиглавнейшие лица.

А было всё так... Откуда просочился вдоль деревни слушок, а может, и сама Маня запустила, только зашушукались бабы на завалинках, у колодцев: мол, зятёк Расстрижкиных к Ягодке навовсе собрался.

Возвернулся я как-то из бани, как чуял, вымылся, кальсоны, рубаха чистые. Повечеряли, значит, уж и за занавеску я сонно просеменил, лёг. Дуся об чём-то со стариками шушукается. Мало ли об чём? Родители они ей, как-никак. Подходит она к кровати, кахы да кахы и вдруг, ни с того ни с сего, плюхается мне всей своею тушью на ноги. На, тебе – ни встать, ни сесть. Это под старость она поусохла. А в молодые лета – центнер, а то и поболе! А я, как сейчас – сухарь, так и смолоду – сухарь сухарём.

Что ж ты, разэтакая, делаешь-то? Счас жа ослобони, кричу. Лучше б стерпел! Дуся навалилась на ноги, не скинуть, и на крик мой прибежали её родичи. Суматошные-е! То ли с горя какого, думаю, то ли с радости... А тёща (глазища, что твои пельмени, тожить центнер немалый, у неё не заржавеет!) прямо белены объелась! Сгребла, как веточки, мои руки, заломала, замотала рушником и привязала к спинке кровати. Тесть хвать тряпку и кляпом – в рот, чтоб с улицы соседям мои рыдания не были слышны... Дуся-то, Дуся! Набычилась, шмык, и кальсоны с меня долой! Стыдоба-а! Матерь Божья, мычу, смилуйся, не дозволь лиходеям меня острамить!

А Дуськин батя, он же испокон веку лекарствовал по животной части: не растелится корова – бегут к нему, поросёнка кастрировать – опять к Расстрижкиным, прокалил на групке овечьи ножни, прихватил суровые нитки, трижды перекрестился, погрозил, как мальцу, пальцем и сказывает: так-то оно, мол, спокойней Дусе будет, неча бабу да мальца позорить, эти причиндалы тебе тока жисть портят, да и всему нашему семейству от них покоя нет. Глядишь, поугомонисся, паскудник. И с горькой укоризной покачал головой.

Я, было, елозить, извиваться, я – туда, я – сюда. Куда там! Такие бабищи у деда на подхвате! Лежу, значит, надломленным чертополохом, будто через мясорубку пропустили, внутрях всё запеклось, одно только и мелькнуло: никакого понятия-жалости, хочь бы уж самагонки плеснули. Тёща, правда, спохватилась. Прямо из бутыли залили в меня со стакан.

Жена, значит, с тёщей держали – растудыть их туды – а тесть чик, просто-напросто, как у самого завалящего поросёнка, самым безжалостным образом, отсёк у меня, по его разумению, лишнее, совершенно никчёмное! Будто корова языком слизнула. Зашил-перевязал крепко-накрепко суровой ниткой, и иди, гуляй себе с Богом! Рот кляпом заткнут, даже покричать не дали изуверы. Слёзы – ручьём, такого страшенного насилия над мужским достоинством в нашей деревне отродясь не слыхивали. Надо ж было угораздить породниться с Расстрижьим племенем!..

Правда, как пошло дело на поправу, как отболелось, так я и поуспокоился, будто сто пудов с себя сбросил. Зажил – легче лёгкого. Кум королю, сват министру. Со двора – ни ногой, всё при Дусе да при Дусе сидю, и души в ней не чаял всю остатнюю жисть. А что самое удивительное – ни одна лихоманка меня не брала, ни простуды, ни ещё какая хвороба... теперь вот и Дусю пережил... а ить я её на осемь годочков постарше. Так просто Митрофаныча в гроб не загонишь! – расхорохорился дед, – видать, придётся смерть свою перехитрить, здоровым на тот свет отправляться. Прямо и не знаю, за что это мне Господь добавки дал... Вишь ты, какие дела, Толька!..

Не-е, я уже давно на них обиды не держу. Сам себе, как говорится, подгадил. Виноватый – на семь рядов! Каюсь... будто в чемодан чужой залез, э-эх!.. Ну, дак чертяка попутал! И ведь, коли посмотреть, хочь скрозь, хочь с какого боку, хочь спереду, хочь сзаду, Дуся-то моя ничем не хужей той-то Ягодки. А ить завсегда так ведётся: суседская дичка слащей медовки из собственного саду. Так-то, браток! Жизненная комедь!

Тольке отчего-то вдруг стало не по себе: вспомнилась, будь она неладна, пышнозадая кадровичка Томусик, её товарка Раечка, что вперекор Томке уже месяц вертит своими пятнадцатикилограммовыми арбузами перед Толькиным носом...

Вспомнилась и жена Лора... И её пристрастие к кройке и шитью... Вспомнились и её косые взгляды, когда он «задерживался на сверхурочные»... А самое главное – вспомнился лязгающий, яростный скрежет её большущих ножниц после его возвращения... И Тольке стало совсем жутко! Чем чёрт не шутит? А вдруг у них, у Расстрижкиных, это семейное – отсекать всё лишнее, вдруг у жены чикать ножницами – это наследственное? Кто её знает?!

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ, г. Лион, Франция

ВОЛШЕБНАЯ МЕТЛА
Бабушкина сказка

Ведьма Настя брела по тёмным улицам Малинограда, всматриваясь в яркие круги окон, выделявшихся на чёрном туманном пространстве то по правую, то по левую сторону. Её тяжёлая гофрированная юбка собирала в свои складки падающий с неба снег. Ведьма Настя тащила за собой метлу, прутья которой изрядно потрепались и потрескивали при каждом неуверенном шаге её хозяйки. Когда ведьма делала неловкое движение, ноша скулила, как собака. Тогда старуха замирала, притягивала к себе метлу, трогала её руками, как будто лаская, и через мгновенье продолжала свой путь с удвоенной осторожностью.

Колкий ветер кружил миллиардами снежных хлопьев, которые липли к рыжим, грубо покрашенным хной волосам, лезли в нос и глаза. Ведьма Настя с трудом пыталась заглотнуть носящиеся столбами снежинки. Наконец, словно сломавшись в поясе, она нагнулась, подняла с дороги скрюченной рукой снег, слепила из него шарик и стала неловко совать его в рот: комок расстаял, размазавшись по лицу, где пудра давно уже стекла с жёлто-коричневых морщин и сероватых синяков под глазами.

Ведьма Настя прошла мимо освещённых дворов и остановилась перед двухэтажным домом, чёрный силуэт которого выделялся на белом молочном просвете слева от неё. Долго стояла она так, осматривая окрестности, потом перешла через сад, тащя за собой метлу, с любовью положила ношу на землю, села рядом на крыльце. Ветер задул с утроенной силой, забился о железные балки козырька, плача, как ребёнок. Ведьма Настя терпеливо приготовилась ждать.

Вдруг она увидела, как свет упал на уснувший под окном куст роз. Дверь отворилась, и молодая женщина, с ниспадающими на плечи русыми волосами, закутанная в шаль с оляпистыми сиреневыми цветами, приветливо заговорила:

– Добрый вечер, уважаемая Госпожа. Мне показалось, что вы звали на помощь?

– Да, моя дорогая. Могу ли я попросить приюта на эту ужасную ночь? Я хотела бы починить метлу.

– Да, заходите, пожалуйста, не стесняйтесь.

После сытного ужина ведьма Настя почувствовала лёгкость в теле. Её заиндевелые от холода конечности обрели свою гибкость и она, наконец-то, занялась своей метлой. Она вынула из сумки моток железной проволоки и странное приспособле-

ние на моторе, загрузила проволоку в картер аппарата слева, нажала на кнопку справа. Щупальцы машины принялись молоть воздух пока старуха не сунула им метлу. Они моментально схватили её и взялись сразу же за своё дело. Починка закончилась за десять минут.

Хозяева дома, ошеломлённые, наблюдали за происходяшим, не проронив ни слова. Через некоторое время супруг, пожав своми широкими плечами, выпрямился во весь свой высокий рост, до самого потолка, и решился спросить :

– Простите, дорогая гостья, а что это за странный механизм? Я сам инженер, но никогда не видел такой умной машины.

– Это робот, – ответила ведьма Настя. Но он не работает при минусовой температуре. Поэтому-то мне и нужно было найти тёплое помещение, чтобы починить своё средство передвижения.

Мужчина и женщина обменялись многозначительным взглядом.

– Я, знаете ли, ведьма. И теперь смогу спокойно добраться до дому.

Вдруг послышался плач в соседней комнате на втором этаже.

– У вас есть дети? Замечательно! Разрешите перед уходом отблагодарить вас за гостеприимство.

Молодая хозяйка встала и направилась наверх. Старуха пошла за ней, волоча за собой метлу.

Когда женщины оказались перед колыбелью, младенцы притихли. Хозяйка дома посмотрела на ведьму Настю и с гордостью произнесла:

– Это наши сокровища, наши двойняшки – Наташа и Даша.

– Да, это просто настоящие жемчужины. Обе талантливы. Чтобы Божий дар сделал их счастливыми, я подарю им желание нести его людям. Говоря это, она дотронулась до лба Наташи рукояткой метлы. Ведьма Настя затаила дыхание, брови её сдвинулись, собрав над собой морщины, смех детей вывел её из оцепенения. Она пошарила по прутьям своими худыми пальцами, осталась довольна и, попрощавшись с хозяевами, вышла на крыльцо. Там она оседлала своё «средсво передвижения» и взлетела, набирая высоту постепенно, чтобы не утруждать отремонтированную метлу.

Время шло. Девочки подрастали. Довольно быстро проявилась разница в их нравах. Наташа покоряла людей своей общительностью и весёлостью. Она любила петь для других, охотно показывала свои рисунки, читала стихи на званых обедах. Даша предпочитала прятать свои рукоделия, она отказывалась петь перед гостями несмотря на своё гибкое, приятное сопрано. В отличие от сестры, она обладала сдержанным темпераментом и отличалась мнительностью, жалуясь на головные боли и ночные кошмары.

После школы Наталья решила покинуть родной дом, чтобы попробовать жить самостоятельно:

– Я хочу найти своё счастье, – шутила она, и на губах у неё играла улыбка.

Чтобы сделать так же, как и сестра, Дарья тоже отправилась за счастьем, но на противоположный конец области, на восток. Находясь в замешательстве после принятого решения, она уехала, не попрощавшись, чем вызвала озабоченность родителей.

Через два года родители девушек отправились в путешествие, чтобы повидаться со своими детьми. Волнуясь больше за Дарью, они едут сначала на восток.

Подъехав к назначенному месту, они увидели перед собой полузаброшенный дом. Дверь, еле державшаяся на петлях, поскрипывала при каждом порыве ветра; окна находились в таком же плачевном состоянии. Мама дёрнула ручку двери на себя. В комнате, погружённой в полумрак из-за полуоткрытых ставней, сидела на корточках Дарья. Перед ней на полу лежали разорванные в клочья рисунки. Несмотря на послеобеденный час, она была всё ещё в утренней пижаме. Девушка

встала. На её бледном лице, обрамлённом взъерошенными волосами, горели воспалённые глаза.

– Господи, милая моя дочка! Подойди ко мне скорее, я тебя поцелую, чадо моё.

Дарью сразу же расчесали, приодели и посадили в машину. Единодушно было решено не оставаться больше ни минуты в этом нехорошем, нездоровом месте. Все втроём отправились за Натальей. Мама рисовала в своём воображении самые страшные картины. Она заставляла папу гнать машину, что есть мочи.

Наконец, они приехали в аккуратную, ухоженную деревню. Перед каждым двором росли благоухающие цветы.

– Как, должно быть, приятно жить здесь, – с облегчением подумала мама.

Они подъехали к широкой площади, где происходило какое-то празднество. Огромная сцена была сооружена прямо перед мэрией. Люди стояли на площади со счастливыми лицами, на глазах у них блестели слёзы. На сцене Наталья читала стихи. Всё её существо так и дышало поэзией. Ей не нужно было жестикулировать. Публика угадывала в её манере выражаться любовь, жалость ко всем и, наконец, сострадание. Одна из женщин в первом ряду зарыдала. Мужчина прокричал « Браво!» и зааплодировал. Волна аплодисментов прокатилась через всю площадь.

Наталья увидела родителей с сестрой и подбежала к ним. Щёки её горели от радости, весёлые искорки дрожали в глазах. Бородатый господин с лентой через грудь тут же подошёл к ним:

– Добрый день, господа Казаковы, вы приехали, чтобы забрать у нас вашу Наталью ?

Дарья пошатнулась, смущённая услышанными словами. Она испугано взглянула на сестру. Мама улыбнулась и вопросительно посмотрела на мэра.

– Мы тебя никому не отдадим, не так ли, Наташа ?

Наталья раскатисто рассмеялась, запрокинув голову.

– Дорогие Госпожа и Господин Казаковы, это, конечно, шутка, но я, действительно, хотел бы отблагодарить вас за вашу дочь. Наталья — наша гордость. Вы слышали, как она читала стихи? Ваша дочь неустанно радует нас своими талантами. Я благодарю вас от имени всей деревни. Во всяком случае, если ей захочется вернуться домой, мы её, конечно, отпустим, но с превеликим сожалением. Зайдите к нам на чай, отдохните после дороги. Побеседуем. Моя супруга будет рада вас видеть.

Обе девушки пошли следом. Наташа обернулась, поискала глазами сестру. Дарья смотрела на неё с восхищением..

– Иди сюда, – сказала Наталья. – Давай не разлучаться больше никогда. Я по тебе соскучилась, сестрёнка.

– Я тоже.

– Я хочу, чтобы ты, Даша, всегда была счастлива.

Они протянули друг другу руки, и звонкий смех, словно тысячи колокольчиков, заполнил пространство вокруг, как и тогда, в ту морозную ночь, когда у их колыбели перед ними явилась ведьма Настя со своей удитвительной, волшебной метлой.

ZLATA FAUSSEMAGNE

LE CONTE DE MA GRAND-MERE

La sorcière Nastia marchait dans les rues étroites de Malinogorsk en fixant les auréoles des fenêtres se détachant dans le noir opaque tantôt à sa droite, tantôt à sa gauche. Sa

lourde jupe plissée ramassait dans les plis la neige tombante. La vieille traînait derrière elle un balai dégarni, aussi ancien qu'elle. Sa charge claquant à chacun de ses pas hésitants ou couinait comme un chien à chaque mouvement brusque. La sorcière stoppait alors sa progression, ramenait le balai vers elle pour le toucher comme pour lui donner une caresse et continuait son chemin avec une délicatesse accrue.

Le vent glacial transportait des milliards de flocons qui se coinçaient dans sa chevelure rousse, colorée grossièrement au henné, lui entrant dans le nez et les yeux. Elle cherchait en vain à gober les cristaux volants. Elle finit par se plier en deux, attrapa avec sa main noueuse un peu de neige, en fit une boule et l'enfourna dans la bouche d'un geste malhabile : la neige fondit sur son visage où le maquillage coulant avait depuis longtemps révélé ses rides et les ronds grisâtres de ses cernes.

Sans s'arrêter devant les maisons éclairées, elle marqua délibérément l'arrêt près de la silhouette sombre d'une battisse à deux étages. Elle resta longtemps à contempler les alentours, franchit avec beaucoup de difficulté le jardin qui séparait l'habitation de la rue, déplaçant toujours son balai avec le même amour ; elle le posa enfin à terre, et s'assit à côté, sur le perron. Le vent y retrouva une vitalité quintuplée, en se battant contre les vitres de l'auvent en fer forgé, en hurlant comme un bébé. La sorcière Nastia attendit patiemment.

Tout d' un coup elle vit la lumière éclairer le rosier endormi sous la fenêtre. Enfin la porte s'ouvrit sur une jeune femme aux cheveux blonds tombant en cascades sur ses épaules, enveloppée dans un châle aux grandes fleurs mauves. Elle l'aborda avec amabilité :

– Bonjour, chère Madame, je vous ai entendu appeler au secours, il me semble ?

– Oui, chère enfant. Puis-je vous demander l'abri pour cette nuit qui est fort rude ? Mon balai a besoin d'être réparé.

– Mais entrez donc, je vous en prie.

Le repas copieux rassasia aussitôt la sorcière, ses membres endoloris par le froid retrouvèrent leur souplesse habituelle et elle put enfin s'occuper de son balai. Elle sortit de son sac une bobine de fil de fer et un étrange instrument à moteur. Elle chargea le fil de fer dans l'outil par l'intermédiaire d'un boîtier se trouvant à sa gauche, appuya sur un bouton à droite. Les pinces du mécanisme se mirent à tricoter l'air jusqu'à ce que la vielle dame leur présente le balai qu'ils saisirent immédiatement. La réparation fut terminée en dix minutes.

Les maîtres de la maison, ébahis, contemplaient la scène sans dire un mot. Enfin l'époux, haussa ses larges épaules, se redressa de toute sa grande taille jusqu'à toucher le plafond et osa poser la question :

– Mais quel est donc cet étrange mécanisme ? Moi-même ingénieur, je n'ai jamais vu une machine si intelligente.

– C'est un robot, dit Nastia la sorcière. Mais il ne fonctionne pas en dessous de zéro. C'est pourquoi j'avais besoin d'être au chaud pour réparer mon moyen de transport.

L'homme et la jeune femme échangèrent un regard significatif.

– Je suis sorcière. Je pourrai maintenant rentrer chez moi en toute tranquillité.

Des pleurs d'enfants en provenance d'une des chambres d'en-haut parvinrent jusqu'à eux.

– Ah, vous avez des enfants ? Avant de partir j'aimerais vous remercier pour votre gentillesse.

La jeune femme se leva pour monter à l'étage. La sorcière la suivit en emportant son balai.

Lorsque les deux femmes se trouvèrent devant le berceau, les bébés se calmèrent. La maîtresse de maison regarda la sorcière Nastia avec fierté :

– Ce sont mes deux bijoux, deux petites filles, Natacha et Dacha.

– Oui, ce sont de véritables merveilles, je confirme. A toutes les deux Dieu a déjà donné du talent. Pour que ce don brille vraiment, je vais offrir à chacune d'elle le désir d'aller vers les autres afin que leur don leur apporte du bonheur. Ce disant elle toucha le front des fillettes avec le manche de son balai. Ce dernier couina légèrement si bien que la sorcière marqua une pause, ses sourcils se rejoignirent un instant sur son front plissé, mais le rire des enfants la sortit de sa torpeur. Elle toucha de ses doigts maigres son balai, sembla satisfaite et après avoir salué le couple, quitta la maison. Sur le seuil elle enfourcha son engin et décolla tout doucement en prenant de la vitesse par palier, ménageant son balai recousu par le fil de fer.

Les fillettes grandirent. Mais très vite les différences de leurs caractères se manifestèrent. Natalia était sociable et gaie. Elle aimait chanter devant tout le monde, montrait volontiers ses dessins, récitait des poèmes pendant les rassemblements de famille. En revanche Daria se distinguait par un tempérament plutôt réservé. Elle préférait s'éloigner pour dessiner, refusait de chanter en public malgré sa voix claire et forte. Contrairement à sa sœur épanouie, Daria était taciturne, se plaignait souvent de maux de tête et de ventre.

Après leur bac, Natalia décida de quitter la maison natale pour tenter sa vie ailleurs :

– Je veux trouver mon bonheur, plaisantait-elle en riant.

Pour imiter sa sœur, Daria décida de faire la même chose en partant à l'autre bout de la région, à l'est. Elle partit sans rien dire comme tout ce qu'elle faisait, provoquant l'inquiétude de ses parents.

Au bout de deux ans, la maman et le papa des deux jeunes filles entreprirent un long voyage pendant leurs vacances pour revoir leur progéniture. Préoccupés par la santé de Daria, ils se dirigèrent d'abord à l'est.

A leur arrivée, ils furent stupéfaits de découvrir une maison pratiquement abandonnée. La porte d'entrée avait glissé de ses gonds, les fenêtres demeuraient dans le même état de désolation. Inquiète, la maman poussa le battant. Dans la pièce plongée dans la semi-obscurité des volets mi-clos, Daria se tenait accroupie devant ses dessins déchirés gisant par terre. Malgré les deux heures de l'après-midi, elle portait encore son pyjama. Elle se redressa, les yeux égarés, les cheveux ébouriffés.

– Oh, ma chérie, viens ici, viens, je vais t'embrasser, oh, mon amour d'enfant.

Daria fut immédiatement peignée, habillée et mise dans la voiture. Il n'était plus question de continuer à vivre dans cet endroit insalubre. Tout le monde se mit en route pour chercher Natalia. La maman s'imaginait les pires images. Il fallait que le papa roule à toute allure.

Ils arrivèrent dans un village très calme et propre. Devant chaque maison il y avait des massifs de fleurs.

– Cela doit être un vrai plaisir de vivre ici, pensa avec soulagement la maman.

Ils débouchèrent sur une grande place où une fête avait été organisée. Une énorme estrade avait été montée devant la mairie. Les gens se tenaient debout, les visages radieux, certains avaient des larmes aux yeux. Sur scène ils virent Natalia. Elle récitait un poème. Son corps entier n'était qu'émotion. Elle n'avait pas besoin de gesticuler. Par son être elle sut exprimer d'abord l'amour, ensuite la haine et enfin la compassion. Une femme au premier rang éclata en sanglot. Un homme cria « bravo » et applaudit. Une avalanche d'applaudissements roula à travers toute la place.

Natalia vit ses parents et sa sœur et s'approcha. Ses joues rougirent de joie, une étincelle de satisfaction illuminait son regard. Un homme barbu avec un ruban à travers sa large poitrine accouru aussitôt :

– Bonjour chers Madame, Mademoiselle, Monsieur, est-ce que vous venez nous reprendre notre Natalia, par hasard ?

Daria recula d'un pas, effrayée par la gaîté ambiante. Elle posa un œil craintif sur sa sœur. La maman sourit et regarda interrogativement leur interlocuteur.

– Nous ne vous laisserons jamais la reprendre, pas vrai, Nat ?

– Vous avez raison, Monsieur Golovanov, je ne laisserai jamais personne me séparer de vous tous. Natalia rit aux éclats en renversant la tête en arrière.

– Oh, je plaisante, bien évidemment, chers Monsieur et Madame Kazakov, mais j'aimerais vous remercier pour votre fille. C'est notre perle à nous. Natalia vient de lire son poème. Elle n'arrête pas de nous réjouir par son talent. J'aimerais vous remercier de la part de tout le village. Après tout, s'il faut qu'elle reparte chez elle, cela sera avec un très grand regret que nous serons obligés de l'accepter. Venez prendre le thé après votre voyage, nous reparlerons de tout cela en compagnie de mon épouse.

Les deux jeunes filles emboîtèrent le pas du Maire. Natalia tourna la tête vers sa sœur. Daria la regarda, émerveillée.

– Viens, fit Natalia. Dorénavant, restons ensemble. Tu me manquais, ma petite sœur, tu ne peux pas savoir comment.

– Si, je sais, autant tu me manquais toi-aussi.

– Je veux que tu sois heureuse, tout comme moi.

Elles tendirent les mains l'une vers l'autre et le rire carillonnant remplit l'air comme pendant cette nuit enneigée, dans leur berceau, face à la sorcière Nastia avec son balai magique, recousu à la va-vite par le fil de fer.

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА, г.Кирхшлаг, Австрия

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Уже не в первый раз я посылаю своё эссэ в журнал «Русское поле», но в первый раз пишу специально для него. И не могу удержаться, чтобы не начать повествование с нескольких комплиментов в адрес этого журнала.

«Русское поле» – какое простое, бесхитростное, почти домашнее, и в то же время такое ёмкое, такое родное, такое лиричное, такое многогранное не столько название, сколько понятие, рождающее перед глазами и в сердце картины милой русской природы с её бескрайними просторами, лугами, перелесками, холмами, оврагами, реками, озёрами. И особенно вся эта простая, понятная, но такая сказочная красота чувствуется в окрестностях города Орла, на Орловщине, взрастившей, воспитавшей и вдохновившей так много поколений писателей, поэтов, художников, романтиков, патриотов, воспевших и прославивших её на века и хранящих ей нежную любовь и верность, в какую бы точку земли ни занесла их судьба.

Уже более 25 лет эта судьба водит меня по Европе. В первой половине 90-х годов это были связанные с работой, порой многомесячные, поездки по Германии, Италии, Швейцарии, Испании, Голландии. Со второй половины 90-х и до недавнего времени Голландия стала почти на 20 лет моим постоянным пристанищем. Я изучила язык, получила гражданство. Но, несмотря ни на что, эта маленькая страна мельниц, сыра и тюльпанов домом моим не стала. Её суровый климат, жёсткий угрюмый характер её жителей, отсутствие лесов и плоские однообразные ландшафты были чужды моему сердцу. Эта страна подарила миру многих гениальных художников, таких, как Рембрандт, Рубенс, Ван Гог, Ван Дейк и другие, но мои поиски подобных им по величине и значению мастеров слова, таких, как

наши Лев Толстой, Александр Пушкин, Иван Тургенев, Антон Чехов, Александр Куприн, Иван Бунин, оказались тщетными. Мои многолетние земляки постоянно удивляли и разочаровывали меня то совершенным отсутствием патриотических чувств к своей стране и её культуре, то ограниченностью фантазии, то презрением к романтике и неспособностью к мечтам.

Доминирующая практичность, приземлённость, сухая резкость и некая окаменелость или оледенелость голландцев постоянно давали мне ощущение одиночества и отчуждения в течение всех лет, проведённых в Голландии. Неудивительно, что меня снова и снова так сильно тянуло в мою родную матушку Русь, где я проводила по 5-6 месяцев в году. Как точно сказал Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии»! И как же много русских, оказавшихся за границами Родины, рано или поздно находили и ощущали подтверждение этим словам...

Также было и со мной. Причём тянуло меня не только в мою милую сердцу Москву, где я родилась и прожила почти половину своей жизни, но и в места моих предков, в окрестности Орла – Малоархангельск, Глазуновку, Культурные Посадки (или Глазуновский лесхоз), где жил и работал мой дедушка Зубарев Василий Фёдорович, и где я провела первые, пожалуй, самые счастливые годы моей жизни.

Первая поездка в эти края пять лет назад была похожа на авантюрное приключение. Ведь от предыдущего посещения её отделяло ни много ни мало, полвека! Множество вопросов роилось тогда в моей голове: узнаю ли я почти забытые места, найду ли людей, помнящих меня или моих родных, кто сейчас живёт в доме, построенном 55 лет назад моим дедушкой в центре Малоархангельска, сохранился ли наш служебный, окружённый вишнями дом в лесхозе, где прошло моё спокойное, мирное и безоблачное детство? И вообще, что принесёт мне это путешествие в прошлое, какие испытаю при этом чувства, эмоции, какое влияние оно окажет на мою теперешнюю жизнь, изменит ли её?

Но все мои опасения и сомнения, к счастью, оказались напрасными. Всё получилось так, как я задумала. Конечно никто меня не ждал на Орловщине с распростёртыми объятиями. Мне нужно было всё организовывать и находить самой – и поезд, и гостиницу в Орле, и электричку в Малоархангельск, и дедушкин дом там, и дорогу оттуда в Глазуновский лесхоз, где довольно трудно было отыскать остатки нашего прежнего жилища. Удалось мне встретиться и с одним-единственным оставшимся в живых старожилом тех далёких лет Александром Макаровым, жена которого, Галина, работала когда-то вместе с дедушкой в лесхозе, дружила с моей бабушкой, и сын которой, Коля, в свою очередь был почти с пелёнок моим закадычным дружком. Как я узнала, этот Коля, или теперь Николай Александрович Макаров, до сих пор живёт в Глазуновке, но встретиться с ним мне не удалось. Зато я познакомилась с его сестрой Таней, родившейся уже после моего отъезда в Москву. Она гостеприимно приняла меня в своём доме, угостила вкусными блинами и рассказала много интересного о людях, которых я когда-то знала. И в Малоархангельске мне не только удалось найти и сфотографировать построенный дедушкой дом, но и зайти в него, с разрешения живущей там сейчас Емелиной Натальи. Сердце моё громко стучало при этом, и в глазах стояли слёзы от нахлынувших на меня сильных чувств.

И вот после этой поездки у меня в голове зародилась идея – найти для Малоархангельска город-побратим в Европе. Пока я оставалась жить в Голландии, мне этого сделать не удавалось. Жила я там в довольно большом населённом пункте, городе-порте (кстати, самом крупном в Европе) – Роттердаме, население которого составляет 600 тысяч человек, что в 150 раз превышает численность населения Малоархангельска. Да и нужно было найти город, похожий на Малоархангельск

не только количеством жителей, но и с такой же уютной провинциальной атмосферой, окружённый такой же красивой природой. И вот судьба год назад привела меня именно в такой город, только на этот раз в Австрии. Город, о котором я раньше никогда не слышала. Находится он вдалеке от больших дорог, живут в нём примерно три тысячи жителей. Он так же, как и Малоархангельск, окружён лесами, полями, холмами, оврагами, и жизнь в нём течёт также мирно, спокойно и медленно. Называется он – Kirchschlag in der Buckligen Welt. Что переводится как Кирхшлаг в Горбатом Мире. А ещё эта местность называется – Земля 1000 холмов. Именно эти многочисленные холмы и дали городу такое немного сказочное название.

И вот почти с самого начала моей жизни в этом городе я поговорила с его мэром Йозефом Фрайлером и рассказала ему о своей идее и о маленьком русском городке Малоархангельске. И, к моему великому удивлению, он очень серьёзно отнёсся к моим словам и одобрил мою идею. Он поручил мне вступить в диалог с мэром Малоархангельска Александром Сергеевичем Труновым, что я и сделала.

С тех пор прошёл год. За это время мэры обменялись несколькими письмами. Прошлым летом я снова посетила Малоархангельск, но на этот раз с представителем города Кирхшлага Йозефом Вольнхофером, который был окружён там всеобщей заботой и вниманием и который, несмотря на довольно большое отличие в уровне жизни и быта по сравнению с его родным городом, был растроган и покорён его чистотой и уютом, но особенно русским гостеприимством в лице доброй феи Ольги – горничной единственной в городе гостиницы, семьи писателя Леонарда Золотарёва и его очаровательной жены Людмилы, а так же сердечным обаянием главы Малоархангельска Александра Сергеевича Трунова, прекрасно организовавшего все три дня пребывания гостя в городе.

Следующим летом должен состояться ответный визит господина Трунова в Австрию. А потом мы совместно будем искать пути сближения наших городов и укрепления дружбы между ними. Можно было бы начать с обмена выставками детских рисунков, гастрольными поездками творческих коллективов или просто с частной переписки их жителей. И при желании подобных идей и проектов может появиться немало.

В наше неспокойное время, когда людей так много разъединяет, очень важно с доверием и открытым сердцем протягивать друг другу руку дружбы, стараться лучше узнать и понять друг друга. Тогда и страхов в мире будет намного меньше, а их место займут любовь и взаимопонимание.

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ

Георгиевский крест

Низенький вёрткий водила через зеркало оглядел салон и осклабился, обнажая щербатые зубы:

– Ну вот, теперь можно ехать. Меня зовут Микола. На всякий случай, я к тёще еду. Она у меня на границе Харьковской и Донецкой областей живёт. А вы, братки, сами выкручивайтесь… если что.

– А что, проблемы могут быть? – высокий худощавый парень в импозантной заграничной куртке в очередной раз жадными губами припал к бутылке пива.

– А ты как думал?! – Микола лихо стартовал на своей видавшей виды грузопассажирской «Газели» и, пересекая сплошную, устремился в проулок от автостанции, где и укомплектовал своё авто случайными пассажирами.

Пассажиров было трое. Кроме молодого модного парня со следами бурно проведённой ночи на лице, устроившегося рядом с водителем, сзади расположились мужчина средних лет и почти старик, судя по нечёсаной бороде и помятой одежде долгое время скитавшийся вдали от дома.

– Тебя, кстати, как зовут? – Микола обратился к соседу с пивом, сочувственно улыбаясь. – Вчера, видать, здорово шарахнул?

– Я Валерий, – после затяжного глотка с трудом выдохнул парень. – Из московской газеты. Сначала хотел на Украину попасть через Хутор Михайловский, но нас, узнав, что мы – пресса, развернули. Хохлы получили установку нашего брата не жаловать. Пришлось всеми окольными путями пробираться. А я, как назло, отстал от поезда. Вот и посоветовали в вашем городишке выйти на частника…

– Да мы завсегда рады помочь, – Микола вёл микроавтобус уверенно, хотя особо не утруждал себя объездом ухабов и ямок. – Всю жизнь тут курсируем. Работы ведь нет путёвой, вот до недавнего времени и перевозили торговок то в Россию, то в Хохляндию. Вроде ничего не делили, всем хорошо было. И вот – на тебе! Войну затеяли…

– А ты не боишься ездить, там же стреляют? – корреспондент прикончил бутылку и теперь блаженствовал, откинув голову и прикрыв глаза.

– А чего мне бояться?! Опять же, какой-никакой, а заработок. Вот вам же надо туда… Да и я заодно кое-каких харчишек свезу, люди-то там голодают…

– Торгуешь, значит? – подал голос старик. – Кому война, а кому мать родна…

– Ты чего это? – всполошился Микола. – Сам-то зачем едешь, если война?

– У меня с ними свои счёты, – сверкнул глазами старик. – Ты сам-то русский или украинец?

– Да я в политику никогда не лез, – вдруг стушевался водила, чересчур суровый и уверенный голос старика придавил его хозяйскую самоуверенность. – Как вас там звать-величать?

– Егорычем кличут. У меня на Донбассе дед в Отечественную погиб. Отец туда переселился, чтобы, значит, память не пропала, на шахту пошёл вкалывать. И я так воспитан, чтобы старшее поколение героев чтить. Оттого и в военное училище поступил, укатил на Дальний Восток. Там и осел, женившись. А потом из армии попёрли, когда страну развалили… – старик шумно выдохнул, узловатыми пальцами начал усиленно растирать шею:

– Курить-то у тебя можно?

– Да мне-то что, – пожал плечами Микола, – дыми на здоровье… Значит, могилу деда решил посетить?

– Теперь и отца. Он в ополчение ушёл, когда вся эта мразь припёрлась на нашу землю. Они его истязали, увидев георгиевскую ленточку, заставляли отречься от всего… Я своим детям после этого в глаза смотреть не могу.

– Отомстить, стало быть, хочешь, – водитель вновь осмелел, охотно передал старику зажигалку, – а пороху хватит?

– Ты чего это, – вскипел Егорыч, – мне, советскому офицеру про порох…

– Да это я так, – заюлил Микола. – Смотрю на твой возраст…

– Не боись, я ещё в форме, смогу ребяткам помочь.

– Я слышал, что у ополченцев почти нет опыта ведения боевых действий, – подал голос Валерий, – только за счёт легионеров и выезжают.

– Опыт – дело наживное, – жадно затянувшись сигаретным дымом, хмыкнул Егорыч. – Я вот только не пойму, почему пресса стесняется рассказывать, что на помощь Донбассу пришли добровольцы из многих мест и даже стран. Американцам стало быть можно вмешиваться в чужие дела, а нам – нет? Дудки! Это наша земля, наши люди… Ты, пресса, первый раз едешь?

– Первый, – Валерий внимательнее пригляделся к старику; тот сделал неловкое движение и под расстёгнутым плащом, на пиджаке, блеснула медаль. – А вы, наверное, не первый… Награда за что?

– Эх, сынок, разве в этом дело? Не на парад ведь собрался. А чтобы эти гады видели, на кого они руку подняли…

Корреспондент, видимо, полностью восстановился после пивотерапии и настроился на рабочий лад:

– Вы думаете, война будет?

– А ты разве не видишь, что она гремит вовсю.

– Но ведь гражданская война – это же ужасно. Будет много жертв, а главное – родственные души могут навсегда стать врагами.

– Ты сам-то куда думаешь двинуть?

– Мои коллеги пробираются в Славянск, там интересные события развиваются, мэр такой интересный…

– Ну-ну… А крови не боишься?

– Пока не задумывался. Но давайте о вас поговорим. Вам не страшно убивать?

– Эх, сынок, плохо ты историю изучал. В мире только сильного боятся. А будем сюсюкаться, нас враз сомнут. И здесь выбора нет: или мы их, или они нас.

– Но вы же вмешиваетесь в чужой конфликт…

– Какой чужой?! Мои предки потом и кровью поливали эту землю. Я там родился. Кто защитит женщин и детей? Этим тварям без разницы, кто там живёт: русские, украинцы… И потом надо не только разогнать всю эту бандеровскую шваль, надо американцам показать, кто в доме хозяин. А то они дождутся, мы соберёмся и двинем через Аляску…

– Тихо, мужики, – вмешался водитель. – Границу переезжаем. Значит так. Вы со мной едете тёще сарайчик поправить. Едем в Константиновку. У меня есть паспорт с пропиской, ясно? А вы типа шабашники. Ты, пресса, не думай заикаться о своей профессии. Если встретим силовиков, они этого не любят…

Все замолчали и стали напряжённо вглядываться в мелькавший за окном пейзаж. Судя по усилившейся тряске, Микола выбрал не совсем легальный путь через кордон, торопливо и нервно вёл свой микроавтобус лесными и болотистыми тропами, где и охотники, наверное, появляются редко.

– Первый проскочили, – неожиданно заулыбался водитель. – Дальше нейтралка, авось и не встретим никого.

Остаток дороги ехали молча. Напряжение буквально всасывалось в салон, давило на виски.

Несколько раз почудилось, что где-то гремят взрывы. Налетел ветер, заморосило.

– Отлично, в непогоду проблем не будет, – прокомментировал Микола. – Я, мужики, если что, через неделю подамся обратно. Коли будет нужда, могу подвезти.

– Опять за сто баксов? – съязвил Валерий.

– А что! Я же рискую, вон, на прошлой неделе мой сосед попал в заварушку, машину подожгли…

– Да за твою «Антилопу Гну» и ста долларов много, – повеселел корреспондент. – Ладно, я успею собрать материал. Всё равно надо будет выбираться, так что адресок оставь, вместе поедем обратно.

– А ты, Егорыч, куда двинешь? Ёшь-ты… – Микола выругался, не заметив яму, которая едва не опрокинула его авто.

– Я возвращаться не буду. Пока не победим.

– У вас колоритная внешность, – корреспондент опять пристал к старику. – Наверняка вам роту дадут. Может, я сфоткаю вас, когда приедем? На память.

– Вот чего нет у меня, так это приличной фотографии, – улыбнулся Егорыч. – Что ж, сними.

Добравшись до места, не сразу простились. Погода испортилась, резко потемнело. Но Валерий всё же умудрился сделать снимок, уговорив Егорыча распахнуть плащ.

И все обомлели, увидев на его груди Георгиевский крест.

– Это память деда, – пресекая ненужные расспросы, сказал Егорыч. – Вот за что я воюю, сынок. И вы запомните, что есть на свете святые вещи, которые никак предавать и забывать нельзя. Иначе жить – бессмысленно.

Напоследок постояли молча, покурили. Егорыч первым растворился в сгущающихся сумерках, уверенно направился в сторону шоссе, где вдалеке смутно прорисовывался блок-пост. Отказался гостевать у миколиной тёщи и Валерий. Он с кем-то переговорил по телефону и также поспешил ловить попутку.

Микола, перед тем как зайти в дом, воровато огляделся и, пересчитав свой автогонорар, засунул мятые купюры в дальний карман куртки. Тёща уже выглянула на крыльцо, включила свет, встречая гостя.

Это была последняя мирная ночь в их посёлке.

Неделю спустя, как и договаривались, Валерий прибыл, его провожали ополченцы на раздолбанном БТРе. Микола своим глазам не поверил. Всё это время он тщательно хоронил свой микроавтобус от возможных осколков, так как на ближайшем шоссе стало неспокойно. Силовики стали применять тяжёлую артиллерию, ведя беспорядочную стрельбу, в том числе и по гражданским объектам.

Увидев Валерия живым и невредимым, Микола явно обрадовался, кинулся обниматься:

– Ты смотри, уцелел! Ну, я тебе скажу, началась заварушка. Тёщу с собой забираем, она совсем сон потеряла. Вон, видишь, через три двора, воронку. Девчонку шальной миной накрыло. Ужас что творится?... Ну, а ты как? Был на передке?

Валерий выглядел серьёзным и несколько подавленным. Спросил:

– Когда поедем? Мне срочно надо материал в Россию переправить.

– Давай перекусим, пока затишье. И двинем.

Они зашли в хату, где заплаканная женщина судорожно упаковывала какие-то вещи. Микола что-то тихо сказал ей по-украински, она попыталась улыбнуться, заторопилась накрывать на стол.

– Выпьешь? – Миколе не нравилось мертвенно-бледное, закаменелое выражение лица корреспондента.

Валерий тяжело опустился на лавку, распахнул ворот куртки:

– Давай.

Стакан самогона он выпил не спеша, без эмоций, словно компот. Даже не закусил. Перевёл вмиг замутневший взгляд на Миколу:

– Ты знаешь, что там творится?! Прав был Егорыч – это ужас!

– А ты его, кстати, не встречал на передовой?

– Нас туда не пускали. Но я насмотрелся на убитых и раненых. Ты представляешь – их сотни! Трупы, трупы, трупы. Ополченцы, женщины, старики…

Одна девочка умерла у меня на руках, когда я зашёл сделать снимки в больницу. Эти сволочи начали стрелять, хотя видели, что здесь медики.

– Не приведи Господи! – Микола неумело перекрестился, скулы заходили ходуном. – Неужели там так жутко?

– Я думаю, что украинские силовики скоро будут здесь. Сил у ополченцев пока маловато. Но бьются ребята геройски. Я никогда не думал, что можно так Родину защищать. Себя не жалея.

Валерий тряхнул головой, слёзы брызнули в разные стороны:

– Налей ещё, Микола. Помянем ребят.

Тот не заставил себя ждать, только жалобно прошептал: «Эх, мне нельзя, всё же за рулём…»

Валерий подошёл к своей грязной потёртой сумке, рывком расстегнул её и что-то нащупал рукой на дне. Руку, сжатую в кулак, поднёс к столу, долго не мог разомкнуть пальцы. Губы его задрожали.

– Что там, граната? – испугался Микола и попятился к выходу.

Валерий разжал пальцы. На ладони лежал Георгиевский крест.

– Неужели? – Микола застыл в недоумении, не в силах сделать шаг к столу.

– В госпитале. Вчера. – Валерий порылся в кармане, вытащил смятую бумажку. – Вот, врач адрес написал. А Егорыч меня не узнал, так и ушёл, не приходя в сознание.

Теперь вот отпишу детям, передам прадедов орден.

– Как же это случилось?

– Говорят, бандеровцы налетели ночью, перебили блок-пост. Егорыч вдвоём с каким-то солдатиком полчаса держали оборону. Когда наши подоспели, он был весь изрешечён пулями. Но автомата из рук не выпустил... Ребята все называли его Батей, многих пацанов уберёг от смерти. А сам вот…

И уже не стесняясь Миколы и его тёщи, Валерий беззвучно зарыдал.

Когда микроавтобус переехал на российскую территорию, Валерий достал из кармана двести долларов:

– Возьми, Микола. За меня и Егорыча. Он же с нами…

– Что ты, не возьму, – замахал руками водитель. – Тебе же ещё до Москвы добираться.

– Я доберусь, ты не беспокойся. А деньги всё же возьми. Так дольше будешь нас помнить.

И не прощаясь, корреспондент резко удалился.

Впереди его ждала мирная жизнь.

Позади – война.

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО

НОЧНОЙ ДУЭТ

В Заречье, где я жил в юности со своими родителями, не было школы. Окончив Валуецкую восьмилетку, захотел учиться дальше. Желающих в этот год из посёлка было только двое, это я и мой сосед Шурик.

Находилась средняя школа в двадцати километрах от нашего дома. Прямой и хорошей дороги от Заречья до Баклани и сегодня нет, а тогда и тем более. Чтобы не опаздывать на уроки, отец определил меня на квартиру, но в конце каждой недели я старался попасть домой.

Зимой становился на лыжи, после весенней распутицы, как только просыхали тропинки, садился на велосипед, а чаще пешком, пересекая овраги и срезая объезды, огибавшие посёлки и деревни, напрямик, по полям, спешил к родному порогу. Хуже было ранней весной, когда реки, болота, озерца, выйдя из берегов, преграждали и без того неблизкий путь. Дорогу ухудшала и осень с её холодными колючими ветрами, особенно в преддверии зимы, когда ещё не было снега, а встречный ветер, вперемешку с ледяным дождём, обжигал кожу лица и пронизывал до костей сквозь скромную одежонку. От промозглой погоды руки коченели и долго не отогревались даже на тёплой печи. Осенние дни были коротки, рано наступали сумерки, а если к ним добавлялось нависшее над землёй мрачное, нахмурившееся тучами небо, то мой путь удлинялся по времени в разы. С наступлением зимы было ещё хуже.

Не могу сказать, по каким причинам, да это теперь и не столь важно, мне частенько приходилось одному возвращаться домой из школы перед выходными днями. Я этого не страшился, преодолевая расстояния в предвкушении тепла родного дома и вкусной еды, приготовленной мамой. В один из таких дней, глубокой зимой, меня по дороге подстерёг волк. Встреча с ним для деревенского парня, выросшего рядом с лесом, знавшего повадки зверей и птиц, не была чем-то особенным, но она оставила след в моей памяти навсегда.

Однажды, перед выходными, я возвращался домой из Баклани без соседа. Шурик по каким-то причинам ушёл с уроков и был уже дома. Из-за затянувшихся занятий я вышел в ранние зимние сумерки, когда утихла во мраке надвигающейся ночи школа и безмолвствовала деревенская улица. Шум голосов, говор и смех прохожих давно потонули в снежных сугробах, мягко укутавших проулки, а морозный вечер серо-сиреневым инеем повсюду плотной дымкой повис над низинами. Чтобы хоть как-то сократить путь, решил я пройти через деревню Юрково и посёлок Полымя и тем самым уменьшить расстояние до дома примерно на три километра, что было совсем кстати перед наступлением густой темноты. Для выполнения задуманного, надо было перейти речку Судость. В летнее время все ходили через кладку, сделанную деревенскими жителями из деревянных досок и брёвен, а зимой – по льду.

Спуститься на лёд, укрывавший сонную речку, не составляло особого труда, ведь натоптанных тропинок от юрковских подворий к реке было множество. Бабы часто ходили к реке, чтобы в проруби набрать воды для питья и домашнего хозяйства, а то и пополоскать бельё, выбивая вальком дробь на морозном воздухе. На подходе к берегу увидел я, что после недавней оттепели на прошедшей неделе, лёд в некоторых местах истончился, а проруби, присыпанные снегом, в вечерней полумгле были плохо видны. Не рискуя провалиться, я пошёл в обход, где темнела кладка.

Выбравшись на основную дорогу и навёрстывая время, упущенное на переправе, я ускорил шаг, но разбитая санными полозьями колея, снежные заносы и перемёты на пути не очень-то позволяли ускориться. Ноги, обутые в валенки с галошами, скользили в рыхлом снегу. Чтобы обойти непроходимое крошево, иногда я шёл по обочине, где был твёрдый наст, но и он часто предательски с хрустом проваливался, заставляя меня вытаскивать из мёрзлого пролома то одну, то другую ногу, пока я опять не находил заснеженную твердь.

Часам к девяти вечера остались позади Юрково, Полымя, Берёзовка. Ранние вечерние сумерки сменились поздним зимним вечером, постепенно сваливающимся в глухую зимнюю ночь. На тёмном небосводе появилась заметная россыпь

холодных звёзд. В пушистых снегах тихо дремали деревья, золотая луна лениво всплывала из-за дальнего леса, маячившего у горизонта, и, не торопясь, карабкалась ввысь. Мутный свет от ночного светила слабо освещал едва заметную тропу среди зимнего бездорожья. Я не отчаивался, хотя и было не совсем приятно оставаться одному в чистом поле в такое позднее время. На ум приходили страшные истории, услышанные мной от местных жителей об их встречах с дикими животными.

Когда мы с Шуриком ходили вместе из школы, то часто вспоминали деревенские байки, которыми богат наш брянский край. Фантазировали с ним, что делать, если бы нам встретился волк, лось или даже медведь-шатун. Иногда становилось страшно от наших фантазий, особенно на дороге, где к ней плотной стеной подступал тёмный лес. Не выказывая страхов друг другу, мы начинали громко разговаривать, почти что кричать, зная из рассказов взрослых, что шум и громкие голоса отпугивают лесных зверей и они прячутся в чащобе. Исподволь примечали впереди себя одинокое дерево на тот случай, если нам придётся спасаться бегством и какое-то время пересидеть на нём, неважно, кто это нас напугает – собака или волк. Если были в карманах спички, то мы чиркали ими о спичечный коробок и бросали впереди себя, словно маленькие огоньки, которых наверняка, по нашим соображениям, испугался бы волк.

Но я шёл один по дороге, где не было никаких возможностей встретить запоздалую подводу, на которой можно было бы хоть немного подъехать. В кармане, подбитого ватином зимнего полупальто, лежал фонарь. Нащупав его, я вытащил этот фонарь и щёлкнул несколько раз кнопкой, пытаясь включить, чтобы в нужный момент ярким светом испугать зверя, посветив ему в глаза. Но, к сожалению, лампочка слабо осветила нить накала блеклым светом. Батарейка разрядилась, и от фонаря не было никакого толку. Вспомнил про свой пугач, сделанный наподобие пистолета из алюминиевой трубки и про перочинный нож, подаренный отцом, которые в этот раз почему-то я не взял с собой.

Перебирая путавшиеся мысли, я двигался дальше. Впереди простиралось ровное безликое поле, и если бы не отдельные кусты или завидневшийся зубчатый лес, то показалось бы, что небо и земля соединились тёмно-серой дымкой, перетекая сверху вниз или снизу вверх, а мой одинокий силуэт плыл по этому снежному бесконечному морю.

Лимонный рожок луны в морозной тишине повис над головой, ныряя из одного облака в другое, словно играя в прятки с ночной темнотой. Сухие стебли придорожной травы в свете месяца, распластавшись сероватыми тенями, лежали на снегу. Лунные блики, выливаясь через разрывы в облаках, подсвечивали ветки низкорослых, приютившихся у дороги деревьев, а на белом снегу они усиливались отсветом, помогая ориентироваться в пути. Перейдя центральную трассу Почеп – Погар, вышел я на укатанную санями дорогу, ведущую к моему посёлку. Оставалось пройти около километра. Заснеженное, безбрежное поле переливалось серебристыми искорками. Из-за туч вновь выплыл месяц, и снежинки на сугробах вспыхнули неоновым светом, подчёркивая холод зимнего вечера. Незаметно для меня всё вокруг стало призрачным и немного нереальным. Деревья, санная колея, близкие и дальние поля – они словно потеряли объём, становясь воздушными, витающими в колючем воздухе.

Уже пройдя более десятка километров, я заметно подустал. Ровная гладь полозьев под ногами неспешно тянулась по полю, увлекая меня к селению. Рыхля натруженными ногами укатанную дорогу, оставляя ямки от следов, я превращал снежный пласт в рассыпчатый пух, среди которого темнели потерянные с воза пучки соломы да сломанные ветром стебельки сухой травы. Щёки от зимнего

ветра горели, а телу под пальто было жарко. Невдалеке чернел стеной Гамалеевский лес. По полю змейками стала струиться чуть заметная позёмка. Наваждение от нереальности видений, а может, от приближения к дому, в плотной тишине окружавшей меня, неожиданно стало исчезать.

В какой-то момент я вдруг ощутил на себе чей-то пристальный холодный взгляд, а через мгновение услышал раздавшийся за спиной лёгкий хруст провалившегося снежного наста от чего непроизвольно вздрогнул и оглянулся… За спиной, чуть поодаль, метрах в сорока-пятидесяти, стоял матёрый волк. Даже при матовых бликах луны я разглядел его глаза, направленные на меня. Встретившись взглядом со мной, он потянул носом морозный воздух. На мгновение зловеще сверкнули зелёные огоньки его глаз и, словно затаившись, погасли. Под шапкой на лбу у меня проступила испарина. Руки отяжелели, по спине царапнуло холодом, а ноги стали ватными. Зная от взрослых, что нельзя зверю показывать испуг, делать резких движений и тем более бежать от него, превозмогая страх, не останавливаясь, пошёл к домам.

Впереди – посёлок, позади – волк. Затаив страх, дрожащими ногами я стал ускорять шаг, постоянно оглядываясь на зверя и стараясь не упускать его из виду. В руках, кроме сумки с учебниками, у меня ничего не было. Стал замечать, как только ускоряю шаг, волк переходит на лёгкий бег; я останавливаюсь, и волк останавливается, будто замирает. На белёсом снегу зверь выглядел огромным. Серая тень от его силуэта, растягиваясь тёмным пятном на снежной равнине, добавляла ему величия и могучести. Когда, выбиваясь из сил, я начинал замедлять шаг, волк, опустив длинный, пушистый хвост, наклонял вниз огромную голову с торчащими ушами, морщил нос, медленно подгибал переднюю лапу и, скалясь, вглядывался в меня, явно готовясь к нападению. Его вздыбленная на холке шерсть, насторожённая поза и магический взгляд внушали ужас.

Я понял окончательно, что он идёт за мной, как охотник за зверем. Его уверенная поступь навела на мысль о том, что волк знал наш посёлок. Возможно, это был самец, оставшийся без подруги, незадолго до этого, местные мужики убили её в лесу, сделав засаду у приготовленной приманки, стараясь оградить домашний скот от нападения этих зверей. После того, как застрелили волчицу, резня скота прекратилась. Самец, или того хуже вожак стаи, очевидно, затаив злобу на весь людской род, решил отомстить человеку, и первой жертвой на его пути оказался, видимо, я.

Ближе к посёлку, где заканчивалась снежная равнина и виднелся край поля, хищник стал заходить с той стороны, куда мне надо было поворачивать. В голове пронеслось, что волк хочет окончательно «отрезать» меня от селения и прижать ближе к чащобе или к берёзовой роще, что укрывала собой деревенский погост. Места – одно хуже другого. Деревня уже спала. Только со стороны леса доносился тихий гул обнажённых ветвей. Расстояние между мной и зверем сократилось метров до тридцати. Стал уже чётко виден его леденящий взгляд. Стук моего сердца в груди, наверное, слышен был даже волку, который давно предвкушал свою кровавую победу. Необъятная тишина с угрюмым снеговьём вокруг лишали меня мыслей повседневной цепкости к жизни. С нахмурившегося неба, на разгорячённое ходьбой лицо, медленно падали снежинки и незримо таяли, стекая горячими ручейками по щекам. Тусклая луна, скрывшись за облаками, усиливала вселенскую беду, нависшую надо мной.

Развязка неумолимо приближалась… Задыхаясь от быстрой ходьбы, спотыкаясь о неровные снежные наносы, я почти бежал к ближайшим подворьям, надеясь хоть там найти спасение от преследовавшего меня зверя и остановить непрерывную череду роковых минут. Уже были видны зияющие темнотой под

нахлобученными крышами дворы, засыпанные порошей, скрывавшие малую суету семейного мира.

Вдруг, как мне казалось, прямо перед решающим прыжком волка, где-то в деревне, у ближних домов, злобно, с хрипом залаяла собака. Возможно, почуяв запах зверя, она, надрываясь, завизжала, как будто пыталась сорвать ошейник. Глухо брякнула тяжёлая щеколда, ударившись о промёрзшую дверь, и на шум, поднявшийся от лая собаки, возможно, во двор дома вышел хозяин. Волк на минуту замешкался, потянув шумно носом. Воспользовавшись этой паузой, я со всех ног кинулся бежать к ближайшему дому…

Сейчас я даже и не вспомню, как за несколько секунд, которые тогда показались вечностью, оказался у калитки крайнего дома. Судорожно вцепившись в ручку двери, я не мог даже закричать, чтобы позвать на помощь. В голове шумела кровь, а сердце гулко колотилось, горячим комком подступая к горлу. Наступило даже лёгкое оцепенение, сковавшее всё тело, пока я стоял у хлипкой калитки палисада. Чуть погодя, я тихонько выдохнул и заставил себя оглянуться. Дрожащая тишина окутывала улицу. Кругом ни души. Только снег под галошами моих валенок жалобно скрипнул, когда я поворачивался, осматривая улицу. Сняв шапку и прижав её к груди, на несколько мгновений, я затаил дыхание, почти перестав дышать, стал вслушиваться в тишину, стараясь убедиться, что она не обманчива. Волк, преследовавший меня, не рискнул войти в деревню, но всё же находился где-то рядом, отчего всё ещё надрывалась лаем моя спасительница.

Вглядываясь до рези в глазах в ночную мглу, средь матовой белизны снега вокруг, через некоторое время понял, что нахожусь в безопасности и можно поспешить домой. Не торопясь, тревожно осматриваясь, вышел из калитки чужого дома, наскоро надев шапку, быстро зашагал по пустынной, спящей улице…

Родители ждали меня и встретили, как обычно. Про встречу с волком я не рассказал, побоявшись расспросов, а может быть, и упрёков в трусости.

Растянувшись на кровати во весь рост, я закрыл глаза. После домашнего ужина приятная усталость разлилась по моему телу, но пережитый ужас ещё давал о себе знать. Перед глазами возникала картина: преследовавший меня: волк, тёмный лес, кладбище… В голове проносилась мысль о страшной развязке, не загавкай собака… Вконец сон сморил меня и до утра не отпускал из своих грёз, давая возможность душе и телу отогреться и забыть этот страшный ночной дуэт…

Давно я не ходил ночью возле леса один, но, когда вдруг в глубоком сумраке неожиданно за спиной хрустнет ветка или послышится лёгкий треск просевшего снежного наста, мгновенно замираю, готовясь к неожиданной встрече с неизвестным, может, даже и с волком, которую не хотел бы повторить когда-либо вновь.

ГАЛИНА МАМЫКО, г. Симферополь, Крым

ТРУДНАЯ ИСПОВЕДЬ

Сегодня Антон загружен делами, поэтому уединился в своей комнате.

– Антон, а что ты там делаешь? – мама пытается заглянуть в детскую.

Бросившись к двери, Антон давит на неё руками и коленом, подпирает стулом. Громко говорит в крашеные доски двери:

– Мама, сюда нельзя. Идёт служба. Я – батюшка.

Подбегают другие дети. Шёпот, шорохи, мама что-то вполголоса объясняет. Дети колотят в дверь:

– Мы тоже хотим в батюшку играть!

– Нет! У меня всерьёз. А вы смеяться будете.

Слышны возня, хихиканье, спор, хныканье. Приближается стук бабушкиной палки.

Свистящий шёпот обещает новую игру. Радостный визг, прыжки, бабушкино кряхтенье (это означает, что кто-то повис на бабушкиной шее), чмоканья (это поцелуи в бабушкину щёчку) и басистые смешки (это бабушка). Топот ног и шарканье тапочек всё тише, и вот уже где-то на другой половине дома отдалённые взрывы детского хохота и повелительные возгласы взрослых. Возле комнаты Антона тишина. Он прислушивается, бросает строгий взгляд на дверь и возвращается к служебным обязанностям:

– Аминь.

На полу рассажены в рядок игрушки.

– Коля, твоя очередь.

Накидывает на куклу салфетку, слушает, крестится, бормочет:

– Ох-ох, стыдно! Как плохо ты себя вёл. Чтобы в последний раз такое было!

Поёт тоненьким голосом, обходя комнату и покачивая кадилом, связанным бабушкой из пряжи от дырявых носков :

– Господи, помилуй… Господи, помилуй….

На Антона с иконы смотрит Бог.

Антон крестится, встаёт на колени и, склонившись до пола, шепчет:

– Прости, я маму не слушался.

Приподнявшись, встречается с проницательным взглядом Господа, зажмуривается и, уткнувшись лбом в коленки, продолжает:

– Сделай так, чтобы я слушался маму. И чтобы мама не сердилась, когда я её не слушаюсь.

Перед сном, после маминой сказки и общих семейных молитв (когда мама обходит кроватки с вопросом о детских проблемах в течение дня), Антон говорит:

– Мне надо на исповедь.

– Что-то случилось?

– Да!

– А мне можешь сказать по секрету?

– Я ни разу не исповедывался. Это грех!

– На исповедь дети начинают ходить с семи лет. Вот когда тебе будет семь лет, тогда и пойдёшь на исповедь.

Антон молчит, думает над маминими словами. Спустя какое-то время, когда все уже засыпают и в комнате слышно тиканье часов, у маминой подушки раздаётся шёпот:

– Мама, ты спишь?

– Да.

– Нет, не спишь.

– А что?

– Сколько ждать, чтобы семь лет исполнилось?

– Два с половиной года.

– Это два с половиной лета, две с половиной зимы, две с половиной весны и две с половиной осени?

– Примерно так.

– Грехов же сколько скопится!

– Ну, хорошо. Через два дня – суббота. Перед вечерней службой попросим отца Андрея, он тебя исповедует. Раз грехов много – тогда, конечно, ты прав.

В оставшиеся до церковной службы дни Антон чертит на бумажном листике какие-то условные знаки, спрашивает у мамы, скоро ли суббота.

В субботний день мама вынимает из шкафов наглаженную чистую одежду, все готовятся к походу в церковь. Антон берёт из-под подушки записку, исписанную одному ему понятными каракулями.

В церкви – очередь к священнику. Батюшка за деревянной ширмой, там – таинство исповеди. Служба ещё не началась. Собравшиеся стараются не нарушать тишину разговорами. Из-за ширмы неразборчиво доносятся приглушённые голоса. Горят свечи перед иконами.

– Антон, иди, батюшка разрешил. Во время исповеди не крутись, стой спокойно, опустив голову. Руками не размахивай. Не смейся. И не забудь, взрослым надо говорить «вы», а не «ты», – скороговоркой напоминает мама уже неоднократно озвучиваемую за минувшие сутки инструкцию.

– А вот Богу можно говорить «ты», – подытоживает Антон.

– А почему так? – спрашивает старушка из очереди.

– Потому что Он – Отец.

Антон хочет ещё что-то сказать, но мама подталкивает его туда, где его уже ждут. Взгляды людей устремлены на мальчика. Он делает шаг вперёд... Из-за ширмы выглядывает отец Андрей и смотрит на Антона. Антон идёт к батюшке, ему очень хочется оглянуться на маму, но он пересиливает себя.

– Дитя моё! Христос невидимо стоит перед тобой, принимая исповедь твою. Не стыдись и не бойся, не скрывая ничего от меня, но расскажи всё, в чём ты согрешил, не смущаясь, чтобы принять оставление грехов от Господа нашего Иисуса Христа. Вот образ Его пред нами: я же только свидетель, чтобы свидетельствовать перед Ним всё, что скажешь ты мне. Если же что-нибудь скроешь от меня, будешь иметь двойной грех. Ты пришёл в лечебницу – не уйди отсюда неисцелённым…

Антон вспоминает, что делает мама в таких случаях, и тоже крестится, кланяется, затем тянется на цыпочках, чтобы поцеловать лежащие перед ним Евангелие и Крест, но не достаёт. Священник поднимает мальчика, и тот прикладывается к святыням.

– В чём бы ты хотел покаяться?

Антон роется в кармане, вытягивает носовой платок, игрушечную машинку, и, наконец, находит нужное в другом кармане – бумажный комочек, слипшийся от растаявшей шоколадки, которую сунула внуку бабушка. Расправляет обеими руками листик и смотрит на содержимое записки: жирные шоколадные кляксы напирают одна на другую, поглотив написанное. Вокруг распространяется аромат шоколада. Бумага в руках подрагивает от падающих на неё слёз. Антон переводит взгляд на вопросительное лицо близко наклонившегося отца Андрея, сдвигает брови, сжимает бумажку в кулаке, мнёт, прячет её в карман. Вспоминает мамин совет о пользе носового платка. Вытирает руки и щёки платком.

– Совет на будущее. Шоколад заворачивай в фольгу, – говорит отец Андрей.

– А я его уже откусывал. А фантик потерял.

– Может, я смогу прочесть?

Антон отрицательно мотает головой.

– Ты грехи свои там написал?

– Почти...

– Как это – почти?

– Я по-настоящему ещё не умею писать.

– Наверное, готовился к исповеди, но сейчас немножко забыл, что собирался рассказать, так?

Антон глубоко вздыхает, смотрит батюшке в глаза.

– Попробую помочь... Наверное, ты не слушался маму, так?

Ощущает дыхание батюшки. Их лица почти соприкасаются. В знак согласия Антон сильно зажмуривается, а потом широко открывает глаза и делает брови домиком.

Отцу Андрею непонятна такая сигнализация.

– Я не вполне уяснил, что ты хотел этим сказать.

– Это я так киваю головой.

– Как это?

– Вместо головы кивают мои глаза.

– Ммм... Зачем?

– Если кивнет голова, то наши лбы столкнутся. Как машины на дороге. И будут шишки. Как у нас с мамой.

– В общем, непослушание было.

– Нет. Шишки не потому вскочили.

– С шишками разобрались. Дальше. Согрешил ещё тем, что…обманывал старших, так?

Антон собирается ответить, но спохватывается, и прижимает ко рту ладошки.

– Так что?

– Нельзя об этом говорить.

– Тайна?

– Да.

– Но перед Богом нет тайн, Антоний.

– Вы так шутите, что вы – Бог?

– Священник – посредник между кающимся и Богом. Через священника Бог принимает тайны кающегося грешника, и прощает ему.

– Вы только Богу расскажете? А больше никому?

– Никому.

– Я никого не обманываю.

– И всё? Но это разве тайна?

– Об этом нельзя рассказывать. Потому что получается хвастовство. А мама говорит, что хвастать – грех.

– Ты не хвастаешься. Ты ответил на вопрос. Ещё хочешь в чём-то покаяться?

– Хочу.

– В чём?

– Я скоро засмеюсь. А мама сказала, что смеяться тут нельзя.

– Потерпи.

– Уже не могу терпеть.

– Почему же?

– Меня ваша борода щекочет.

Повисает тишина. Отец Андрей разгибается. Несколько секунд священник и исповедующийся стоят в молчании. Из глубины церкви слышны детский смех и шиканье взрослых.

– Теперь я вас не вижу. Так неинтересно. А мама говорила, что голову нужно опускать, когда исповедуешься, – глядит Антон себе под ноги.

С высоты доносится голос батюшки:

– Может быть, ты перебивал старших, спорил, настаивал на своём мнении? Был недоволен тем, что у тебя нет таких игрушек, как у других? И даже, не исключе-

но, однажды подрался? Поворчал, что рано забирают с прогулки домой? Хотел первым протиснуться на горку и отпихивал других? А может, тебе не нравится, например, борщ, и ты отказываешься от трапезы, и даже иногда не доволен той или иной пищей, которую тебе предлагают дома? Вполне возможно, что ты не так давно топал ногами, кричал, возмущался, сердился, громко плакал?

– Откуда вы всё это знаете? Вам Бог рассказывает?

– Это распространённые грехи. Все грешат, к сожалению.

– И батюшки из церкви не любят борщ кушать?

– Ммм… Знаешь, там очередь, столько людей меня все ждут. Давай завтра продолжим наш разговор.

– А то они станут пихаться в очереди?

– Ммм...

– А как же грехи?

– Потом вспомнишь.

– А на батюшек учат?

– Да.

– А можно батюшкой стать просто так?

– Нет.

– Я вспомнил грех. Я вчера был батюшкой. И Колю исповедовал.

– Ммм... Колю?..Эээ... какого Колю?

– Это кукла моя. Его Колей зовут. Это грех?

– Играть не грех.

– Я всерьёз.

– И всерьёз играть не грех.

– Но вдруг я сделаю новый грех!

– Надо бороться с собой.

– Самого себя дубасить?!

– Например, если рассердился, остынь, не кричи.

– Чтобы остытить, надо чай с малиной, и жара не станет. Так моя бабушка говорит.

– Вспоминай, что Бога нельзя огорчать грехами, и что Бог всё видит. Гнев и уйдёт.

– Ножками?

– Эээ... Ну, это образное выражение. Просто как бы его не станет. Уйдёт, одним словом.

– А куда уйдёт? К другим людям?

Пока отец Андрей собирается с мыслями, Антон продолжает процесс беседы.

– А откуда уйдёт, из дома? Навсегда? И даже в гости не придёт?

– Ооо... Ну... ну…

– Я дверь открою и из дома гнев выгоню. А дверь на два замка и на цепочку закрою. Тогда гнев не придёт больше.

Отец Андрей прокашливается и говорит, восстанавливая мысль с прерванного места.

– Если не нравится борщ, смолчи, и порадуй маму послушанием.

– Нет, не буду я борщ есть!

Батюшка кладёт руку на голову мальчика:

– Ты споришь?

– Нет! Не спорю! Я говорю правду. Я взаправду не буду есть борщ! В нём капуста и лук вместе плавают.

– Тогда…

Наступает пауза.

– Что? – спрашивает Антон.

Вопрос остаётся без ответа.

Батюшка отворачивается, наклоняется к стоящей в углу тумбочке, что-то ищет в выдвижном ящике. Находит яблоко, отдаёт Антону.

– Спаси тебя, Господи.

На голову кающегося водружаются епитрахиль и тяжёлая рука батюшки. Звучит разрешительная молитва о том, что все грехи Антония «отпущаются».

Антон шагает на выход, но с полпути возвращается.

– Спасибо за яблоко! Спасибо, что исповедал меня. Ты хороший!

Вспомнил, что нельзя говорить «ты». Но по-другому сейчас не может, потому что сердце переполнено благодарностью.

– Я тебя буду всю жизнь жалеть.

В понимании Антона «жалеть» – высшая степень любви.

Батюшка, вероятно, это прочувствовал. Он склоняется близко к лицу мальчика и говорит:

– И даже моя борода не помешает?

– Нет! – чистосердечно признаётся Антон.

– Тогда ты меня крепко утешил.

– Да?! По-честному?!

– По-честному.

Антон обнимает отца Андрея за колени, вжимается лицом в священническую рясу, затем быстро отодвигается, пятится, достает из кармана машинку и запускает её по полу в сторону батюшки. Смотрит, как машинка подкатывается и упирается в ботинки священника. И вприпрыжку убегает, крича на ходу:

– Это тебе!!!

Выбежав к людям, резко останавливается, вспомнив один из наказов мамы вести себя в храме чинно. Смотрит по сторонам: вокруг так много ног. Народ расступается. Антон идёт, прижимая к груди, как некую драгоценность, батюшкино яблоко. Ищет взглядом маму, кивает ей, что все нормально. Уже знакомая ему старушка из очереди предлагает ему конфетку. Смотрит на неё, вспоминает про запачканную записку в кармане, и отрицательно мотает головой. Степенно поворачивается к алтарю, крестится.

– Всё нормально? – спрашивает шёпотом мама.

– Почти.

– А почему «почти»?

– Батюшку жалко… Надо батюшку жалеть. Он всех утешает, а его никто…

– А тебя утешил?

– Да. Теперь я могу Богу в глаза глядеть. А ещё, мама, моё имя у Бога не Антон, а Антоний. А борщ по-церковному – это три пуза. Значит, в три пуза не влезет он, этот борщ.

– Хорошо, Антоний. Только не «трипуза», а трапеза, тра-пеза…

Письма из Италии

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА, г. Сан-Вито. Сардиния

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ ИЗ МОСКВЫ В КАЗАНЬ НА ТЕПЛОХОДЕ «АЛЕКСАНДР СВИРСКИЙ» 13-22 ИЮЛЯ 2016 ГОДА

«Издалека долго течет река Волга,
Течет река Волга конца и края нет.
Среди хлебов спелых, среди снегов белых
Течет моя Волга, а мне семнадцать лет»
(Лев Ошанин)
«Гран-ди-оз-но!!!»
(Ги-Вито Порседда)

13/07 Первый день. Москва. Речной вокзал.

Едва мы вышли из нашего дома, как наши мысли и чувства настроились на волну увлекательного приключения в предвкушении радостных новых встреч и впечатлений.

Они начались рано утром на Орловском вокзале в ожидании поезда «Ласточка», который привёз нас в Москву на Курский вокзал. Было уже время обеда, и мы покушали в нашем любимом «Иль Патио». Подкрепившись и воодушевленные предстоящим путешествием, мы отправились к Речному вокзалу и выйдя из метро, пересекли очень красивый ухоженный парк с множеством красивых старых деревьев и цветов. Но особенно нас порадовали белочки, которые так и сновали в траве, взбирались на деревья или перебегали по дорожкам парка. Их совершенно не смущало присутствие прохожих на аллеях парка, они казались беззаботными, веселыми и счастливыми, как и наблюдавшие за ними прохожие. Речной вокзал тоже произвёл на нас сильное, хотя и другое, впечатление своей архитектурой в парково-речном антураже советского стиля: уравновешенная псевдо-классическая красота гармонично переходит в речные просторы и «открывает двери» навстречу волнующей неизвестности предстоящих приключений.

Прежде чем ступить на корабль, мы прошли серьезный контроль на пристани Речного вокзала (контроль багажа и пассажиров, как в аэропорту). Зато на борту нашего теплохода «Александр Свирский» нас приветливо и торжественно встречали шампанским и конфетами, которые были так кстати после длинной прогулки с чемоданами по парку Речного вокзала, которые сразу же нас расположили ко всей команде корабля, такой любезной и милой, и подняли наше настроение радостной эйфорией прохладно-шипучего напитка.

Отправление теплохода в плавание в 16.00 было красивым и праздничным: целое облако бело-голубых воздушных шариков поднялось в небо с палубы нашего корабля, заиграла музыка, кто-то начал танцевать, и наш теплоход, заурчав моторами, тихо отошёл от пристани и заскользил по голубому зеркалу Москвы-реки, отдаваясь нежной ласке журчащей воды, приятной прохладе овевающего ветерка и лучезарной красоте летнего дня. Все вышли на палубу, чтобы помахать на прощание провожающим. Счастливого пути, «Александр Свирский!»

Прекрасный солнечный день, много купающихся на берегу, рыбаков, особенно после Москвы, - палатки, лодки на берегу, поросшем вековыми соснами(!) и берёзами…Очень красиво!

18.00 - ужин, о котором нас известила веселая песенка из мультфильма об Антошке:

Туристы, туристы, пора идти на ужин.
Туристы, туристы, пора идти на ужин.
Трали-вали, тили-тили,
А в салоне ресторана
Ужин вам уже накрыли…

Эта же песенка будет нам напоминать о всех наших трапезах в путешествии и станет, как условный рефлекс собаки Павлова, действовать безотказно на нашу пищеварительную систему: мы почти ничего не оставляли на тарелках, несмотря на обилие пищи. А в этот день, пообедав ещё в полдень на Курском вокзале, мы изрядно проголодались и съели с удовольствием салат из свежих овощей, рыбу (лосось) с картошкой и слоёную булочку с начинкой из варенья, которые показались нам очень вкусными. Но и в другие дни, когда мы не были голодны, всё равно съедали все блюда, так вкусно и разнообразно приготовленные нашим поваром Валентиной Михайловной и любезно сервированные нашей милой официанткой.

В этот же вечер мы познакомились с Еленой и Николаем Попик, нашими соседями по столу, с которыми мы провели вместе столько приятных часов за едой, наполненных юмором и шутками, интересными и содержательными беседами, искренними и глубокими размышлениями. Какое счастье – встретить в путешествии такую компанию! В первый же вечер во время нашего ужина в ответ на упоминание нами Соловков, куда мы совершили путешествие с нашими французскими друзьями в 2012 году, Николай рассказал одну из историй своей семьи, раскулаченной во время сталинских репрессий…(см. ниже, я сопроводила ее эпиграфом из Библии)***

*** Рассказ Николая ПОПИКА

* * *

И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святый и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?
Откровение: 6, 10

…В одном из сел Запорожья жила эта дружная работящая семья – шесть братьев и сестра были в ней. Братья решили обзавестись маслобойкой. Сложили они свои средства, купили такую машину и начали производить масло из подсолнечника для себя и для односельчан, платой за которое и были семечки.

Но молодому председателю колхоза это показалось эксплуатацией труда колхозников и частнособственнической идеологией, то есть кулачеством. Вот и решил он выслать всю семью на исправление аж на Соловки. Подогнали к их дому две телеги – на одну посадили шестерых братьев (сестра избежала этой участи, потому что вышла замуж и жила отдельно) с их семьями и детьми, а на другую – пожитки, которые смогли взять с собой. Эту телегу они так никогда и не увидели. Никто из шести братьев не вернулся.

В условиях Крайнего Севера дети стали болеть и умирать. Над ними всё-таки сжалились и разрешили вернуться в своё село. Вернулись только двое детей – брат и сестра, Но когда председатель увидел их, то стал бегать по домам колхозников, махая перед ними наганом, угрожая убить, если кто-то возьмет детей к себе в дом. Но сестра шестерых братьев, их тётя, все-таки приютила ребятишек у себя. Она и рассказала эту историю своему внуку Николаю ПОПИКУ, нашему соседу по столу на теплоходе «Александр Свирский», который и поведал нам её в первый же вечер нашего путешествия по Волге летом 2016 года. На наш вопрос, реабилитированы ли братья и их семьи сейчас, он сказал, что на этот случай даже нет судебной статьи – просто выслали на исправление…

***

Вскоре после ужина началась культурно-развлекательная программа, которая перешла в дискотеку (о, ужас!): оглушающая кричащая музыка почти под нашими окнами на корме, не давала нам заснуть, несмотря на всю усталость этого дня. Вито устроил скандал, пригласил директрису. Нам предложили другую каюту гораздо хуже нашей. Мы хотели вообще прекратить путешествие… В результате – время дискотеки сократили на 1 час (до 23.00), мы остались в той же каюте. Только на время дискотеки перебирались в другое место на корабле.

Как хорошо, что мы остались! Впереди нас ожидало потрясающе красивое путешествие!

14/07 Второй день - Мышкин.

Этот день встретил нас пением птиц, которое перешло в песню «С добрым утром!». Как было приятно каждый день просыпаться под звуки этой доброй нежной песни! Вернувшись домой, мы с Вито продолжали приветствовать друг друга по утрам этими звуками, этими красивыми словами, а потом нашли её запись песни по интернету. Хотите послушать её вместе с нами? https://www.youtube.com/watch?v=k2UsfzPTkz0 – вот адрес.

Весь этот день до 17.00 мы плыли по Москве-реке и потом по Волге, любуясь живописными берегами с новыми, очень красивыми домами. По дороге мы прошли несколько шлюзов, («шедевры инженерной техники» – назвал их Вито), наслаждаясь созерцанием их архитектурно-красивых и гениальных в инженерном плане конструкций и днём, и даже ночью. Утром мы прошли Углич (основан в 957 году) – разноцветное ожерелье златоглавых, белокаменных и красно-узорчатых храмов, вышедших встретить нас к самой кромке Волжской воды.

17.00 – первая остановка в этот день, город Мышкин, небольшой уютный ухоженный городок, название которого происходит от имени одного из первых поселенцев Мышкина в XV веке, но жителям больше нравится легенда о происхождении названия города от мыши, которая, убегая от проползающей змеи, разбудила и спасла тем самым от смерти заснувшего на берегу Волги знатного жителя. Поэтому даже на причале нас встречала розовая «мышь» и чёрный «кот», которые развлекали сходящих с корабля туристов песнями и танцами, и …поцелуями, один из которых достался Вито.

В городе есть также музей мыши, а все киоски заполнены сувенирами на тему мыши. Мы решили поддержать двух девочек-продавцов (подрабатывающих в свободное время), которые поставили свой лоток прямо около тротуара, и пока мы совершали экскурсию по центральной площади города, вручную сделали сувенир-мышку, которую мы у них и купили, возвращаясь на корабль. На причале было несколько магазинов, где продавали много копчёной и солёной рыбы, которая хоть и выглядела очень аппетитно, но мы не могли её взять с собой в путешествие, чтобы не ароматизировать ни нашу каюту, ни наш чемодан. Но мы были приятно

удивлены разнообразием и обилием волжской рыбы (хотя могли бы и догадаться по множеству рыбаков по берегам реки).

В Мышкине мы с Вито посетили Успенский собор XIX века на центральной площади (он же – музей), погуляли в его окрестностях, прошлись по новой, очень красивой набережной Волги, любуясь водными просторами в лучах заходящего солнца.

А вечером, за ужином, мы разделили бутылку шампанского с нашими соседями Еленой и Николаем, чтобы отметить французский национальный праздник – день взятия Бастилии. День закончился очень весело!

15/07 Третий день – Кострома – Плёс.

Если бы меня попросили выбрать больше всех понравившийся мне город в этом путешествии, я бы выбрала Кострому. Второй раз мне пришлось побывать в этом городе. В первый раз это случилось тоже в круизе по Волге из Москвы на Валаам в конце 80-х годов. Но тогда он не оставил у меня такого яркого впечатления…

В 11.00 наш теплоход причалил к пристани Костромы. Сразу за причалом – красивая набережная, ведущая в парк, где нас уже ждал автобус с нашим прекрасным гидом Еленой Анатольевной, в которой так удачно сочетались интеллектуальность и содержательность рассказа с эмоциональностью, радушием и простотой. Несколько часов с ней пролетели, как несколько минут.

«Являясь частью Золотого кольца России, Кострома – очень красивый город, который сохранил свой стиль XVII и XIX веков, так как избежал разрушений второй мировой войны.

Главная площадь с памятником Юрию Долгорукому, зданием Гауптвахты, Пожарной Каланчой, полностью сохранившиеся, просто грандиозны.

Особенно, памятник Юрию с вытянутой вперёд рукой» - вот как написал о Костроме мой муж, к чему я могу добавить, что именно в это посещение Костромы я с удовольствием почувствовала мирную и спокойную атмосферу города, в котором не было войны, который не бомбили. В нём нет этой внутренней травмы и незажившей ещё военной раны, которую я чувствовала всегда, например, в моём Орле. И такая же внутренняя тишина, как в Костроме, покорила меня во Владимире в прошлом году…

Мы посетили Богоявленско-Анастасиин монастырь с его «Федоровской» чудотворной иконой, защитницей семьи Романовых, к которой вся наша группа приложилась в почтении. Справа от входа в храм находится мироточивая икона Николая Угодника, у которой мне захотелось помолиться обо всех наших путешествующих на «Александре Свирском» (ведь Николай Угодник покровительствует путешественникам). В этом храме был необычный иконостас: вместо золотого – голубой, с обильными (в стиле «барокко») украшениями белого цвета, Это выглядит неожиданно, но как только вспомнишь костромскую зиму в белоснежных сугробах со скрипучим морозом и снегом, падающими красивыми снежинками на фоне голубого неба, то всё кажется очень естественным. Не зря же эти места вдохновили и Островского написать свою сказку «Снегурочка», сюжет которой лёг в основу одноимённой оперы Римского-Корсакова.

Потом мы переехали по мосту на другой берег Волги, чтобы увидеть Ипатьевский монастырь XVII века. Сразу же за воротами монастыря – очень красивый внутренний сад, справа от входа – палаты, украшенные кажущейся выпуклой, гранёной как алмаз, поверхностью стен, где часто останавливались члены семьи Романовых.

В центре – белокаменный Троицкий собор, нетронутый коммунистическим атеизмом (в советский период он был закрыт и просто оставался пустой). В нём - от пола до потолка – великолепный золочёный иконостас с «Тихвинской» XVII века

иконой Богоматери. Стены покрыты сияющими фресками XVI века, пережившими несколько веков, которые были выполнены девятнадцатью русскими мастерами всего за три летних месяца. Не хотелось уходить оттуда…

При выходе из ворот монастыря мы встретили супружескую пару из Канады (они говорили по-французски), которая приехала так далеко, чтобы посмотреть на красоту русского города… А на причале расположились в палатках продавцы со своими товарами. Нам тоже захотелось купить знаменитые костромские льняные изделия, особенно мы искали сарафан. « Есть ли у вас сарафан в русском стиле? – спросили мы у одной «коммерсантки». На что она ответила довольно грубо: «Нет никакого русского стиля». Вот канадцы увидели русский стиль из такой дали, а она – нет. Кто ей закрыл глаза, чтобы не замечать всю эту красоту русскую вокруг неё в таком изобилии? В каких китайских сумках заблудилось и потерялось её сердце, что не чувствует оно её? Ах, бедняжка!

А для меня Кострома осталась в памяти именно, как русский город, весь белозолотисто-голубой, со своими белокаменными храмами и зданиями, с золотыми куполами церквей, пронизанный снопами солнечных лучей, с синевой Волжской глади и голубой лазурью небес, соединяющихся где-то…в сердце твоём. Он - русский и по своей эстетике, традициям, истории и по своему духу – неспешно-возышенно-торжественному.

17.00 Плёс. Город-музей и райский уголок для туристов. Можно часами гулять по его живописным холмам с красивыми домиками на них, смотреть на Волгу, которая в этом месте, как будто остановилась от своего вьющегося по равнине бега и загляделась на удивительно живописный городок. Он покорил своей красотой многих художников и среди них – Левитана, который проводил многие годы в летние месяцы в Плёсе. В память об этом - музей Левитана с памятником неподалёку.

Все в этом городке располагает к беспечной курортной жизни, чему и мы тоже поддались: купили мороженое, неспешно поговорили с продавщицей магнитиков, прошлись по набережной, сели на скамеечку и залюбовались на Волгу, на привязанные лодки и катерки, качающиеся на волнах, на людей, прогуливающихся семьями и поодиночке, а затем вернулись на причал, где купили у элегантной 89-летней продавщицы землянику, собственноручно выращенную и собранную своими руками в своём саду (!!). После этого мы можем сказать, что видели главную достопримечательность Плеса.

Отчаливая вечером от пристани этого милого городка, мы любовались им, совершенно утонувшим в лучах солнечного заката, позолотившего и зеркальную гладь воды, и небо, и всё вокруг соединив в одну сияющую симфонию «Золотого Плёса».

16/07 Четвертый день – Макарьево.

Макарьево — это просто деревня, от которой остался с одной стороны — монастырь в честь Макария Желтоводского, а с другой — остатки разрушенного колхоза, частично преобразованного в страусиную ферму, поэтому часть нашей группы пошла на экскурсию в монастырь, а часть — на страусиную ферму. Мы пошли в монастырь, расположенный на невысоком берегу у самой волжской воды, красиво отражаясь в её зеркальной глади. Стоило только войти в ворота внутрь монастырских стен, как мы почувствовали себя в другом мире. Мы оказались в настоящем Эдемском саду, полным вишнёвых деревьев, усыпанных спелыми красными вишнями, которыми не преминули полакомиться наши туристы. Чуть дальше, за собором, росли яблони, ветки которых сгибались под тяжестью созревающих плодов, распространяя чудесный яблочный аромат повсюду. В этом саду прекрасно росли

другие деревья, и кусты, и овощи, и цветы, посаженные заботливыми любящими руками.

Позади главного монастырского храма — маленькое кладбище, на котором покоятся и недавно умершие монахини, и жившие в нём ещё до 1920 года, когда он был закрыт при коммунистическом режиме, чтобы вновь отойти к церкви в 1991 году. Об этом печальном периоде монастыря свидетельствуют и повреждённые фрески главной церкви, превращенной в зерно- и овощехранилище. Хотя, как говорят монахини, «они сами проявляются». Теперь и иконостас восстановлен, и там идут каждодневные службы, на одной из которых мы и присутствовали. Возвышенное настроение от церковной службы переходит в умиротворение и покой, когда снова выходишь в сад, и хочется остаться в нем, чтобы сохранить эту светлую глубокую тишину в душе...

Когда мы поднялись на палубу нашего корабля, то увидели монастырь в лучах заходящего солнца, протягивающего к нам свои нити-лучи сквозь узкие оконные щели церковной колокольни, а когда корабль отходил от причала, монастырь провожал нас колокольным звоном, в котором слышалось: «Благослови вас Бог! Я не забуду вас!». « И я не забуду тебя!» - отвечало ему моё сердце.

17/07 Пятый день – Казань.

Всё утро и днём до 15.00. мы плыли по Волге, любуясь ее красивыми берегами, проплывали Новочебоксарскую ГЭС, восхитившую наших инженеров – Николая и Вито, много разговаривали, прогуливаясь по палубе или просто глядя на волжскую воду.

С нашими новыми друзьями Леной и Николаем говорили о наших предприятиях, которые мы создали в 90-е годы: они – в Московской области, а мы – в Бишкеке. Было интересно вспомнить это трудное, счастливое, вдохновляющее время с его грандиозными открытиями совсем другого мира, необыкновенными встречами и горькими потерями, с его несравненным жизненным опытом.

А потом наш разговор с Вито повернул совсем в другом направлении – мы заговорили о любви, и об особенной любви, когда любят двух людей одновременно. Считается, что это – ненастоящая любовь. «Разве существует такая любовь?» - спросил меня Вито. «Да, именно её описал в своём рассказе «Натали» Иван Бунин. Ты ведь читал этот рассказ во французском переводе! Герой рассказа любит совершенно двух разных женщин и любит их по-разному, сильно страдает, разрываясь между ними двумя, в конце концов, остаётся с одной из них – Натали, которая умирает при родах…О такой же любви поётся в очень красивой русской песне «Ой, рябина кудрявая»(«Уральская рябинушка»). Помнишь, я пела тебе её не раз? В ней уже женщина не может выбрать между двумя дорогими людьми, не может понять, «кто из них милей», ведь они – «оба хороши» для неё. Вот так сердце человека может «расширяться» и вмещать в себя две любви, как вмещает её сердце человека, у которого мама, например, русская, а папа, скажем, китаец. Он ведь любит одинаково обоих, не выбирая. В нашем таком огромном открытом мире сердце тоже должно стать огромным, чтобы вместить всю его красоту и разнообразие. Это очень хорошо выразил Александр Грин в рассказе «Возвращение», но может быть, лучше всех – Андрей Тарковский в фильме «Ностальгия». Давай снова посмотрим его дома!»

Совсем незаметно для нас по правому борту показался город Свияжск, очень красивый остров, который мы успели рассмотреть в свои фотоаппараты всего за 5 минут. Значит, теперь уже скоро.

Казань. Пусть о ней напишут те, кому она очень понравилась. У меня же от этого города, несмотря на ухоженность и множество красивых памятников и зданий,

осталось впечатление архитектурной перегруженности, а его кичливое богатство напоказ и его непримиримый и горделивый дух оттолкнули меня. Его красота, как в мусульманской вязи религиозных текстов, оставляет впечатление сложности, монотонности и сумрачности. Кремль, конечно, впечатляет.

Было грустно видеть, в каком антураже находится русская святыня - Казанская икона Божией матери – неподобающее, если не сказать больше, отношение.

В этом городе мне посчастливилось испытать тёплые чувства от встреч с разными людьми. В нашем экскурсионном автобусе был очень любезный водитель-татарин, который так мило, даже без моей просьбы, помогал мне взбираться по высоким автобусным ступеням. В нём были элегантность и уважение к возрасту, которые так часто можно наблюдать в людях восточной и мусульманской культуры, что оставило в моей памяти приятные и благодарные воспоминания. А потом, прогуливаясь по пешеходной улице, я остановилась возле колокольни из красного кирпича, чтобы почитать помещённую рядом историческую справку. Рядом со мной оказался слепой человек, Юрий Алексеевич, как я потом узнала. Он объяснил мне, что это колокольня самой старинной в Казани Богоявленской церкви, а сама церковь находится в глубине двора, куда я и зашла, обнаружив необычайно светлое помещение с просторными высокими сводами, освещёнными светом люстр и золотом сияющего иконостаса. Даже короткое время в этом храме осталось незабываемым впечатлением в моей душе. Когда я вышла из церкви, то увидела справа памятник Ф.И. Шаляпину, а за ним - гостиницу «Шаляпин» (палас-отель), которые так неожиданно сочетались со старинной колокольней. По дороге я купила татарские сладости, чтобы угостить ими наших друзей в Орле, но они оказались такими вкусными, что до Орла не доехали...

Когда мы вернулись на корабль и пошли на ужин, наши друзья Лена и Николай открыли бутылку шампанского, провозгласив первый тост: «За взятие Казани!»

18/07 Шестой день – Чебоксары.

8.00. Прибытие в Чебоксары. Поначалу мы не хотели записываться на экскурсию в этом городе. Но решили, что как раз и нужно посмотреть то, о чём мы почти ничего не знаем. И не пожалели! Только в единственном городе Чебоксарах уже на речном вокзале нас, обыкновенных туристов, встречали, как дорогих гостей хлебом-солью, преподнесённом на красиво расшитом полотенце, обнося и угощая всех вкусным чувашским караваем. Встречающие нас жители Чебоксар в национальных чувашских костюмах под аккомпанемент народных инструментов спели нам народные чувашские песни и сплясали свои танцы, под которые просто нельзя было устоять на месте. И в конце проводили нас к выходу в город под рукотворной радугой, символом мира и благополучия. Какой красивый город Чебоксары! Для Вито он стал самым красивым из всех, которые мы увидели в этом путешествии. Чистота улиц, гармоничность и продуманность архитектуры (в этом месте наша дорогая «путеводительница» Людмила Владимировна улыбнулась бы, подумав о новом здании оперного театра-«элеватора», но исключение не отменяет закономерности…), правильно организованное пространство улиц, наполненных влажно-прозрачным волжским воздухом и позолоченных солнечными бликами. В этом городе чувствуется особенное присутствие природы, которое отчасти выражается в обилии зелёных насаждений, но ещё и в уважительно-благоговейном отношении к природе, которое, вероятно, многие чуваши носят в своих сердцах. Мы полюбили этот народ, скромный, любезный, добрый, открытый. А ещё – любящий юмор и шутки. Нам посчастливилось встретить там настоящий перл народного стиля – нашего экскурсовода Людмилу Владимировну Ильмендерову. Все её рассказы на экскурсии были просто пересыпаны шутками, прибаутками, смеш-

ными сравнениями, анекдотами, так что превратили наше короткое пребывание в Чебоксарах в настоящий праздник, а о ней самой оставили впечатление милого человека и высоко профессионального специалиста. Ещё одним открытием в Чебоксарах был музыкальный фольклор, одну из записей которого мы там приобрели.

15.30 Козьмодемьянск

Этот город мы просто не видели: мы не записались на экскурсию, даже не поднялись по его зацементированной, 20-метровой высоты, набережной в город. Мы прошлись по берегу Волги до пляжа, частично оборудованного для купания…Но погода была чудесная, а вид тихой спокойной воды и речная свежесть так располагали окунуться в неё, что Вито так и сделал. Я стояла на берегу и смотрела, как он целых 40 минут не хотел выходить из воды. И он был не один такой: многие наши пассажиры, и местные жители не могли отказать себе в таком великолепном удовольствии в жаркий летний день…

Возвращаясь на корабль, мы купили на пристани очень вкусные вишни местных дачников и маленькие деревянные сувениры. До свиданья, Козьмодемьянск! Может быть, когда-нибудь увидим тебя снова….

19/07 Седьмой день. Нижний Новгород.

И насколько мы наслаждались искрящимся радостным юмором нашего гида в Чебоксарах, настолько утомились тягучей серьёзностью нашего экскурсовода в Нижнем Новгороде. На мой вопрос, не знает ли она анекдот, она ответила: «Какой ?». Безнадёжный случай, несмотря на большую осведомленность и обилие интересной информации, которую мы просто не смогли воспринять полностью, учитывая недостаточность времени и специфику экскурсий.

Смешанные чувства остались у нас от Нижнего Новгорода.

Неразгаданность. Зачем нужно было нас вести вверх по крутому берегу Волги, чтобы вблизи показать Строгановскую церковь, эту вычурную и кичливую демонстрацию богатства, зайдя внутрь всего на пять минут, почти ничего не увидев, зато испытав тяжёлое, шокирующее впечатление от встречи около неё с женщиной и её детьми, просящими милостыню, а в церкви – бездомного мужчину-попрошайку. А после этого показать ту же церковь с высоты кремлёвской стены, откуда, кстати, она смотрится интереснее, потому что её пестрота сглаживается в окружении других зданий и пейзажа. Зачем?

Грусть оттого, что мы даже не остановились на красивой площади с памятником Минину и Пожарскому на фоне старинной русской церкви. Кто из вышедших из этой земли сравнится по высоте духа с Кузьмой Мининым? Уж не Горький ли, памятниками и музеями которому наводнен Нижний Новгород?

Возмущение. Ни разу за несколько часов экскурсии не было упомянуто имя Андрея Сахарова, великого ученого XX века и одного из тех, кого мы называем совестью человечества. Он прожил в Горьком более шести лет.

Красота. Она в этом городе смешана с безобразием и обшарпанностью некоторых улиц. Возвышенная красота памятников и храмов – и непристойно кричащее убожество коммерческих центров, обвешанных рекламой, как веригами. От всего этого калейдоскопа остаётся впечатление, что ты попал на чердак, где нашёл среди хлама ненужных вещей старинные бабушкины драгоценности.. И самая прекрасная из них – Нижегородский Кремль. В величавой красоте его архитектуры гармонично соединяются древность и современность, обрамлённые щедрой зеленью парковых деревьев и обильно разбросанных среди них весёлых цветочных клумб, подчёркнутые серебристо-голубой лентой Волги, к которой, как косы по плечам

зелёных берегов, спускаются его величавые стены. И когда стоишь над этим высоким волжским простором, где она встречается со своей подругой Окой, и видишь слева грандиозный мост, соединяющий центр города с новыми кварталами и промышленными районами, видишь чуть правее снующий, как челнок среди нитей, фуникулер, видишь разостланный внизу красивый пёстрый ковёр старых городских кварталов, то дух захватывает от такого безбрежного изобилия красоты. А если поднимешь глаза и посмотришь вдаль, за Волгу, то захочется развести руки, расправить их, как крылья, и полететь туда, в эти бесконечные волжские дали и просторы, туда, куда тебя только может унести твоя счастливая мечта.

20/07 Восьмой день. Ярославль

Ещё до того, как наш корабль причалил к пристани Ярославля, мы собрались в 11.00. в музыкальном салоне, чтобы вместе попеть любимые и всем известные песни под баян, на котором нам аккомпанировала одна из девушек-аниматоров. Удивительно, что никогда не пев вместе, мы сразу «спелись» и пели красиво (не было фальшивых голосов). Какое это было удовольствие и музыкальное, и просто человеческое – видеть одухотворенные лица поющих вместе людей! Особенно, когда в руки взял баян один из наших пассажиров, который, кстати, отмечал в круизе вместе со своей женой 50-летие свадьбы. В его руках баян зазвучал мощно и величественно, и поплыла над рекой раздольная русская песня «Из-за острова на стрежень»…

А в 13.30 мы уже подошли к Ярославлю, который, в целом, оставил у меня довольно гармоничное впечатление. Его архитектурная планировка с четырьмя круглыми главными площадями воспринимается так же гармонично, как лес с чередующимися в нём солнечными полянами. Основанный в 1010 году Ярославом Мудрым, он отмечал свое тысячелетие в 2010-м, по случаю которого был разбит очень красивый, с множеством фонтанов, парк вблизи Кремля. А на территории самого Кремля был полностью восстановлен из руин белокаменный Успенский собор, который после многих лет небытия снова обрёл и своё бывшее величие, и свой статус главного Собора Ярославля. Чем-то он повторяет судьбу Храма Христа Спасителя в Москве. Построенный на деньги одного предпринимателя (о чём свидетельствует надпись рядом с главным (Успенским) порталом), он, действительно, стал подарком к 1000-летию города. Его величавая сияющая золотом и белизной, красота приковывает к себя взгляд и хорошо видна и с Волги, и из кремлёвского парка. Кстати, в Ярославле кремлёвская стена была уничтожена одним из пожаров и так и не восстановлена, что эстетически мне кажется более привлекательным. На территории Кремля мы посетили ещё музей декоративно-прикладного искусства, где слушали фрагменты церковно-хоровой музыки в исполнении ансамбля из 4-х мужских голосов «Виват». Нам это так понравилось, что мы купили их диски.

Второй визит в Ярославле – Церковь Иоанна Предтечи – типичная ярославская церковная постройка из тёмно-красного формованного кирпича. То есть все настенные украшения, колоны и т.п. отлиты в кирпиче, а потом вмонтированы в стены. Это церковь и стоящая рядом с ней такого же стиля колокольня представляют собой величественный ансамбль, но находясь в ведомстве Администрации города, они постепенно приходят в запустение.

Мы купили входные билеты по 35 рублей и вошли в совершенно пустую церковь. В первый раз я видела иконостас без икон. В этом была какая-то таинственная, печальная красота увядания и умирания (успения, как сказали бы раньше), хотя все внутренние своды в русском стиле сохранили очень красивые и ещё яркие фрески.

Третья остановка в Ярославле – одна из площадей, окружённая административными зданиями, а в центре её – Храм Ильи Пророка, белокаменный, построенный

в древнем шатровом стиле. Мы полюбовались им со стороны разбитого около него тенистого сквера, с прогуливающимися там молодыми мамами с детьми и ….голубями.

21/07 Девятый день. Калязин (вместо Углича).

В 10.00 утра нас встречал Калязин, милый красивый городок (или деревня) с симпатичными домиками, окружёнными палисадниками с цветами под сенью раскидистых могучих дубов, клёнов, рябин. На причале и вдоль деревенской улицы - жители, продающие смородину, малину, чернику, вишни из своих садов. Один из них широко открыл ворота своего дома с великолепным ухоженным садом, расположенном на берегу Волги с видом на затопленную колокольню (она по-прежнему несёт свою молчаливую службу, превратившись для местных жителей в ангела-хранителя). Кто хочет, может войти, погулять в этом саду, поговорить с хозяином, щедро угощающим ягодами, пивом…Я тоже вошла полюбоваться на эту красоту, послушать рассказ хозяина. Он говорил о своём доме и саде с такой любовью и в то же время со знанием дела, как настоящий гид. На моё предложение принимать туристов через экскурсионное бюро, сказал, что не хочет, ему и ТАК нравится. Я подумала о нашем доме в Сан-Вито, где всё лето живут наши родные и друзья, пока мы сами в это время живём в России…

А потом моё воображение унесло меня в будущее (возможно, недалёкое), когда Волжские берега будут покрыты цветущими и плодоносящими фруктовыми садами, окружающими родовые поместья, куда путешествующие добрые люди или просто прохожие могут зайти, чтобы отведать спелые ягоды, овощи и фрукты, испить вкусной чистой воды, предлагаемые щедрой рукой добродушных хозяев…

Спасибо тебе и до свиданья, милый Калязин!

12.00 – обед в нашем ресторане. Оставшуюся часть дня мы провели на корабле и совсем не предполагали, что она окажется такой насыщенной событиями.

Сначала – не предусмотренный программой – час с поэтессой Татьяной Летовой. Оказывается, на нашем корабле была вместе с нами настоящая поэтесса, у которой уже вышло несколько сборников стихов. Несмотря на незавершённость поэтических образов в её стихах, ещё бедный лексикон и, если можно так сказать, необузданность чувств, было очень отрадно видеть человека, открывшего в себе талант уже в зрелом возрасте и бесстрашно шагнувшего в мир поэзии. Хочется пожелать этой смелой женщине предельной искренности, творческих открытий и подлинного вдохновения.

А вечером, когда многие были на палубе, среди неспешных прогулок под умиротворяющий плеск волжской воды грубым диссонансом прозвучал возглас по радио: «Человек за бортом!». И сразу же все устремились на корму, с которой один из двух братьев-близнецов на нашем корабле прыгнул в воду. Как потом выяснилось, между братьями произошла ссора, и один из них не захотел возвращаться в Москву, он просто поплыл назад к Волге. Матросы идущего за нами «Бородино» спустили на воду шлюпку и выловили пловца, но это не входило в его планы, и он снова прыгнул в воду. Его опять выловили и теперь уже обратились в полицию и в «Скорую помощь», которые приехали к ближайшему причалу и забрали обоих братьев, чтобы обеспечить их безопасность. Как жаль их в этой болезненной ограниченности! И хотя такие случаи никак невозможно предвидеть, ответственность за пассажиров возложили на директрису рейса Ольгу Николаевну, что вызвало в нас неприятное беспокойство и возмущение из-за незаслуженного наказания Ольги Николаевны. Но для нас-то она останется самой лучшей, милой и заботливой. И по-настоящему талантливой в своей профессии, которая сумела создать необыкновенно дружелюбную, радушную атмосферу на корабле, соединившую нас та-

ких разных и порой сложных, и благодаря которой многие из нас подружились и поддерживают эти отношения друг с другом и после круиза. Мы просто полюбили Ольгу Николаевну, и сохраним благодарное отношение к ней в наших сердцах.

19.00 - время «Капитанского ужина» с угощением от капитана: шампанское и бутерброды с красной икрой сделали его вполне праздничным. Праздник продлился и после ужина замечательным гала-концертом, в котором блистали талантами, обнаруженными в круизе, наши удивительные пассажиры – и взрослые, и дети, не говоря уже о наших великолепных аниматорах. Как сильно отличался этот концерт своей теплотой, искренней радостью, единодушным весельем от той первой напряжённо-увеселительной «культурно-развлекательной» программы на палубе. В этот раз это был настоящий праздник, и кажется, невозможно было придумать лучшего завершения нашего замечательного путешествия по Волге!

22/07 Десятый день. Москва.

10.00. Завтрак - на час позже из-за случившегося накануне происшествия – и мы прибываем в конечную точку нашего путешествия – Москву.

Наше путешествие закончилось, пришло время расставания и прощания друг с другом, которое было очень-очень тёплым. Мы уже не были чужими случайно встретившимися на одном корабле туристами, а стали близкими друг другу, соединённые нашей красавицей-Волгой, протекающей теперь и через наши сердца. Началась радостная эйфория обмена адресами, поцелуи, объятия, добрые пожелания. Кристина (аниматор) предложила даже создать сайт путешествовавших на нашем корабле «Александр Свирский» и назвать его «Свирчки»! Какие всё-таки талантливые и творческие были у нас аниматоры! Несмотря на то, что они мешали нам спать, мы увидели их энтузиазм, молодость, энергию, таланты, интересные выдумки (куклы, сделанные с детьми, кукольный спектакль, гимнастика, танцы на палубе при отплытии) и тоже полюбили их. Будьте счастливы, милые дети!

В самом начале нашего путешествия, когда было представление команды корабля, капитан, обращаясь к туристам, сказал: «Посмотрим, много ли среди вас грешников, какая будет погода, заслужили ли вы хорошую погоду, а то в прошлом рейсе — то ветер, то дождь ». В нашем рейсе была только хорошая погода. И не по нашим грехам, а по милости Божией, по молитвам Александра Свирского и Николая Угодника. Мы получили столько благословений, столько подарков в этом путешествии! Десять солнечных летних дней! Несколько новых друзей и просто время, проведенное в нашей хоть и очень пёстрой, но оригинальной и приятной компании! Особенной радостью было видеть среди нас несколько счастливых супружеских пар разных возрастов, влюблённых друг в друга и наслаждающихся жизнью. Они были настоящим украшением всего нашего корабельного общества! И сердца наши, переполненные увиденной красотой природы, городов и прекрасных людей, ликовали и торжествовали!

До Курского вокзала мы решили добираться на метро, и как в первый день нашего путешествия, снова пересекли красивый парк Речного вокзала, затем преодолели все лестницы подземного перехода и метро. Мы посчитали: их было шесть на нашем пути от Речного до Курского вокзала, и пять раз молодые люди помогали Вито опустить или поднять чемодан на лестницах. Мы даже не просили их об этом, они как-то неожиданно появлялись и просто брали чемодан, иногда ничего не говоря, не дав нам даже опомниться и сказать им вслед «Спасибо». А в метро Курского вокзала мы встретили супругов из Белгорода, которые были с нами на корабле (какой приятный сюрприз! Наше путешествие не закончилось еще!). Все люди вокруг казались нам очень милыми, приятными и красивыми, как будто в

руках у нас была зажжённая свеча, которая освещала всё вокруг тёплым и добрым светом. А сами мы испытывали чувства, которые нельзя иначе назвать, как счастье и блаженство, умиление и благодарность Богу...

Пусть эта благодатная свеча продолжает гореть для всех, кто прошёл вместе с нами по прекрасному Волжскому проспекту!

ГИ ПОРСЕДДА , г. Сан-Вито. Сардиния

«ИЗ МОСКВЫ-РЕКИ ПО ВОЛГЕ». КРУИЗ С 13 ПО 22 ИЮЛЯ 2016

13/07 – Отправление: Орёл-Москва

Подъём в 5.00, хотя чемодан был собран ещё накануне вечером. Не торопясь, мы были готовы отправиться в дорогу с.6.30.

В 7.00 мы – у подъезда нашего дома в ожидании такси.

Приехали на орловский вокзал без проблем в 7.20. Чемодан и рюкзак были на платформе уже в 7.30. Полчаса ожидания нашего поезда (построенного Сименсом, увы!), отправляющегося из Курска. Четыре остановки в пути (Мценск, Скуратово, Тула, Серпухов) прежде, чем приехать на Курский вокзал в Москве.

Скромный обед (лазанья, мохито – для меня, зелёный чай – для Вали) в итальянском ресторане Иль Патио на вокзале.

Операция обмена валюты (курс – более выгодный в Москве), чтобы купить обратный билет на поезд в Орёл, прежде, чем окунуться в водоворот метро. По кольцевой линии, переход на зелёную ветку до конечной – Речной вокзал, говоря по-другому, – грандиозный морской вокзал на Москве-реке, построенный в эпоху Сталина с 1933 по1939 год.

От метро мы пересекли великолепный парк, засаженный деревьями и цветами. Увидели много белочек в парке.

На Речном вокзале – контроль багажа и пассажиров. Как в аэропорту.

Мы сели на пароход «Александр Свирский» в 15.30, на котором нас встречали бокалом шампанского с конфетами от компании «Волга-лайн», заняли свою удобную и просторную каюту на средней палубе, откуда мы наблюдали прибытие последних пассажиров и подготовку к отправлению.

16.00: Швартовы отданы. Направление – на север, на Мышкин.

18.00: Ужин. Мы обнаруживаем Елену и Николая, которые будут нашими симпатичными соседями по столу во время всего путешествия.

В меню: салат из свежих овощей, лосось с картошкой, слоеная булочка с начинкой из варенья.

20.00 Прогулка по палубе. « Культурная» программа начинается.

На корме группа аниматоров (юноша и две девушки) установили две огромные колонки и начали программу «поп», хотя мы надеялись послушать классическую музыку или народные песни.

Так как наша каюта – в 10 метрах от кормы, то перегородки и кровать вибрируют в такт ритму.

В 22.00 я пошёл попросить их прекратить концерт. Они смеются. Я выдернул из розетки штепсель и попросил позвать ответственного работника.

Ольга, наша симпатичная директриса круиза, приходит поговорить с нами.

Мы объясняем ей, что заплатили, чтобы совершить культурный круиз, а не за то, чтобы каждый вечер выносить оглушающий шум.

Мы договариваемся о том, чтобы выключить звук в 23.00, и уменьшить мощность в 22.00.

Она предлагает нам поменять каюту. Единственная свободная каюта – гораздо меньше нашей и с кроватями напротив друг друга. Мы отказываемся.

Четверг 14/07. Мышкин (взятие Бастилии)

Ещё более на север от Москвы, день начинается в 3.30. Белые ночи недалеко.

Мы идём по Волге, или более точно, по огромному Угличскому водохранилищу.

Проснувшись в первый раз в 6 часов, я решил проблему дребезжания одного окна. Достаточно всунуть кусочек туалетной бумаги между стеклом и металлической рамкой на окне.

Солнце, наконец, проглянуло сквозь облака. Ветрено.

Подъем в 7.10. Нужно приготовиться к завтраку в 8 часов.

В 8.10 мы видим, что ресторан закрыт. Программа изменена: завтрак переносится на 9.00. Чай, кофе, рисовая каша, хлеб, масло, ветчина, омлет, йогурт с ароматом абрикоса и манго.

В течение ночи мы прошли 5 шлюзов. На палубе – праздность.

Чайки и крачки требуют свой завтрак от тех, кто на корме.

Лес, в основном, хвойный непрерывно тянется до горизонта, теряясь из виду.

Дикие стоянки, много рыбаков на берегу реки или на маленьких лодках.

Мы входим в Угличский шлюз в 13.30. Разность уровней – 11 метров.

Ворота верхнего течения закрыты, так как «Максим Литвинов» ждал подъёма в низовье.

В то время пока он входил в шлюз, пока выравнивался уровень, мы пошли в ресторан.

Обед: салат из капусты, моркови, лука и сметаны, суп из картошки с фрикадельками, спагетти; банан и апельсиновый сок.

Таким образом, мы подкрепились для первой пешеходной экскурсии в нашем путешествии.

Мы проходим Углич, город, основанный в 957 году, старше Москвы, известен, благодаря семье Годунова в 16 веке.

Очень известные в России часы «Чайка» по-прежнему производятся здесь.

Первая ГЭС и шлюз датируются концом 30-х годов прошлого века, но были закончены только в 1950-м.

ГЭС снабжала Москву необходимым электричеством во время Второй мировой войны.

Её незавершенный внешний вид позволил ей избежать немецких бомбардировок.

Всё больше и больше красивых новых дач с дебаркадерами по берегам реки.

Всё реже – рыбаки и дикие стоянки. Но по-прежнему – лес, главным образом – хвойный.

Ширина реки – около километра.

16.00. Теплоход прибывает к пристани города Мышкина, маленького городка рыбаков.

Название города, несомненно, вдохновило некоего маркетолога своей прослеживающейся связью с мышью, хотя оно происходит от фамилии жившего в этом городе человека, – примечание Валентины Порседда.

При выходе на пристань нас встречает группа: две танцовщицы в маскарадных костюмах кота и мышки исполняют под музыку жестикулирующий танец. Они запускают бумажные самолётики, один из которых прилетает ко мне, давая мне право поцеловать мышку. Я прижимаю её к груди, это действительно – Мышь.

Посещение закрытого рынка: множество прилавков с копчёной и сушёной рыбой (русские – большие любители этого лакомства), только один из которых находится за холодильной витриной. Мы отказываемся купить что-то, боясь пропитать этим запахом за время путешествия всю каюту и чемодан.

Другие прилавки заполнены мышками из разных тканей, тапочками, пепельницами и другой посудой, напоминающей грызунов (мышек) и хищников (кошек).

Мы поднимаемся по дороге, ведущей на центральную площадь: церковь, мэрия, гостиница, магазин сувениров. Бывшее здание Партии занято отделением Сбербанка.

Одна часть церкви, построенной в 1811 году, с позолоченной колокольней и иконостасом реставрирована и превращена в музей. Часть настенной живописи стёрлась. При входе стоит корзина с юбками-фартуками. Посетители не имеют права заходить в брюках, мини-юбках, и тем более – в шортах.

Служащая продает свечи, открытки и другие сувениры.

Что это – музей или церковь?

Тем более, что в городке есть другие церкви, несомненно, построенные после перестройки. Учреждение закрывается в 18 часов, и нас строго приглашают выходить, потушив перед этим свечи, которые могут пригодиться для изготовления других.

Нам остаётся посетить несколько магазинов, один из которых предлагает изделия «ручной работы». Но фактически предлагается китайская продукцая. Мы уходим с набором открыток. А также со «снежным шаром», внутри которого – мышка, лежащая на кусочке сыра, для нашей подруги Елены из Сан-Вито (итальянская Сардиния), Елена их коллекционирует.

Поскольку у нас остаётся час до отправления, мы дегустируем «нескафе» на террасе одной гостиницы, купив перед этим у двух девочек маленькую мышку, сшитую вручную, которую девочки сами изготовили на тротуаре (у них – каникулы).

Эта остановка в Мышкине, с начала до конца отмеченная маркетингом, не имеет ничего общего с культурной программой круиза.

Этот городок рыбаков живёт, главным образом, доходами от туризма во время летнего сезона и отдыхает, когда навигация прекращается.

По-моему, это какая-то карикатура на капитализм.

20.00. Наш теплоход покидает пристань. Встречающую группу заменил дежурный по трапу матрос, который приветствует нас как туристов. Мышь ушла,.осталась за бортом нашего судна..

Там, в городке, на рынке все упаковывают свои товары. Рабочий день закончился. Мы уплываем отсюда всё дальше и дальше.

За ужином мы предлагаем своим попутчикам Елене и Николаю распить с нами бутылку советского шампанского за 4 евро. 14 июля – день французского национального праздника – взятия Бастилии.

В меню: салат из морепродуктов, куриная грудка с жареной картошкой, сладкая булочка, чай.

Интересна наша беседа с соседями по столу. Николай – внук семьи запорожских казаков. Когда-то шесть братьев купили машину для переработки семечек подсолнечника в масло. В 1930 году их как «кулаков» заставляют покинуть деревню с жёнами и детьми, погрузив их на телегу. Направление – на север, Соловец-

кие острова. На другую телегу погрузили их личные вещи, исчезнувшие после нескольких дней.

Никто их них не вернулся. Все погибли с их семьями. За исключением двух детей оставшихся сиротами, которых администрация лагеря отправила обратно в их деревню. Они были приняты их тётей, вышедшей замуж во время раскулачивания и таким образом избежавшей участи своих братьев.

21.30. Солнце садится, а полумесяц заступает на смену. Тихая ночь до 22 часов. три аниматора начинают на корме свой танцевальный вечер. Это в трех кабинах от нашей каюты. По нашей просьбе звук приглушён; колонки располагаются на самой оконечности теплохода. Хотя нам обещали закончить танцы в 23 часа, тем не менее они не прекратились. Пришлось будить директрису уже после полуночи, чтобы прекратить шум, не дающий покоя.

Пятница 15/07: Кострома и Плёс.

Подъём в 7.00. Час письма.

В 8.00 – звуки птичьего пения, за которыми следует красивая русская песня «С добрым утром!»

Чистка зубов, бритьё и душ, в котором отсутствует наклон для стока воды, так что помещение душа превращается в ножную ванну.

В результате пять минут под душем превращаются в пятнадцать минут, чтобы убрать воду с помощью специальной для этого случая тряпки.

9.00. завтрак: чай, кофе, молоко, пшённая каша, сосиски с кукурузой, колбаса с чесноком, хлеб, йогурт, масло. Это слишком!

Наши соседи по столу сообщают нам о теракте с грузовиком в Ницце. 8 погибших и 20 раненых, говорят они. Сумасшествие прогрессирует во Франции.

11.00 «Александр Свирский» подходит к Костроме. Этот город в 270 000 жителей был основан за три года до Москвы тем же самым человеком – знаменитым Юрием Долгоруким. Теперь это столица русского льна, ткачества, вышивания, включая изготовление готового платья. 80 процентов изделий из драгоценных металлов в России производится здесь.

Являясь частью Золотого кольца России, Кострома – очень красивый город, который сохранил свой стиль 17 и 19 веков, избежав разрушений Второй мировой войны.

Главная площадь с памятником Юрию Долгорукому, зданием гауптвахты, пожарной каланчой, полностью сохранившиеся, просто грандиозны.

Особенно, памятник Юрию с вытянутой вперёд рукой.

Посещение Анастасьина монастыря с его чудотворной иконой («Фёдоровской»), защитницей семьи Романовых, а при входе – икона Николая Угодника, которая мироточит. Иконостас – бело-голубой (как цвет Волги) вместо золочёного, как принято на Руси.

Мы садимся в автобус, чтобы посетить на другом берегу Волги Ипатьевский монастырь и его Троицкий собор с иконостасом, полностью позолоченным, в который помещена древняя икона Тихвинской Богоматери.

Закрытый в советское время, он практически не пострадал и полностью реставрирован.

Иконостас позолочен от пола до потолка. Стены покрыты сияющими фресками 16 века, пережившими несколько веков, которые были реставрированы 19-ю художниками всего за три месяца.

При выходе из монастыря мы встречаем группу канадцев из Монреаля. Они будут в Ницце через 15 дней. Мы желаем им удачи!

17:00- Плёс

Маленькая деревня в 2000 жителей приютила несколько лагерей и домов отдыха, унаследованных от советской эпохи.

Но также новые современные комплексы, порты для парусников и лодок.

Это также место, куда выдающийся художник Исаак Левитан приезжал каждое лето за вдохновением.

Мы посещаем маленький музей, который Плёс посвятил ему. Первоначально это был дом местного купца, в котором были свободные комнаты, предоставленные им в распоряжение художников.

Мы совершаем небольшую прогулку вдоль по берегу реки, лакомясь мороженым.

Покупка магнитов, книг и земляники. Её мы купили у бабушки 89 лет всё ещё дееспособной (за исключением, может быть, зрения, потому что собранная ею земляника была сомнительно качества).

21.00 Ужин: салат «оливье» (иначе говоря, русский салат), свиной эскалоп с рисом, сладкая слоеная булочка. Чай.

22.00. Концерт отличного музыканта-музыковеда, исполнителя на саксофоне в стиле джаз в музыкальном салоне.

Команда из трёх аниматоров была заменена музыковедом, т.о. мы были избавлены от ночного дзинь-дзинь, бум-бум.

Спокойной ночи и до завтра.

Суббота 16/07 – Макарьево

7 часов – пробуждение, вызванное остановкой мотора и ударом теплохода о пристань.

Мы – на входе в дубль.., нет, я не то сказал, учетверённый шлюз номер 16 на Волге: Городец.

Между двумя шлюзами мы проходим гигантское озеро.

Русские умели строить такие шлюзы ещё более 60 лет назад.

Если я их сравню со шлюзом в Корби на канале реки Сомм (Франция), которым я восхищался, когда мне было 10 лет, то этот – как замок из песка в сравнении с Пирамидой!

Я говорю учетверённый шлюз, так как дубль-шлюзы построены как на входе, так и на выходе из озера (водохранилища). Таким образом, подъём, как и спуск, могут осуществляться одновременно.

Так как дубль – перепад высот 20 метров как в данном случае, то он используется для производства энергии, восемь турбин создают общую мощность 540 мегават.

9.00. Завтрак: каша «геркулес» (овсяные хлопья). Омлет, сыр, масло, кофе, чай.

Узнаем о попытке госпереворота в Турции и множестве погибших в Ницце: 84 вместо 8. Это – ужасно!

Волга течёт между двумя берегами, немного холмистыми. На левой стороне – более часты приспособления для рыбалки сетью или удочкой на подпорке.

На этой же стороне эрозия почвы вырывает деревья с корнями из земли, и они падают в воду.

Даже растительность изменилась со вчерашнего дня. Почти нет хвойных, зато много лиственных деревьев: дубы, ясени, буки, клёны, липы и редко берёзы.

10.30 – по правому борту – город Нижний Новгород. Мы сделаем остановку в нём на обратном пути, но сейчас мы только принимаем нескольких пассажиров и высаживаем одного.

На берегу фотографирую трёх человек, тренирующихся на дельтаплане.

Строящийся футбольный стадион для (возможно) следующего чемпионата мира.

Вид с корабля на городской кремль – великолепен. Я не посещал его со времени моей короткой остановки в 1995 году.

Начиная с Нижнего, западный берег – значительно выше, в среднем, на несколько метров. В то же время. левый берег представляет собой типичную наносную равнину. Много отдыхающих на восточном берегу в диких палатках.

Удушающая жара (плюс 30 градусов). Небольшой ветерок.

Мы причаливаем к великолепному монастырю на восточном берегу на 30 минут раньше.

Мы швартуемся к «Чапаеву», прибывшему раньше нас.

На берегу со стороны пристани справа можно увидеть развалины заброшенного в течение 25 лет колхоза, зато монастырь, датируемый 16-м веком, конфискованный в 20-е годы прошлого века, но возвращенный церкви в 1991 году – сияет белизной и красотой.

Его внутренний сад за ограждающими территорию стенами, где растут фруктовые деревья, овощи и цветы – настоящий Эдемский сад.

Величие и упадок.

Небольшой подъём по берегу, чтобы войти на территорию монастыря.

Фрески собора, того же стиля, что и в Костроме, проявляются сами. За исключением одной мужской фигуры наверху, которая исчезла. В советское время церковь использовалась как хранилище фруктов, овощей и зерновых.

А вот другая церковь (зимняя, где проходят службы, потому что здесь бывает много снега и очень холодно, чтобы отапливать собор. Второй этаж здания с часами менее пострадал.

20.00. Группа, которая посещала страусиную ферму, возвращается с пустыми руками, и мы покидаем пристань.

20.30. Ужин: салат из ветчины с грибами, лосось с овощами, блины со сметаной, чай.

21:00. Наши известные аниматоры начинают спокойный и нежный вечер

Выключение звука в 22:15.

Воскресенье 17/07=Казан (произносится Казань)

6.00. Пробуждение при входе в огромный шлюз 17. Два параллельных сооружения.

ГЭС включает в себя пять турбин.

Река достигает двух километров шириной.

Идём вдоль города Чебоксары, который мы увидим завтра, на обратном пути уже в Москву.

По-прежнему правый берег – крутой и левый берег – низкий.

Я заметил великолепную летящую серую цаплю.

После маленькой прогулки по главной палубе – душ.

Температура: воды 21 градус, воздуха – 25 градусов.

Ветер – северный, поднимающий небольшие волны.

9.00. Завтрак: ветчинная колбаса, котлета, зелёный горошек с хреном, йогурт, масло, чай, кофе.

Развлечения на борту.

13.00.Обед.

14.00. Остров Свияжск, вдоль которого мы проходим в течение нескольких минут нашим правым бортом. Он стал островом после постройки плотины в низовье.

Кремль Свияжска, построенный в 1551 году солдатами Ивана Грозного всего за месяц. Отчасти для того, чтобы научить казанских татар и использовать логистическую базу.

Это Кремль, построенный и разобранный в Угличе, затем перевезённый сюда на плотах, он снова был построен в 30 км от татарской столицы.

Это была четвёртая попытка знаменитого царя покорить потомков «булгар», народ монголо-татар. И она была успешной.

С этого времени татары согласились жить в мире с русскими.

14:30. Посещение столицы Татарстана.

Два туристичесикх автокара ждали нас за морским вокзалом. Один автобус – корейский, другой – китайский. Никакого «Рено», увы!. И « Мерседеса» тоже.

Движемся вдоль широкого проспекта, соединяющего порт с центром города.

Небольшая остановка на красивой площади, окружённой зданиями театров; възжаем в университетский квартал.

Статуя молодого студента Ленина.

Автобус привозит нас к кремлёвским воротам.

Посещаем церковь, затем мечеть Кул Шариф. Самую большую в Европе.

Пересекаем парк, который выходит на смотровую площадку с красивым видом на город. Особенно с видом на дворец бракосочетания – символ Казани.

Прежде чем отвезти нас на корабль, автобус оставляет нас на пешеходной улице.

Уставший немного, я остаюсь на своём месте в автобусе.

Валя встречает одного слепого, который её провожает в самую древнюю церковь Казани.

Этот заход в порт слишком короткий. Требуется целый день, чтобы лучше узнать этот город в 1.2 млн жителей, наполненный историей.

21.00.Ужин: салат из рыбы и моркови с майонезом, свиной эскалоп с жареной картошкой, сладкая слоеная булочка, чай.

Наши соседи угощают нас шампанским в честь взятия Казани.

21:30. Отплытие в обратный путь. Прощай, Казань.

Наши аниматоры начинают спокойный и нежный вечер. Выключение звука в 23:00.

Понедельник 18/7=Чебоксары

Будучи первоначально язычниками, часть населения остаётся ими, особенно в деревнях. Со временем другая часть населения становится христианами.

6:11=мы снова входим в двойной шлюз 17.

6:34= мы выходим из него.

7:06=завтрак :

Ветчина, каша из риса и пшена, омлет, масло, чай, кофе.

8:00=Швартовка в порту

Встречающая группа с аккордеонистом и танцорами в национальных костюмах.

Обычай встречи хлебом-солью.

Наш мини-автобус ждет нас с нашим гидом – Людмилой Ильмендеровой. Как и свидетельствует ее фамилия, настоящая чувашка. Большая юмористка.

Чебоксары – столица маленькой республики Чувашии.

Основанная в 469 году, она насчитывает 470 000 жителей, то есть 40 % от всего населения.

В противоположность татарам, чуваши, народ близкий финнам, попросили защиты у царя Ивана Грозного.

Это им позволило избежать истребления.

Насчитывают 19 монастырей в Чувашии. Это не помешало этой республике, ставшей членом Российской Федерации с 1991 года, способствовать в начале 20 века во время Октябрьской революции выдвижению Чапаева, одного из руководителей Красной Армии.

Ему посвящено две статуи в городе. Столько же, сколько и Ленину.

Третий советский космонавт был чуваш: Андриан Николаев.

С самого начала этот регион был ориентирован на сельское хозяйство. Здесь и сейчас культивируются конопля лён, табак, зерновые, сахарная свекла и картофель.

Промышленная деятельность ограничена деревообработкой и строительством (бассейн реки – это неиссякаемый запас строительных материалов – песка и гравия).

Но с конца прошлого века здесь обнаружена нефть, редкие металлы и даже золото.

Это, таким образом, – активно развивающийся регион, в том числе в пищевой промышленности.

Этим объясняется, почему эти жители – самые улыбчивые из встреченных нами в круизе.

Город удивительно чистый.

13:00- Обед.

Салат из помидоров, огурцов, китайской капусты, сладкого перца. Суп из рыбы, креветок и грибов – жареная курица с гречкой. Яблочный сок.

14:00 Сиеста (послеобеденный сон).

15:30= Козьмодемьянск.

Этот маленький город был основан в 1583 году. Он возвышается над пристанью на добрых 20 метров.

Нам не хочется его посещать.

В 16:15 мы решаемся поплавать. В 500 метрах от теплохода – какой-то пляж, кажется, обустроенный.

Действительно, там есть кабина для переодевания. И кабинка, похожая на туалет.

На пляже – смесь песка и гравия. Также под водой.

Проще входить в воду обутым.

Но как только вы в воде – какое удовольствие!

Есть даже будка для инструктора, но она – пустая.

Границы «бассейна» обозначены пластиковыми бутылками, покрашенными в красный цвет.

Но я могу без риска пересечь границу, зная, что Валя наблюдает за мной с берега и что глубина – не более 5 метров.

Спустя 40 минут я решил вернуться на берег. Ещё 20 минут – прогулка пешком.

Между тем, еще один корабль подошёл швартоваться. Он называется, как один из романов Лескова, «Очарованный странник»

Возвращаясь на наш теплоход, мы покупаем несколько безделушек на каждом из четырёх прилавков, предлагающих, главным образом, маленькие деревянные сувениры.

Одна супружеская пара продаёт вишни. 20 рублей за большой пластиковый стакан. Наслаждение, от которого мы не хотим отказываться.

18:30 отдаём швартовы. Прощай, маленький городок!

19:00 Ужин: салат из свежих овощей, жареная котлета с макаронами, булочка, чай.

Наши соседи делятся с нами купленными на рынке четырьмя огурчиками. К большой радости Вали: наконец-то огурцы с дачи (из открытого грунта), не из теплицы.

Праздное времяпрепровождение под лучами заходящего солнца.

Выключение звука в 23:00

Вторник 19 июля: Нижний Новгород

6:30=подъём

7:30=завтрак

8:00=экскурсия в мини-автобусе «Мерседес» с Татьяной, местным гидом. Настоящая словесная мельница без единого зёрнышка юмора. Она отличается от Людмилы из Чувашии.

Валя у неё спрашивает: Вы знаете анекдоты?

Она отвечает: Какой? Безнадежная!

Церковь и дом, построенный семьей Строганова (не тот, кто оставил рецепт бефстроганова)

Церковь Святого Сергия и дом Ивана Кулибина, механика-самоучки, изобретателя часов и других механизмов в 18 веке.

Мы едем мимо дома Горького, его памятника. Город носил имя Горького до 1991 года.

Памятник Чкалову, лётчик, соединивший Россию и США через Северный полюс в 1938.

Нижний Новгород, на месте впадения в Волгу реки Оки, был основан Владимирским князем Юрием («золотое кольцо»).

Городской мясник, Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский собрали в1612 году огромное ополчение, чтобы идти освобождать Москву, в то время оккупированную поляками. Их предприятие было успешным. Оно запечатлено в известном памятнике, расположенном перед собором Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Минин стоит, Дмитрий, раненый, сидит коленопреклонённый.

Река Ока протекает через Орёл в нескольких сотнях километрах от Нижнего.

Нижний насчитывает 1270000 жителей и является пятым по численности городом в России с мощной промышленной активностью (автомобилестроение ГАЗ, авиастроение, кораблестроение).

Явное присутствие немецкого общества.

Во всяком случае, фуникулер (на высоте 82 метра, протяженность 900м) пересекает реку сверху вниз. Она соединяет Нижний с Бором, промышленным кварталом. Подвесная дорога построена французской компанией Пома (много инженеров из «A&M) в 2012 году. Она позволяет с 28 кабинами (8 пассажиров в каждой) преодолеть 3,2 км с 1000 пассажиров в час.

Посещение огромного Кремля. Единственное место хорошо отреставрированное. чистое и засаженное деревьями и цветами.

Во время перестройки Немцов (убитый в прошлом году на мосту в Москве) возглавлял город и область до того, как присоединился к Ельцину.

Он оставил воспоминания как ликвидатор, особенно, в сельском хозяйстве.

Но нужно отметить, что реставрация города очень запоздала по сравнению с другими городами. Новому губернатору будет чем заняться, наконец.

Наша гид ни разу не упомянула известного человека: Сахарова, он был определён сюда на место жительство с 1981 по 1986 год.

11:30=конец экскурсии. Слишком короткая. Осталось несколько минут, чтобы купить сувениры.

12:30=отправление.

13:00=Обед: салат из помидоров, суп из грибов и вермишели, тефтели с жареной картошкой, киви, апельсиновый сок.

Сиеста, чтение. Прогулка по палубе.

18:00-19:00=Проход через учетверённый шлюз (номер 13, 14, 15 и 16 Городецкого шлюза, см. запись за 16/07).

19:00=Ужин: смешанный салат с малосольными огурцами, плов, слоёная булочка со сладкой сырной начинкой, чай.

Восточные берега, в верховьях – более высокие, чем в низовьях.

Берёзы преобладают ещё в лесу, но хвойный появляются всё чаще и чаще по мере нашего продвижения к северу.

Бразильский вечер без большого успеха. Музыкальная анимация сопровождает его. совершенно дебильно.

Гораздо более приятно наслаждаться восходящей полной луной.

Жаль, что громкая музыка мешает слушать природу.

В 22:30 только один пассажир остался танцевать с двумя аниматорами.

Но музыка звучит для всех. Дзинь дзинь бум бум!!!

Среда 20 июля: Ярославль

Подъём в 8:00. Пение птиц и песня «С добрым утром»

Мы снова проходим мимо Костромы с её гигантской статуей Ленина, вытянувшего руку в направлении памятника знаменитого Юрия … Долгорукого.

9:00=Завтрак: каша «геркулес» (овсяные хлопья), сыр «российский», блинчики с творогом, йогурт, чай, кофе, масло.

На скорости 30км/час мы снова спокойно поднимаемся по Волге.

11:00=Благодаря одной из девушек-аниматоров, баянистке, многие пассажиры собрались в музыкальном салоне, чтобы попеть народные песни. Настоящее наслаждение для слуха и для глаз.

Одни из пассажиров (который будет праздновать 22/07/2016 50-летие их с женой свадьбы) берёт баян в свои руки и исполняет другие песни. Все поют вместе.

13:00=Обед: салат греческий. Щи, рыбные котлеты с картошкой, сок яблочно-вишневый.

13:30=мы причаливаем к речному вокзалу Ярославля, одного из городов Золотого кольца, где зародилась русская империя в 11 веке.

Город был основан Ярославом Мудрым в 1010.

Наш автобус уже ожидает нас. В сопровождении нашего гида Анны мы посещаем первую кирпичную церковь, расположенную за территорией старинного Кремля: церковь Иоанна Предтечи (1671). Единственная, которая принадлежит не православной церкви, а муниципальной администрации.

Никакой реставрации внутри. Мы платим 50 рублей (35 – для пенсионеров) за вход и 100 рублей за разрешение фотографировать. Нет никаких икон, только пустой иконостас и красивые фрески на внутренних сводах. Замечаем, что кирпичи на внешних стенах церкви искусно сделаны и имитируют колоннады или фризы.

Мы отправляемся, чтобы посетить древнюю часть города. 4 круглых площади по углам прямоугольника отмечают границы стен древнего Кремля, которые не были восстановлены.

Пока Валя уходит с группой на экскурсию, я остаюсь сидеть на скамейке в парке, в тени (температура – 27 градусов), рядом с продавщицей мороженого, которая вяжет, сидя между двумя клиентами.

Я замечаю одноногого голубя, или точнее, ему недостает пальцев на правой лапке. Он клюет то там, то здесь.

К нему подходит голубка, которая его целует, а затем передает ему из своего клюва в его горло еду. Затем она располагается с его правой стороны, наклоняется около тротуара, так, чтобы он мог взобраться на неё, опираясь на здоровую лапку и, как говорится, исполнил свою миссию хорошего отца семейства, не опрокинув её.

Сцена повторилась чуть позже и немного подальше.

Я не спал.

Даже если немцы не дошли до Ярославля, многие жители сражались во время Второй мировой войны. Им посвящен памятник погибшим. С этого начинается экскурсия.

Она продолжается в Успенском соборе, самом древнем храме в городе (1215), полностью реставрированном во время посещения там только закончилось Крещение трёх человек (взрослых и детей).

Реконструкция древнего собора полностью финансировалось из личных средств одного предпринимателя и была завершена в 2010 году к тысячелетию города. Эта церковь снова стала Собором, главной церковью Ярославля.

Около Собора располагается музей декоративного искусства, в котором есть зал, где 4 хориста исполнили литургические и народные песни. Покупка двух дисков.

Мы поднимаемся в автобус, который привозит нас к церкви Ильи Пророка (1647). В центре площади, обрамленной административными зданиями 18-го века.

16:30=возвращение в порт.

17:30=Отчаливаем!

19:00=Ужин: салат мимоза, миланский эскалоп с макаронами-бабочками, беляш, чай.

20:00=час трансляции классической музыки (Чайковский).

21:00=Заход солнца.

24:00=Проход двойного Рыбинского шлюза с его вращающимися (под 90 градусов) воротами в верховье.

Среда 21 июля=Калязин вместо Углича

6:00=Проход Угличского шлюза. Небо облачное.

В это время посещение города не представляет никакого интереса. Всё закрыто. Жаль, так как это один из городов «золотого кольца». По этой причине этот этап заменен на Калязин.

8:00=Завтрак: манная каша, копченая колбаса, котлета с зелёным горошком и хреном, йогурт, чай, кофе, молоко, масло.

10:00=Заход в порт Калязин. Маленькая деревня рыбаков, известная своей колокольней в воде. При строительстве Угличской плотины уровень реки поднялся и затопил всю деревню, кроме церковной колокольни. Деревню построили на более высоком берегу.

11:30=Мы покидаем Калязин, купив два магнита.

Один продавец предлагает киргизские тапочки, называя их таджикскими. Мы объясняем ему, что его поставщик рассказывает ему сказки.

12:00=Обед:салат из помидоров, солянка, котлета с гречкой и морковью, киви, вишневый сок, чёрный чай.

17:30=Дубна (где был построен первый атомный реактор в СССР): последний шлюз на Волге, который мы проходим в компании с «Бородино». Закрытие ворот в верховье по направляющим рельсам под наклоном 45 градусов. Потому что уровень воды будет подниматься до Москвы.

18:00=Вход в канал Волга-Москва

18:15=Один из двух близнецов, который целыми днями делал «пробежки» по палубе, разговаривая с самим собой, бросился в воду, разбежавшись на нашей палубе.

Он отказывается от спасательного круга и плывёт вверх по каналу.

Теплоход «Бородино», который следует за нами от Ярославля, спустил на воду лодку, чтобы забрать его.

Он, возможно, вернётся на борт в следующем шлюзе.

19:00=Ужин: капитанский ужин. Бокал шампанского с бутербродом с красной икрой для начала. Салат из свеклы и моркови, филе лосося с зелёной фасолью, слоёная булочка с апельсиновым конфитюром.

Самоубийственное дело усложняется. Мы вынуждены причалить между двумя шлюзами. Потому что наш пассажир (приблизительно, 25 лет) подрался с матросами с «Бородино», которые приплыли, чтобы выловить его, после этого ещё раз бросился в воду. Казалось, он не хотел возвращаться в Москву.

Его снова выловили и усмирили, затем командир «Бородино» вызвал «скорую» и милицию, которая обеспечила его личную безопасность. Они подъехали к нашему кораблю, ожидая нашего капитана и нескольких свидетелей, прежде чем отправиться с безумцем и…его братом-близнецом.

20:30=Очень приятный танцевально-поэтический вечер.

23:00=Отключение звука

24:00=Проход шлюза.

Пятница 23 июля=Химки-Москва

В 10 часов, на час позже (из-за событий предыдущего вечера) мы причаливаем к нашему дружку «Бородино» на причале номер 7.

Вся команда аниматоров прощается с каждым туристом по мере их высадки.

Я пользуюсь случаем, чтобы спросить у молодой Маши, одной из девушек-аниматоров, не могла бы она ещё раз издать свой сильный и раздражающий крик птицы, который нарушал наш сон. После этого я спросил ее, слышала ли она крик Кальмука (калмыка – по-русски). Конечно, нет. Хотите услышать? Разумеется, да.

Я издаю изо всех моих сил крик «кальмука»: справедливость восторжествовала.

Нам остается ступить на твёрдую почву, пересечь великолепный парк Речного вокзала, купить 2 билета в метро, сделать пересадку на Белорусской и выйти с кольцевой ветки на Курский вокзал.

Мы останавливаемся в ресторане Иль Патио на вокзале. Каждый раз мы смотрим витрины маленьких магазинов на 1-м этаже. Чудо: я нашёл уменьшенную модель «Жигулей» для маленького внука Луи в Канаде.

В 1 час ровно Стефен Бриент, молодой секретарь территориальной группы «A&M» в России, присоединяется к нам. Его жена совсем недавно родила маленькую Марию.

Мы подводим итоги относительно группы и намечаем темы следующей встречи в конце августа. Ему нужно найти замену в группе, так как его предприятие возвращает его во Францию с начала сентября. Мы садимся в наш поезд назначением Белгород на 4 платформе.

Отправление в 16:00 ровно. Мы отмечаем, что на 6 лестницах, встретившихся на нашем пути от корабля до поезда, волонтеры поднимали или спускали мой чемодан 5 раз. Спасибо, парни!

Только мы отправились от вокзала, как наша симпатичная проводница в вагоне « с иголочки» (с двумя супер-чистыми туалетами) раздает каждому пассажиру па-

кет с едой. Сюрприз. Мы чувствуем себя как в самолете: минеральная вода, бутерброд, йогурт, печенье, конфеты, ароматизированные салфетки. Вот почему цена билета на поезд была немного дороже, чем обычно.

Только с одной остановкой в Туле, мы приезжаем в Орел всего за 3 часа и 30 минут. Рекорд!

Россия меняется!

Для детей

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА,
ЕЛЕНА МАШУКОВА

ИЗ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ «ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОМАШКИ, ИЛИ ТАЙНА ДЕРЕВЯННОЙ ЛОШАДКИ»

(Посвящается детям войны)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, В КОТОРОЙ ЛОШАДКА ОСТАЁТСЯ ОДНА

Однажды мама-Маруся прибежала с работы рано. Лида обрадовалась, но мама спешила собрать вещи. Она, как челнок, сновала по комнатам и на кухню, увязывая пожитки в старые, но ещё крепкие наволочки. На улице просигналила машина, послышался чей-то оклик: «Никитины, поживее!» Мама выскочила, подхватив на руки маленького Серёжу. Лиде велела нести узел. Люди, сидевшие в кузове, через борт протянули к Марусе руки. Она подала сына, взяла узел из дочкиных рук и передала туда же. Лиде велела сесть в кабину, а сама сбегала ещё за чемоданом, вместе с ним кое-как забралась в кузов. Грузовик рыкнул, тронулся с места.

Серёжа вспомнил о лошадке.

– Ромашка, Ромашка-а! – закричал он и протянул к дому руки.

– Тише, маленький, тише, – пыталась успокоить его мать.

– Ромашка тебя подождёт. Мы скоро вернёмся.

Чтобы тащить с собой огромную деревянную игрушку, и речи не было.

Лошадка ничего не поняла. Она пыталась выглянуть в окно, придумать, куда же торопятся люди.

В это время в комнату с улицы заглянул Ветер войны.

– А вот ещё одно бесполезное людское изобретение. Никчёмная деревянная лошадь. Что, бросили тебя? Ещё бы, жизнь важнее. Какой в тебе толк? Страшно? Но это ещё что. Сейчас я устрою настоящий ад.

Ромашка не знала, что ответить, думать о чём-то скоро стало совсем невмоготу: к дому приближался зловещий шум с подвыванием. Именно от этого ледяного воя ужас шевелился в груди, и никак не получалось прогнать его из лубяного сердца, а оно было – это лошадка остро почувствовала почему-то именно сейчас.

Вражеские самолёты налетали, кружили, с каждым следующим приближением опускаясь ниже, взрёвывая сильнее. Здесь и там раздавались гулкие уханья. Стены дома дрожали. Где-то наверху, на трепещущем, израненном дереве, обхватив молодые ветки, кувыркался Ветер войны, приговаривая:

– Давай, давай, сильнее, жутче!

Визг и лязг снарядов сделались невыносимы. Вдруг лошадку приподняло, кувыркнуло и вознесло чуть ли не вровень с макушкой дерева. Лучами справа и слева, впереди, сзади в воздух взлетели доски, щепки изломанных рам, дверная ручка, острые куски стёкол и ещё много всего, что теперь стало невозможно узнать, лишь угадать: обломки дома, в котором так недолго жила счастливая семья.

К первым звёздам, когда, наконец, обстрел закончился, на месте дома зияла широкая воронка. Возле ямы, в комьях земли, под клочьями истерзанной травы лежала Ромашка и тяжело дышала. Ей казалось, или так оно и было, что отовсюду слышатся вздохи изрешеченных осколками домов, деревьев, рекламных тумб, а развороченная ограда парка в конце улицы перекосилась и стонет.

– Ты в порядке? – слабо прошелестело дерево.

– Вроде, – ответила лошадка, не вполне веря в это. – Как ты заметила, что я живая?

– Мы с тобой одной породы – сосновые. И потом, когда вокруг беснуется смерть, невольно ищешь хоть какую живинку. По закону природы никто не должен знать, что у игрушки есть душа, но теперь того уже не скроешь. Война обостряет жизнь. Это тоже закон.

Разговор дерева и Ромашки, конечно, никто не слышал. Казалось, на сто вёрст вокруг не осталось ни одного человека. Но он был....

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ЛОШАДКА УЧИТСЯ ХОДИТЬ, А БАБУШКА ВЕРА КОПИТ ДЛЯ НЕЁ БОГАТСТВО

Всю ночь наверху грохотало.

Лишь к полудню бабушка Вера решилась выбраться из подпола. Крестясь, подхватив подол, медленно поднялась по тёмной, сырой лестнице, навалилась плечами на тяжёлую дверь-крышку, с трудом сдвинула её.

Комнату было не узнать: лавки повалены, битая посуда лежит на половиках вперемешку с осколками окон. Часы, иконы, полки, – всё попадало, перевернулось, превратилось в крошево. И страх – нечеловеческий, неизмеримый, сковывающий страх парит надо всем, как призрачная хищная птица.

Кряхтя, на коленях добралась бабушка Вера до дыры в стене, где раньше было окно. Старушка увидела изменившуюся до неузнаваемости округу. На месте соседского дома – чёрная яма. Старая черёмуха во дворе дымилась. Трещали, мерцая, догорающие куски брёвен.

Ноги старушку слушались плохо, плечи дрожали, от копоти было трудно дышать. По стеночке, сгорбившись, вышла она в сенцы, на улицу, побрела через огород к зияющей воронке – соседскому дому. «Святые угодники, помилуйте нас... – шептали потрескавшиеся губы. – Грешные мы, грешные...»

Начинался дождь. Деревянная лошадка почувствовала, что кто-то наклонился над ней, и только когда обтёрли с её глаз пепел и землю, увидела пожилую женщину с добрым, утомлённым лицом. Бабушка Вера шептала что-то, перебирала холодными пальцами лошадиную гриву, и дождь струился по старческим щекам.

«Пойдём, родимая, у меня побудь, а там и Маруся с Серёжей вернутся, и Лидочка. Не плачь, милая...» – так при-говаривала Вера и тащила за собой деревянную лошадку мимо разбросанных по огороду чугунков, растрёпанных чемоданов, мимо серых, злых головешек.

«В бой! В бой!» – пел Ветер войны и звал за собой. Деревянная лошадка не хотела идти и упиралась. Силы покинули её, на глаза опустилась серая пелена. И если кто-то увидел в этот момент бабу Веру и деревянную лошадку Ромашку, то не раз-

личил, не узнал бы их из-за чёрного дыма, и, может быть, подумал: наверное, это храбрый солдат уносит с поля боя своего раненого товарища.

С того дня Ромашка стала жить у бабушки Веры. Отмытая до блеска, согретая заботливым теплом старого бревенчатого дома, деревянная лошадка стояла теперь в большой светлой комнате и целый день смотрела в окно. Ей были хорошо видны отряды вражеских солдат, вереницы грузовиков и мотоциклов, двигавшиеся сначала в сторону города, а несколько позже – удаляющиеся, грязные, измученные боями, поражением и пленом. Бабушка Вера с утра до вечера хлопотала: трудилась на маленьком огородике за домом, мыла пол в единственной, просторной, но уютной комнате, то готовила себе скромный ужин: затирку из муки или тюрю из картофельной стружки. Иногда надолго уходила куда-то, а вечером разговаривала с лошадкой, рассказывала о своей жизни.

Оказалось, были у Веры муж и сын. Да оба пропали – унёс их Ветер войны навсегда, одного – в гражданскую, другого – в финскую. Теперь вся надежда – единственный внук Гришенька – на фронте, фашистов бьёт. Старушка ждёт – не дождётся. Каждый день она ходит на главную дорогу, смотрит: не едет ли он, не идёт ли. Многие ехали и шли, но не было среди них Гришеньки, никто его не видел, ничего о нём не знал.

Каждое утро мимо дома проходила почтальонша Надя – веснушчатая девушка с рыжими косами, приветливой улыбкой. Бабушка Вера спешила ей навстречу – вдруг письмо от Гриши? Солнечная девушка пожимала плечами: ничего, мол. «Вот Никитиным опять весточка. Объявятся, передайте, Вера Павловна, будьте любезны».

Много собралось у бабушки Веры треугольничков-писем с фронта для Маруси и Лиды с Серёжей. Любил, помнил своих боец Никитин.

Однажды, получив Васильев треугольничек, Вера подошла к Ромашке.

– Видишь, хозяин-то семью не забывает.

И тут старушка разглядела на боку деревянной лошадки тайничок. Открыть нечем – ключик потерялся, наверное, тогда ещё, во время артобстрела, когда в дом Никитиных попал снаряд.

Побежала Вера Павловна на соседнюю улицу, к сапожнику:

– Подсоби, Лукич.

Пётр Лукич пришёл, костыль к стеночке поставил, оглядел лошадку со всех сторон: краска облупилась, бок посечён осколками, вместо хвоста – сучок, качалка-дужка треснула.

– К чему тебе, Павловна, хлам?

– Что ты, батюшка! Разве ж это хлам? Посмотри, работа какая. Иной раз гляну, перекрещусь – стоит, словно живая. Да и не моя она, Никитиных.

– А про них что слышно?

– Маруся с детьми в эвакуации. А Василий вот с войны письма шлёт домой, не знает, что уехали. Я под салфетку на комод все складываю. Возвернутся – отдам и письма, и лошадку Серёже. Обрадуется, небось.

– Куда возвращаться? Хаты нет, головешки, и те бурьяном поросли.

– Не приедут – так Гришенька мой когда-то, да женится, его детишки играть будут. Такую лошадушку купить – пойди поищи, и деньгов тыщу надоть. А тут – вот она.

Сапожник хмыкнул, поправил очки, ковырнул в замочной скважинке раз, другой и позвал хозяйку:

– Готово.

Пока Пётр Лукич инструмент прибирал, замочек опять щёлкнул. Обернулся сапожник – тайничок захлопнут.

– Опять открывать прикажешь? – Пётр Лукич развёл руками.

– Не серчай. Благодарствую. – Вера Павловна с поклоном вручила Лукичу белый рушник, вышитый крестиком.

Сапожник развернул подарок:

– На кой мне?

Бабушка Вера руки спрятала, отступила чуток:

– Любая работа оплату любит, забирай, не обидь, сама вышивала.

– Не возьму! Я тебе так, даром помог. – Пётр Лукич бережно положил рушник на лавку, подхватил костыль и быстро ушёл.

Отныне Ромашка чувствовала, что внутри у неё что-то есть, какой-то секрет, дорогой для неё, для Серёжи, для всех Никитиных. И спасенье в нём, и чудо, и радость великая. Решила: что ни случись, будет беречь это до Серёжиного приезда.

Каждый вечер, как и прежде, бабушка Вера садилась возле лошадки, гладила её, рассказывала истории о своей жизни, о том, каким добрым и работящим был её сын, как любит и ждёт она внука Гришу. А лошадка слушала и смотрела в окно. В его белой раме, за трепещущей занавеской зеленела старая сосна, отблёскивал на солнце кусочек деревенской дороги, по которой, может быть, завтра, приедет Серёжа и заберёт свою Ромашку домой. А потом сядет к ней на спину, дёрнет за уздечку, и, как прежде, отправятся они вместе в светлые и таинственные зеркальные страны.

Однажды бабушка Вера долго не вставала с постели: уже и солнышко было высоко, и Надя прошла мимо дома, только никто её не встретил. Лошадка хотела позвать Надю, да не знала, как. Та сама догадалась в окно заглянуть. Охнула и побежала куда-то. Следом появился седой старичок с чемоданчиком – врач, тихонько поговорил с Верой Павловной и увёз её на зелёной машине в больницу.

Лошадка осталась одна. Много раз всходило и заходило солнце, появлялась на небе луна. Ночью иногда гостила Лунная тень, неслышно плыла по стене от угла до угла, искала зеркало, к утру перебиралась на комод и таяла на кружевной салфетке. В комнате стало сумрачно, неуютно. Даже Часы на стене притихли, как будто прислушивались: не идёт ли бабушка Вера. Пора передёрнуть цепочку, завести механизм. Но никто не приходил.

– Лошадка, помоги! – позвали Часы.

Лошадка посмотрела на Часы удивлённо:

– Вы умеете говорить?

– Конечно, как все.

– Я не умею, – Ромашка вздохнула.

– В таком случае, как ты отвечаешь?

– Ой, правда. Значит, я тоже умею разговаривать, только раньше об этом не знала!

– Хватит болтать! Время уходит! Помоги, потяни за цепочку! – нетерпеливо проскрипели Часы.

– Но как вам помочь, если я с места сдвинуться не могу? Видите ли, мои ноги приделаны к качалке.

– Спрыгни с качалки, быстрее! Не то Время улетит от нас, и мы умрём!

– Что значит «умрём»?

– То и значит: как дом, в котором ты раньше жила. Был и пропал. И мы пропадём.

Лошадка испугалась. Жаль было пропадать, ведь только что научилась разговаривать. И Часов жаль. Пока они тикали, казалось, что в комнату вот-вот войдёт бабушка Вера, и всё станет, как раньше.

– Не пропадайте, я сейчас.

Лошадка изо всех сил старалась спрыгнуть с качалки и помочь Часам, но ничего не получалось.

– Быстрее, пожалуйста, – взмолились Часы. – Мы не успеем за Временем, если никто не заведёт нас.

И тут лошадка увидела позади себя Лунную тень – свою тень. В то же мгновение деревянные копытца как будто сами отделились от дужек качалки, а ножки сделали первый шаг. Потом ещё и ещё. Удивляться было некогда. По сияющему лунному лучу Ромашка подбежала к Часам. Их стеклянная дверца сама распахнулась перед ней. Оставалось только потянуть за гирьки – переместить цепочку. И когда Лошадка прыгнула через неё, цепочка с тихим звоном скользнула вниз, а Часы вздохнули:

– Спасибо!

«Ого! Я теперь умею ходить и прыгать, качалка не нужна!» – радостно подумала лошадка – Тогда я побегу искать Серёжу!»

– Не побежишь! – прошептала Лунная тень и растаяла.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ – НА КОЛЕСЕ ОБОЗРЕНИЯ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Живу я в Орле, на Монастырке. Это совсем близко от горсада, в каких-нибудь трёхстах шагах от Колеса Обозрения, в начале горсадовских клёнов и лип. Это неподалёку от центра города, от его Центральной площади. Через горсад хожу я и в областную библиотеку имени Бунина, и в драматический театр имени Тургенева, и в картинную галерею, а также и на почтамт. Прохожу мимо Колеса Обозрения и поневоле заглядываюсь: какое оно круглое, так высоко вознеслось. Вот бы подняться на нём на самую высоту! Всё бы оттуда увидел, всё бы услышал. Я хоть и родился в Орле, это мой родной город, а всего, что могу увидеть и услышать с такой высоты, внизу, не увидишь и не услышишь с обычной стороны.

Колесо Обозрения называют ещё и «чёртовым» колесом. Чтобы возразить таким людям, взял я однажды и сел в люльку этого аттракциона. Неси меня вверх, карусель! Крутись вокруг земли и неба, Колесо Обозрения, это «чёртово» колесо! Рассказывай, шепчи мне на ухо под ветрами и солнцем бывальщины и небывальщины, всякие фантастические истории.

ГОРОД КАК НА ЛАДОШКЕ

К 450-летию Орла

Однажды мне захотелось прогуляться по Парку культуры. Была весна, распустились листья на деревьях, зацвели яблони и груши, в парке после зимы стали работать аттракционы. В том числе и закрутилось Колесо Обозрения. Вспомнил я своё детство, когда приезжали сюда к нам французы из Грасса. Жак Пайар, увидев колесо, принял его за Эйфелеву башню и поднялся на нём на самую верхотуру, чтобы посмотреть на город. И мне захотелось на этом колесе прокатиться. Взобрался я на него и что вижу с него? Весь Орёл. Представляете? Столько всего

интересного! И всё это передо мной, рядом со мной, так близко ко мне, как на ладошке. И всё это передо мной, рядом с парком я увидел Оку – реку, по которой плывут пароходики, и на них много народу: и взрослые и дети. Одни пароходики приплывают сюда, к горсаду и причаливают к причалу, а другие отплывают, увозя с собой пассажиров. Одни пассажиры сходят на пристань, а другие поднимаются по трапу на борт и отправляются в путешествие по реке.

После этого я увидел железнодорожный вокзал – въездные ворота города. На Привокзальной площади, рядом с Дворцом железнодорожников, сидела на клумбе большая, рыжая, очень похожая на живую, птица – Орёл, символ нашего города. И было с высоты хорошо видно, как люди там копошатся: поднимаются по лестнице, бегут на перрон и там ожидают свои поезда. Или же заходят в само здание вокзала, ожидают в зале ожидания, потом выходят из него на перрон и идут к прибывающим поездам. А потом люди садятся на свои поезда или электрички, двери закрываются автоматически, и все уезжают в разные стороны, в нужном направлении. Вокзал пустеет, затем снова наполняется пассажирами и поездами. Словом, вокзал как живой, весь кипит от народа и тоже виден с Колеса Обозрения.

Повёл я взглядом по городу, раскрылась мне панорама памятников, поставленных писателям то тут, то там – по всему Орлу литературному. Недаром зовут его «третьей литературной столицей». В другом конце парка, совсем близко, я увидел памятник Тургеневу, присевшему на тёмно-голубой камень и смотрящему зорко в грядущее. Чуть дальше на берегу – памятник Бунину. А за рекой, за Александровским мостом, виден мощный такой, оригинальный памятник Лескову. Он сидит в окружении своих персонажей: Левши, тупейного художника и других. А на Дворянском гнезде у белой Ротонды сквозь ветви видится бюст Тургенева. Тут обычно проводятся праздники в честь его Дня рождения, у бюста нашего великого земляка. Возле Дома литераторов, что на берегу Орлика, выглядывает из-за дерева памятник Фету, чьи стихи мы все знаем и любим.

При виде такой панорамы, меня взяла гордость за наш город, за то, что в нём столько хорошего, полезного и нужного людям. Как не гордиться обликом такого красивого, любимого, моего родного города, известного на всю страну! Такие в душе глубины, такие тайны открылись, всё во мне как перевернулось, прямо-таки фантастика. Ни за что на свете не пришло бы мне всё это в голову, если бы не взобрался я на такую верхотуру и не глянул бы вокруг себя с высоты Колеса Обозрения.

ГЛЯДЯ В СЕБЯ, СЛОВНО В ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ

Понравилось мне ходить к Колесу Обозрения. И пошёл я однажды к нему, поднялся на это «чёртово» колесо и что увидел? Не город с вокзалом, не литпамятники по городу, не пароходы, а совсем, совсем другое. Заглянул я вовнутрь себя и увидел свой внутренний мир. Всё, что увидел в самом себе, что услышал и что прочитал. А увидел я себя на корабле «Испаньола» с пиратами, с боцманом Джоном Сильвером, плывущими к Острову Сокровищ. Он такой же одноногий, как у нас на Октябрьской улице возле бара, созданный из железа.

Вот таким я и представил себе его с трубкой во рту, с костылём, одноногого, с деревянной ногой. Я стоял у штурвала, а одноногий подсказывал мне курс, а на плече его попугай кричал: «Поворачивай, браток, на другой галс!.. Пиастры! Пиастры!..»

В другой раз на Колесе Обозрения я увидел другую картину. Где-то там, на юге Орловщины, наш белый кот Вася – почти альбинос, с тёмно-серым пятном на спине. Кот Вася пока ещё с нами дома тут в Орле, а кажется, там дома, в Малоархангельске. Вася наш гуляет, как хозяин, по саду и там же в саду живёт друг его ёжик Лёня. Вырыл нору среди розовых ковылей, что окружают яблоню, и живёт себе, поживает в ковылях. Ёжик Лёня приходит к коту сюда к дому попить молочка. Наш кот Вася делится с

ним, оставляет еду ему в своей миске. Вместе с Васей ловят они мышей, освобождают усадьбу от грызунов. Всё это наш животный мир.

А растительный мир тоже есть. Это и старый сад, и молодой, особенно саженцы, которые мы посадили прошлой осенью вверху усадьбы, где у нас растут вишни. И я думаю не только о Васе и ёжике Лёне, но ещё и о саженцах.

Беспокойство одолевает меня не только о животном, но и растительном мире. Весь декабрь было тепло, шли даже дожди, не было снега. Потом наступили морозы. Снег-то выпал, но совсем мало, недостаточна белая шуба для саженцев. Это меня и беспокоит: «Не замёрзли ль саженцы? Не погибли ль?» Деревья, как люди, тоже живая природа, но только незащищённые. Нечем их защитить от больших морозов, если нет снега. Жалко мне их: и яблони, и грушу «Русскую красавицу», которую посадили мы специально для мамы, и кусты чёрной смородины, крыжовника – северного винограда. Они такие же организмы, как и мы сами. Потепление климата заставляет задуматься о жизни и о земле не только меня, но и многих, многих других.

Колесо Обозрения кружится. Кружится – вертится шар голубой, кружится – вертится над головой. Завтра же едем с котом Васей на дачу к себе в Малоархангельск, к нашему лучшему другу – ёжику Лёне, к яблоням и чёрной, красной, белой смородине, к розовым ковылям.

ДЕДУШКИН АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ БИНОКЛЬ

Дома у нас лежит артиллерийский бинокль. Это папин бинокль, ещё его дедушки. Мама предпочитает бинокль театральный, она любит ходить по театрам. В бинокль лучше рассматривать на спектаклях лица артистов. Например, в «Ревизоре» Гоголя. А вот папа, хоть и не военный, а любит смотреть в дедушкин артиллерийский бинокль и видит в него далеко – далеко. И глубоко. Например, про «бессмертный полк». В том году мы с папой в Год Победы, как всегда, в Малоархангельске, ходили в Парк Героев, к Вечному огню. На этот раз папа снял висящий в доме над зеркалом дедушкин портрет. Повесил на него гвардейскую ленточку и сказал мне:

– Будем с тобой, Игорь, тут в Малоархангельске, «бессмертным полком» – втроём, вместе с дедушкой. А в следующем году и другие придут сюда с фотографиями.

Так мы и сделали. После папа написал такие стихи.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк шагает по России.
Возник, живой, как эхо поколений.
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
Легли на главном, на московском направлении.

Три сына дедушки ушли и не вернулись.
Несу над ними дедушкин портрет.
У Вечного огня дай постою, поэт.
Мы выстояли, брат мой, не согнулись.

Бессмертный полк шагает по России,
По городам, по памяти земли.
Три сына деда: Гавриил, Максим, Василий,
Три моих дяди первыми легли.

И помню я, что сказал папа тогда, у Вечного огня. После батюшки отца Василия из малоархангельского храма Михаила Архангела, отпевавшего павших героев.

– Дядя мой – дядя Гаврюша вернулся с войны с белофиннами раненым. И только поджили раны, как тут же новая война – 22 июня 1941 года.

Дан приказ: ему – на Запад,
Ей – в другую сторону.

Уходили комсомольцы на германскую войну.

На другой же день после начала войны, не дожидаясь повестки, дядя Гаврюша ушёл на фронт. Уходил он отсюда, из Малоархангельска. Видите налево здание, отсюда из ворот райвоенкомата мы всей семьёй проводили его на войну, откуда он не вернулся…

Вот чем закончил папа свои стихи о «бессмертном полку».

Смотрю в огонь, колышутся в нём лица.
Остановлюсь, прищурюсь на момент,
И вижу я, в полк строится столица,
И впереди с народом Президент.

Бессмертный полк шагает по России.
И в том полку живом, в колонне той
Три сына: Гавриил, Максим, Василий
И дедушка мой с ними, как святой.

Бессмертный полк шагает по планете.
А в том полку и взрослые и дети.

Вот что сказал нам с папой дедушкин артиллерийский бинокль. Вот что было когда-то с Россией, а в ней почти с каждой семьёй.

СМОТРЮ В БИНОКЛЬ СКВОЗЬ СТЕНЫ ДОМОВ, ЧЕРЕЗ ГОДЫ ИСТОРИИ

Собираюсь я в библиотеку имени Бунина, а тут Паша, мой дружок, подъявился. Учимся мы с ним в одном классе. Увязался Паша за мной, и я, говорит, что-нибудь почитаю.

Идти в библиотеку через горсад, как всегда, проходить надо мимо Колеса Обозрения. И, как всегда, тянет меня на это «чёртово» колесо. Паша тоже туда же за мной. Смотрю с высоты я на город и что вижу сегодня? Люди какие-то маленькие, как комары, бегают, суетятся, садятся в свои автобусики и маршрутки, выходят на всяческих остановках. И остановки, и дома какие-то не такие, как на земле. Гораздо меньшие по размерам и своим внутренним качествам. Взгляд мой проникает сквозь стены, а стены мой взгляд сквозь себя пропускают. И что я вижу сквозь эти стены? Что делают люди в своих квартирах? Дети готовят уроки, глобусы вокруг себя крутят. Папы пришли с работы и обедают на кухне, а мамы стирают и гладят. В одном месте пир горой: День рождения отмечают… Спрашиваю про всё это Пашу, что он видит? А Паша мне в лоб, как всегда, без обиняков:

– Ты прямо, как Том Сойер. Больно выдумщик, фантазёр. Ну, как я могу видеть сквозь стены? Это ты у нас фантазёр. Всё тебе что-то мерещится… Вон на соседнем дереве на самой макушке гнездо, а в нём лежат яйца вкрутую, видишь?

– Орлиные яйца, – говорю я Паше. – Орёл у нас большой, рыжий, что на площади у вокзала, должно быть, сюда прилетает... А ты как Гекльберри Финн, – замечаю я дружку своему. – Такой прагматичный. Яйца тебе вкрутую мерещатся.

– Сорочьи яйца, – отвечает мне Паша. – Видишь, сорока рядом. А если бы яйца были орлиные, то были бы огромные, не влезли бы в это гнездо.

– Да нет, Паша, орлиные это яйца. Вон сидит Орёл на Привокзальной площади, напротив Дворца железнодорожников. Наблюдает за нами…

В общем, не стал я спорить с Пашей, – с этим Гекльберри Финном. Такой человек. Всё ему видится что почём да как, да почему?..

Отвернулся я от дружка своего и смотрю в другую сторону – куда подальше, в историческую перспективу. И видятся мне с Колеса Обозрения знаменательные исторические события: и битва под Малоархангельском на Орловско-Курской дуге в 43-м году, и битва под Болховом, у Кривцовского мемориала, и под самым Орлом, когда немцы, боясь попасть в окружение, уходили отсюда, оставляя разрушенный город. Всё это я увидел через папин артиллерийский бинокль. Паша, конечно, не мог этого видеть.

Побывав на Колесе Обозрения, мы с Пашей спустились на землю и зашагали в библиотеку. Вот она – эта «Бунинка», через дорогу напротив Парка культуры. Такая большая, красивая, с колоннами. Прямо-таки дворец! По типу Дворца железнодорожников и Дворца пионеров. В три этажа, с большими залами, с многочисленными лестницами и перилами, кабинетами. Раньше на месте библиотеки был храм церковный, теперь храм культуры. Мы вошли в этот храм и замерли: книги-то в библиотеке одни, но каждый видит в каждой книге своё и потому разное.

И ТУТ РЯДОМ, НА ЭСТРАДЕ ГОРСАДА, ЗАИГРАЛ ВОЛШЕБНЫЙ РОЖОК, ПОТОМ ВЕСЬ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР – МАРШ «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

В другой раз мы с мамой отправились в облдрамтеатр на пьесу Арчибальда Кронина «Юпитер смеётся». Как всегда, идти через горсад, то есть через Парк культуры. И, как всегда, проходить мимо Колеса Обозрения. «Дай, думаю, маленько прокачусь на этом «чёртовом» колесе». Мама пошла дальше, в театр. А я задержался. Сижу и гляжу отсюда на север – на мценскую сторону.

Там, за рекой Зушей, где-то село Алябьево, там обычно поют самые голосистые в наших краях – алябьевские соловьи. Весна ведь уже краснощёкая, уже прошёл День космонавтики, яблони вот-вот зацветут, запоют соловьи. И вдруг где-то совсем близко заиграл волшебный рожок. Потом грянул весь духовой оркестр. Я замер: как хорошо-то, как здорово! Даже колесо перестало скрипеть, остановилось, тоже, видать, заслушалось. На соседнем дереве даже сорока перестала стрекотать.

В рупор на весь горсад, мужским голосом прозвучало, что это марш «Прощание славянки». Оказывается, марш этот был написан давно, ещё в Первую мировую войну, в 1915 году, капельмейстером Моркшанского полка Агапкиным, когда полк был расквартирован в Тамбовской области. И когда началась Вторая мировая война, в 1941 году под этот марш с Белорусского вокзала в Москве, провожали воинские эшелоны на фронт. Вся страна отправлялась сражаться с врагом.

И по сей день марш «Прощание славянки» играют в Орле на вокзале, когда провожают орловский поезд в Москву. И, вообще, марш Агапкина звучит везде и всюду, когда совершается какое-нибудь торжество.

Собирается много народу, затаив дыхание, люди слушают замечательный марш. Слёзы текут из глаз бывших фронтовиков, а теперь и их детей, внуков, каждого русского человека. Играют его на эстраде, по радио, везде и всюду звучит этот очень красивый, очень мелодичный, удивительный, по душе каждому марш. Проникает в тебя сквозь расстояние и времена. И в городах Первого салюта Орле и Белгороде, и в городе-герое Туле, и на героической Орловско-Курской дуге – везде и всюду звучит он, этот особо торжественный марш. Гордимся таким композитором. Всего один марш у него, но какой!

Спасибо тебе, Василий Иванович Агапкин – капельмейстер Моркшанского полка! Наш человек, русская наша душа!

ВИЖУ: КОРОВА ГДЕ-ТО НА МОНАСТЫРКЕ ЖУЁТ ТРАВУ НА СТАРОЙ, ЗАМШЕЛОЙ КРЫШЕ

Живу я в Орле, на Монастырке, на улице 8 Марта, в большом девятиэтажном доме. А через дорогу, как грибы растут, тоже большие дома, тоже девятиэтажники. Но есть на нашей улице и обыкновенные, частные дома с обыкновенными старыми, замшелыми крышами. Ходим мы с котом Васей, гуляем по улице. Как увидит Вася такой дом, как наш в Малоархангельске, так к нему пулей, взлетает на крышу. А я стою и жду Васю. Вася ходит и ходит по крыше, гуляет поверху, по самому конику, его благородие. И кажется мне, что кот Вася зовёт меня туда к себе по-человечески: «Иди-ка ко мне сюда, на высокую крышу». – «Это для тебя крыша высокая, а у меня на это есть Колесо Обозрения. Город видать, а не только твою половину улицы».

А Вася ходит по конику и, как корова, ест травку на старой, замшелой крыше. Это чтобы подпитаться витаминчиками. Так делает, как корова, и наш кот Вася на своей малой родине, в Малоархангельске. Ищет такую травку под яблонями, и лопает. Это чтобы не болеть. Витаминчики – сила жизни, дело хорошее.

Вася у нас в Орле уже десять лет. Бабушка нам его передала – из рук в руки, чтобы там, на усадьбе, один не остался. На усадьбе он гуляет на воздухе, сколько захочется. А это куда меньше возможности заболеть. А тут всё в квартире да в квартире. Выходим мы с ним на улицу в редкую стёжку. Вот Вася и поскучнел, приболел, что ли. Как увидел травку на крыше, так и набросился на неё, стал жевать.

Конечно, всё это так. На своей малой родине, в Малоархангельске, наш кот Вася много чего умеет и знает. Например, помогает на огороде работать, рядом повалится на спину и давай на спине кататься. Это так Вася набирается кальция, через шерсть кальций в него попадает.

Каждый день ест травку Василий, каждый день в огороде катается. Всего хватает коту Васе на своей малой родине, не то, что в Орле, в городской квартире. Как весна, так мы с Васей скорее отсюда на дачу – к лекарствам, на свежий воздух, и Вася там враз поправляется. Но в эту весну мы что-то подзадержались, что-то долго не едем в Малоархангельск. Вася уж несколько раз в сумку свою, в свой домик носом совался. Мол, сажайте меня в него сюда и айда отсюда скорей на малую родину.

Каждый раз мы перебегаем дорогу за домом в зоомагазин. Он так и называется «Кот Вася», приносим Васе оттуда консервы. Но Вася не хочет их есть, всё просится в домик. Выберется, выкарабкается Вася из своей болезни, как только окажется на даче. Я знаю, я просто уверен в этом…

Походил, походил кот Вася по крыше, пожевал своей травки и спрыгнул. Подошёл ко мне, трётся то одним, то другим боком о мою ногу.

– Умный ты у нас, Вася, – говорю я ему. – Ты, Вася, у нас, человек.

Принёс я Васю домой, раскрыл его домик да так и оставил раскрытым. Пусть знает Вася, пусть видит, что скоро ехать на дачу, на малую родину, в Малоархангельск. К ёжику Лёне, к старым и молодым яблоням, к свежей травке, которой там у нас, сколько хочешь.

СЛЫШУ: ОТКУДА-ТО, ВРОДЕ БЫ БЛИЗКО, ЗВУЧИТ СИМФОНИЯ, ИСПОЛНЯЕМАЯ НА БАЯНЕ

На другой день сижу я на Колесе Обозрения и слышу: откуда-то, вроде бы близко, звучит симфония, исполняемая на баяне. И подумалось мне: «Кто же это играет симфонию да ещё на баяне?» У нас ведь есть и губернаторский симфонический оркестр. В музыкальном колледже искусств и культуры студенты и поют, и танцуют, и на всяких инструментах играют. А недавно иду по улице 60 лет

Октября, вижу – мама девочку за ручку ведёт лет пяти. И куда? Вошли в новую хореографическую школу. Построили её недавно – большое, красивое здание. Вот туда и открыли входную дверь мама с девочкой. Думаю, а это разве не фантастика? Подрастёт девочка, возьмут её в Петербурге в хореографическое училище имени Вагановой или в Москве в Большом театре балериной окажется девочка, солисткой балета.

Переехала в это новое здание детская хореографическая школа, а в старом разместился ансамбль «Славица», хоровая капелла, народная песня…

Вот сижу я на колесе и слушаю, как кто-то на баяне играет и думаю о губернаторском симфоническом оркестре, вспоминаю губернатора, который сказал по телевизору, что он спокоен за праздники на городской площади, если есть у нас в Орле такой Институт культуры. Учатся в нём не только орловские студенты, но и лучшие из других областей Серединной Руси.

Вспомнилось мне и ещё одно вроде чудо. Все втроём ходили мы на концерт «Посиделки» в музей имени Тургенева. И там играл этот самый баянист – исполнитель, заменяющий одним инструментом целый оркестр. Университетский профессор рассказывал, что баянист этот закончил в Астрахани консерваторию и приехал в Орёл, работает аккомпаниатором в колледже. А колледж, я знаю, расположен близко к Парку культуры. Так вот почему мне показалось, что звуки баяна, исполнявшего симфонию, летели сюда, в Парк культуры.

Ведущий на концерте объявил, что профессор будет исполнять русские народные песни. И это тоже показалось мне чудом. Зазвучал певческий голос профессора у окна.

Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идёт.
На нём защитна гимнастёрка,
Она с ума меня сведёт.

И профессор пел песню за песней, одну за другой под этот баян.

Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?
Головой склоняясь до самого тына?
Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Знать, судьба такая гнуться и качаться.

И вспомнил я, что у нас под Малоархангельском, как чудо природы, рябина ведь растёт вместе с дубом. Значит, слова изменить в песне можно: «Знать, судьба такая вместе им качаться».

Вспомнил я концерт в том самом музее и многое понял: талантлив русский народ. Хорошо, что талантлив. Замечательные исполнители.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

МЫ ИГРАЕМ В ДОГОНЯЛКИ

Дождик

Дождик летний, лёгкий, тёплый
Вдоль по улице идёт:
Озорно стучит по стёклам,
Хороводит у ворот.

Отшумел шальным бродяжкой,
А немного погодя,
День горячей промокашкой
Промокнул следы дождя.

Звезда

Вот это да!
Вот это да:
В ведре с водой
Дрожит звезда!
Беда!
Промокшая звезда
Сейчас
Погаснет навсегда!
А я спасти её могу
И в сад
С ведром воды бегу –
Я воду выплесну под куст,
Звезда летит на небо пусть!

К стоматологу

Дед ведёт меня к врачу,
Я встревоженно молчу.

Я сейчас похож на бомбу:
Только тронь –
Взлетит весь мир!
Если мне поставят «пломбу»,
Как я буду есть «пломбир»?

Превращение

Как представленный к награде,
Я стою, расправив грудь, –
Из Москвы приехал дядя
На недельку отдохнуть.

Незнакомых войск полковник
Или даже генерал,
Прежде чем войти, о коврик
Долго ноги вытирал.

Дядя снял парадный китель,
Тапки старые достал…
И столичный важный житель
На отца похожим стал.

Рыбаки

Как большие рыбаки,
Тяжело идём с реки.

Просидели день не зря:
У меня три пескаря;

Два ерша у Игорька,
И карась сошёл с крючка;

Целых пять плотвичек Глеб
Наудил на белый хлеб;

Всех удачливей Васёк –
Он подлещика подсёк.

А Володька слишком мал –
Головастика поймал.

Самокат

Подивитесь чудесам:
Эх!
Меня!
Он!
Катит!
Сам!
Это – радость!
Это – смех!
Я теперь
Счастливей всех!..

Но кончается гора,
И скучнеет вдруг игра…
Ах, обман!
Ах, плутовство!
В гору!
Я!
Качу!
Его!

Устный счёт

Хочешь участвовать в нашей игре?
Пересчитаем собак во дворе:
Жучка терзает соседский матрас –
Это у нас получается РАЗ;
Бобик от курицы спасся едва –

Пишем его мы под номером ДВА;
ТРИ и ЧЕТЫРЕ – Барбос и Пират –
Чавкая, кашу из миски едят;
Альма лакает из лужицы – ПЯТЬ…
Дальше попробуй-ка сам сосчитать:
Рекс, как обычно, дерётся с котом;
Найда виляет облезлым хвостом;
Булька грызёт старый папин башмак;
Тузик и Шарик лежат просто так;
Старый Полкан задремал в конуре…
Сколько всего их у нас во дворе?

Приболевший

Я с утра с температурой –
Тридцать восемь и одна,
Потому сижу я хмурый
У морозного окна.

Во дворе Серёга с Мишкой
Лепят снежный бастион.
Я с термометром под мышкой
Им, наверное, смешон.

Проглочу сейчас микстуру
И опять пойду в кровать.
А спадёт температура, –
Выйду крепость штурмовать.

Трубач

Играет мальчик на трубе:
От напряженья бледен.
Малыш противен сам себе,
Тем более – соседям.

А за окном гоняют мяч
Мальчишки без заботы.
От огорчения трубач
Перевирает ноты.

«Несправедливая судьба!..» –
Он думает устало.
Звенит отчаянно труба
Почти на три квартала.

Пенальти

Не спеша иду к мячу,
В руки взяв его шепчу:
«Ну, дружок, не подведи,
В правый угол залети».
На воротах Глеб Титов –
Отразить удар готов.

Он голкипер высший класс,
Но сегодня – против нас.
Это ранит честь мою.
Разбегаюсь, сильно бью…
Гол! Мы выиграли! Ура!..
Завтра новая игра.

Кукла Марина

В детской протяжно вздыхает перина,
Дремлет, намаявшись за день, душа.
Желтоволосая кукла Марина
Ходит по комнате, платьем шурша.

Платье ажурное и кружевное –
Будто бы пенный застыл водопад.
Кукла Марина не знает покоя,
Куклы ночами обычно не спят.

Вот и гуляет она по паркету,
Меряет ночь от угла до угла,
С каждым шажком
приближаясь к рассвету…
Чтоб не шуметь даже туфли сняла!

Повторение

С Игорьком идём из школы,
Повторяем мы урок –
Называю я глаголы,
Их спрягает Игорёк:
- Прогуляться.
- Прогуляем,
Из рогатки постреляем…
Неужели нам опять
Завтра «двойки» получать?

Моржи

Нам с приятелем закалка
Позарез была нужна, –
Лёд разбив на луже палкой,
Мы плескались дотемна…

Удивляюсь непрестанно,
Что с ангиною лежу –
Простужаться не пристало
Мне, завзятому моржу.

Чай с малиной пью на ужин
И почти уже здоров.
Игорьку в больнице хуже
Под надзором докторов.

Домашнее задание

«Ты должен выучить урок…» –
Легко сказать…
Что делать, если
Шестнадцать лермонтовских строк
Не лезут в голову, - хоть тресни!?

И как им влезть-то, если в ней
Всего и так набито столько:
Велосипед, футбол, хоккей,
«Битлы» и Курочкина Олька?

Зубрю, но как по колдовству,
Запоминаю только точки.
Жаль, но о том, чем я живу,
Не написал поэт ни строчки.

Догонялки

Мы играли в догонялки:
Вадик трёт подбитый глаз,
Платье порвано у Галки,
Рассадил коленку Стас,
Локоть сбил Валерка Бочкин,
На моих штанах – дыра…
Догонялки – это очень
Интересная игра!

Вопрос

– Отчего же – вот вопрос! –
Конопат у Тани нос? –
Усмехаются подружки,
Видя Танины веснушки.
Таня смотрит дальше носа,
И у Тани нет вопроса.

Конопушки

Конопатая девчонка
Довела меня до слёз.
У неё косая чёлка
И слегка курносый нос.

На неё взглянуть не смею,
И в мучительной тоске
Я от робости немею
Даже вызванный к доске.

Мы сидим за партой рядом,
А пишу ей – в интернет.
Вечерами долгим взглядом
Я сверлю её портрет.

Конопушки посчитаю:
Раз, два, три, четыре, пять…
И всю ночь о ней мечтаю.
А с утра молчу опять.

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА

СВЕЖИЕ КРАСКИ

Кошка Муська

Кошка Муська хочет в школу –
Надоело ей играть,
Надоела мышь под полом,
Что мешает ночью спать.
«Фу, как скучно – мяч и фантик,
На диване – пуховик,
И хозяйский мальчик Владик,
И щенок по кличке Дик…».
Размечталась… Ей бы бантик,
Как у девочки с косой,
И в портфеле – две тетради,
Что так пахнут колбасой.

Интернет

Папа вышел в Интернет,
походил, пропал.
Брат за ним помчался вслед,
в Яндексе застрял.

Мама в чьей-то электронке
с вечера сидит,
а сестрёнка с кем-то звонко
в «трубке» говорит…

Плачет брошенный Артёмка:
«Дядя Интернет,
пожалей, свари ребёнку
кашку на обед».

Пылесос – хулиган

Я включила пылесос:
Маме помогала.
Он меня довёл до слёз –
Сбросил покрывало.
А потом «втянул» носки,

Папину газету,
Делал на полу броски,
Прыгал по паркету.
Пылесос наш – хулиган,
Вдруг повис на шторе,
Так гудел и так стонал,
Как от страшной боли.

Почему ушёл портфель?

От меня ушёл портфель,
Я устал его искать.
Может, спрятался за дверь,
За диван иль под кровать?

Книги, ручки – всё в портфеле,
Сменка-обувь и коньки,
Мяч, ракетка и гантели,
Гвозди, даже молотки.

Я на нём катался с горки,
«Санок» лучше не найти,
Помещались я и Борька,
Он садился позади.

Как трещал портфель, не рвался,
Всё терпел мой лучший друг.
А сегодня потерялся.
С ним случилось что-то вдруг.

Как мне быть? Соседу Филе
Обещал сегодня гири…
Понесу их, как теперь?
Жаль, что спрятался портфель…

Как делили парту…

Парту мы делили с Дашей:
от окна – моя,
от двери – пусть больше даже,
я сказал: «Твоя…».
Поделили мы скамейку,
пол и потолок,
доску, тряпку, мел, линейку…
Кончился урок.

Жук

Жук усатый, панцирь – спинка.
Зажужжал он в майский день,
Сгрыз листок и сгрыз травинку,
В бочку сам залез к воде
И поплыл-поплыл с испугу,
Но взлететь никак не смог.

Прибежал котёнок к другу,
Лапкой вытащил… Помог.

Дружба

Дружит пёс, лохмат и грозен,
С рыжим брошенным котом.
На дворе зима иль осень,
Конура – надёжный дом.
Пополам еда и блохи,
Цепь, дорога до крыльца.
И оброненные крохи –
Пополам. В любви сердца.
Кот под боком спит в ненастье,
В ухо пёс лизнёт кота…
Не понять такого счастья
Всем рождённым без хвоста.

Новогодний рисунок

Я рисую снег и иней
Краской белой, краской синей.
И зелёным цветом – ёлки,
Очень тщательно иголки.
Алым – грудку снегиря,
Будто зимняя заря.
Вот и дедушка Мороз,
Шуба красная и нос.
И Снегурка с дедом рядом,
Изумрудные наряды.
Нарисую я игрушки,
Разноцветные хлопушки,
Бусы, шарики и дождь…
Красок ярче не найдёшь!
Над поляною – Звезда.
Она в золоте всегда!

Клоун

Клоун рыжий, нос картошкой,
и улыбка до ушей,
Рассмеши меня немножко,
знаю, друг ты малышей.

Клоун прыгнул, кувыркнулся,
Петухом смешно запел…
Я немного улыбнулся,
но смеяться не хотел.

Клоун выгнул спину кошкой
и мяукнул вдруг в окно…
Хмыкнул я себе в ладошку,
всё равно мне не смешно.

Клоун тут пошёл вприсядку
и давай со мной плясать…
Я хихикнул для порядка,
не стерпел – ну, хохотать!

В бальном танце

Ты вся – не здесь,
ты – в бальном танце,
Я – как потерянный,
брожу…
С партнёром ты
в старинном вальсе,
А я цветы тебе
ношу.
Показы, шоу,
снова кастинг…
В ушах от славы
только звон.
Беру я карандаш,
фломастер,
Подъезд рисую
и твой дом.
В «художку» я бегу
с мольбертом.
Ты смотришь грацией
с холста.
Ищу я краски,
свежесть цвета
Для танцевальных
твоих «па».

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ, г. Воронеж

ПОЮЩАЯ ПТИЦА

Что значит для нас Есенин сегодня?

Со дня его смерти Россия претерпела множество бед. Но вот что примечательно: в минуты скорби, в годы гонений и смертей есенинские поэтические строки сопровождали русского человека, давали ему утешение и не позволяли погасить в его душе трепетный огонёк любви к своей многострадальной родине.

За прошедшие десятилетия литература пополнилась самыми разными стихами: благозвучными, умными, проницательными, изобретательными по форме, созерцательными, гневно-обличительными... Одни из них воспринимаются сразу, другие требуют размышления и только потом трогают сознание читателя. Но в XX

веке, пожалуй, только стихи Есенина обладают той редчайшей интонацией, когда слова мгновенно достигают сердца, и притом – воспитывают душу и образовывают ум. В православной традиции это называется «умным сердцем».

Если в поэзии современника Есенина и его друга Николая Клюева перед нами предстает Русь старообрядческая, потаённая, сокрытая от недоброго и любопытного постороннего взгляда, то стихи Есенина дают нам Русь такую, какая она есть. С её доверчивой открытостью ко всякому прохожему, с её красотой – то буйной, то сдержанной, с её простором, которому нет предела ни в ширину, ни в высоту... Духовное око поэта видит всякую неброскую деталь природы и крестьянского быта. И в этой стихотворной картине столько истинно русского, что, кажется, нет такой силы, которая смогла бы стереть с лица земли русский след.

Стихи Есенина живут внутри видимой, истерзанной России, они составляют в некоем мистическом ядре страны силу, которая позволяет самым разным частям её сливаться воедино. Так и русские люди, впитывая есенинское слово, начинают понимать себя и перестают быть одиночками на своей земле – древней и любимой. И в этом – неоценимое достоинство поэзии Сергея Есенина в наше трудное и жестокое время.

Вглядываясь в поэзию Сергея Есенина, мы можем отчётливо увидеть, чем она питает стихи сегодняшние и чем от них кардинально отличается.

Есенин дал всем последующим поколениям русских поэтов непревзойдённый пример певца, будто растворённого в родной земле, её традиционном укладе, природе, а также – во времени, которое безжалостно рушит всё вчерашнее. Он испытал в своей художественной мастерской новые приёмы поэтического творчества,его проникновенные строки не кажутся архаичными и теперь, когда стихами порой называют очевидный словесный мусор.

Есенин удивительным образом соединил в себе черты поэта-традиционалиста и поэта-новатора. И обрёл творческую возможность увидеть родину в трагическую эпоху исторического перелома – и воплотить зримое в ярчайших образах, проникнутых любовью и горечью, жаждой жизни и печальным расставанием с ней.

Однако есенинский лирический пессимизм несопоставим с нынешними «поэтическими рыданиями», будто провожающими Россию в последний путь. Такое различие продиктовано, прежде всего, неотделимостью поэта от родной земли:он чувствует её мистические токи, тайное сопротивление губительному мороку, который охватил знакомые пределы,он является живой частью родины – и потому никак не может присутствовать на её отпевании, будто бы склоняясь над усопшей и обливаясь слезами.

В Есенине не найти рассудочности, которая, словно жук-древоточец,выедает древо современной поэзии изнутри. Это ещё одна причина, по которой его лирического героя нельзя представить стоящим рядом с Россией и говорящим о её кончине.

В его произведениях отразилась русская история и русская беда, прошлое, настоящее и будущее отчего края. Это свойство есенинской поэзии помогло ей сохраниться в безжалостном XX веке. Строки поэта повторялись на фронтах Отечественной войны, проницали собой все годы нашей жизни. Будто капля крещенской воды, превращающая в святую влагу целый водоём, стихи Сергея Есенина входили в душу, которая ещё не поняла собственных истоков, и делали её русской.

У Есенина достаточно много строк, совсем не похожих на знакомые образцы народной лирики, с её напевностью, мерностью повествования и прозрачностью сюжета. Масса смысловых диссонансов, ритмических перебоев, гротескных образов и тому подобных примет урбанистического, городского стиха. Но интонация поэтического голоса в столь разных произведениях, по существу, везде одна. Перед читателем воз-

никает облик человека, который может говорить тихо и громко, признаваться в любви и кричать от негодования, быть вдумчивым и непререкаемо резким. Такая переменчивая и широкая в своих берегах художественная речь – одна из примет творческого гения, которому послушны слова и смыслы. Для него внутренняя свобода есть «человеческая» сладость и, вместе с тем – бремя мистической ответственности.

Современная поэзия взяла из сокровищницы Есенина очень важные свойства:

- любовь к русскому пейзажу;

- тягу к деталям реальной жизни, будь то предметы быта или коллизии меж людьми, живущими на селе;

- понимание своих родовых корней – можно сказать, таинственный зов крови, что течёт в наших венах и является частью крови древней, вошедшей в состав земли.

Каждый поэт примеряет к себе ту художественную вещь, в которой ему не тесно петь и жить. Иначе и быть не может, поскольку певческий голос должен быть свободным – достаточно посмотреть на поющую птицу. Есенинское пространство пополняется новыми стихами, в которых современный автор естественно слит со своим великим предшественником. И это не подражание давним прописям, когда дыхание сего дня отодвинуто от слов и красок, от образа человека и образа мира. Поэты «есенинской школы» очень часто не похожи друг на друга, и может показаться, что заветы Есенина таким образом размываются и мельчают – но это неверно. Та река вдохновения, начало которой дал наш национальный поэт, принимает в себя разные притоки и становится полноводной, будто Волга.

И в том – значение Сергея Есенина и причина непреходящей любви русского человека к своему гению.

БЕЗ КОРЫСТИ И ПОШЛОСТИ

V фестиваль русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба»
«Герой нашего времени в современной литературе»:
выездное заседание Совета по критике Союза писателей России

Отталкиваясь от образа, подаренного русскому человеку ещё Лермонтовым, и обращая свой взгляд на реальность, в первую очередь мы задаёмся прямыми вопросами:

– как мы определим время, в котором живём?

– кого считать героем нашего времени, какие человеческие качества достойны этой обобщающей характеристики?

– как современная литература соотносится с действительностью, литературное отражение жизни ей адекватно или представляет её с искажениями?

– совпадает ли психологический и нравственный контур героя нашего времени в реальности с изображением этого образа в литературе?

Без учёта этих наводящих вопросов последующие размышления будут носить исключительно факультативный характер.

Если сопоставить социальный срез сегодняшнего общества с социальной картой советского времени или дореволюционного, в глаза бросятся сразу несколько отличий. В досоветский период имущественное расслоение населения, вероятно, было похоже на нынешнее. Кроме того, психологически были обыденностью самые разные типы людей, после 1917 года очень часто немыслимые. Половые и холопы, грязные шлюхи и содержанки, господа с оплывшим от жира мозгом и повышенной самоуверенностью, родовитые выскочки, бандиты, самодостаточный и бесцеремонный чиновно-бюрократический слой. Разумеется, самоотверженные

люди с честью и достоинством в давнем сословном обществе были на виду, в каком бы окружении они не действовали, будь то учитель в сельской школе или государственный деятель в столице. Надо всем этим человеческим конгломератом, словно объединяющий всех купол, парило общественное мнение. Порой его акценты были ложными, однако необходимость и влиятельность этого социально-нравственного института никем не подвергалась сомнению.

В социалистическую эпоху низкопоклонство, составляющее зримую часть человеческих взаимоотношений ранее, превратилось в характеристику презрительную. В неявной форме это качество ещё бытовало, но зримо оно ушло в прошлое. Общественное мнение, пусть и с поправкой на идеологические скрепы, продолжало существовать. Социальная картина граждан советского государства во многом стала однородной.

После распада Советского Союза все самые худшие черты старого русского прошлого и западного настоящего, словно ночной убийца, проникли на территорию России и заявили о своих хозяйских правах. Сегодня нувориш и продажный суд, вязкая бюрократия и презрение к простому человеку, гражданское кликушество и реальная боязнь богача и чиновника вновь превратились в нашей стране в обыденность.

Так вот, имея в виду эти самые общие черты минувшего и сиюминутного, мы должны определить героя нашего времени. Совсем не обязательно продолжать старое содержание образа: «наиболее примечательный человеческий тип, соответствующий своему времени». Полагаю, куда более важным сейчас сделать первым в предлагаемой формуле обозначение «герой», то есть человек, сопротивляющийся среде, в которой ему доводится существовать, не ломающий собственных принципов, но ради них вступающий в схватку с велениями гниющей эпохи. И это будет правильным в проекции на будущие русские десятилетия.

Постмодернистская литература и средства массовой информации вывернулись наизнанку в своем животном старании дегероизировать наше бытие. Но каждый новый день исподволь сообщал нам о новом герое, который не пожалел собственного живота ради родины или ближнего. Сам ход часов и дней сопротивлялся этому сатанинскому стремлению выхолостить корни русской истории, унизить подвиг и поклонится предательству или равнодушию.

И постепенно постмодернистские кликуши – философы, литературные критики и сочинители – отодвигались в тень. Ещё пронизывает наши взаимоотношения смрадный дух торгашества и сердечного холода, но литература русская начинает освобождаться от навязанных ей характеров. Будто взятые из историй Салтыкова-Щедрина и властно перенесённые в комфортную среду себе подобных, они гасили живое дыхание подлинно русского человека, искушённого читателя или простодушного трудяги.

Между тем, в его сознании накрепко укоренены образы традиционные, основанные на родовых понятиях чести и достоинства, совести и милосердия. Поэтому совершенно неправильно требовать от современной литературы интеллектуализма и попрекать её неизобретательным изображением распространенных типажей. Исстрадавшийся в постмодернистской пустыне русский человек тянется к теплоте, конкретному герою, узнаваемой ситуации. Наша литература восстанавливает свой гуманистический потенциал и способность показывать жизнь в узнаваемых формах. Ныне ещё не встали на подобающее место многие важнейшие реалистические произведения, первенство в рейтингах и презентациях отдано вещам порой ничтожным, кликушеским, а бездарный автор искусственно увеличивается до размеров литературного искателя, а порой и гения. Необходимо довести литературную картину современного бытия до весомой полноты и только потом намечать следующие шаги в развитии русской словесности.

Можно счесть героем переломной эпохи умного, принципиального и честного журналиста Ивана Базанова из романа Петра Краснова «Заполье». Этот трагический образ остается в памяти надолго, он неразрывно соединён с временем, в котором раскрывается его судьба. Роман поражения «Заполье» ещё ждёт внимательного взгляда критики, он многомерен и соединяет в себе правду города и правду деревни.

Рассказы и повести Натальи Моловцевой, кажется, просты и непритязательны, но в каждом сюжете автора мы найдём нравственный стоицизм и нежелание героя идти против совести и памяти. Персонажи прозы Дмитрия Воронина многочисленны и эскизны, однако перед нами внезапно предстает почти толпа героев нынешнего времени – в том числе и отрицательных типажей. Она шумит, беседует сама с собой, может затеять драку, а иной раз – опустив головы, ее люди молча, что-то тихо говоря друг другу, расходятся по домам.

В современной поэзии нас ждет русский миф и жажда сопротивления циничному олигархическому укладу, всё чаще в стихах поэтов можно встретить желание объединить силы и дать отпор воплощенному злу. Как правило, такие сюжеты условны, почти сказочны, однако стремление героев обозначено не только лирически точно и убедительно, но и непреклонно в нравственном отношении. На деревенском материале подобные истории есть у Владимира Скифа и Геннадия Ёмкина.

Знаменательное стихотворение Светланы Сырневой «Патриот» («Возле чёрного Белого Дома стоять, // и родных потерять, и друзей хоронить…») перекликается с романом «Заполье» по горестному драматизму. Но и в прозе, и в стихах герои не ломают себя под скользкий стереотип буржуазного человечка: масштаб их личности остаётся неизменным.

В поэзии Дианы Кан тема борения – одна из главных. В координатах мифа и на материале сугубо современном её лирическая героиня является укоренённым русским человеком – с жаждой продолжения родовой традиции, с чувством православного устройства собственной души.

Задача показать в литературном произведении действительных героев современной жизни, которые держат стены нашего дома-государства, несмотря на ложь пропаганды и воровские ухватки ничтожной элиты, исключительно важна. Потому что надежда на завтрашний день, духовно верное воспитание нового поколения в таком случае обретут сильного союзника – современную русскую литературу. И тогда заново начнет выстраиваться общественное мнение уже иного образца – в отсутствии корысти и пошлости, пронизанное искренностью и верой в справедливость.

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ

ИРРЕАЛЬНЫЙ МИР И.С. ТУРГЕНЕВА И П. МЕРИМЕ (НА ПРИМЕРЕ «КЛАРЫ МИЛИЧ (ПОСЛЕ СМЕРТИ)» И «ВЕНЕРЫ ИЛЛЬСКОЙ»)

Статья посвящена актуальной проблеме русской и французской литературы XIX века – фантастическому направлению в реализме, а именно реалистической фантасти-

ке. Писатели исследуют необъяснимые явления в природе и в самом человеке, стремясь изобразить ирреальное романтическими средствами с реалистических художественных позиций. Создавая «двуплановость» изображения, т. е. взаимодействие плана реального и ирреального, Тургенев и Мериме решают задачи, исходя из своеобразия собственных эстетических позиций. В статье поднимаются вопросы, связанные с глубинными процессами психики человека, которые выражаются в литературе таким условным романтическим средством познания и изображения, как фантастика. Фантастические произведения Тургенева и Мериме остаются востребованными в современной литературе.

В русской литературе XIX в. начиная с А.С. Пушкина значительно усиливается романтизация реализма как художественного метода в познании и изображении действительности. Пушкинские традиции в реалистической фантастике развивают М.Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, И.С. Тургенев, творчество которых попадает в круг переводческих интересов одного из выдающихся французских писателей-реалистов П. Мериме, также исследующего возможности литературы в области фантастического. Создавая новое направление, они углубляют исследование внутреннего мира человека, его невообразимо тонких связей со Вселенной, выявляют воздействие ино- бытийных, ирреальных сил. Усиливая познавательные и изобразительные возможности реализма с помощью такого мощного романтического средства, как фантастика, русские писатели вслед за Пушкиным придают фантастическому мистический колорит, порой демонизируют героев. И.С. Тургенев, углубляя эти тенденции, выявляет самое невероятное как внутри человека, так и вне его, во Вселенной. Писатель обращается к «смутным, психологически сложным, даже болезненным состояниям души», используя так называемую экспериментальную фантастику. Однако при всем интересе общества в XIX—XX вв. к реалистической фантастике вопросы со-отношения реального и фантастического до сих пор не стали предметом достаточно пристального внимания ученых. Осложнение космоса личности, обогащение представлений, связанных с научными открытиями последних десятилетий, требуют инновационного подхода к проблеме, побуждают к дальнейшим изысканиям в области феноменологии духа.

Типология романтических средств изображения в поздних произведениях «Клара Милич (После смерти)» Тургенева и «Венера Илльская» Мериме нацеливает на выявление природы фантастического, стремление определить его место в системе реализма, глубоко драматизированной психики человека во взаимодействии с инобытийными, ирреальными силами. Рассматривая «смутные», обеспокоенные состояния героев с различных ракурсов и аспектов, Тургенев и Мериме пытаются как бы прорывать тонкую «пленку» между этим и другим миром, бытием и небытием, жизнью и смертью, куда герои якобы то уходят, то возвращаются, пребывая зачастую в полуреальном — онирическом состоянии. Выделим мениппейную традицию в русской литературе, такую ее разновидность, как «сонная реальность», «фантастическое путешествие» в другой мир «смутной, болезненной», тревожной души. В частности, онирическое у Тургенева связано с кризисными снами Аратова в «таинственной повести» «Клара Милич (После смерти)». Отмечая важность всех трех снов Якова Аратова, приводящих его к перерождению и обновлению, особо подчеркнем, что сны характеризуют не только «болезненность» души тургеневского героя, но и сложность ситуации, когда его мировосприятие доведено до предела. Аратов готов к новому состоянию - переходу в иные миры, куда уже ушла его возлюбленная Клара, покинув его в этой земной юдоли. Недаром повесть «Клара Милич» носит еще и второе название — «После смерти». Автор показывает Милич в сновидениях Аратова, его невероятно сильную, взволнованную реакцию на ее самоубийство.

Естественное объяснение «таинственного» выражает реалистическую интерпретацию случившегося, но оно не единственно, развиваясь сразу в двух планах. Вместе с детерминацией событий в «двоемирии» ощутима мощь немотивированной романтической стихии как признание существования «тайных» сил в природе и самом человеке. Зыбкому миру фантастики свойственна атмосфера странного беспокойства личности. Постоянные напряженные размышления о загадочной девушке приводят Аратова к новому ощущению — ее присутствию рядом с собой. В судьбу героя, очевидно, вмешиваются потусторонние силы. Непонятное, неведомое, необъяснимое, в конце концов, интерпретируется клинически. Герой видит образ запомнившейся ему девушки четко, как с фотографии. Так Тургенев иллюстрирует галлюцинации больного воображения Аратова. Сам Яков понимает, что это результат «смуты» в его душе. Никак не мотивируя воображаемое, Яков Аратов убежден, что это злые, инобытийные силы вмешиваются в его жизнь, а постоянные мысли о смерти возлюбленной подтверждают догадку относительно реального существования ирреального мира.

А. М. Ремизов объясняет это как «вызывающий голос живого пола, изжитого в жизни, рвущегося из застывшей крови мертвой Клары и действующего без всякого посредника <...> своей живой волей в напряженную среду другого пола». В словах исследователя соединены две линии: реальные, физические отношения мужчины и женщины и ирреальные, призрачные взаимосвязи Клары Милич и Аратова, раскрывающие в сновидениях Якова идею «двоемирия». Эта идея выражается в том, что мертвая Клара во сне рвется сюда к нему; ситуация представляется как бы «двуплановой», а именно: Клара-то мертва, но в его сознании она видится ему реальной, «рвущейся» «своей живой волей» сюда к нему, в «напряженную среду» его обетования.

Пробужденное чувство страсти Клары Милич воспринимается и героем, и автором как недобрая, неизвестная человеку сила, поработившая его волю. Понимая сферу Неведомого как одну из стихий «тайных» сил, Тургенев выступает художником-психологом с умелым изображением проявлений этой сферы бытия. Писатель показывает зарождение и развитие процесса, когда свершаются вершинные, кульминационные точки психического акта. Художник открывает закономерности во внутренней душевной жизни человека со «смутной, болезненной» психикой, прослеживает на переходе миров процесс превращения неясных психических возможностей в реальную действительность.

Такое психически неустойчивое состояние души героев было характерно прежде для «черного» романа в зарубежной литературе. Один из ее ярких представителей французский новеллист П. Мериме в какой-то мере использовал в творчестве немотивированную фантастику «готического» романа (Бахтин) в более ранней новелле «Венера Илльская» (1837) и поздней — «Локис» (1868). Выбирая для сравнения с тургеневской «Кларой Милич (После смерти)» как наиболее характерную с точки зрения реалистической фантастики «Венеру Илльскую», мы наблюдаем факт тесных творческих связей Тургенева с Мериме. В частности, с ранней фантастикой французского новеллиста, носящей готический колорит, когда Мериме стала привлекать реалистическая фантастика русский писателей.

В новелле «Венера Илльская» Мериме статуя богини красоты убивает героя за ее осквернение. Однако читатель стоит перед выбором: поверить этому или не поверить? Что это — действие злых инобытийных сил или чего-то реального? События, которые разворачиваются в провинциальном городке Илле, не поддаются интерпретации и становятся фантастическими. Накануне свадьбы Пейрорад — сын играл в мяч с арагонцами. В ответ на слова Альфонса де Пейрорада о будущем выигрыше гигант-испанец, проиграв, пробормотал: «Ты мне за это заплатишь».

В возбужденной послесвадебной обстановке, ночью, в доме Пейрорадов рассказчик слышит, как что-то тяжелое ступает по лестнице. Утром родители и слуги находят жениха мертвым. Экспериментальность фантастики создается и ее реалистическим объяснением, и немотивированностью изображаемого. Уже слыша шаги, рас-сказчик в пока еще неостывшей послепраздничной атмосфере думает о том, что это пьяный жених ступает по лестнице.

Рассказчик не верит в реальность потусторонних сил и как реалист приводит аргумент в пользу естественного объяснения. Писатель изображает мир гармонии и красоты переходящим в уродливые формы, что связано с воздействием «таинственных», инобытийных сил на возбужденную психику человека. Рассказчик осознает, что это, вполне вероятно, слуховые галлюцинации. В возбужденной послесвадебной атмосфере шаги статуи воспринимаются и как конкретно ощущаемые шаги «увальня» — жениха, и в то же время как нечто ирреальное, неведомое. В первом смысле это реальный, бытовой план изображаемого. Во втором — невеста позже сообщит, что статуя, которая якобы поднялась по лестнице к новобрачным, и задушила Альфонса в своих объятьях.

Эпизод с напрасной попыткой снять кольцо жениха с руки статуи не мотивируется никак. Рассказчик выдвигает естественную мотивацию: герой слишком глубоко надел кольцо на палец статуи. Но, что важно, герой надел перстень на руку Венеры как раз в день этой богини, в пятницу, что говорит о его невольном обручении со статуей как с невестой. Событие действительно показано фантастически, ведь это Венера сама сжала свою руку, не давая герою снять кольцо с согнутого ею пальца. Рассказчик напуган не меньше героя. Предчувствия сбываются, ирреальный мир наказывает за кощунственное отношение к красоте, к божественным, космическим силам. Как видим, герои пытаются использовать ирреальный мир в своих утилитарных целях и несут за это наказание.

У Тургенева, как и у Мериме, изображается объективно существование ирреального мира. Яков Аратов в «Кларе Милич (После смерти)» общается с призраком возлюбленной Клары. Однако так ли это — возможно ли такое общение, сам переход героя в иной мир — туда и обратно? Все вроде так, Клара перед Аратовым, как живая, а мотивация недостаточна, двусмысленна, читатель стоит перед выбором: реально это или нереально? Возможно ли воздействие инобытийных сил? Применение фантастических элементов в произведениях Тургенева и Мериме расширяет понятие быта до Вселенной, более глубоко изображает личность в онтологическом аспекте, в ее взаимоотношениях с мирозданческими законами.

Правдивость сверхъестественного Мериме реализует в магнетических действиях, магических обрядах, в объективности реального и ирреального миров. Французский новеллист использует демонические силы в образах мертвецов, вампиров и привидений. Его фантастика идет от известных психических явлений к неизвестным. В то же время

Тургенев, особенно в поздний период, близок к Эдгару По, рассматривая фантастическое на грани разума и чувств. Русский писатель использует предчувствие как завуалированную форму романтического средства познания и изображения, фантастические герои Тургенева почти всегда умирают без насилия, естественной смертью.

Типологическая близость фантастики Тургенева и Мериме предполагает и типологическое различие. Прежде всего Мериме использует элементы «черного» романа, тогда как Тургенев далек от всего готического. У Тургенева вина кроется не в разрушении природных запретов, а в моральном аспекте. В изобразительности Мериме придает компактность, краткость произведению. Тургенев же как писатель «большой лирической силы» (Мериме) выражает эмоциональный мир

героев свободно, пользуясь языковой палитрой, широко реализует гамму чувств и переживаний. По мнению современного французского исследователя М. Кадо, фантастика Тургенева с точки зрения содержательности научна, напоминает медицинские опыты, идет, скорее, от научного к художественному пересказыванию.

Рассмотрев «таинственную повесть» И. С. Тургенева «Клара Милич (После смерти)» и новеллу Проспера Мериме «Венера Илльская», мы делаем вывод, что оба произведения принадлежит к реалистической фантастике, характеризуемой прежде всего «двоемирием», т. е. одновременным существованием в тексте реальных и инобытийных сил. К реальному герою Тургенева приходит призрак, у Мериме в реальной обстановке оживает статуя. Во французской новелле как бы существует любовный треугольник, с его недомолвками и обманом. В повести Тургенева два человека не поняли свою любовь, не нашли друг друга, не сумели при жизни разглядеть глубину своих чувств. У Мериме они наказаны за осквер-нение любви, у Тургенева — за непонимание этого чувства. Их губят иррациональные силы как в самом человеке, так и вне его. Высший божественный мир зорко стоит на страже лучших человеческих чувств, создавая духовность всему человечеству.

Переводя Тургенева, Мериме видит за фантастическими произведениями новое направление. Оба писателя, обогащая реализм, вносят свой вклад в реалистическую фантастику. Их фантастика благодаря «двоемирию», расширению возможностей фантастического раскрывает универсальные законы бытия, а концепция фантастического отражает общие идейно-эстетические тенденции в творчестве писателей-реалистов XIX в. Фантастика Тургенева и Мериме предвосхищает интерес к фантастическому в искусстве XX в., когда фантастика в романе и кино покоряет широкую публику. По-прежнему нет границ между реальным и фантастическим, обычная реальность становится фантастической. Мир человеческого существования с его новейшими реалиями, технологиями ныне поистине фантастичен (например, изобретение мобильного телефона, открытия в биологии и т. д.).

Как средство усиления познания и изображения реалистическая фантастика служит в художественных образах моделью «двойственности», параллелизма миров — реального и ирреального. Это обеспечивает эффективность духовного воздействия литературы, ее обогащение божественнонравственным смыслом, а главное — преодоление страха и ужаса человека перед Неведомым, ирреальными силами, существующими, по мнению И. С. Тургенева и П. Мериме, объективно как в самом человеке, так и вне его, во Вселенной.

СТИХИЯ СЛОВЕСНАЯ

О книге «Родные корни» Валентина Митрофановича Васичкина, члена Союза писателей России, продолжателя поэтических традиций русской школы.

В Орле вышла новая книга В.М. Васичкина «Родные корни» (стихи, очерки, публицистика).

Смотришь на обложку и видишь крест, у дерева купель Андреевского колодца, родной среднерусский пейзаж, что недалеко от Малоархангельска, святая вода, за которой дед моего отца ходил пешком в 1943, чтобы спасти свою внучку от скарлатины и спас. И сейчас не зарастает эта тропа, едут сюда люди, любят этот источник. Картинка притягивает наш взгляд, приглашая открыть книгу.

На развороте напечатан портрет симпатичного, серьёзного писателя. Из аннотации узнаём, о чём книга, что близко и дорого автору, каковы главные темы

его произведений. Он издал 14 книг общим тиражом около 25 тысяч экземпляров, и все они ушли к читателям. Это сразу вызывает уважение, ведь писатель делает великое дело (современный книгоноша), хотя теперь он возит свои книги на машине. Он не даёт русской нации, когда-то самой читающей в мире, забыть книгу, перестать её читать в бумажном варианте, в том, в котором она существует тысячелетия. Браво писателю!

Перевернув страницу, оказываешься в стихии поэзии, которая вводит нас в мир поэта, умеющего выразить то, что есть самого дорогого в человеке – его чувства. И главное из чувств – это любовь, как и заявлено в аннотации: любовь к природе, женщине, семье, своим предкам и самая высокая форма любви (о чём писал Ф.И. Тютчев) – это любовь к своему Отечеству, к своей большой и малой Родине, выше этой любви нет ничего на свете.

Уже первое стихотворение«Дома» наполняет наше сердце теплотой к отчему дому, любовью к родине.

То речка и роща, то снова угодья пастушьи,
Так сладко на сердце, за что и воздал бы богам,
Я город покинул с его суетой и бездушьем,
Я дома давно, я сумел возвратиться к лугам,
К ручьям и ракитам, к весёлому летнему грому;
К слепому дождю – он любил умывать зеленя.
Не блудным я был, возвращаясь к отцовскому дому,
И рад был отец, ведь он строим его для меня…

И в конце стиха:

На родине жил и довольствуюсь этой судьбой.
Блесну и угасну я – щедрый, не злой и не вечный,
Над милым крылечком. Над рощей, над полем, над речкой,
Как дождик тот самый слепой.

Мы и в других стихах увидим удачный приём автора – выносить в конец образ уже употреблённый в тексте, чтобы акцентировать, углубить смысл. И мне вспоминается в связи с этим стихотворением рассказ родителей о замечательном человеке, эрудите, талантливом литературоведе Юрии Сазонове из Змиёвки (можно сказать, земляке В.Васичкина), который работал в музее И.С.Тургенева и говорил, когда ему становилось скучно и грустно «еду домой слушать, как растёт трава и идут дожди».

Читая книгу, хочется цитировать почти каждое стихотворение, настолько их смыслы заложены в наших генах. Мы с этим родились, это в нас живёт. Вот стихотворение «В великие дни».

Так не нами заведено, а далёкими предками:

Гости в дом – и на стол вино, настоящее, чтобы крепкое…
Хлеб и соль на столе всегда: – Ну, родня моя, в красный угол!
Если с другом, то не беда – хватит места родне и другу.
Я как раньше, так и теперь: Дни великие – божья милость!
То Покров постучался в дверь, то Казанская попросилась.

Много стихов посвящено своим родным, предкам, которых уже нет, но внуки и правнуки их помнят, чья достойная, трудовая жизньслужит примером, их заветы дороги нам, их нравы и обычаи живы в новых поколениях. («Закваска», «На кладбище». «Огню недолго теплиться в золе». «Над поймами туманец, как дымок», «С думкою светлой о родине»)

По буграм трава всё рыжая да бурая,
по весне здесь полыхнёт опять пожарище.
Вот и снова я шагаю на Сабурово,
к своим предкам, что лежат на старом кладбище.

В книге много стихов о природе, ведь автор живёт на природе и описывает её с любовью во все времена года, в разное время дня.У него и зима «Деревня в снегу», «После метели», и весна «Стекает ветер с полою водой», «Давно сугробов нет в помине», и лето «Пчела», и осень «С ночи небо грустное».А ещё в этих стихах и разное время суток: рассветы и закаты, день начинается, день догорает. И это не просто описание природы нашей родной среднерусской полосы, где «краски не ярки», как сказал классик, но от этого нам она ещё дороже.В каждом стихотворении часто заключено ещё и глубокое, философское отношение к жизни.

В стихотворении «Пчела» читаем:

…Был первый день, седьмой; работа тяжела.
И тыщу раз – домой дорогою прямой
Пчела нектар несла.
Гречиха зацвела – она опять в полёт:
Тридцатый день пчела сливает в соты мёд…
Пусть голова бела, но я ещё не стар;
И буду, как пчела, я слов носить нектар.
Закончу все дела, совсем забыв про лень.
В работе, как пчела, тридцатый встречу день.

Единение с природой, общение с ней и её обитателями очень много даёт человеку, а на пасеке становишься философом, пчела может и вылечить, и многому научить. И буду, как пчела, я слов носить нектар» – строчка, великолепная во всех смыслах: прекрасный образ и философия жизни.

Очень трогательные стихи «Я так давно не спал на свежем сене».

Я так давно не спал на свежем сене.
Куда нас время ветром унесло –
В сенном сарае балки все просели,
Подгнившие ворота повело»…

Следующее стихотворение тоже о сенокосе.

«Нам не пашется и не косится, а погода стоит – коси!
Только в руки коса не просится. Да и нас теперь не проси…

Сенокос – пора особая, она у нас в генах, а ещё от Льва Толстого из «Анны Карениной», а потом были стихи Кольцова на эту тему.Вот и Валентин Васичкин пишет об этом с ностальгией. Ностальгия здесь уместна, тем более, что это была юность, молодость поэта. Но о сенокосе знают многие, как и о скачках повсюду, в том же Малоархангельске, мой отец ещё помнит всё это. А почему бы не устраивать на Троицу, когда и начинается сенокос, соревнование косцов. В нарядных русских рубахах косари – сильное зрелище, и найдётся много желающих показать свою удаль, умение. И тут же красавицы в кокошниках будут разными видами русского кваса (хлебный, медовый и др.) угощать и рецепты давать. Здорово будет!

Много в книге стихов о любви к женщине «Радости и печали», «Ты – на том берегу, я – на этом», «Достойный пример», «Какие сны ты видишь в эту осень», «Мы живём» «Говоришь, тебе отпелось-отлюбилось» и др.Вот четверостишие из последнего.

Распахни своё окно навстречу свету –
В тишине услышишь песню соловья.

Лишь тебе одной признаюсь по секрету:
Соловей, от счастья пьяный, – это я.

Стихи о любви весёлые и грустные, в них радость и нежность, в них сердце, умеющее любить.

Процитируем и стихотворение «Из детства», ритмичное, радостное, в котором ребятня – народ весёлый, авантюрный, ситуация знакомая многим по своему детству.

Коростели заскрипели, лето плавает в пруду.
Если яблоки поспели, то – в Аркашином саду…
То не ветра шум по саду, а минутный наш налёт.
И за смелость всем награда: каждый в пазухе несёт…

Внукам это испытать бы! Но в разбеге буйных лет
Нет Аркашиной усадьбы, и посёлка тоже нет.

Весёлое было детство: с приключениями, где была смелость и детский «подвиг», сказочная ночь и радость. Конец стихотворения – это не грусть, это боль, это реальная жизнь, где всё всерьёз и не спастись.

Приведём отрывок из стихотворения «В год обезьяны», в котором автор тоже вспоминает о прошлом не без сожаления.

В новый век мы вошли без вины, но разруха – как после бомбёжек,
Помнишь, братец, как после войны за столом не хватало нам ложек.
Как теснились дома по реке, а деревня звенела от песен.
Я вот тоже в седом парике, дом отцовский давно нам не тесен.

Как образно, через метафору, метонимию выражена серьёзнейшая проблема демографии в стране. И строки эти ранят в самое сердце, трогают больше чем все доклады на эту тему и не всегда корректная статистика.

А теперь, заканчивая обзор поэзии, остановимся на замечательном стихотворении Валентина Васичкина «Водополье». Начнём с названия стихотворения, сразу видно, что автор сделал этот симпатичный неологизм из слова половодье. Речь идёт о половодье, о наступлении весны. Всё в этом стихотворении построено по законам классической эстетики, думается даже, что поэт ничего не строил, а в миг вдохновения выплеснул этот текст из своей души. Здесь и противопоставления (зиму проводили, а никаких идиллий); здесь и сравнение весны с художником; много олицетворений: весна рисует, трактор захлебнулся, вода мчится, надрывается глухо, дорога – кисель, а далее обращение к библейскому сюжету о потопе, о Ноевом ковчеге (здесь ковчег – деревня), люди молят Бога о спасении, и всё в таком напряжении, так драматично, весна освобождается от зимы, пуская в ход всё, что у неё есть. Через трудности, через борьбу (три дня водополья) весна приходит, пробив себе дорогу.

После хаоса, борьбы – красота, гармония. « Как пахнет весною!»

Приведём это стихотворение целиком.

Водополье
За туманный просёлок зиму проводили,
И теперь никаких деревенских идиллий.
Как художник, весна нам рисует картины:
На ручье и на речке рвануло плотины;
Захлебнулся в грязи тракторок-развалюха;
С поля мчится вода, надрывается глухо;
С огородов – к домам, да не мимо подвалов
И такого в деревне давно не бывало.
Говорят, под водой скоро будет Европа,
А у нас – репетиция мини-потопа:

Под водой все мосты, и в кисель вся дорога –
Полагают, что чем-то прогневили Бога.
Наступает весна, избавляясь от снега,
И деревня теперь чем-то вроде ковчега:
Руки – к небу;
И также с надеждами – к Ною…
Третий день водополья;
Как пахнет весною!..

* * *

Перейдём от поэзии к прозе. В этой части восемь очерков: «Родина», «Святые места», «Мастер кисти», «Учителя и ученики», «Судьба» и др. В прозе В.М.Васичкин – серьёзный аналитик, знающий современную жизнь и её проблемы, имеющий свою позицию, зрелый журналист и писатель. Очерки интересно читать, в них много информации о родном крае писателя («Родина»), написаны они со знанием дела, аргументированно, с привлечением архивных, документальных источников. Но главное в очерках – это люди, о которых пишет автор, их личные качества, дела, их любовь к Родине. Читатель прочитает о людях, которых знают многие: художник Н.Я.Силаев, известный писатель и литературовед В.А.Громов, А.К.Пастухов, Е.Д.Башкеев (учёные мужи, как пишет автор) и другие земляки писателя, которые стали гордостью и здесь, где они родились. Из этих людей мы знали В.А.Громова, общались с ним, провожали в последний путь, помним его. В.М. Васичкин в очерке «Святые места» пишет с теплотой и любовью о В.А.Громове, заслуженный, известный человек,но нет ни школы, ни библиотеки его имени, нет и мемориальной доски на доме в Орле, где жил В.А.Громов. Школе или библиотеке сделать это не под силу, Это могла бы сделать писательская организация, музей им. И.С.Тургенева, от них должна исходить инициатива.

Запоминается образ замечательной русской женщины, учительницы Ольги Яковлевны Васильевой. Сколько в ней силы духа, мужества, мудрости, она прожила долгую, достойную жизнь, учила многих жить, работать, за что ей благодарны многие люди. Это ли не пример для подражания!

Хорошо написан очерк «Судьба». А герой очерка – Владимир Михайлович Пахомов – это человек, о ком говорят: на таких земля держится. И ведёт их по жизни великая сила предков. В.М.Пахомов – председатель должанского сельхозпредприятия «Заря мира». Главные жизненные уроки получил Владимир Михайлович от деда своего, который учил его жить в труде, благопристойности, уважении к семейным традициям. Всё закладывается в семье, с детства приучили Владимира Михайловича трудиться, не бояться никакой работы. И стал он хозяином, хорошим хозяином, и хозяином своей судьбы. Ему нравится работать с людьми, он умный, энергичный, у молодёжи в авторитете. Ему предлагали поработать «наверху», но он оставался при своём мнении: его работа здесь, среди своих людей. Главное его качество – чувство ответственности за людей, за дело, за всё, что делается на этой земле. Во всех делах он опирался на людей, советовался, просил помощи. Люди верили ему и не подводили. И за всё доброе, что он делает, земляки удостоили его, как считает Владимир Михайлович, самой высокой награды: присвоили звание «Почётный гражданин Должанского района». Хлеборобская судьба Пахомова В.М. сложилась. Она не была лёгкой, да и бывает ли лёгкой судьба, но оказалась для него счастливой. Но ведь другие, кто рядом с ним, тоже живут нормально.

Когда В.М.Васичкин критикует то, что у нас плохо сейчас, вспоминая хорошее в прошлом, это естественно, поэтому мы и сохраняем традиции. Ноне всё, что было раньше, было хорошо. Автор книги показывает много людей, похожих на Пахомо-

ва. От них зависят наши успехи. Значит, мы опять выдюжим. У нас русский характер, у нас русская душа, её не убить, не победить.

И поэт в стихотворении «Мы живём» пишет:

…Август веткой мне прощально помахал,
Вместе с ветром за пруды, за окоём…
Время – ветер, жизнь прекрасна, мы живём!..

И можно с уверенностью сказать, что новая книга В.М. Васичкина найдёт своего читателя.

МИХАИЛ ТУРБИН

КРАТКИЙ ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА КНИГИ

Валентин Васичкин «Родные корни»

Огню недолго теплиться в золе,
А жизнь вперёд стремится всё упорней.
Так хочется мне на родной земле,
Чтоб внуки помнили, где предков корни.
Валентин Васичкин

«Родные корни» – так называется очередная книга писателя Орловской земли Валентина Васичкина, которую я с большим удовольствием прочитал. Хочу от души поздравить его с выходом её в свет. Удачная книга и, на мой взгляд, это ещё и вдумчиво исполненная работа зрелого талантливого автора-почвенника. Стихи мне ближе, чем проза, поэтому, прежде всего на них обратил внимание.

О проблемах сельской жизни с пронзительной болью писали ещё с времён Некрасова, и пишут до сих пор: что ни автор, то боль и любовь к земле – матушке нашей хранительнице.

Стихи Васичкина поразили меня свежестью, широтой и глубиной взгляда на действительность. В них почуял душевность, ёмкость, точность и ясность слов.

«Самый верный признак истины – это простота и ясность» – любил говорить Лев Толстой. Стихи Валентина Митрофановича полностью соответствуют этому определению. Можно добавить и выражение Максима Горького: «Поэт – эхо мира, а не нянька своей души». Тоже подходит к нему. Он и голос, и эхо крестьянского мира. Не «нянька», и пусть даже не хозяин своей души, (хозяин-то – Господь Бог) но, во всяком случае, – добросовестный попечитель. Голос его весомый, всё же крестьянского рода человек, несущий в себе тысячелетнее русское чувство. И усердно трудится, издавая книгу за книгой для своих читателей, с кем делит ежедневный хлеб. Пишет, спешит рассказать обо всём, что скопилась в сердце за долгую жизнь. И тут я делаю отступление.

Американский писатель Айзак Азимов за свою жизнь написал 300 книг. Чемпион! Секрет скорострельности прост: деньги – движущая сила и цель. В интервью однажды признался: «Для меня творчество – это радость, не составляющая труда».

Васичкин в стихотворении «Творчество» иного мнения:

Всё просто, как дважды два:
Тяжёлый полночный труд.
Ложатся в строку слова,
Которые не врут.

Конечно, – тяжелый труд. Труд души, выматывающий ещё и физически, но об этом не принято говорить; радость творчества? – да, это когда выходит к читателю твоя книга. В приведённой строфе я обратил внимание на 3 – 4 строку: «...слова, которые не врут». У Тютчева: «слово изреченное есть ложь». Васечкин против Тютчева? Ничего подобного. Тютчев, по-моему, имел здесь другое: всё, что мы знаем – знаем отчасти. Цельность знания в Божьих руках. С христианским пониманием этого «знания отчасти» Васечкин и ищет «слова, которые не врут». Найдёт и честно сообщает:

Как по лесу, всё шли-аукали,
А народ – оторви да брось;
И какую страну профукали,
Понадеявшись на авось.

Да, профукали. Теперь россияне-писатели, в числе других граждан порой вынуждены больше думать о деньгах, а потом уже о высоких смыслах. И начинают выпускать книги по американским лекалам со скоростью Азимова, когда написание текста «не составляет труда» – так наловчились. Это никак не вяжется с вековым нашим представлением о предназначении литературы в жизни общества: «сеять разумное, доброе, вечное», когда каждая строка должна быть светлой и выстраданной.

Валентин Васичкин выпускает книги в основном за свой счёт, они чаще всего не компенсируют затрат. Пишет их с любовью от полноты души для читателей своей сельской глубинки. Его знают и почитают во многих районах области. Он – давно состоявшийся писатель, хотя решил вступить в Союз писателей России лишь в 2015 году, и был сразу принят. У него теперь намного шире станет читательский круг, и при необходимости есть на кого опереться.

Но, возвращаюсь к «Родным корням».

Порой, мне кажется, что его строфы достигают в звучании поистине есенинских высот:

И небу будет жарко с птицами,
А дел земных невпроворот;
Не зря осины разночинцами
Пошли по улице в народ.

Их корни – за сенным сараем,
Где рубль не ценится ни в грош;
Где в свои сроки подрастает
Судьбой обиженный Гаврош.

Здесь нет словесного мусора. Из всех слов и словечек, которые он слышал с детства, бережно выбирает самые подходящие для выражения чувства. Для него после развала СССР: «... в новых днях – ни света, ни тепла», «В Донбассе мира нет, а там родня, могильный холмик брата...»

Я не раз замечал, как некоторые поэты, словно дезертиры, бегут прочь от острых вопросов современности, стыдливо о них умалчивают, уводят читателя в мир «красивости», щеголяют словами завозными ради пустого звона. И речь вроде бы наша, а душа – чужая. Есть и такие писатели, которые считают: надо начинать решать проблемы страны не с совести, а со свободы. Любят не к месту цитировать строчку Андрея Дементьева: «Никогда ни о чём не тужите». Выходит, и о развале

СССР не надо тужить, и об умерших родных и близких, тоже? Они словно сами себя выселяют из головы. Васичкин – человек прочной закалки, живёт в гуще народа, сам – народ, его голос:

К чему, скажите, нам вражда племён,
Во зле вселенском рвутся узы братства?..
А по стране – к Москве, со всех сторон,
И от Москвы – шагает святотатство.

И на прицеле снова Мавзолей...
Окстись, поднявший руку на святое!
Простой народ пока что не во зле
И не забыл советского застоя...

Или вот:
«Слава вечная трудодню,
Что Европа так не любила.
Всю большую мою родню
Она всё-таки добомбила.

Стихи Валентина Васичкина – это ещё и укор либерал-западникам, и другим людям, оторвавшимся от родных корней и летающим между небом и землей, как неприкаянные. Время их кончается; что с ними делать? – мало, кто знает. Думаю, к ним надо относиться по-христиански, как исстари на Руси жалели и любили нищих, больных, порченных и калек.

Валентина Корнева, сборник: «Заповедное слово»
(Стихотворения. Легенды. Предания. Были.)

Тираж – всего лишь 300 экземпляров чудесно оформленной книги с высоким духовным содержанием. Корнева приложила к появлению новой книги немалые усилия. Вкус не подвёл, выбрала из ранее написанного то, что требуется именно для «Заповедного слова».

Валентина Ивановна Корнева, как писатель, человек не суетной, не ищущих признания мгновенного. Она знает, что делает, и как делает, поскольку талантливая и совестливая, а по духу – православная, умеющая соединять земные дела с таинственными – небесными. Знает, как и когда отзывается слово в сердцах, и почему оно не отзывается даже эхом у тех, кто к нему глух. Она повидала много чего на белом свете – опытный и мудрый человек. Знает, – время стремительно катится, надо не разменивать его на мелочь житейских проблем, а говорить полновесно о главном. Что теперь главное? Свобода и права. О них с утра до вечера нам все уши прожужжали, уже нестерпимо это жужжание, шарахаемся от него, ворчим: не та свобода и права не те! А что главное? А главное, если читаешь её стихи, заключается в том, что надо в душу свою внимательно смотреть, – больная она у нас, господа-товарищи современники. Оттого и век больной и Россия не долечена, переваривает по-своему «свободу и права», чтобы не исчезнуть в стремительно меняющемся мире. Диагноз как всегда устанавливает литература. Это одна из её функций. Вот почему в наши дни значение её принижают, а то и вовсе стараются не замечать. Мешает она дельцам скоробогатеям. Ведь Слово – лекарство, лечиться надо Словом. Первый раздел книги так и называется: «Полечи меня словом», второй – «Родники», третий – «Обереги». У Корневой во втором разделе книги есть стихотворение из 8 строк, которое, на мой взгляд, сконцентрировало то главное, о котором и повёл речь, вот оно:

Мы рушим всё до основания
И не щадим своих святынь...
Кому-то – скорби да рыдания,
Кому-то – преданность «алтын»...
Спасенье – Вера! Буки, веди...
Что проще грамоты седой?
Одна лишь правда – правда дедов.
Одна любовь – к Руси святой.

Правда дедов – это и есть наша русская правда; кровная, выстраданная за тысячелетие, а может и больше. Другая «правда», чаще всего завозная, на российской земле сорняком прорастает да злой бурьян оставляет. Коренева понимает это:

Две правды...

Две правды на земле, похоже, вечны:
Одна – от Бога, а другая – от врага.
И спорят меж собой, какая человечней,
С какой нам жить на адовых кругах.
Чья правда ближе к телу, как рубаха,
Какая душу разъедает, будто соль?
С одной идём к спасению на плаху,
Другая дарит прелести и боль...

Мир прелестей теперь на каждом шагу, он более заманчивый, яркий. Не требует осмысления, куда идём, зачем? Каждый старается создать свой мирок, – этакую норку, где комфортно только ему одному, зачастую в ущерб существованию другого мирка-норки. Вот и слышится: не нарушай права мои, не то запищу-заверещу да зубки покажу острые...

Валентина Ивановна – человек настоящий. Сама себе удивляется:

*

Во мне – весь мир!
Невероятно.
Как сфинкс,
как тайна пирамид,
Непознанный
и непонятный.
Мир,
где Софокл и Еврипид,
Магнитных волн
хитросплетенье
И пульс
космических высот,
Полуденный ручей весенний,
Янтарный мёд
пчелиных сот.
Во мне прошедшее
несчастье
И мой залитый кровью
век...
Не разобьёшь меня
на части.
Весь мир – во мне...
Я – человек.

То вдруг печально сама себя спрашивает в одном стихотворении: «За строкою строка... и кому это надо? И мечта, и тоска в мире, полном разлада». А в самом конце его находит ответ: «Зарожденье стиха – боль моя и награда. За строкою строка... Это совести надо».

В сборнике Корневой «Заповедное слово» много замечательных стихов, посвящённых Орлу и Орловщине, достопримечательным местам. Читаешь, и на сердце становится светлее. Это один из лучших сборников стихов, изданных в 2016 году, т.е. из тех, что не прошли мимо меня. Впрочем, это всего лишь личное мнение.

ВИКТОР СИНИЦЫН

НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ И ЛИТЕРАТУРА

Все чаще, говоря о множестве проблем Нечерноземья и литературы, стали ставить во главу угла проблемы НТР и сельского хозяйства. Именно в этой области все чаще писатели скрещивают в спорах копья.

Да, проблемы эти волнующие, острые до чрезвычайности. Поскольку главное в литературе – жизнь, следовательно, невозможно отделить «чисто» литературные проблемы от самого дела – забот нашего Нечерноземья.

Да, меняется весь уклад крестьянской жизни! В душе человеческой кроются уже новые нравственные категории. И писатели нового поколения пишут об этом.

В рассказе орловского прозаика Н. Калинина «Егор из Суровки» и описана такая ситуация.

Герой этого рассказа, Егор, когда-то покинул деревню и вот едет снова в родные края на побывку, думает, что попадет в деревню как раз в шумный день, когда все на лугу, в нарядах, пляшут, поют, ну и пьют, конечно, потихонечку! Но ожидания его не оправдываются. Изменилось все: в поле – страда еще, а гуляют нынче после всего, за все «разом». В такой день выдают премии, подарки. И так нынче – во всем районе! Ходит Егор по деревне, никому до него нет дела, он чувствует себя «лишним». А еще видит Егор, что мог бы он приложить здесь свои руки, нравится ему все это «новое» в родной деревне. Егор уезжает в город со смутным чувством общей неудовлетворенности своей жизнью. И состояние это не покидает его еще долго; вроде бы все есть: и работа, и жилье, и возможные удобства городские, но началось раздвоение душевное, непонятное и незнакомое ранее, запрятанное прежде глубоко, оно все растет, и неизвестно, оставит ли человека.

Н. Калинин в своем рассказе захватывает весьма типичное явление. Изображает он это все мастерски, психологически точно и просто. И читатель ему верит. Подобное я встречал и в жизни: люди, похожие на Егора, живут рядом со мной, в моем доме. Разница только в том, что у писателя это сложное человеческое состояние описано в будничных обстоятельствах, ничего страшного у него в рассказе не происходит. Но трудно себе представить без ссылки на жизненные факты, какие иной раз драмы и страсти человеческие воспламеняются в сходной ситуации в конфликте человека с самим собой. Проблема? Проблема, да еще какая! Пусть эта драма социологического характера развернута в небольшом рассказе, а не в широком панорамном полотне, но здесь выявляются новые приметы времени, жизни.

Социология – наука, но она большой помощник и в литературных проблемах. Сейчас и деятелей литературы и читателей волнует один вопрос: какой он, новый герой современной прозы о селе? В. Белов, В. Распутин, П. Проскурин, В. Астафьев (я уж не говорю о столь популярном сегодня Ф. Абрамове) подняли перед нами целые пласты народной жизни, высветили удивительные человеческие характеры. Иван Африканыч, Пелагея и Алька, Михаил Пряслин (эти имена стали почти нарицательными) прочно живут в нашем сознании наряду с подлинными живыми людьми сельского Урала, Севера нашего и Нечерноземья.

В последнее время мне довелось прочитать немало книг писателей Нечерноземья. Были тут и орловские прозаики, и костромичи, и смоленчане, и калужане. Места-то какие! Срединная часть России! И сейчас еще передо мной лежит книжечка орловского критика и литературоведа Александра Логвинова, где он пишет о крае, откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Л. Толстым. Еще М. Горький писал, что почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других, соседних с Московской, губерний. А что же современники наши, новые прозаики? Такое обилие прекрасных литературных традиций, такие «гнезда» великолепных имен! Тот же А. Логвинов подтверждает в своей книге, что, выражая общие тенденции современной прозы о деревне, молодые писатели приокского края давно осваивают материалы тех мест, из которых когда-то черпали свои наблюдения И. Тургенев, Н. Успенский, Л. Толстой, И. Бунин. Интересна мысль А. Логвинова о том, что герои повестей и рассказов – «прямые потомки Хорей и Калинычей, Тушиных, Красовых и Аверкиев» – не только сохранили «привычку к труду благородному», поэзию души, народную сметливость и цепкость, государственный ум, но и расширили в условиях социалистической нови горизонт своего национального видения.

Сама книга А. Логвинова – увлекательное исследование творческих взаимосвязей и развития литературы в родном крае. И стоит отметить, что автор приводит в ней немало новых и интересных деталей и подробностей, освещающих творческое наследие И. Тургенева, И. Бунина, Л. Андреева с какой-то неожиданной и неизвестной ранее стороны. Это часть его книги, может быть, самая богатая и плодотворная по материалу.

Менее исследована или скупее подана литература революционных и послереволюционных лет, хотя о творчестве таких писателей, как Е. Зиборов, Е. Горбов, А. Стрыгин, В. Мильчаков, рассказано подробно. Живым куском входит в книгу этюд о первом крестьянском писателе Орловщины И. Вольнове, судьбой которого постоянно интересовались В. И. Ленин и М. Горький.

Меньше отведено места у автора современным орловским прозаикам, но нельзя сказать, что его не хватило для анализа основных произведений, метких наблюдений. В первую очередь А. Логвинов называет здесь А. Леонова, И. Подсвирова, Н. Калинина, Л. Золотарева. Пишет он и о совсем молодых прозаиках: о И. Лободине и о В. Горбачеве, уже заслуживших положительную оценку в обзорной статье «Правды». Судя по замечаниям А. Логвинова, начало зрелой творческой деятельности многих из этих литераторов совпало с тем моментом, когда литература заговорила живым, страстным языком социально-художественных очерков В. Овечкина, Е. Дороша. «По страницам книг и журналов, – отмечает критик, – замелькала не географическая экзотика, не оранжерейные мальчики с сомнительными достоинствами и потенциальными возможностями, а люди труда, земли, хорошо знакомые по житейским ситуациям, но, по странным причинам, выброшенные из литературы Бердяйки, Каменки, Сычевки – древние старорусские названия поселков и деревень с их бесхитростной неприметностью для посто-

роннего взгляда быта». Да, это было время, когда только что появились В. Белов, В. Распутин, но тогда пока еще оцененные в нашей критике как всего лишь веяния «проселочной» литературы. Об этом даже Б. Можаев поминает в своей статье, недобро отзываясь о подобных ярлыках, навешанных направо и налево П. Строковым в памятной статье журнала «Огонек». Но не в этом суть дела. Туда двигалась в то время молодая орловская «поросль»? В каком направлении? А. Логвинов считает, что в тот момент эти молодые литераторы, опровергая опасения об элегических вздохах по уходящей патриархальной старине, пытались понять скрытую силу характера человека, устоявшего как в мировых потрясениях, так и в потрясениях «в пределах одного двора».

Возможно, у Логвинова эти рассуждения выглядят слишком приподнято, с претензией на большие литературные обобщения по отношению к молодым орловским прозаикам. И я, разумеется, ни в коей мере не собираюсь утверждать превосходство нового поколения орловских писателей перед другими литераторами. Тем более не собираюсь преувеличивать их роль, давать преимущества, сравнивая их творчество с мастерами советской литературы. Но факт остается фактом: и на Орловщине есть имена, есть книги, о которых стоит поговорить всерьез.

В предисловии к сборнику «Ковровый пояс» (Тула, 1978) П. Проскурин написал: «У Леонарда Золотарева есть талант, знание народной жизни, чувствуется богатая языковая одаренность. И это тотчас понимаешь, прочитав хотя бы один его рассказ». Да, прозаик он очень талантливый, а главноем – перспективный. Два-три рассказа из этого сборника, а также другого – «Мед из подснежников», изданного в Туле же в 1974 году, что называется, сразу же делают «имя человеку в литературе».

Один из них – «Дарьюшка – последняя из хуторян» – очень сильный. По пронзительности он сродни платоновской прозе, хотя я убежден, что у Золотарева были другие литературные учителя. В другом рассказе, «Грешница», он рисует старенькую, отрешенную уже от мирской суеты богомол– ку-монашку, которая ценой собственной жизни спасает другую женщину, многодетную мать – у нее фашисты под пыткой требовали сведения о партизанах-подпольщиках.

По складу своему Л. Золотарев конечно же писатель– «деревенщик», но, надо сказать, пока – очень неровный, а говоря точнее, разбрасывающийся. Видимо, в нем самом идет еще пока процесс «накопления», определяются и главная тема, и основные привязанности. Это видно на самих произведениях писателя: наряду с добротными, крупным мазком написанными вещами, поднимающими целые пласты народной жизни, соседствуют проходные, этакие «элегические» зарисовки, просто психологические этюды, которые впору публиковать при издании первой книги начинающему автору, но уже не «мужу» от литературы.

Особняком стоит в его творчестве повесть «Не манна небесная». Мне эта повесть (в отличие от критика А. Логвинова) очень понравилась. Л. Золотарев в данном случае резко изменил «художественный почерк» в повествовании о буднях сегодняшнего села. А. Логвинов утверждает, что повесть грешит чисто очерковой информационностью, но, на мой взгляд, здесь содержание диктует художнику форму. Я понимаю, что Логвинову более по душе «граненая» четкость авторской фразы в его истинно народных по духу и материалу рассказах. «Нынче лето сухое до лютости: солнце выпило влагу, в проволоку выдубило траву» – это, конечно, хорошо, просто отлично «сделано»! Но и в повести язык хорош, рисунок физически осязаем: «Нравится Николайчику походка его, нравится он весь со спины, – опущен-ные неширокие плечи, длинная, тонкая шея, даже пиджак, даже простые в полоску штаны, коричневые матерчатые туфли с кожаными носами». Вот это и есть, по словам же критика, «уметь двумя-тремя штрихами выявить предмет и дать его объемно читателю».

Николайчик – главный герой повести, бывший фронтовик Николай Житков, который ходит в председателях колхоза с того времени, как позвали его письмом бабы – возглавить развалившееся вконец колхозное хозяйство. Углубленно и пристально вглядывается писатель в характер этого человека, всего себя отдавшего людям, делу. Под балагурством орловского мужичка Николайчик прячет и хозяйский, цепкий ум, и чутье ко всему новому, и свои размашистые колхозные планы, когда шуткой и прибауткой, а когда и просто напором отстаивая и убеждая людей в правильности своей линии. На благо же всех!

Николайчик у Золотарева – человек творческий, вдохновенный, из которого у нас на Руси давно выходят большие художники и крупные руководители. У меня создалось впечатление, что прототип этого героя настолько близок и приятен самому автору, что он и любит его, и увлечен им, и любуется им в деле, а главное, будто «лепит» его, искусно и точно, буквально тут же, на ходу, перед моими глазами. И пожалуйста – освоение современного и такого трудного для иных авторов материала. Вроде бы и образ какой-то традиционный, а – живой. Вот, кстати, о традициях и традиционности. Творческое освоение традиций – это такой момент в жизни и творчестве, когда писатель готов к самостоятельному движению, к тому, чтобы «заговорить своим голосом в литературе», как писали об этом М. Алексеев и многие другие наши известные писатели. И это относится не только к средствам, то есть к языку, но и ко всем без исключения компонентам литературного труда. Мне думается, не всегда это понимают не только молодые писатели, но и люди в литературно зрелом возрасте.

Прочитал я книгу старейшего нашего писателя Верхневолжья Н. Алешина «Осеннее равноденствие» (Ярославль, 1973). Родившийся в крестьянской семье, полвека – учитель в сельской школе, Н. Алешин – знаток всего деревенского уклада. Речь – русскую, народную, щедрую – он знает точно бы на вкус. Одна из лучших вещей его в этой книге – рассказ «Проня Девяткин». И характер героя жизненный, и судьба удивительная. Остался Проня со своими младшими братишками одинешенек на белом свете – отец погиб, мать померла. Проня – их кормилец. По необходимости женившись на бабе старше его лет на десять, тянет этот «взрослый» мужичок нелегкую трудовую лямку, став младшим за отца, за старшего товарища. Рассказ этот у Н. Алешина по изобразительной силе и пластике – почти хрестоматийный, классический. Прекрасный рассказ!

Но вот в другом своем рассказе «Перепутье» живописует нам писатель другого мужичка, подавшегося в силу обстоятельств – погорелец он – в город. И вдруг видишь, что вся пластика крестьянской речи Алешина вступает в полное противоречие с иной обстановкой. Город-то наш, современный, но читатель не может себе уяснить: в каком отрезке времени это происходит? Это скорее уже перед нами проза двадцатых – тридцатых годов, нежели семидесятых! Вот и получилось, что традиционность письма, традиционность руки подвела писателя, обернулась против него.

Подобный же «традиционный» подход отмечает прозу калужского писателя Валентина Волкова.

Можно сказать, что В. Волков «традиционно» «деревенщик». Но вот читаешь его повести «Ивановские косогоры» («Советский писатель», 1974): да, удаются ему отдельные образы, герои его книги; так, мне думается, живописно изображен пастух Кузьма Иванович, один из героев повести «Горошины из одного стручка», чем-то очень симпатичный, но явно без биографии. Но вот характерного, или, как говорит Б. Можаев, «абсолютного», знания явления или предмета всего деревенского уклада, всей жизни деревни не ощущаешь, читая повесть. И особенно бросается это в глаза в повести «Три деревни, два села». Герой дан-

ной повести человек еще молодой, по сути дела «интеллигент», работник сельской библиотеки, и вот в действиях своих, поступках и мыслях обнаруживает полную оторванность от жизни односельчан; он живет какой-то «книжной» жизнью. Образ, очевидно, в большой степени автобиографический. Странны и другие жители этих «трех деревень и двух сел»: по большей части сидят по домам, угрюмо принимая гостей... Иногда трудно определить основной замысел автора. Вот, скажем, повесть «Горошины из одного стручка». Почему отказалась Мотя, героиня ее, ехать с братом на Украину в его семью? Какие дели она преследовала, оставаясь вековухой дома, что повлияло или влияет на то или иное ее решение? Автор словно ничего более не преследует, кроме описания полюбившегося ему чем-то характера и эпизода.

Возвращаясь к вопросу о традициях в литературе, я хотел бы обратиться к книге орловского критика А. Логвинова. Говоря о молодых орловских прозаиках, он замечает, что «их художественный поиск обращен в прошлое, ибо они стремятся раскрыть в своих произведениях высшее человеческое понятие, свойственное только труженику земли, народное представление о цели и назначении человека, но он, этот поиск, одновременно устремлен вперед. И это определяющий центр их мироощущения». «В этой, на внешний взгляд, разнородности нет противоречия, а есть сложный, единый диалектический процесс формирования нравственно-психологического облика нового человека. Следует признать, однако, что они с большей художественной силой, с большей убедительностью и достоверностью выражают вторую половину процесса (то есть историческую. – В. С.), нежели другой план, который у них более угадан, чем верно изображен». Я думаю, автор этих строк не обидится на меня, что, цитируя его, я несколько переставил иные места и уточнил. Самим же писателям я советовал бы задуматься хорошенько над всем этим, чтобы выверить свой путь.

Юбиляры

ЗОЯ ФЕДОТОВНА ТАРАБРИНА

ПАМЯТЬ – МОЙ ВЛАСТЕЛИН

О книге Л.М.Золотарёва «Судьба – Судьбинушка»

Берега, берега,
Берег этот и тот,
Между ними река моей жизни,
Между ними река моей жизни течёт
От рожденья течёт и до тризны.

Слова этой песни всегда сильно волнуют чувства, будят память, поднимая из её глубин забытые картины, лица, события. И вот сейчас, когда я держу в руках книгу Леонарда Золотарёва «Судьба-Судьбинушка», закончив её чтение, думаю, они тоже могли бы стать эпиграфом к этой повести, так как это память о жизни.

В предисловии к книге автор презентует её как автобиографическое повествование, историю своей судьбы, как рассказ о жизни русского писателя второй половины двадцатого века Леонарда Золотарёва с его, можно сказать, первых месяцев до сегодняшнего дня.

Родился он 24 июня 1935 года в Воронеже, а сейчас живёт в городе Орле, именуемым третьей литературной столицей, и своим творчеством активно поддерживает этот статус родного города.

Жизнь его – постоянный поток энергии, и он, этот поток, как река, где-то у пологих берегов разливается, успокаивается, а у крутых берегов, на поворотах бьётся, волнуется, бурлит, колотится, борется, подрывает кручу, преодолевая сопротивление, и течёт, течёт, течёт, независимо от того, что происходит там, по берегам. А по берегам, что слева, что справа, не только «незабудки цветут» и не только «звёзд весенний салют». По берегам реки жизни происходит многое, что забыть невозможно. Это и трагедия, пришедшая в семью в 1937 году, детство в оккупированном немцами небольшом городке, его освобождение, и первое осознание тяги, стремления писать, выражать своё отношение к тому, что зацепило за живое, учёба в вузе и учительство в школах, журналистская деятельность в областных газетах, перешедшая в профессиональное писательство. Были радость обретения новых единомышленников, и, конечно, любовь к своему дому, семье, женщине, к делу. Не обошли стороной недоброжелательство, козни, интриги коллег, предательство друзей. Канва жизни его наполнена красками многоцветной палитры, и всё-таки светлых и ярких цветов в ней преобладание, потому что душевный строй автора светлый, созидательный. Рассказы, как мозаика, собранные в книге, тоже лиричны, мажорны, наполнены добром, юмором как и его внутренняя суть, Не случайно слова Серафима Саровского «Всегда и всюду проверяй себя – в Духе ли я в Святом?», предваряющие повествование, являются кодом его жизни, ключом к содержанию книги.

Состоит она из четырёх частей о разных периодах жизни. В прологе к ним – мерцающие картины детской памяти, сохранившиеся на всю жизнь: в доме чужие люди, гнетущая тишина, обомлевшие лица отца и матери, беспорядок от разбросанных вещей, его разворошённая кроватка. Потом пустота. Только он и мать, отца уж больше никогда он не увидит. Помнит железнодорожный перрон, дорогу. Его куда-то везут. В нём беспокойство. Куда? Привезли в Малоархангельск к деду Герасиму Макарычу. Здесь и пройдёт его детство. Помнит большой двор, крыльцо, с крыши которого он высматривает, ждёт дядю Гаврюшу-брата мамы с финской войны. Дождался всё-таки. Не успели ещё зажить раны у дяди, 22 июня 1941 года в 12 часов дня по радио сообщили: фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Загудел малый городок. Потянулись мужики к военкомату, оттуда на железнодорожную станцию и прямо на фронт. Ушёл и дядя. Редко кто из них вернулся домой.

«Мы – дети войны» – так называется первая часть книги. Скоро война докатилась до их городка. Со страхом вглядывались они в небо, откуда доносились отзвуки громыханья. Враги бомбили станцию. Скоро ужас сковал детские сердца, отнял силы: по их улице двигались немцы. Уже слышен топот их кованых сапог, уже близко, вот рядом... Двое с лёгким пулеметом на плече отделяются от колонны, входят в их дом...

– Зольдатен? Партизанен? – громко, устрашающе допрашивают они.

Над немецкой комендатурой – их детсадом повисает нацистский флаг.

– Гут! Гут! – слышатся немецкая речь и победный смех.

Наступили чёрные дни детства, опалённого пожарами, напуганного воем самолётов, грохотом взрывающихся бомб и снарядов.

И как звёзды, возможно тогда и определившие его будущую судьбу, светят ему из того же военного детства радостные воспоминания-картины: встреча с воинами-освободителями, общение и даже дружба с танкистами с танкоремонтного поля, позволявшими пацанам залезать в танк, прибывший с линии фронта, или чуть-чуть прокатиться на уже отремонтированной боевой машине, снова уходящей в

бой. Это они в короткие минуты досуга учили его азбуке, умению складывать буквы в слова. Там у костра он услышал «Василия Тёркина» – поэму А. Твардовского, которую читали в то время на всех фронтах, книгу про бойца, воюющего советского человека, балагура:

Не прожить, как без махорки,
От бомбёжки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой.
Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врёт
Весело и складно.

Может быть мало понимал семилетний пацан суть содержания, как с восторгом принимали «Тёркина» бойцы, но навсегда в него вошли ритмика, мелодия стиха и твардовская лёгкость словосложения. Он уже кое-что из «Тёркина» помнил наизусть со слов, по нему учился читать.

Ещё, как яркая звезда, из того детства светит встреча с Рокоссовским, командующим фронтом, во дворе школьного двора, куда им, трём друзьям, удалось пробраться. Высокий, красивый, в кителе и высоких хромовых сапогах, прямо богатырь из русской народной сказки, распекал генералов. Не мог Леонард знать в то время, что этот богатырь станет любимым его Маршалом, дважды удостоенным звания Героя Советского Союза, что он 24 июня 1945 года на белом коне будет командовать Парадом Победы на Красной площади в Москве, а образ его станет одним из ориентиров в судьбе писателя.

– Что такое судьба? – такой вопрос от читателя предполагает автор и отвечает на него.

– На мой взгляд, это то, что от жизни не ожидаешь, даже предвидеть не можешь, что случится с тобой в какой-то момент. У него был такой случай, который во многом перевернул его жизнь, направил, было, в другом направлении, о чём он рассказывает в одноимённом с книгой рассказе, завершающем её первую часть. Но судьба всё равно вывела на правильную дорогу, разгадала его призвание. И вот он писатель.

Не всё так просто получалось. Живо, с юмором, а где с сарказмом написана вторая часть о первых шагах писательства, когда уже и другие признали и отметили его творения. Первые очерки «Ауе Maria», «Фауст», «У родника Толстого», «Утро туманное» получили одобрение на редакционных летучках, выставлялись на «Доску лучших материалов». Но вдруг

всё застопорилось, когда после командировки по письму из сельской глубинки о председателе-тиране и его жене-завмаге он написал очерк «Правда в кулаке». Его опубликовали и даже одобрили как творческую «изюминку» на семинаре газетчиков пяти областей. Но не понравилось это «герою» очерка, прислал в редакцию протест-опровержение. Корреспондент возвращается в хозяйство. На собрании, созванном председателем для распнания автора, выходит на трибуну, читает статью, детально останавливаясь на каждом факте, и говорит:

– А теперь председатель пусть напишет в газету про меня, пусть изложит, как сам всё понимает,– а в продолжение этой истории написал ещё очерк «Кулаком по правде» и отнёс редактору. Но у газеты был уже другой хозяин – и совсем другой человек. И пошёл очерк в корзину, а второй – в папку «В запас», и третий, и четвёртый тоже.

Что же делать журналисту, если его не выпускают на полосы газеты? Можно предложить свой труд другому изданию. Решено – сделано. Там материал одобрен

и опубликован, ему предложена постоянная оплачиваемая работа в этой газете. Вскоре в московском издании «Современник» вышли рассказы Леонарда Золотарёва «Берестяные песни», а у него уже созрели и другие задумки. Призвание прорывалось, не давало покоя. Потом с учётом творчества его в Союз писателей СССР приняли, в 1986 году ответственным секретарём Орловской областной писательской организации избрали, был участником последнего съезда Союза писателей СССР, познакомился и общался с писателями У.И.Носовым, В.П.Астафьевым, С.В. Викуловым, В.И.Беловым, Чингизом Айтматовым...

Освободившись от должности ответсекретаря, он полностью отдался творчеству и начал счёт своим писаниям, которые характеризуют его как писателя. В его активе книги «Русское поле», «Берестяные песни», «Духов день», «Ночь светла», «Глубинка русская моя», «Остров любви», «Грибное счастье», «Орловская лавра», эпопея в прозе, поэзии и драме, которые можно найти в библиотеках города. И вот ещё одна книга – «Судьба-Судьбинушка».

Читая её, понимаешь, какие чистые родники питают его творчество. Они от земли Орловщины. Вот Дарья Ивановна из села Синяевский. Баба Даша (так зовут её на селе) – словотворица с неподдельным интересом к человеку из города, поселившегося в их краях, уж любит повыспрашивать, как ему живётся тут. «У нас здесь раи летают», – с гордостью говорит она, которые мерещатся ей и в зелени листвы, красавице-раките, круглой, как шар, веточка к веточке, в разноголосице птиц, в изобилии грибов, орехов, ягод всяких, в глуби реки Алешни, в родниках, бьющих из-под земли. Или такая же словотворица добрейшая бабушка Антоновна, к которой его определили на постой в первые годы учительства в селе Губкино. «Щупленькая, лицо в кулачок», а уж как с ним поговорить любила, да всё по душам, по душам.

Люди деревни, их заботы и праздники нашли отражение в рассказах. Вот пришла осень – пора уборки картофеля. Собирается вся родня: хозяева, их дети, внуки, сёстры, братья, племянники, сваты, соседи, друзья. Главная героиня праздника – лошадь Верба. «Слуга народа» – называют её в округё за безотказность. На её услуги очередь у селян. Завершает праздник сытное застолье: картошка жареная, румяная, плавающая в сале, яйца вкрутую, огурцы, помидоры в смородиновых листьях и укропных семечках, кислый квас деревенский из ржаной муки... Пойдут разговоры – откровения, только записывай.

Другое дело – в школе. Дети смотрят на учителя широко открытыми глазами, ждут, конечно, душевного разговора, не обязательно по программе. Учитель откроет заветный шкафчик, достанет привезенный вчера из города новый томик Константина Симонова и станет читать:

Был у майора Деева
Товарищ майор Петров.
Вместе они дружили
Ещё с 20-х годов.

Слушают дети, затаив дыхание, о службе военной, о дружбе мужской... Друзьям, родне посвящена четвёртая часть книги.

Писательские дороги Леонарда Золотарёва ведут читателя и в другие края, расширяя его кругозор. Книга интересна и поучительна. Посмотри, читатель, и ты на свою жизнь пристальным взглядом, в её глубину, пойми себя.

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ САДОВСКИЙ

ПО ДОРОГЕ К ЛУКОМОРЬЮ
(Пушкин на Кубани)

В августе 1820 года семья генерала Раевского, после двухмесячного отдыха в Горячеводске, в трёх экипажах, под охраной конвоя казаков, отправилась в сторону Крыма. Большая часть пути пролегала по правому берегу Кубани . В одном из экипажей, в компании с самим генералом и его дочерями, ехал молодой Александр Пушкин. Впереди была целая неделя пути, которым завершалась первая поездка поэта на Кавказ.

Грани дружбы и вражды

1.

В туман ушёл Горячеводск,
Горбун Бештау и Машук.
День начал плавиться, как воск,
В ушах – колёс неровный стук –
Унылый спутник долгих дней,
Как и гортанные слова,
Что, забавляя дочерей,
Твердит Раевский, сам едва
С трудом «жующий» горцев речь -
Сплошных согласных звуков рой.
Так на жужжащую картечь
Похож порой.

Путь большей частью каменист.
Лишь к Темрюку помягче грунт.
По лошадям гуляет хлыст.
Тот путь и впрямь, что «лиха фунт».
Дорога к Крыму – нелегка.
Таит опасность дикий лес.
Надежда вся на – казака:
От той же крови, что черкес.
Отец им – Северный Кавказ.
Их мать – бурливая Кубань.
Друг с друга не спускают глаз,
Как звери, алчущие лань.

Аулы горцев за рекой,
Укрыты зеленью дерев…
Лихой обманчивый покой,
Как грозный, чутко спящий лев…
И дым, ползущий по горам,
Кизячный запах, лай собак
Вовеки не откроют вам
То место, где таится враг…

Здесь грани дружбы и вражды
Остры, как лезвие ножа.
В мгновенье ока - до беды…
Лежит незримая межа.

Но в праздник, горец и казак
Танцуют вместе «Шамиля».
«Обиды – прочь! Ты – мой кунак!…»
Что значит — общая земля!

Так думал молодой поэт,
В расцвете сил, в расцвете лет,
Отдавший сердце своё сразу
Непокорённому Кавказу.
Увидев Музы вышний знак,
Он словно растворился в нём,
Совсем не ведая о том,
Что будут горец и казак,
С подножий до вершин седых
Обожествлять его следы.

2. Казаки
(письмо с дороги)

И видел берег я Кубани,
И крыши бедных хуторов.
И цепь сторожевых постов,
И отражённую в лимане
Луну.
И скачущих в ночи
Черкесов, чёрных, как грачи.
И шесть десятков казаков,
Сопровождавших нас,
Готовых
Сию минуту принять бой,
Тащивших пушку за собой,
С зажжённым фитилём.
Казачек вдовых видел я:
С неизъяснимою тоскою
Они глядели на меня,
Поэта сердце леденя.
И так до самой, до Тамани,
С ружьём и шашкой наголо,
Никто не покидал седло.

3. Казачьи песни

Ах, эти песни казаков
Над хуторами в летний вечер!
Степной простор, полынь веков!
Они — что кони без уздечек.

Неповторимой красоты!
Они немыслимы в повторе,
Как эти дикие цветы,
На этом древнем косогоре.

В них крепкий запах чабреца.
И задушевный запах мяты.
И вид сурового лица,
В согласном пении – приятен.

Так голоса плетут венок,
Что и с закрытыми глазами
Увидишь куреня дымок,
Полёт гусей над камышами.

Услышишь тихий плеск волны.
И рыбы всплеск в вечерних водах…
Казачьи песни, вы сильны
Глубинной памятью народа.

С небес красавица луна
Глядится в зеркало лимана.
А песня, чувствами полна,
Плывёт, как лебедь, из тумана.

4. Медовый Спас в Темрюке

Солёной рыбы запах смачный
Ударил в нос внезапно, вдруг!
Расшевелил конвой казачий –
Столица рыбная – Темрюк.

Пушкарь не прячет в ус улыбку:
Душа казацкая поёт.
Сама, на запах пряный рыбки,
Под горку пушечка идёт.

Базар шумит за поворотом.
Сады, куда не кинешь взгляд…
Носы лишь барышни воротят,-
Им не по сердцу аромат.
Устало машут веерами:
Жара!
От платьев пар, как дым.
Кропят французскими духами,
Но рыбный дух непобедим.

Поэт же, как казак без жинки,
Воздавший должное делам,
Вина отведав с осетринкой,
Весёлый ходит по рядам.

«Сыны и дочери Кубани,
Примите мой поклон земной.
И уж простите вы заранее
Мне мой характер озорной.
На торжества являться к сроку
Я так, увы, и не привык.
Особы царские пороком
Считают острый мой язык.
Я с детства был большой проказник!
Бил едким словом наповал.
В мечтах лишь грезил о Кавказе,
По царской милости – попал.
А к вам спешил – скрывать не стану.
Но был задержан за версту
Казачьей чаркой на посту.
Бог весть, ещё ли встречусь с вами,
Увижу ль снова – молодых,
Красивых, с жгучими глазами
Потомков конников лихих?
Всесильный рок над всеми властен,
И от него не скрыться нам.
Дай Бог вам мира, доли, счастья.
Храни Он вас от всех напастей…
А я пройдусь по куреням.
Люблю я шумные базары,
И,даже если пуст карман,
Меня развеселит задаром
Толпа кочующих цыган.»

5. Гадалка

– Не скупися, кучерявый,
Положи на ручку грош.
Кошелёк, чай, не дырявый –
Не от бедности помрёшь.
Ты не бойся, я не сглажу.
Дай, ладонь твою разглажу,
На красавицу жену,
На судьбу гадать начну.

– Что ж, гадай, цыганка Настя,
Если в этом ты сильна.
Я не скуп, не в деньгах счастье, –
Хватит хлеба и вина.
Кочевое ваше племя
Для души моей – нарзан.
Не висит над вами время:
Время, знать, не для цыган.
Ни границ для вас державных,
Ни указов царских нет.
Вас никто не провожает.

Вы – как призрачный рассвет:
Нынче здесь, а завтра – в поле.
Утро дарит вам росу…
Я не жалуюсь на долю,
Крест, что выбрал, сам несу.

– По коню, милок, уздечка!
Жизни линия твоя
Исчезает в Чёрной речке.
Это ясно вижу я.
Все твои пути-дороги
К ней ведут и только к ней.
Нет в глазах твоих тревоги –
Дух твой всех цыган вольней.
Ты свободен в слове, в мыслях.
Резв умом и речь остра.
Но держи в узде, что вышло
Из-под острого пера.
В этом корень всех злосчастий.
И …в красавице жене.
Жаль,- судьбу не правит Настя.
Это дело – не по мне.
Бог на помощь, кучерявый!
Спрячь монеты в свой карман.
Пусть в твоей грядущей славе
Будет место для цыган.

6. Лукоморье

Вот оно!
Вот – Лукоморье!
Берег скалистый, пустынный.
Плещется дикое море,
Гривой колышется львиной.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Здесь, по - мужски, с Редедёю
Храбрый Мстислав разобрался.
Здесь под счастливой звездою
Парус Петра поднимался.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Много народов, наречий
Здесь меж собой породнилось
Много вопросов извечных
В толще времён накопилось.
Древняя Тмутаракань.
Доброе утро, Тамань!

Тайны, что канули в лету,
Знают и суша, и море
Ты ещё будешь воспето
Музой грядущих поэтов.
Здравствуй, моё лукоморье –
Древняя Тмутаракань!
Доброе утро – Тамань!

7. Мысли

Дорога тянет к размышлению…
И тучи, что вдали нависли,
И звон ручья, и птичье пение,
И храп коня...тревожат мысли.

То молодецки-сумасбродные,
То вековые, как у старца….
Вдруг в небе звёзды путеводные
Над головой засеребрятся.

И смысл их – вечное движение…
Любите, путники, дорогу:
Дорога тянет к размышлению.
…И сон наводит понемногу.

8. Смирись, Кавказ!

«Улыбка неприятная,
потому, что неестественна.»
(А.С. Пушкин о П.А. Ермолове.)

«Смирись, Кавказ, идёт Ермолов!»
Так восклицал недавно он.
А нынче мыслею крамольной
Внезапно ум его пронзён.
Она сверкнула и погасла…
Но воскресала вновь и вновь:
Она была ещё не ясной,
Но, тем не менее, опасной,
Как здесь - запретная любовь.
Та мысль чеканила вопросы,
А он не знал, где был ответ?
Вот так предутренние росы
Блестят, но не рождают свет:
«Смирись, Кавказ! – Стань на колени
Перед жестокостью врага?
Чтоб и в далёких поколеньях
В сердцах потомков угли тлели:
Им – честь была не дорога?»

Смирись, Кавказ! — В глухом безмолвье
Живи, как лист, всю жизнь дрожа:

Знай, что страшней небесных молний
Слуга царя – Ермол-паша?..
Смирись, Кавказ!
Но громы пушек
Лишь сеют рознь, рождая месть.
В них голос разума заглушен.
В них не звучит благая весть!..»
Поэт был не готов к ответам.
Но для вопросов путь открыт.
И мысль, подхваченная ветром,
Уже в грядущее летит.
Она, озвученная лирой,
Всё будет разрастаться в нём:
«Не сотвори себе кумира», –
Один останешься потом.

Увы!
Предчувствие сбылося:
Ермолов – юности кумир,
Сомнений зёрна в сердце бросив,
Покинул музы светлой мир.
Герой полей России ратных,
С которым жизнь его свела,
Ушёл с «улыбкой неприятной»,
Растаяв в улочках Орла.

9.

Уже в Крыму, где жизнь спокойней,
И меньше прелестей для глаз,
Поэт почти в мажорном тоне
Напишет, вспомнив про Кавказ.

Походы в горские селенья.
Гостеприимства ритуал.
Где отнеслись к нему с почтеньем
Джигит и древний аксакал.

Потоком диким в мир поэзии
Ворвался мир степей и гор:
Он полоснул по сердцу лезвием,
Но Пушкин выдержал напор.

Он принял вызов с упоением.
И протянул для дружбы длань.
И счастлив я, что светом гения
Моя пронизана Кубань.

10. И быть тому!

Внимают молча музам пушки,
Когда им нечего сказать.

Не генералы – гений Пушкин
Без крови смог вершины взять.
Не по монаршему веленью,
Но по велению души
Пред ним Кавказ встал на колени
И преклонил снега вершин:
Пред музой Пушкина склонился.
Любовь свою отдал ему.
И русским духом укрепился.
Так было.
Есть.
И – быть тому!

Память о них жива

БОРИС ЗАЙЦЕВ

КОЛЫБЕЛЬ

Орловская Губерния не весьма живописна: поля, ровные, то взбегающие изволоками, то пересеченные оврагами; лесочки, ленты берез по большакам, уходящие в опаловую даль, ведущие Бог весть куда. Нехитрые деревушки по косогорам, с прудками, сажалками, где в жару под ракитами укрывается заленившееся стадо — а вокруг вся трава вытоптана. Кое-где пятна густой зелени среди полей — помещичьи усадьбы. Все однообразно, неказисто. Поля к июлю залиты ржами поспевающими, по ржам ветер идет ровно, без конца без начала, и они кланяются, расступаются, тоже без конца-начала. Васильки, жаворонки... благодать.

Это предчерноземье. Место встречи северно-средней Руси с южною. Москвы со степью. К западу заходя в Калужскую, к северу в Московскую, области Тулы и Орла являются как бы Тосканою русской. Богатство земли, тучность и многообразие самого языка давали людей искусства. Святые появлялись в лесах севера. Тургеневы, Толстые, Достоевские порождены этими щедрыми краями.

Село Спасское-Лутовиново находится в нескольких верстах от Мцен- ска, уездного города Орловской губернии. Огромное барское поместье, в березовой роще, с усадьбой в виде подковы, с церковью насупротив, с домом в сорок комнат, бесконечными службами, оранжереями, винными подвалами, кладовыми, конюшнями, со знаменитым парком и фруктовым садом. В начале прошлого века это как бы столица маленького царства, с правительством, чиновниками, подданными. Даже колонии были: разные подчиненные имения и села, всякие Любовши, Тонки, Холодовы.

Спасское принадлежало Лутовиновым. Последнею из Лутовиновых владела им девица Варвара Петровна, унаследовавшая его от дяди Ивана Ивановича. Ей было уже под тридцать, когда в Спасское заехал молодой офицер Сергей Николаевич Тургенев — для закупки лошадей с ее завода, классический «ремонтер». Варвара Петровна сразу в него влюбилась: отличался он редкостной красотой. Она пригласила его бывать запросто без дела; и оставила у себя его портупею: чтобы крепче выходило. Сергей Николаевич стал появляться в Спасском. В 1816 году она вышла за него замуж. Через год у них родился сын Николай, а затем Иван.

Варвара Петровна не могла похвастаться предками: дед ее был скряга, отец — скандалист и буян, обиравший, еще будучи молодым офицером, валдайских ямщиков. Дядя сумрачный скупец (любил только покупать жемчуг). Знаменитый сын Варвары Петровны не одну горькую страницу своих писаний посвятил Лутовиновым.

Молодость ее оказалась не из легких. Мать, рано овдовев, вышла замуж за некоего Сомова. Он мало отличался от Лутовиновых. Был пьяницей. Тянул ерофеича и сладкую мятную водку. Тиранил падчерицу — девочку некрасивую, но с душой пламенной, своеобразной. Мать тоже ее не любила. Одиночество, оскорбления, побои — вот детство Варвары Петровны. Чрез много лет, уже хозяйкою Спасского, побывала она со своей воспитанницей Житовой в имении, где прошла ее юность. Обошли комнаты дома и, выйдя из залы в коридор, наткнулись на заколоченную досками, крест на крест, дверь. Житова подошла к двери, дотронулась до старинного медного замка, торчавшего из-под досок. Варвара Петровна схватила ее за руку. «Не трогай, нельзя! Это проклятые комнаты!» Что именно там происходило, она не рассказала. Но известно, что в этом доме, когда ей близилось шестнадцать, отчим покушался на ее юность. В одну страшную ночь измученная девушка, которой грозило «позорное наказание», бежала из дому — ей помогла няня. Полуодетая, пешком, прошла шестьдесят верст до Спасского. Там укрылась у дяди своего, Ивана Иваныча.

Здесь ждала тоже несладкая жизнь — у крутого и скупого старика. Будто бы он лишил ее наследства и от него она гоже бежала, он же умер внезапно, от удара, не успев написать завещания против нее. О смерти Ивана Иваныча известия смутны. И вторичное бегство Варвары Петровны не есть ли уже легенда? Так ли ей на роду написано всегда убегать?

Во всяком случае, лучшие ее годы полны глубокой горечи. Она прожила у дяди десять лет, ей шел двадцать седьмой, когда нежданно из Сандрильоны обратилась она во владелицу тысяч крепостных, тысяч десятин орловских и тульских благодатных земель.

Эти крепостные, эти земли определили и любовную ее жизнь — брак с Тургеневым.

Род Тургеневых иной, чем Лутовиновых. Очень древний, татарского корня, он более благообразен. С пятнадцатого века Тургеневы служили на военной и общественной службе. «Отличались честностью и неустрашимостью», говорит предание. Были среди них мученики: Петр Тургенев не побоялся сказать Лжедимитрию: «Ты не сын царя Иоанна, а Гришка Отрепьев, беглый из монастыря, я тебя знаю» — за что был пытан и казнен, как впоследствии погиб от удальцов Стеньки Разина воевода Тимофей Тургенев, не пожелавший сдать им Царицына. (Заперся в башне с десятком стрельцов. Васька Ус на веревке тащил его к Волге, где и утопил.)

Тургеневы восемнадцатого века не столь воинственны и героичны. Они мирно служат в армии, выходят в средних чинах в отставку и более или менее лениво доживают дни в деревне. Только у одного из них необычная судьба — связанная с красотою его и любовными делами. Это Алексей Тургенев, в юности паж Анны Иоанновны. Бирон из ревности услал его на Турецкую войну, где он и попал в плен. Оказавшись в гареме, подавал кофе султану и раскуривал ему трубку. Век бы Тургеневу ее раскуривать, если бы красотою его не была тронута султанша. Она дала ему кошелек с золотом и помогла бежать.

Сергей Николаевич Тургенев соединял в себе разные качества предков: был прям и мужествен, очень красив, очень женолюбив. «Великий ловец перед Господом», говорил о нем сын. Сергей Николаевич совсем мало служил на военной службе: уже двадцати восьми лет вышел в отставку. Но до последнего вздоха был

предан Эросу, и завоевания его оказались огромны. Он мог быть с женщинами мягок, нежен, тверд и настойчив, смотря по надобности. Тактика и стратегия любви были ему хорошо известны, некоторые его победы блестящи.

И вот этот молодой человек, с тонким и нежным как у девушки лицом, с «лебединою» шеей, синими «русалочьими» глазами, неистощимым запасом любовной стремительности, попался на пути Варвары Петровны.

У него — единственное имение в сто тридцать душ. У нее крепостных не менее пяти тысяч. Женился ли бы он, если б было обратно? Кавалерист с русалочьими глазами, быть может, и соблазнил бы несколько полоумную девушку, но жениться...—для этого необходимо Спасское. И как некогда турецкая султанша высвободила деда из гарема, так женитьба на Варваре Петровне укрепила внука в жизни.

Повенчавшись, Тургеневы жили то в Орле, то в Спасском. Счастливою с мужем Варвара Петровна не могла быть — любила его безгранично и безответно. Сергей же Николаевич под знаменитыми своими глазами был вежлив, холоден, вел многочисленные любовные интриги и ревность жены переносил сдержанно. В случаях бурных умел и грозить. Вообще над ним Варвара Петровна власти не имела: воля и сила равнодушия были на его стороне.

Как бы ни прожил Сергей Николаевич жизнь с некрасивою и старше его женою, несомненно, что он знал и Любовь истинную. Иногда ее профанировал. Но иногда отдавал ей всего себя и потому понимал страшную ее силу и силу женщины. «Бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы...» — говорил сыну. Сергей Николаевич обычно побеждал, все-таки роковой характер Эроса знал. И не было в нем колебаний, половинчатости. По пути своему, иногда жестокому, мало жалостливому, почти всегда грешному, шел Тургенев-отец не сворачивая. Его девиз: взять, взять всю жизнь, ни одного мгновения не упустить — а дальше бездна.

Он очень походил на Дон Жуана.

* * *

Город Орел столь же неказист и ненаряден, как и окружающая его страна. Ока здесь еще мала. Нет живописного нагорного берега, как в Калуге. Нет леса церквей, дальних заречных видов. Разумеется, есть Собор и городской сад. Вблизи Левашовой горы Болховская, прорезающая весь город, да Дворянская, где жила Лиза Калитина. Главное же, что отличает Орел, это летняя жара и пыль — облака белой известковой пыли над улицами.

«1818 года 28 октября, в понедельник, родился сын Иван, ростом 12 вершков, в Орле, в своем доме, в 12 часов утра. Крестили 4-го числа ноября, Феодов Семенович Уваров с сестрою Федосьей Николаевной Тепловой», — так записала в памятной книжке Варвара Петровна. Меньше всего думала, конечно, что родила будущую славу России.

Рождением своим Тургенев связан с Орлом-городом, но только рождением. Довольно скоро перебрались родители в Спасское, и Орел в жизни, как и писании Тургенева сыграл роль небольшую.

Истинной его «колыбелью» оказалось Спасское, со всем своим пышным и тяжеловесным, медленным, суровым и поэтическим складом. Дом — чуть не дворец. Дворня—лакеи, горничные, казачки на побегушках, повара, конюхи, садовники, швеи, приживалки — все это двигалось мерно и возглавлялось владыкою — Варварой Петровной. Сергей Николаевич на втором плане. Жили праздно и сытно, не без нарядности. Устраивали балы, маскарады. В одной галерее давались спектакли. Ставили пьесы и под открытым небом, в саду. Играл свой оркестр, своя крепостная труппа. Трепещущий батюшка служил по праздникам молебствия. Гувернеры и гувернантки учили детей.

Детство Тургенева могло стать золотым — но не стало. Слишком суровой оказалась мать, слишком отравила жестокостью нежные годы. Она очень любила сына — и очень его мучила. В этом же самом роскошном доме чуть не каждый день секли будущего владельца Спасского, за всякую мелочь, за каждый пустяк. Достаточно полоумной приживалке шепнуть что-нибудь Варваре Петровне, и та собственноручно его наказывает. Он даже не понимает, за что его бьют. На его мольбы мать отвечает: «Сам знаешь, сам знаешь, за что я секу тебя».

На другой день он объявляет, что все-таки не понял, за что его секли, — его секут вторично и заявляют, что так и будут сечь ежедневно, пока не сознается в преступлении.

Кажется, Варвара Петровна могла бы вспомнить, как сама некогда бежала из ненавистного сомовского дома. Но вот не вспомнила. А сын чуть не убежал. «Я находился в таком страхе, в таком ужасе, что ночью решил бежать. Я уже встал, потихоньку оделся и в потемках пробрался по коридору в сени...» Его поймал учитель, добросердечный немец (толстовский Карл Иваныч!), и рыдавший мальчик признался ему, что бежит потому, что не может долее сносить оскорблений и бессмысленных наказаний. Немец обнял его, обласкал и обещал заступиться. Заступился и на самом деле: его временно оставили в покое.

Вне же матери Спасское давало очень много. Тут узнал он природу, русских простых людей, жизнь животных и птиц — не весь же день уроки с учителями и гувернантками. Выдавались счастливые минуты и даже часы, когда удирал он в спасский знаменитый парк. Изящный и далекий, отец плел свои донжуанские кружева то с орловскими дамами, то с крепостными девицами. Мать правила царством: принимала поваров, бурмистров, наблюдала за работами, но и сама читала, сама кормила голубей в полдень, беседовала с приживалками, охала, жалела себя.

А у сына появились, конечно, свои приятели из дворовых. На прудах можно было чудесно пускать кораблики. Из молодых липовых веток вырезать свистульки. Бегать в догонялки. Ловить птиц. Это последнее занятие нравилось ему особенно. Водились у него всякие сетки, пленки, западни. С семилетнего возраста его тянуло именно к птицам. С этих пор он их и изучал так любовно, знал в подробностях жизнь, пение, и когда какая утром начинает раньше щебетать. Мало ли всяких иволг, кукушек, горлинок, малиновок, дроздов, удодов, соловьев, коноплянок жило в спасском приволье? В дуплистых липах гнездились скворцы — на дорожках аллей, среди нежной гусиной травки валялись весною пестрые скорлупки их яичек. Вокруг дома — реющая сеть ласточек. В глухих местах парка сороки. Где-нибудь на дубу тяжкий ворон. Над прудом трясогузки — перелетывают или попрыгивают по тенистому бережку, качают длинными своими хвостиками. В зной — тишина, белая зеркальность вод, цветенье лип, пчелы, смутный, неумолчный гуд в парке полутемном.

Здесь узнал он и поэзию книжную — кроме природы. Любовь к ней пришла из чтения дворовым человеком в уединенном углу того же парка — Луниным назван в рассказе Тургенев первого своего учителя словесности, милого старика, который на глухой полянке за прудом мог и подзывать зябликов, и декламировать Хераскова. Дружба с Луниным, конечно, — полутайна, все это вдали от гувернанток, приживалок, наперекор всему. Но тем прелестней. И неважно, как в действительности звали его. Важно и хорошо, что поэзия предстала перед мальчиком Тургеневым в облике смиренного энтузиаста, в облике «низком» и одновременно возвышенном, полураба, полуучителя. В парке, в зелени и среди света солнца ощутил он впервые «холод восторга».

Лунин, крепостной человек, самоучка и любитель словесности, читал особенным образом: сперва бормотал вполголоса, «начерно», а потом «пифически» гре-

мел, «не то молитвенно, не то повелительно» — это священнодействие и побеждало. Так прочитали они не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира, но и Хераскова. В зеленой глубине спасского парка и была решена участь мальчика. Как ни презрительно относилась Варвара Петровна к писателям (по ее мнению, сочинять «канты» мог «либо пьяница горький, либо круглый дурак») — у ней самой под боком рос уже такой сочинитель. Безвестный добродушный Лунин тронул в барчуке тайную струну: и уже пропал в нем помещик, начался поэт.

Вернее — в одном существе началась жизнь и другого. Мечтатель, опьяняющийся стихами — вместе с тем и сын Варвары Петровны, барское отродье. Сам страдав от грубости, жестокости окружающего. Но и тотчас подымает тон, как только ему кажется, что низшие недостаточно к нему почтительны. «Мне не поправилось, что он назвал меня барчуком. Что за фамильярность!» «Вы, должно быть, не знаете, произнес я уже не развязно, а надменно: я здешней барыни внук».

* * *

Варвара Петровна считала себя верующей, но к религии относилась странно. Православие для нее какая-то «мужицкая» вера, на нее, а уж особенно на ее служителей смотрела она свысока, вроде как на русскую литературу. Молитвы в Спасском произносились по-французски! Воспитанница читала ежеденевно по главе «Imitation de Jesus Christ» («Подражание Иисусу Христу» (фр.))... Сергей же Николаевич вовсе был далек от всего этого. Жил сам по себе, одиноко и без Бога, но при всей смелости своей был, как нередко именно мужественные и неверующие люди, суеверен: боялся не Бога, не смерти и суда, а домовых. То, как отец ходил за священником, освящавшим поздним вечером углы обширного дома, как колебалось пламя свечи и как жутко это было, маленький Тургенев запомнил. (Священник являлся туг для Сергея Николаевича чем-то вроде колдуна, заклинателя — одна таинственная сила противопоставлялась другой.) Но поэзия быта православного, существовавшая тогда в некоторых семьях, Тургенева, к сожалению, не коснулась. Доброты, светлого уюта в отчем доме он не встретил — как-то с первых шагов оказался одиноким.

Далекий холод и парадность Сергея Николаевича, причудливая кара-мазовщина Варвары Петровны (тяжкое детство, некрасота, властолюбие, раз навсегда обиженность) — из этой смеси родился букет Спасского. Некоторые черты его почти фантастичны. Другие мрачно жестоки.

Хотелось, чтобы все было грандиозно, чтобы походило на «двор». Слуги называются министрами. Дворецкий — министр двора, ему дали даже фамилию тогдашнего шефа жандармов — Бенкендорфа. Мальчишка лет четырнадцати, заведывавший почтой, назывался министром почт, компаньонки и женская прислуга — гофмейстерины, камер-фрейлины и пр. Существовал известный церемониал обращения с барыней: не сразу министр двора мог начинать, например, с ней разговор. Она сама должна была дать знак разрешения.

За почтой посылали ежедневно верхового во Мценск. Но не сразу, не просто можно отдать эти письма. Варвара Петровна всегда отличалась нервностью (падение ножниц приводило ее в такое волнение, что приходилось подавать флакон со спиртом). Министр двора разбирал письма и смотрел, нет ли какого с траурной печатью. Смотря по содержанию почты, дворовый флейтист играл мелодию веселую или печальную, подготовляя барыню к готовящимся впечатлениям.

Постороннему, особенно неименитому лицу ire так легко было и въехать в Спасское. Еще не знаешь, въехав, куда попадешь! Но «двор» знал. Прямо подъезжать к дому, с колокольчиками, мог исправник. А становые отвязывали их за версту, за полторы, чтобы не беспокоить барыню. Уездный лекарь мог подъезжать только ко флигелю.

Все это еще безобидно, хотя и болезненно. Бывало и много хуже. За не гак поданную чашку, за нестертую пыль со столика горничных ссылали па скотный двор или в дальние деревни — на тяжелую работу. За сорванный кем-то тюльпан *в цветнике секли подряд всех садовников. За недостаточно почтительный поклон барыне можно было угодить в солдаты (по тем временам равнялось каторге).

Тургенев—дитя, Тургенев времен Спасского знал уже многое о жизни. Кроме пения птиц в парке да волнующего звона стихов, слышал и вопли с конюшен, и но себе знал, что такое «наказание». Всякие деревенские друзья-сверстники подробно доносили, кому забрили лоб, кого ссылают, кого как драли. Не в оранжерее рос он. И нельзя сказать, чтобы образ правления Варвары Петровны приближал к ней ребенка, в котором жил уже бродильный грибок. Мать растила не только далекого себе сына, но и довольно устойчивого, неукоснительного врага того жизненного склада, которого страстной носительницей была сама.

ЛЕОНИД АФОНИН

«КОГДА ВЫ БУДЕТЕ В СПАССКОМ...»

Вспомните глубоко верное, согретое теплотой патриотизма суждение Александра Твардовского «О родине большой и родине малой»: «У большинства людей, – писал великий поэт, – чувство родины в обширном смысле, – родной страны, Отчизны – дополняется еще чувством родины малой, первоначальной, родины в смысле родных мест, отчих краев, района, города пли деревушки. Эта малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и непритязательной – этой красотой предстает человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой родине, что обнимает все малые и – в великом целом своем – для всех одна.

Для всякого художника, в особенности художника слова, писателя, наличие этой малой, отдельной и личной родины имеет огромное значение...

В творениях подлинных художников мы безошибочно распознаем приметы их малой родины. Они принесли с собой в литературу свои донские, орловско-курские, тульские, приднепровские, волжские и заволжские, степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобычную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка».

Тургеневская «малая родина» – Спасское-Лутовиново. «Милое Спасское», – как не раз называл его Тургенев. Здесь он вырос. Сюда приезжал из своих далеких странствий и скитаний часто, едва ли не каждый год. Тут писалось ему на редкость хорошо.

Теперь в Спасское – вспомнить Тургенева, благоговейно прикоснуться к самым истокам его творчества, пережить ни с чем не сравнимую радость какого-то особого общения с Тургеневым, с самой сокровенной сутью его удивительных книг, которая открывается в этой тихой усадьбе, – приходят тысячи людей.

Совершим сегодня и мы путешествие в тургеневское Спасское, мысленно перелистывая страницы тургеневской биографии, столь нерасторжимо слиянной с этим русским селением, в котором писателю виделись приметы всей России...

В давние времена, еще до «чугунки», чтобы из Мценска попасть в Спасское, надо было спуститься с Висельной горы, проехать три деревни – Верхнюю да Нижнюю Зарощу и Гущино, которыми владел князь Меньшиков. Этим путем обычно возвращался домой Тургенев. Знал он старый Спасский проселок сызмальства и, может быть, как раз о нем рассказывал в «Записках охотника»: «Широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой с красноватым стебельком, которую так охотно щиплют овцы; направо и налево, по длинным скатам пологих холмов тихо зыблется зеленая рожь. В отдаленье темнеют леса, сверкают пруды, желтеют деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поют, падают стремглав, вытянув шейки, торчат на глыбочках; грачи на дороге останавливаются, глядят на вас, приникают к земле, дают проехать и, подпрыгнув раза два, тяжко отлетают в сторону».

Попадались, наверное, навстречу тургеневскому экипажу и обтерханные мужики на захудалых лошаденках. Сдергивая шапки, низко кланялись, почти в пояс. Должно быть, меньшиковские крепостные, которых «светлейший» замучил барщиной...

Опираясь на суковатые посохи, шли богомольцы, сосредоточенные и строгие. Одни – во Мценск, к чудотворцу Николаю, другие – под Курск, в Коренную Пустынь, а то и до самого Киева, чтобы по обету поклониться печерским угодникам. Идти им тысячи верст, питаясь Христовым именем... Нищая, долготерпеливая Русь!

Может, встречалась Ивану Сергеевичу и та матушка-барыня, что любила путешествовать пышно и вольготно

...В кибитке длинной,
Подушками, пуховиком
Набитой доверху; в старинной
Помятой шляпке, с казачком,
С собачкой, с девкой в казакине
Суконном, едет на семи
Крестьянских клячах...

«Когда я подъезжаю к Спасскому, – говорил Тургенев, – меня в каждый приезд охватывает странное волнение, да и не мудрено, я провел здесь лучшие годы своей жизни». Вот знакомые осиновые избушки, колодец с длинным, скрипучим шестом. Распахнутые ворота усадьбы. Въезжая в них, экипаж словно погружается в зеленое безмолвие. Затихшие седые ракиты, березы с ветвями, струящимися до самой земли.

По той же старой Спасской дороге поздней осенью или в зимнюю пору не однажды уезжал Тургенев из отчего дома.

Казалось, нет предела пути, уходящему в снежную даль, нет исхода печали.

Более девяноста лет прошло с тех пор, как Тургенев последний раз побывал в Спасском. Но и сегодня старинный парк, его окрестности и строения усадьбы, в 1921 году объявленной государственным заповедником, столь живо и властно заставляют вспомнить писателя, что порою кажется, вот-вот встретится в аллее медленно идущий сребровласый великан, которому так по душе пришлась эта когда-то «совершенная глушь – тихая, зеленая, печальная». Здесь прошло детство Тургенева. Юношей в зарослях Спасского парка вместе с крепостным грамотеем он упивался стихами старых российских поэтов или вслушивался в крестьянские песни, что вечерами звенели над селом.

О, эти незабываемые весенние вечера в Спасском!

Часто приезжая в родные места в пору зрелости, Иван Сергеевич именно здесь всегда ощущал необычный прилив творческих сил. Подтверждением тому – написанные в Спасском страницы, без которых вряд ли можно себе представить отече-

ственную и мировую литературу: «Рудин», «Фауст», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Новь», «Речь о Пушкине», «Песнь торжествующей любви»...

Трудно перечислить все, что в Спасском связано с памятью о Тургеневе, с его книгами...

«По высочайшему повелению» отсидев месяц в Петербурге в полицейской тюрьме «за ослушание и нарушение цензурных правил», Тургенев 16 мая 1852 года был выпущен «на волю». Через два дня, по тому же «высочайшему повелению», поехал из Петербурга в бессрочную ссылку на родину, под надзор полиции.

В Спасском Тургенев поселился во флигеле, где при Варваре Петровне – матери писателя – обычно жили главноуправляющие усадьбой. Здесь, в «лабиринте небольших и совсем маленьких комнат» было уютнее, спокойнее, чем в большом усадебном доме, к которому Иван Сергеевич после смерти матери все еще не мог привыкнуть. Казался он чужим, необжитым, вызывал тягостные воспоминания.

Поначалу, в летние месяцы Тургенев изгнание переносил легко. «Вдыхаю целой грудью деревенский воздух – читаю Гоголя – и только», – радовался он. Ездил охотиться в Козельск, Жиздру, Епифань, под Карачев. Чувствовал, что в нем «бродят все стихии» нового произведения.

Когда же наступила зима, в тот год необычно ранняя, и сугробами завалило усадьбу, Тургенев, по его признанию, «заперся, как крот в свою нору». Отсюда Тургенев писал: «Второго октября ударил первый мороз, а третьего октября с утра поднялась снеговая вьюга... Всегда тяжел и невесел приход «волшебницы»-зимы, но особенно печально ее появление, когда она нагрянет так рано, как в нынешнем году. Осени не было у нас – осень убила она – осень со всей ее тихой красотой, с ее пышным «увяданьем»... Резко отделяясь на мертвой белизне победоносного снега, свежая, не успевшая еще увянуть зелень берез, и в особенности тополей, кажется какой-то ложью и насмешкой».

Метели тогда в орловских краях разгулялись не на шутку. О них Тургенев писал в Париж:

«Вообразите себе ураган, снежный смерч, который не падает, но несется, кружится, затемняет воздух, хотя сам он и бел, и устилает землю до высоты человеческого роста. Вот такова у нас сейчас погода, дорогая, добрая госпожа Виардо. Вы, европейцы, не можете себе представить, что такое русская метель. К счастью, не очень холодно, а не то сколько бы жертв! Два года тому назад в одной Тульской губернии погибло 900 человек в такую же метель! Но никто не запомнит, чтоб подобная метель случалась в такое время года!.. Я сейчас на мгновение открыл дверь моего балкона. Брр! Какая волна мрачного холода, ледяного ветра и снега...».

Неистовствовала непогода и 28 октября – в день рождения Тургенева, когда, как он сам говорил, ему «стукнуло 34». «Сегодня, – сообщал Иван Сергеевич Некрасову, – здесь такая метель, какой я давно не видывал – какая ярость в этом вихре -этого описать нельзя – кажется, ему хотелось бы сорвать долой все – в воздухе мутная и безумная кутерьма, завыванье – судорожные порывы».

Под оголтелое метание бурана, когда представлялось, что весь свет сорвется со своих устоев, и в душе была тревога. «Трудно современному писателю, особенно русскому, быть покойным – ни извне, ни изнутри ему не веет покоем», – замечает Тургенев.

Когда отбушевали вьюги, непорочно белой стала затихшая усадьба. Мороз высеребрил березы. Заснежило строгую череду чугунно-черных, будто выкованных лип. Вороха драгоценно сверкающего снега на зелено-бархатные лапы подняли двухсотлетние ели.

И словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер налетит,
И в сучьях, спутанных и темных,
Нетерпеливо прошумит...

Пролетит, взвихрит высокие сугробы, и снова наступает очарованное безмолвие, которому не видится ни конца, ни края.

В этой непочатой тишине Тургеневу думалось хорошо. Из парка он приходил сосредоточенным, готовым к творчеству. «Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно», – признавался Иван Сергеевич друзьям.

Полтысячи страниц незавершенного романа «Два поколения», рецензия на книгу Аксакова о ружейной охоте – все это результат той спасской зимы.

А когда заиграли весенние деньки, Иван Сергеевич часами не уходил из своего сада, как он звал парк. Спасско-Лутовиновский парк, словно песня – могучая, тысячеголосая, сложенная по замыслу неведомого нам художника. Кто он – этот человек, что строго и неуклонно прочертил прямые, как полет стрелы, аллеи, образовавшие огромную римскую цифру «XIX»? По чьей задумке породы деревьев подобраны так, что в осеннюю пору их вершины, вспыхнувшие головокружительным разноцветьем, все же воспринимаются как дерзко сочиненная гармония золотых берез, зорево-багряных осин и малахитового бархата елей?

Не дошло до нас имя и звание этого мастера. Не знаем, как звались и те крепостные мужики, что в самом начале девятнадцатого столетия в быль превращали задуманное ради украшения родной земли.

Тяжка была эта работа. Липы выбирали двадцатилетние. Выкапывали осторожно – не поранить бы корня. Комли завертывали рогожей, чтобы с землей доставить их на новое место. Везли липки в Лутовиново аж за тридцать верст. Лошади надрывались...

Так начинался Спасско-Лутовиновский парк, что напоминает тысячеголосый хор. Есть в нем и «песенка» Ивана Сергеевича. Зовется она «аллея ссыльного». Рассказывают, что липы по обочинам этой дорожки посадил Тургенев в годы ссылки. Деревья прижились. Догнали своих собратьев, что были лет на пятьдесят их постарше: Теперь уже не отличишь те липки, что выхаживал Иван Сергеевич, от ровесников девятнадцатого века. Одинаково шумят их кажущиеся недосягаемыми верхушки.

Память народная отметила «аллею ссыльного». Любил ее, наверное, Тургенев. Шел из флигеля мимо больших берез. Любовался ими. «Листья их слегка еще свернуты; они хранят форму своих футляров, тех почек, в которые они были заключены несколько дней тому назад; это им придает праздничный вид совершенно новых платьев, на которых заметны еще все складки материи...». Переходил поперечную аллею. Потом сворачивал вправо – на «свою» тропку, к «своим» деревьям. Приглядывался к ним. Замечал те, что росли буйно. Задумывался, глядя на засыхающие ветви. «Вот дерево, оно засохло, но приветно оно качается со всеми. Так и я, когда умру, то так или иначе буду принимать участие в жизни».

Да, сколько чудесных тургеневских строчек навеял писателю его любимый сад!

Безрадостным выдалось лето 1855 года. Потрескалась от жары земля. Горели хлеба. Падал скот. Началась холера. Погребально вызванивали колокола Спасской церкви. Протяжно голосили бабы над свежими могилами.

Из осажденного Севастополя приходили вести одна тревожнее другой. Чужеземцы радовались неудачам русских войск. «Иностранных газет хоть в руки не бери», – возмущался Тургенев в письме из Спасского.

Жил Иван Сергеевич в те месяцы совершенным затворником. «Теперь у меня все тихо и смирно, как в монастыре», – сообщал он в Петербург.

В деревенском одиночестве вызревал первый увидевший свет тургеневский роман. Сперва автор назвал его «Гениальная натура». Потом пришло другое, окончательное название – «Рудин».

Писал его Тургенев увлеченно, подгоняя себя, торопясь высказать задуманное, точнее зафиксировать наблюдения над жизнью современников, их образы, дела, мысли, споры, – все, чем жила эпоха. Волновали судьбы Родины, пути и перепутья

ее сыновей, что, подобно Дмитрию Рудину, были умны, талантливы, честны; но оказались «лишними», обреченными на скитания и бесприютность.

«Повесть пишу деятельно (уже 66 страниц написано)», -сообщал Тургенев Панаеву 27 июня. «120 страниц уже написано», – уведомлял Иван Сергеевич Некрасова 16 июля. «Рудин» вчерне был закончен за семь недель.

Когда в большом усадебном доме нестерпимо томила. июльская жара, Иван Сергеевич по тропинке, что извивалась между густыми кустами сирени, торопился в любимую беседку.

Было тут прохладно и тихо, как на дне заброшенного колодца. Высокие липы плотно окружали простой, прочно вкопанный в землю стол. За ним Тургенев, по его признанию, «трудился так, как ни разу еще в жизни не трудился».

«Беседкой Рудина» издавна прозвано это поистине священное место, где рождался знаменитый роман... Мягко стелется по земле шелковый шум древних лип, видевших писательский подвиг Тургенева. Высоко взметнули они вершины – кажется, в поднебесье. В самое небо над Россией. Может быть, вглядываясь в эту навеки родную синеву, обдумывал Тургенев обжигающие сердце строчки: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится».

Когда вы ходите по спасским аллеям, вспомните, что до вас здесь проходили Лев Толстой, Жуковский, Фет, Щепкин, Некрасов, Григорович, Иван Аксаков, Полонский, Гаршин, Гиляровский... Пребывание каждого из них в гостеприимной тургеневской усадьбе – ярчайшая страница летописи Спасского.

Особою славою прославлен тургеневский дуб в Спасском-Лутовииове.

Может быть, было так...

Отправляясь надолго учиться в чужие края, юноша Тургенев прощался с милым Спасским. И чтобы память по себе оставить, принес из ближнего леса облюбованный дубок и посадил его в парке, на поляне, что невдалеке от центральной аллеи.

А возможно, еще раньше и по-иному оказался в заповедной усадьбе этот нынешний великан, своей густолиственной, звенящей кроной вознесшийся чуть ли не на полсотни метров. И тремя обхватами теперь не измерить его литой, гранитной твердости ствол.

Дуб этот с давних пор зовут тургеневским, уверяют, что он посажен самим Иваном Сергеевичем. Тургенев же этого прямо не утверждал. Но дерево это среди других отмечал, любил, прославлял.

В «Фаусте» – повести глубоко личной, в родовом гнезде возникшей, сказано взволнованно: «Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный, мягкий; даже в тень проникал он... а что слышалось птиц!»

Рос тургеневский любимец неторопливо. Порою даже казалось, что отстает он от богатырей, его окружавших. Всеволод Гаршин, гостивший в усадьбе в июле 1882 года, писал из Спасского: «Очень уж хорошо здесь шататься по парку, купаться, ездить верхом. Лето отличное: ни жарко, ни холодно. И ходишь большую часть дня под огромными липами; а какие здесь есть деревья! По сто и двести лет. Дуб, посаженный собственными руками Ивана Сергеевича пятьдесят лет тому назад, совсем мальчик перед ними».

Уже и тогда, однако, перед этим красавцем невольно и трепетно останавливались.

А в сознании самого Тургенева входившее в рост дерево сливалось с образом родины, возникало символом ее великой, нерастраченной силы. Недаром смертельно больной писатель, посылая последний привет родному краю, про-

сил Полонского: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу – родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

Сколько бурь пронеслось над Россией с тех пор, когда одиноко и тяжко умиравший Тургенев хладеющей рукой выводил эти необыкновенные, пронзительные строки! Но по-прежнему, как тогда, девять с лишним десятилетий назад, несгибаемо, неколебимо стоит тургеневский дуб – величественный и могучий. Взглянешь на его непомерной силы мускулистые ветви, – и кажется, что на них, как на плечах Атланта, держится свод небесный.

В шрамах легендарное дерево – от морозов и злых ветров, а еще больше от кусков чужеземного металла, что без жалости впивались в его живучую плоть, когда на земле Тургенева шла война.

Полтора столетия ему нипочем – с годами лишь сильнее, величественнее становится гордый, непреклонный богатырь.

Рядом с ним рождается чувство, подобное тому, что вызывала песня тургеневского певца, которая хватала «за сердце, хватала прямо за его русские струны».

Было время, когда тургеневское село часто упоминалось и в оперативных сводках воинских штабов. В конце октября 1941 года оставленное нашими войсками под натиском превосходящих сил противника, Спасское-Лутовиново было освобождено в канун нового, 1942 года 91-й кавалерийской дивизией при содействии частей 356-й стрелковой дивизии. Однако фашистам вскоре снова удалось захватить Спасское. И снова за него разгорелись ожесточенные бои. Вечером 16 января 1942 года в Спасское вошли солдаты 409-го полка 137-й стрелковой дивизии, которые потом несколько месяцев стойко обороняли знаменитое селение и тургеневскую усадьбу от гитлеровских захватчиков.

Есть в Спасско-Лутовиновском парке, неподалеку от тургеневского дуба заветное место, где погребены те, кто, может быть, незадолго до Отечественной войны, прочитав «Бежин луг», писал в школьных тетрадках: «Очень понравилось». И вот пришлось им в жарких боях отвоевывать у фашистов знакомый по хрестоматии Бежин луг, освобождать землю, исхоженную Тургеневым. Ценою жизни своей сохранили они для грядущих поколений нетленную красоту русскую. Вот их имена: лейтенант Василий Васильев, старший сержант Иван Остапченко, рядовой Егор Парахин, лейтенант Михаил Крамской... Когда будете в Спасском, поклонитесь их могилам...

Тургенева не назовешь домоседом. Почти любой год его жизни означен переменой мест.

Двадцать два года Тургеневу – студенту Берлинского университета. Из Петербурга едет он в Вену. Потом живет в Риме. За тринадцать дней успевает побывать в Ливорно, Пизе, Генуе, проехать все Королевство Сардинское, увидеть озеро Лаго-Маджори и перевал Сен-Готард. Через Мангейм, Майнц, Франкфурт, Лейпциг попадает в Берлин. Отсюда спешит в Мариенбад, потом в Дрезден...

Год 1858-й. Тургенев – в Риме, Неаполе, Флоренции, Генуе, Милане, Триесте, Вене, Дрездене, Париже, Лондоне... Снова Париж. Потом Петербург, Москва, Спасское, Тула, опять Спасское, Орел, Спасское, Москва, Петербург.

В 1881-м году уже недомогавший Тургенев из Парижа приезжал в Петербург, был в Москве, жил в Спасском, гостил в Орле и Ясной Поляне. Возвращаясь во Францию, останавливался в Берлине. Из Буживаля съездил в Лондон. Проехал по Шотландии.

Годы 1840-й, 1858-й, 1881-й взяты произвольно, наугад. Их можно заменить другими. Увидим то же: мелькание столиц, крупнейших городов и местечек, совсем не заметных, не на всякой карте значащихся.

Всегда в путешествиях, поездках, вечно в дороге был Тургенев – этот, пожалуй, самый непоседливый из русских писателей – его современников.

Однако среди сотен наименований тех мест, где за свою сравнительно недолгую жизнь побывал Иван Сергеевич, одно встречается чаще других – Спасское.

И Тургенева, который в Европу ездил как к себе домой и за границей прожил не один десяток лет, без Спасского трудно себе представить – так же, как Льва Толстого без Ясной Поляны, а Пушкина – без Михайловского. Где бы ни проводил Иван Сергеевич осень и зиму, – едва наступала весна, он рвался «в возлюбленный Мценский уезд». В том признавался друзьям: «Егорьев день, соловьи, запах соломы и березовых почек, солнце и лужи по дорогам – вот чего жаждет моя душа».

В поэтическом фрагменте, который носит заглавие «Из поэмы, преданной сожжению», Тургенев с необычайным волнением пишет о герое, стремящемся побывать в родном краю, не оставляя при этом у нас сомнений, что это о себе, о своих чувствах говорит писатель. Не случайно, разумеется, эти стихотворные строчки он предпослал как эпиграф к завершающему «Записки охотника» очерку «Лес и степь».

В родное гнездо Иван Сергеевич приезжал на лето не отдыхать – работать, без устали, с полным напряжением ума и сердца. «Пишется хорошо, только живя в русской деревне, – говорил Тургенев. – Там и воздух-то как будто «полон мыслей»!.. Мысли напрашиваются сами». Писателю донельзя нужен был благодатный воздух Родины, встречи с народным бытом, с родною природой. Нужно было слышать речь русскую. Без этого не могло быть творчества.

И хотелось бы, кстати говоря, чтобы в Спасско-Лу-товиновской усадьбе в память о Тургеневе всегда и неизменно берегли тургеневскую тишину, в которой отчетливо слышны лишь трепетанье листвы да птичьи хоры, чтобы было здесь поменьше суетности, шумихи, всяких «мероприятий», что противопоказаны заповедному месту этому.

Спасское и многие селения, перелески, урочища, поляны, что вокруг него, вошли в тургеневские книги под своими именами, а порою и безымянно.

«Верхом» называется в Орловской губернии овраг», – напоминал Тургенев. Неподалеку от Спасской усадьбы есть Кобылий Верх. Место и по сию пору глухое. Во времена Бирюка оно было еще мрачнее. Тут-то в непогоду какой-то, замордованный мужичонка и решился свалить дерево. Удары топора услышал угрюмый лесник:

«– А в лесу шалят... У Кобыльего Верху дерево рубят...»

Где-то у оврага Бирюк и настиг порубщика...

Подняться к березовой рощице у проселка – и опять место покажется уже однажды увиденным. Где? Не в тургеневском ли «Свидании»? «Березы стоят все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца». Не здесь ли Тургенев стал невольным свидетелем того, как выхоленный и наглый лакей измывался над полюбившей его крестьянской девушкой?

Поблизости от этого белоствольного леска полянка тоже, кажется «из Тургенева». Такова вся округа Спасская – словно распахнутые «Записки охотника»: Голоплеки, Колтовка, Чаплыгино, Бежин луг, Парахинские кусты... Все места, исхоженные Иваном Сергеевичем, и через него ставшие близкими каждому русскому сердцу.

Не кончается «тургеневское» и далеко за пределами Спасской усадьбы, вплоть до земель Тульских, Брянских, Калужских, Курских...

«На тысячу вёрст кругом Россия – родной край»...

Содержание

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

Орёл – третья литературная столица 5

Классики

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

После бала 8

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

Льгов 14

НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ

Праведники 20

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ

Лирика 22

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ

Стихи 26

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АНДРЕЕВ

Баргамот и Гараська 28

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ БЛОК 34

ГАЛИНА БОРИСОВНА КУРЛЯНДСКАЯ

Этико-эстетическое значение пейзажа (глава из книги «Эстетический мир И.С. Тургенева») 34

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ АФОНИН

Леонид Андреев в Орле 37

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БЛОК 46

Очерки. Краеведение

ЗОЯ ТАРАБРИНА

Здесь состоялась судьба 46

Тени прошлого в Орле 49

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН

Судьба 54

МАРИНА КАРЛОВА

Голубая дорога летчика-поэта Григория Карлова 61

ВАЛЕНТИНА КОЛАБЕНКОВА

Город боевой славы 65

АЛЕКСАНДР ЖИЛЯЕВ

Шаги в бессмертие. О нашем Музее боевой славы 69

ЮРИЙ ЧЕРКАСОВ

Моя дорога к храму 73

Драматургия

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Крепость на Оке 77

ЛЮДМИЛА ИВАНОВА
Тургенев – защитник каленских крестьян 81

Поэзия

ВАЛЕНТИНА КУЗЬМИНА
Я с Тургеневской улицы 86

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Деревенский скрипач 86

ВАЛЕНТИН ВАСИЧКИН
Стихи о любви 90

ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН, г. Тула
Русские люди 96

АЛЕКСЕЙ ШИТИКОВ, г. Курск
Соловьиная песнь 101

ВИКТОР САДОВСКИЙ
Шуруп 106

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА
«Здесь Россия – медуница…» 113

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ, г. Сочи
Пейзажная лирика 120

М. БИМ (БОРЗЁНКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ)
Экспромты 127

ДМИТРИЙ ПОРУШКЕВИЧ
Моим друзьям 131

ЛЕОНИД АГИБАЛОВ
Приобретения 134

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ
«Учитель» 141

АНДРЕЙ ШЕНДАКОВ
Стихотворения разных лет 144

РУДОЛЬФ КОТЛЕР
От стиха до стиха 149

ЕЛЕНА ПИМКИНА
Нас любят 150

ИГОРЬ ЛУКИН, сельский учитель
Стихи 153

Проза

ЛЕОНАРД ЗОЛОТАРЁВ
Улыбка Моны Лизы **155**

ВАЛЕРИЙ АНИШКИН
«Нищая» Паша 159

ВАЛЕРИЙ ПРОТАСОВ
Чудо рождения **164**
Начало дня **165**
Видение запорожца **166**

МИХАИЛ ТУРБИН
Вразумительный удар **167**

АНДРЕЙ ФРОЛОВ
Родное **175**

ТАТЬЯНА ГРИБАНОВА
Бывает же!.. ..... **179**

ЗЛАТА ФОССЕМАНЬ, г. Лион, Франция
Волшебная метла (Бабушкина сказка) **184**
Le conte de ma grand-mere **186**

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВА, г.Кирхшлаг, Австрия
Ностальгические заметки **189**

ГЕННАДИЙ МАЙОРОВ
Георгиевский крест **191**

ГЕННАДИЙ ВЕРКЕЕНКО
Ночной дуэт **195**

ГАЛИНА МАМЫКО, г. Симферополь, Крым
Трудная исповедь **199**

Письма из Италии

ВАЛЕНТИНА ПОРСЕДДА, г. Сан-Вито. Сардиния
Путешествие по Волге из Москвы в Казань на теплоходе «Александр Свирский» 13-22 июля 2016 года **205**

ГИ ПОРСЕДДА, г. Сан-Вито. Сардиния *216*
«Из Москвы-реки по Волге». Круиз с 13 по 22 июля 2016 ..... **216**

Для детей

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА, ЕЛЕНА МАШУКОВА
Из сказочной повести «Приключения Ромашки, или Тайна деревянной лошадки» **228**

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ
В первый месяц – на колесе обозрения **232**

АНДРЕЙ ФРОЛОВ
Мы играем в догонялки **239**

ВАЛЕНТИНА КОРНЕВА 244
Свежие краски **244**

Рецензии. Мнения. Замечания

ВЯЧЕСЛАВ ЛЮТЫЙ, г. Воронеж 247
Поющая птица **247**
Без корысти и пошлости **249**

ИГОРЬ ЗОЛОТАРЁВ
Ирреальный мир И.С. Тургенева и П. Мериме (На примере «Клары Милич (После смерти)» и «Венеры Илльской») **251**
Стихия словесная **255**

МИХАИЛ ТУРБИН
Краткий читательский взгляд на книги **260**

ВИКТОР СИНИЦЫН
Нечерноземье и литература **264**

Юбиляры

ЗОЯ ФЕДОТОВНА ТАРАБРИНА
Память – мой властелин **268**

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ САДОВСКИЙ
По дороге к Лукоморью (Пушкин на Кубани) **272**

Память о них жива

БОРИС ЗАЙЦЕВ
Колыбель **279**

ЛЕОНИД АФОНИН
«Когда вы будете в Спасском...» **284**

Мы – народ юный и сильный,
который верит и имеет право верить
в своё будущее.

И.С. Тургенев

Когда вы будете в Спасском,
поклонитесь от меня дому, саду,
моему молодому дубу,
родине поклонитесь.

И.С. Тургенев

РУССКОЕ ПОЛЕ

**РОССИЙСКИЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№5

Корректура Леонарда Золотарёва

Подписано в печать 7.12.2016 г.
Формат 84х108 1/16. Усл. п. л. 19,5.
Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Новое время»
ул. Итальянская, 23